ИМПЕРАТОРСКІЙ ПЕТРОГРАДСКІЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ГЕОГРАФІЯ.

ЛЕКЦІИ,

читанныя проф. С. М. Середонинымъ
въ Императорскомъ Петроградскомъ Археологическомъ Институтѣ.

Посмертное изданіе.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1916.

ИМПЕРАТОРСКІЙ ПЕТРОГРАДСКІЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ.

ЛЕКЦІИ,

читанныя проф. С. М. Середонинымъ
въ Императорскомъ Петроградскомъ Археологическомъ Институтѣ.

Посмертное изданіе.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1916.

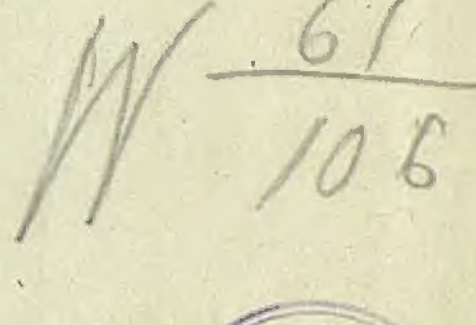
Напечатано по распоряженію Директора Императорскаго Петроградскаго Археологическаго Института.

Директоръ Института проф. *Н. Покровскій*.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ.

Лекціи проф. С. М. СЕРЕДОНИНА.

КАРТА X в.

По Константину Багрянородному и Начальной лѣтописи.

Историческая Географія; ея опредѣленіе, содержаніе и мѣсто среди другихъ наукъ.

Предметъ исторической географіи—изученіе взаимныхъ отношеній природы и человѣка въ прошедшемъ. Какъ измѣнилъ человѣкъ природу, съ одной стороны, какъ повліяла она на физическую и духовную организацію, съ другой стороны,—вотъ вопросы, на которые должна бы отвѣтить историческая географія. Будемъ вѣрить, что современемъ наука наша и дастъ удовлетворительный отвѣтъ на поставленные вопросы. Въ настоящее время, при современномъ уровнѣ знанія, предметъ исторической географіи опредѣляется значительно уже.

Историческая географія и тѣсно съ нею связанная историческая этнографія (этнологія) имѣютъ своимъ предметомъ главнѣйше опредѣленіе территоріи, занятой тѣмъ или другимъ народомъ. Русская историческая географія изучаетъ, такимъ образомъ, прежде всего распредѣленіе славянскихъ племенъ по восточно-европейской равнинѣ, затѣмъ образованіе русскаго народа, дальнѣйшее колонизаціонное движеніе его, распаденіе на отдѣльныя вѣтви. Она опредѣляетъ границы Русскаго государства въ разныя эпохи его существованія (Русь IX в., X в., XI в. и сл.), также границы составныхъ частей государства (земель, волостей, княженій, губерній, уѣздовъ); указываетъ мѣстоположеніе пунктовъ, замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи и упоминаемыхъ въ источникахъ, а равно и направленіе путей (колонизаціонныхъ, торгово-промышленныхъ и военныхъ). Наконецъ, она изучаетъ народности, съ которыми приходилось сталкиваться русскому племени въ его уже долгой исторической жизни (финны, тюрки, литва и др.), причемъ, конечно, историческая географія, подробнѣе должна останавливаться на народностяхъ, не имѣвшихъ

своей исторіи (печенѣги, половцы, весь, мордва, югра, а не шведы, германцы, греки, поляки). Изучаетъ, далѣе, историческая географія климатическія и географическія условія, въ которыхъ жилъ русскій народъ.

Источники исторической географіи:

Данныя и свидѣтельства письменныхъ историческихъ источниковъ (лѣтописей, сказаній, житій, извѣстій иностранцевъ, актовъ и т. п.). Въ нихъ заключается то, что должно быть опредѣлено. Сопоставленіе данныхъ одного или нѣсколькихъ источниковъ часто разрѣшаетъ встрѣтившіяся затрудненія и искомая мѣстность (городъ, рѣка, озеро) безъ труда пріурочивается къ современной картѣ не только, напр., Днѣпръ, Кіевъ, Москва, но и Роменъ, Лубенъ, Бѣлгородъ-Кіевскій.

Карта. Направленіе горныхъ хребтовъ, рѣкъ, очертаніе морскихъ береговъ, рельефъ страны, распредѣленіе лѣсовъ и степей (поля) въ древнее время въ значительной степени предопредѣляютъ разселеніе народа, условія его общественности, занятія и воззрѣнія. Поселенія русскаго народа на Днѣпрѣ и Днѣстрѣ связывали Русь съ Византіей, Польшей и Италіей; на Волховѣ и Ильменскомъ озерѣ—съ Скандинавіею и Германіею; на Волгѣ — съ восточными народами. Иныя условія общественности на Днѣпрѣ, иныя—въ бассейнѣ верхней и средней Волги.

Языкъ земли, т. е. названія урочищъ, рѣкъ, озеръ, горъ и населенныхъ мѣстъ. Важнѣйшій источникъ для географіи и этнографіи древняго времени: названія и имена живутъ долго, иногда нѣсколько тысячелѣтій, сохраняя память о народѣ, давшемъ ихъ. Ра—Эдиль—Волга, первое и послѣднее имена финскія, среднее—татарское; Борисоенъ—Днѣпръ, первое скиоское или даже доскиоское, второе—сарматское (осетинское), Истръ (оракійское)—Дунай, передѣланное славянами изъ нѣмецкаго Donau, въ свою очередь взятое германцами изъ кельтскаго Danuvius; безчисленныя имена рѣкъ, кончающіяся на ма, ва, са, за, га, на (Москва, Сыльва, Нива, Кама, Клязьма, Яхрома, Руза, Шоша, Пинега, Сухона)—финскія. Упа, Усса, Уша, Рова, Надва—литовскія, Горынь, Случь, Быстрицы, Путны, Черныя, Стрый, Ольховка, Кромы—славянскія. Къ даннымъ языка слѣдуетъ относиться съ извѣстною осторожностью. Во первыхъ, нерѣдко мы имѣемъ случайныя совпаденія именъ. Рѣки

съ именемъ «Сула» впадаютъ: въ Днѣпръ (съ лѣвой стороны, въ предѣлахъ Полтавской губ.), въ Нѣманъ и Печору. Въ бассейнѣ Нѣмана жили и живутъ литовцы, изъ языка которыхъ имя это объясняется весьма удовлетворительно; слѣдуетъ ли отсюда, что Сула Днѣпровская и Печерская получили свое имя отъ литовцевъ? Конечно, нѣтъ. Во вторыхъ, и главное тайна многихъ народныхъ названій остается до сихъ поръ (да и навсегда останется) нераскрытой. Самъ ли народъ далъ имя рѣкѣ, родственные ли или чужіе сосѣди окрестили ее? Иногда имя рѣки или урочища есть переводъ иноземнаго названія, напр., многочисленныя Черныя рѣчки на сѣверѣ Россіи, озера «глубокія», «узкія», «щучьи» и др.; нерѣдки осмысленія чужого слова, близкаго по звукамъ къ своему (р. Пана, Сестра, Бесѣда, Чудеса, Югъ — могутъ быть приняты за славянскія, а на самомъ дѣлѣ—финскія). Почему въ однихъ случаяхъ народъ передѣлаетъ имя, въ другихъ переведетъ, въ третьихъ сохранитъ иноземное—на это отвѣта не можетъ быть дано.

Данныя географической номенклатуры могутъ быть раздѣлены на два отдѣла; въ первый войдутъ названія рѣкъ, озеръ, урочищъ, горъ; во второй—населенныхъ пунктовъ. Названія перваго отдѣла гораздо важнѣе для исторической географіи, въ общемъ они держатся прочнѣе, напр., названія очень многихъ рѣкъ до-историческаго происхожденія. Въ большинствѣ случаевъ славяне, разселявшіеся по нашей равнинѣ, узнавали имена рѣкъ отъ своихъ предшественниковъ. Такъ изъ крупныхъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море, ни одна не имѣетъ славянскаго имени (Дунай—кельтское, Днѣстръ—осетинское, Днѣпръ—также, Бугъ—Богъ—тоже иранское, Кубань и Донъ—также). Изъ большихъ рѣкъ Балтійскаго моря только одна Висла славянскаго, вѣроятно, происхожденія, а Прегель, Нѣманъ, Виндава, Двина, Пернава, Нева, даже Сестра—инородческаго. Тоже приходится сказать о двухъ большихъ рѣкахъ Каспійскаго бассейна Яикъ — Уралъ и Волга, кормилица русскаго народа; наконецъ, бассейнъ Сѣвернаго океана и Бѣлаго моря должно назвать сплошь инородческимъ. Напротивъ того, много притоковъ главныхъ рѣкъ носятъ славянскія имена. Слѣдовательно, въ названіяхъ рѣкъ и озеръ инородцы, проживавшіе въ Россіи до прихода славянъ, оставили ясные слѣды своего пребыванія.

Изучать эти названія не легко: они не собраны, почему и при-

ходится обращаться къ подробнымъ картамъ (10 верст. или конечно, лучше 3 верст. въ дюймѣ).

Названія населенныхъ мѣстъ (для многихъ губерній Россіи они собраны въ извѣстномъ изданіи «Списки населенныхъ мѣстъ Росс. Имперіи») менѣе устойчивы: масса поселеній исчезаетъ совсѣмъ, а главное, они гораздо чаще получаютъ новыя названія. Въ названіяхъ населенныхъ мѣстъ различаемъ: 1) Авдѣевки, Авсѣенковы, Андреевки, Быковки, Безбородковы, Давидковки, Демьяновы, Коноваловки, Маевскіе, Маіоровки, Лизогубовки, Лазаревки, Лазаревы — т. е. производныя отъ всевозможныхъ именъ собственныхъ и фамилій. Названія эти позднѣйшія и для исторической географіи древнѣйшаго времени не имѣютъ почти никакой цѣны. 2) Не очень большой цѣны и многочисленнѣйшія названія по праздникамъ: села, погосты, деревеньки: Архангельское, Богородицкій, Рождественскій, Егорьевскій, Егорій, Никольскій, Троицкій, Спасскіе, Софійскіе—вся эта категорія названій въ лучшемъ случаѣ указываетъ уже на позднѣйшія эпохи колонизаціи послѣ утвержденія и распространенія христіанства. 3) Третьюка тегорію составляютъ названія, происходящія отъ именъ царствъ растительнаго или животнаго, безчисленныя тоже: Береза, Березка, Березки, Березонка, Березна, Березовая, Березы, Дубовки, Дубы, Дубны, Дубровки, Ольховки, Осиновки, Орѣховки, Ивино, Ракитины, Липяги, Липовки; безусловно называть селеніе по окружающей растительности въ характерѣ нашего народа, какъ и многихъ другихъ. Названія эти даны русскимъ народомъ, но опять-таки не легко установить, въ какую эпоху они даны. Они вмѣстѣ съ другими категоріями служатъ доказательствомъ рѣшительнаго преобладанія русскаго населенія. Совершенно тоже приходится сказать о названіяхъ, заимствованныхъ изъ животнаго царства: Барсукъ, Барсуки, Волки, Медвѣди, Медвѣдки и пр. 4) Въ четвертую категорію входятъ также многочисленныя славянскія названія по характеру мѣстности: Горы, Горки, Холмъ, Клинъ, Озеро, Островъ, Озерки, Камень, Ключи, Лазы, Лугъ, Логъ, Луки, Ляды, Поляны, Заболотье, Зарѣчье, Замостье, Залѣсье, Заборье, Заполье; Устье, Руслецъ, Пасѣка. 5) Пятую, болѣе интересную, составляютъ названія селеній по виду ихъ: село, сельцо, деревня, острогъ, городокъ, городище, городня, городень, городянка, ворота, рубежъ, сусѣки, осада, волокъ, волоки,

тверди; особенный интересъ имѣютъ названія отъ «городъ»; не безъ основанія можно думать, что въ этихъ мѣстахъ нѣкогда бывали города и городки; рубежи и ворота указываютъ на древнія границы; волоки—на направленіе путей сообщенія. 6) Въ шестую группу включаемъ названія селеній, происходящія отъ состава населенія, рода занятій, и національности. Нерѣдки названія: козары, печенѣги, волохи, поляки, калмыкъ, кривецъ, голяди, пруси, чудской конецъ, холопы, смерды, смердина, атаманы, гончары, кузнецы. Такія имена, а равно и тѣ, гдѣ есть прилагательныя—русскій, мещерскій, чудскій — безусловно очень важны въ историко-географическомъ отношенія; само собой, далеко не всегда они служатъ доказательствомъ, что указанная народность преобладала въ данномъ краѣ; скорѣе, напротивъ, селенія «козары, печенѣги» и т. п. встрѣчаются въ мѣстахъ, гдѣ среди русскаго населенія водворены были взятые въ плѣнъ или бѣжавшіе въ Русь козары или печенѣги, позже татары или литва, корелы. Но и эти факты интересны, а тѣ области, въ которыхъ подобнаго рода названій много, безусловно были заселены этими инородцами.

Седьмую группу образуютъ названія населенныхъ пунктовъ не славянскаго происхожденія: сколько-нибудь значительное число ихъ служитъ яснымъ доказательствомъ инородческаго населенія; они въ литературѣ научной менѣе разработаны, чѣмъ имена рѣкъ и озеръ; напр.; въ Черниговской губ.: Ардонъ, Ардонь, Аспка, Бопижей, Бохапы, Гуты, Долбяжи, Жеча, Ирпа, Корпо, Куссы.

Названія и имена не только указываютъ на то, какія племена и народы жили нѣкогда въ данной мѣстности, но позволяютъ иногда опредѣлить, въ какую приблизительно эпоху славяне заимствовали данное имя отъ инородцевъ (Дунай изъ Donau, имя Серегѣрь—Селигеръ образовалось тогда, когда русскій языкъ утратилъ уже смягченіе *г* въ *з* или въ *ж*); вмѣстѣ съ тѣмъ названія и имена нерѣдко повторяются въ разныхъ мѣстахъ теперешней Россіи, объясняя иногда движеніе того или другого племени. Въ Россіи было три Переяславля (Русскій, нынѣ уѣздный городъ Полтавской губ.; второй, нынѣ губ. гор. Рязань и третій Переяславль Залѣсскій, уѣздный городъ Владимірской губерніи) и всѣ трое стоятъ на рѣчкахъ—Трубежахъ; есть Березина Днѣпровская, есть Березина Нѣманская, также и двѣ р. Свислочи; русскіе, которые сначала заняли

долину Березины Днѣпровской, затѣмъ, перебравшись въ бассейнъ Нѣмана, назвали два Нѣманскихъ притока родными именами.

Опредѣленіе названій, т. е. опредѣленіе того, какому языку они принадлежатъ, должно быть дѣлаемо съ большою осторожностью. Съ перваго взгляда такое опредѣленіе представляется довольно легкимъ, а потому чрезвычайно соблазнительнымъ. Положеніе, что «земля есть книга, гдѣ исторія человѣческая записывается въ географической номенклатурѣ», высказанное Н. И. Надеждинымъ, сознавалось всегда. Языкъ, лучше всякихъ другихъ данныхъ, вводитъ насъ вглубь вѣковъ. Но опредѣлить, какому языку принадлежатъ старыя географическія названія, напр., Днѣпръ, Дунай, Истръ, Висла, Карпаты, Двина, Сухона, Югъ, Волга, Березина, совсѣмъ не такъ легко, какъ кажется съ перваго взгляда. Первые писатели русской исторіи въ XVII—XVIII в. оставили намъ много примѣровъ совершенно произвольнаго словопроизводства и такихъ же выводовъ, основанныхъ на своихъ этимологическихъ соображеніяхъ. Скиоы, напр., легко оказывались то калмыками, то татарами, то финнами. Имя «Кіевъ» производилось то отъ персидскаго Кса, то изъ мадьярскаго или хазарскаго языковъ. И ближе къ нашему времени имена Дуная, Днѣпра, Днѣстра, Прута, Карпатъ, Двины считались, несомнѣнно, славянскими; даже въ настоящее время можно встрѣтиться иногда съ диллетанскими словопроизводствами въ трудахъ весьма почтенныхъ. Почва, на которой въ данномъ случаѣ стоитъ историкъ, чрезвычайно зыбкая: часто не имѣя право самъ пускаться въ филологическія изысканія, онъ осторожно долженъ относиться и къ результатамъ работъ, признанныхъ авторитетовъ въ области языкознанія. Развѣ многіе изъ нихъ не вымучиваютъ изъ слова желанный смыслъ этимологическою пыткою? Развѣ, напр. «Волга», не объявлялась то словомъ тюркскимъ, родственнымъ слову «болгары», то финскимъ, то славянскимъ? Или «Висла» была именемъ славянскимъ, и кельтскимъ, и германскимъ, и литовскимъ, и летто-славянскимъ.

Наука языкознанія развивается быстро и охватываетъ все большее число языковъ, нарѣчій, поднарѣчій и говоровъ, въ зависимости отъ этого, отчасти, и мѣняются выводы.

Много даетъ языкъ земли, не меньше языкъ, говоръ теперешняго населенія, ибо языкъ одинъ изъ самыхъ устойчивыхъ признаковъ народности. Не только главныя поднарѣчія русскаго языка—

велико-мало-бѣлорусскія, но и говоры поднарѣчій этихъ (напр., окающіе, акающіе, цокающіе, дзяканья) служатъ большимъ подспорьемъ при рѣшеніи труднѣйшихъ вопросовъ колонизаціи и взаимныхъ отношеній древнихъ племенъ восточныхъ славянъ (гдѣ была напр. новгородская колонизація, тамъ должно встрѣтить и теперь оканье и цоканье; вліяніе польскаго языка сказывается въ твердомъ произношеніи буквы *р* и въ дзеканьѣ). Слова сосѣднихъ народовъ обыкновенно проникаютъ въ русскій словарь. Если, слѣдовательно, въ одной губерніи мы имѣемъ разные говоры, то должны выяснить происхожденіе этого явленія,—объясняется ли оно переселеніями на памяти исторіи, напр., поселенія кареловъ послѣ Столбовскаго мира 1617 г., поселенія татаръ въ Касимовскомъ и Романовскомъ уѣздахъ, черкасовъ-малороссовъ въ XVII ст., многочисленныя невольныя переселенія бѣлоруссовъ крестьянъ во внутреннія губерніи, или мы должны допустить движенія болѣе глубокія, и въ древней нашей исторіи много было такихъ же вольныхъ и невольныхъ частныхъ переселеній и вселеній, такъ какъ рѣдкій походъ князей обходился безъ того, чтобы они не привели съ собою плѣнниковъ; московскіе государи также нерѣдко производили переселенія (вятчане, новгородцы при Иванѣ III). Однимъ словомъ, изученіе говоровъ, нанесеніе ихъ на карту во многихъ случаяхъ облегчаетъ задачи исторической географіи; изъ многочисленныхъ трудовъ по діалектологіи особенное значеніе для истор. географіи имѣютъ труды надъ современными говорами въ связи съ исторіей русскаго языка (Соболевскій, Шахматовъ, Будде, Карскій и др.).

Въ не менѣе тѣсной связи стоитъ историч. географія съ археологіей. Значительныя находки, монеты, клады, погребенія, развалины зданій, укрѣпленій—все это служитъ доказательствомъ существованія въ данномъ мѣстѣ поселенія. Впервые, напр., Москву, какъ поселеніе мы встрѣчаемъ въ лѣтописи лишь подъ 1147 г., между тѣмъ какъ въ самой Москвѣ найдены монеты арабскія 862 г., а въ окрестностяхъ ея обнаружены весьма древнія погребенія; т. е. поселеніе на мѣстѣ Москвы-города значительно предшествовало 1147 г.; лучшее доказательство правильности опредѣленія искомаго пункта есть нахожденіе въ соотвѣтственномъ мѣстѣ вещественныхъ памятниковъ (Херсонесъ, Ольвія, Болгары, Тмутаракань), и напротивъ, отсутствіе въ предполагаемыхъ пунктахъ характерныхъ разва-

линъ или погребеній не даетъ увѣренности въ правильности вывода (Саркелъ, Итиль, Торческъ, Родня); все продолжающіеся споры о томъ, гдѣ была битва на Сити (1237 г.) или на Калкѣ (1224 г.) были бы разрѣшены, если бы найдены были вещественныя доказательства (черепа, костяки). Встрѣчающіяся въ извѣстномъ направленіи клады монетъ (римскихъ, арабскихъ, англо-саксонскихъ) дали возможность опредѣлить древнѣйшіе торговые пути (отъ сѣвернаго берега Чернаго моря къ южному Балтійскаго—янтарная дорога, отъ Балтійскаго моря въ Камскую Болгарію). По археологія опредѣляетъ время и національность погребеній; еще гр. Уваровъ старался установить типъ мерянскаго погребенія; въ настоящее время мы имѣемъ нѣсколько попытокъ группировки погребеній по народностямъ (работы Антоновича, Завитневича, Сизова, Самоквасова и особенно въ послѣднее время Спицына); но, конечно, развѣ въ будущемъ можно ожидать болѣе правильной и точной постановки этого важнаго вопроса.

Развитіе науки исторической географіи.

Вопросы, которые рѣшаетъ въ настоящее время историческая географія, пытались еще рѣшить первые по времени русскіе историки-писатели XVIII в.: Татищевъ, Ломоносовъ, Щербатовъ, Болтинъ, и они сознавали, что языкъ—лучшій руководитель въ вопросахъ этого рода, но имъ не хватало знаній въ языковѣдѣніи, имъ приходилось довольствоваться догадками, случайными созвучіями и т. п., такъ по Татищеву скиѳы или калмыки или татары, сарматы—финны.

Напротивъ того, Ломоносовъ потомками скиѳовъ считалъ финновъ; кн. Щербатовъ имя «Кіевъ» производилъ отъ персидскаго Кеа, «Хоривъ»—отъ арабскаго слова; тѣ же имена Болтинъ производилъ изъ венгерскаго языка. Еще Щербатовъ настолько плохо зналъ географію, что пустилъ древнихъ вятичей въ Вятку, не зналъ о существованіи г. Владиміра Волынскаго и относилъ происходившія около него событія къ Владиміру на Клязьмѣ; мѣстоположеніе Корсуня, тѣмъ болѣе Тмутаракани, являлось камнемъ преткновенія для всѣхъ русскихъ историковъ XVIII вѣка.

По немногу, однакоже въ продолженіе тогоже XVIII в. накапливались данныя для выхода на правильный путь. Многочисленныя

ученыя экспедиціи по Россіи и ея окраинамъ ознакомили ученый міръ съ этнографіей Россіи, собраніе древнихъ иностранныхъ извѣстій о Россіи, появленіе атласовъ и словарей, главное же примѣненіе научныхъ методовъ постепенно вывели русскую историческую науку изъ младенческаго состоянія.

Знаменитый Авг. Людв. Шлецеръ (ум. 1809) въ своемъ «Несторѣ» (особ. VII глава «народы, населявшіе Россію») заставилъ отказаться отъ рѣшенія вопросовъ, характеризующихъ *младенчество* науки, смѣло выбросилъ изъ Русской исторіи «этимологическія игрушки» и почти вѣрно распредѣлилъ народности IX вѣка между славянскимъ, германскимъ, литовскимъ, финскимъ и тюркскимъ племенами. «Несторъ» Шлецера устранилъ изъ русской исторической науки много невѣрныхъ положеній, ложныхъ пріемовъ и указалъ вѣрные пути къ рѣшенію задачи. Выводами Шлецера широко воспользовался въ своей «Исторіи Государства Россійскаго» Н. М. Карамзинъ (ум. 1826 г.).

Съ начала XIX в. наука русской исторіи могла уже выдѣлить изъ себя нѣсколько вѣтвей, въ томъ числѣ и *историческую географію*.

Представителемъ этой отрасли историческаго знанія въ Карамзиновскую эпоху былъ *Лербергъ* — «Изслѣдованія служащія къ объясненію древней Русской исторіи». Чрезвычайно осторожный изслѣдователь, изъ школы Байера и Шлецера, Лербергъ разбиралъ наиболѣе трудные вопросы древней географіи (о мѣстожительствѣ Югры, Еми, о Саркелѣ и т. п); Лербергъ тщательно собиралъ и анализировалъ письменныя свидѣтельства; успѣху его работъ мѣшала «кабинетность» его занятій, т. е. онъ не путешествовалъ по Россіи, мало зналъ современную этнографію.

Сильный толчекъ исторической географіи дало охватившее до извѣстной степени многихъ увлеченіе славянской идеей. Сознаніе родства отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, противоположеніе «славянства» германскому и романскому мірамъ естественно выдвигало вопросы о древнѣйшей территоріи славянства, его раздѣленіи на племена. Живая старина и языкъ помогли разобраться въ этихъ вопросахъ. Изъ того, что пришлось оставить разыская́нію о томъ, что собственно значитъ «Москва, Россія, Галичь»—не слѣдовало, что исторія должна отказаться отъ пособія языкознанія. На эту сторону

дѣла обратилъ вниманіе ученыхъ Н. И. Надеждинъ въ статьѣ «Опытъ исторической географіи русскаго міра». «Первой страницей исторіи должна быть географическая ландкарта: она должна быть не какъ только вспомогательное средство, чтобы знать, гдѣ что случилось, но какъ богатый архивъ самыхъ документовъ, источниковъ. Люди находятся въ самой тѣсной связи съ природой». Надеждинъ горячо протестовалъ противъ того словопроизводства, которымъ прежде такъ злоупотребляли историки XVIII в.,—безполезно и не зачѣмъ допытываться, что собственно значитъ Кіевъ или Туровъ или Харьковъ; достаточно опредѣлить, *къ какому языку* принадлежитъ имя.—этимъ путемъ опредѣлится народъ, который далъ имя этому мѣсту, слѣдовательно болѣе или менѣе долго жилъ здѣсь. Названія въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Карпатамъ, звучатъ по славянски; къ востоку отъ Карпата до Днѣпра, къ югу отъ Припяти до степей мы встрѣчаемъ, утверждаетъ Надеждинъ, славянскія названія, слѣдовательно здѣсь такъ же, какъ и на Карпатахъ, искони жило славянское племя; сѣверные притоки Припяти носятъ уже иной характеръ, въ области Волги мы почти не встрѣчаемъ славянскихъ названій. Такой разборъ названій не только позволяетъ опредѣлить, гдѣ какое племя жило, но и то, какъ двигались племена: среди массы финскихъ племенъ на сѣверо-востокѣ Европы начинаютъ попадаться славянскія названія: явный признакъ проникновенія туда русскихъ поселенцевъ: такъ въ бассейнѣ Ильменскаго озера названія рѣкъ и урочищъ обыкновенно финскія, названія населенныхъ мѣстъ славянскія (Новгородъ, Изборскъ, Руса). На Волгѣ чередованіе тѣхъ и другихъ (Владиміръ, Ярославль, Угличъ—Поле, Переяславъ, рядомъ Москва, Суздаль, Кинешма).

Примѣненіе этого, Надеждинскаго метода оказалась очень удобнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда на одной территоріи сталкивались народности, рѣзко отличныя одна отъ другой, напр. славянская и финская, или тюркская и славянская. Гораздо менѣе надеженъ этотъ методъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ приходиться разграничивать народности родственныя, напр. русскую и польскую.

Основаніе въ 40-хъ годахъ Географическаго и Археологическаго Обществъ не могло не отразиться въ высшей степени благопріятно на новой складывавшейся тогда вѣтви исторической науки. Уже въ 1852 г. въ Зап. Имп. Русс. Геогр. Общества (кн. VI) напечатано

сочиненіе И. Д. Бѣляева «О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи». Авторъ по лѣтописямъ и другимъ памятникамъ (хожденіямъ, повѣстямъ) слѣдитъ за распространеніемъ географическихъ знаній у насъ, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ опредѣляетъ мѣста и положенія встрѣчающихся у него въ разсказѣ именъ странъ, земель, народовъ и городовъ; такимъ образомъ, книга эта смѣло можетъ быть названа руководствомъ по исторической географіи. Если въ настоящее время книга эта и устарѣла, то для того времени она была явленіемъ замѣчательнымъ. Можно пожалѣть, что до сихъ поръ никѣмъ не была повторена эта интереснѣйшая тема. Въ слѣдующемъ году (кн. VIII Зап. И. Р. Г. Об.) вышло изслѣдованіе К. А. Неволина «О пятинахъ и погостахъ Новгор. въ XVI в. съ картою»—изслѣдованіе, до сихъ поръ остающееся основнымъ при изученіи прошлаго Новгородскаго края. Очень много историко-географическаго матеріала находимъ въ «Лекціяхъ, изслѣд. и замѣч.» М. П. Погодина, лучшаго знатока древней нашей исторіи. Одною изъ главныхъ сторонъ Исторіи Россіи С. М. Соловьева, надолго опредѣлившаго пути развитія русской исторической науки, было указаніе на колонизаціонное движеніе славянъ, какъ на основной фактъ нашей исторіи. Н. И. Костомаровъ и общимъ направленіемъ своихъ трудовъ (федеративное начало, областная исторія) и въ спеціальной статьѣ (читанной въ Географ. Общ.) «Объ отношеніяхъ русской исторіи къ географіи и этнографіи» устанавливалъ тѣсную связь между этими отраслями знанія: «чтобы уразумѣть и представить теченіе прошедшей жизни народа, необходимо понять и ясно себѣ представить этотъ народъ въ послѣднемъ его развитіи и наоборотъ, этнографическое изображеніе существующаго образа народа не можетъ имѣть смысла, если мы не будемъ знать, что привело его къ этому образу, что сгруппировало признаки, составляющіе сущность этого образа, отъ чего онъ сложился такимъ образомъ, а не инымъ».

На встрѣчу этимъ общимъ указаніямъ главныхъ представителей исторической мысли шли многочисленныя мѣстныя изслѣдованія. Эпоху въ развитіи нашей науки составило предпринятое въ концѣ 50-хъ годовъ изданіе «Списки населенныхъ мѣстъ Росс. Имперіи» (по губерніямъ). Не говоря уже о весьма цѣнныхъ предисловіяхъ ко многимъ выпускамъ этого капитальнаго изданія, оно дало массу матеріала, до сихъ поръ не использованнаго вполнѣ.

Жаль, конечно, что за списками населенныхъ мѣстъ не послѣдовали списки рѣкъ, озеръ, урочищъ и т. п. Въ настоящее время приходится пользоваться для послѣдней цѣли подробными картами (10-ти верст. или 3-хъ верст.). Во всякомъ случаѣ, списки дали массу матеріала географическаго. Археологическія изслѣдованія начиная съ работъ А. С. Уварова, принесли матеріалъ иного порядка, какъ бы несовершенъ онъ ни былъ въ началѣ, отнынѣ исторической географіи предстояло комбинировать данныя: 1) лѣтописныхъ источниковъ, 2) этнографіи, 3) географической номенклатуры и 4) археологическія.

Затѣмъ нельзя даже въ краткомъ обзорѣ развитія исторической географіи Россіи не упомянуть о вліяніи извнѣ, т. е. науки западной; къ исторической географіи Россіи особо близкое отношеніе имѣли изслѣдованія и наблюденія надъ финскими племенами и своеобразныя теоріи о взаимныхъ отношеніяхъ велико-мало и бѣлоруссовъ; въ исторіи русской колонизаціи это коренные вопросы. Политическія страсти, разыгравшіяся около польскаго возстанія 1863 г., создали не мало теорій о колонизаціи Малороссіи и о происхожденіи отдѣльныхъ вѣтвей русскаго народа; страсти улеглись, а возбужденный ими интересъ остался. Раньше 1. Кастренъ положилъ основаніе изученію финскихъ народностей, съ которыми русскому народу пришлось имѣть болѣе всего дѣла.

Въ 60-хъ годахъ выяснились новая требованія, предъявленныя исторической географіи: изученіе вліянія климата, рельефа страны, почвы на характеръ народа. Разумѣется, что подобные вопросы поднимались и рѣшались въ русской наукѣ, раньше (напр. Болтинъ въ XVIII), но подобныя указанія давались случайно, а не систематически. Новое пониманіе науки географіи (Риттеръ) отразилось и на исторической географіи. Оригинальнымъ послѣдователемъ указаннаго направленія былъ историкъ А. П. Щаповъ, мечтавшій приложить выводы естественно-историческихъ наукъ къ русской исторіи. Въ программѣ исторіи русскаго народа онъ отвелъ много мѣста географическимъ и этнографическимъ вопросамъ; программа эта, къ сожалѣнію, осталась неисполненной. Но въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ статей (Рус. Слово, Библ. для Чт., Дѣло, Отеч. Зап., Извѣстія Спб. Отдѣла Русск. Географич. Общ.—собраны въ «Сочиненіяхъ» онъ разрабатывалъ указанныя темы (Естествознаніе и народная

экономія, Историко-географическое распредѣленіе народонаселенія въ Россіи; «Этнографическая организація народонаселенія въ Россіи; «Этнографическая организація русскаго народонаселенія) Изученіе *областной* исторіи, явившееся какъ результатъ роста науки также сильно подвинуло впередъ историческую георафію: труды по областной исторіи болѣе подробно останавливаются на небольшой, сравнительно, территоріи и ея населеніи; нѣкоторыя изъ этихъ областей заселены были позже, другія рано оставлены русскими, слѣдовательно исторія окраинъ есть въ тоже время исторія колонизаціи. Такимъ образомъ изученіе областной исторіи (Новгорода, Ростово-Суздальской земли, Сибири, расширяло область исторической географіи (Иловайскій, Истор. Рязанскаго княжества: Корсаковъ. Меря и Ростовское княжество).

Итоги работъ въ новой области историческаго знанія были подведены Н. И. Барсовымъ въ его капитальномъ трудѣ: «Очерки исторической географіи. Географія начальной лѣтописи». Авторъ задался цѣлью объяснить всѣ географическія и этнографическія имена начальной лѣтописи и опредѣлить границы земель и княженій; задача исполнена чрезвычайно талантливо. Книга эта не только прекрасно вводитъ въ науку, но указываетъ ея методы, знакомитъ съ задачами, ей предстоящими. Н. И. Барсовъ широко пользовался методами Надеждина и использовалъ почти все, что тогдашняя наука давала ему. До извѣстной степени по этой книгѣ можно видѣть и недостатки Надеждинскаго метода: онъ пригоденъ тамъ, гдѣ сталкиваются народности, рѣзко отличныя другъ отъ друга; опредѣленіе же территорій отдѣльныхъ восточно-славянскихъ племенъ—полянъ, древлянъ, дреговичей, по мѣстнымъ названіямъ едва ли можно считать удавшимся. Сочиненіе Барсова вызвало подробную рецензію Л. Н. Майкова «Замѣтки по древней географіи»; здѣсь высказанъ рядъ pia desideria къ исторической географіи: она должна, по мысли Майкова, включить въ свой составъ ученіе о климатѣ (его измѣненіе), о флорѣ и фаунѣ, о почвѣ; всего этого нѣтъ въ книгѣ Барсова. Безусловно, что все указанное въ принципѣ должно быть включено въ историческую географію, но исполнить эти требованія могли бы лица, обладающія какъ гуманитарнымъ образованіемъ, такъ и естественно-научнымъ и притомъ въ равной степени; въ дѣйствительности этого условія пока не наблюдалось.

Е. Е. Замысловскій пытался въ своемъ трудѣ «Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія» удовлетворить требованіямъ, поставленнымъ Л. Н. Майковымъ. Онъ далъ подробный комментарій географическихъ извѣстій Герберштейна и его замѣчанія о климатѣ, природѣ, флорѣ, фаунѣ Московскаго государства развилъ въ соотвѣтственные очерки; едва ли, однако эти очерки можно считать рѣшающими затронутые вопросы: большой знатокъ историческихъ источниковъ, едва ли Е. Е. Замысловскій чувствовалъ себя увѣреннымъ въ вопросахъ естествовѣдѣнія. Какъ ни богаты географическія сообщенія Герберштейна, они все-таки далеко не исчерпываютъ географіи Московскаго государства, поэтому и книга Замысловскаго не имѣетъ такого значенія для Московскаго періода Русской исторіи, какое книга Барсова имѣетъ для начальнаго періода.

Надъ важнѣйшимъ источникомъ географіи этой эпохи—«Книгою Большому Чертежу» работалъ Е. К. Огородниковъ; онъ далъ исторію возникновенія и составленія «Книги»—съ конца XV в. по конецъ XVII в., а вмѣстѣ съ тѣмъ и исторію заселенія сѣверныхъ окраинъ Европейской Россіи (Мурманскій и Терскій берега по Книгѣ Больш. Чертежа, прибрежья Ледовитаго и Бѣлаго морей и др.—напеч. въ Зап. Имп. Русс. Геогр. Общ. по отдѣл. этнографіи, т. II, т. VII и т. IX).

Если въ послѣднее десятилѣтіе не выходило трудовъ по исторической географіи, охватывающихъ всю Русь даннаго періода, то тѣмъ успѣшнѣе шла разработка географіи отдѣльныхъ частей ея и историко-этнографическихъ очерковъ отдѣльныхъ народностей.

До-историческому періоду, предшествующему водворенію славянъ въ Днѣпровской Руси, посвятили свои труды историки-классики и лингвисты. Брунъ (Черноморье, 2 части, сборникъ изслѣдованій по исторической географіи южной Россіи) работалъ надъ древней географіей Новороссіи и Черноморья. Прекрасное знакомство съ древними авторами и обширной литературой предмета, а равно и съ мѣстностью изучаемаго края, точные методы, осторожность автора выдвигаютъ этотъ трудъ на первое мѣсто.

Акад. В. В. Латышевъ собралъ, издалъ и объяснилъ массу новаго матеріала, какъ документальнаго (сборники надписей, особенно Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini), такъ и повѣствова-

тельнаго (Scythica et Caucasica. Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ); матеріалъ этотъ далъ возможность нашей и иностранной литературѣ пересмотрѣть рѣшеніе многихъ вопросовъ; самимъ же Латышевымъ данъ рядъ изслѣдованій по археологіи древней географіи и этнографіи Черноморья (статьи частью собраны въ сборникѣ Pontica). Ю. А. Кулаковскій и Ѳ. А. Браунъ дали въ своихъ трудахъ толкованія важнѣйшихъ писателей древняго міра о Россіи—Геродота, Страбона, Птолемея и др. Выводы обоихъ ученыхъ нерѣдко противорѣчатъ другъ другу; толкованіе древней географіи eo ipso заключаетъ въ себѣ извѣстную степень вѣроятности; безъ догадокъ, безъ приближеній, болѣе или менѣе допустимыхъ, вопросы древней географіи объясняемы быть не могутъ; оттого возможны и необходимы разногласія ученыхъ, дѣло въ степени вѣроятности и методѣ изслѣдованій; труды обоихъ авторовъ (Кулаковскій—Карта Европ. Сарматіи по Птолемею, Прошлое Тавриды. Аланы по свѣдѣніямъ классич. и византѣ писателей и др.; Браунъ—Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній)—изслѣдованія надъ первоисточниками.

Менѣе удавался этотъ до-историческій періодъ русскимъ историкамъ не классикамъ и не лингвистамъ по спеціальности, напр. Д. И. Иловайскому (Разысканія о началѣ Руси и полемики) и И. Е. Забѣлину (Исторія Русской жизни); сила обоихъ въ критикѣ, положительныя же сужденія ихъ не всегда достаточно обоснованы, а филологическіе пріемы напоминаютъ словопроизводства XVIII в.

Сводныя работы по этому періоду даны А. Л. Погодинымъ «Изъ исторіи славянскихъ передвиженій», подробнѣе—въ новой книгѣ М. Грушевскаго «Кіевская Русь т. I (Территорія и населеніе въ эпоху образованія государства). Книга пр. Грушевскаго могла быть рекомендована, если бы не своеобразныя и на нашъ взглядъ совершенно неправильныя воззрѣнія на взаимныя отношенія славянскихъ племенъ, на группировку ихъ и образованіе русской народности и т. п. Географія Начальнаго или Кіевскаго періода русской исторіи пересмотрѣна и дополнена въ цѣломъ рядѣ трудовъ, изъ которыхъ отмѣтимъ:

Голубовскаго—«Исторія Сѣверской земли», его же «Исторія Смоленской земли» и особенно его же «Печенѣги, Торки и По-

ловцы; послѣдняя книга даетъ живую картину борьбы Руси со степью, т. е. кочевниками. Ляпкоронскій—«Исторія Переяславской земли», «Русскіе походы; Дашкевичъ—«Даніилъ Галицкій»; исторіи отдѣльныхъ земель, написанныя Богалѣемъ, Андріяшевымъ, Ивановымъ, Молчановскимъ, Лонгиновымъ (Червенскіе города), Довнаръ-Запольскимъ Даниловичемъ и др. Надеждинскому методу слѣдуетъ пр. Филевичъ въ «Исторіи древней Руси»; значительную часть этого труда составляетъ разборъ хоро и топографіи Карпатъ и прилегающихъ къ нимъ земель. Однако, разборъ этотъ не можетъ быть признанъ исчерпывающимъ ни въ количественномъ, ни въ качественномъ отношеніи. Авторомъ указано не мало темныхъ, не разрѣшенныхъ вопросовъ нашей древней географіи и этнографіи, но твердыхъ рѣшеній не предложено.

Много цѣнныхъ, блестящихъ замѣчаній о вліяніи природы, объ этнографическихъ слѣдствіяхъ колонизаціи въ «Курсѣ Русской Исторіи» В. О. Ключевскаго.

Особую группу въ трудахъ по географіи и этнографіи представляютъ монографіи о народахъ, съ которыми приходилось сталкиваться русскому народу; такія монографія обыкновенно имѣютъ цѣлью прослѣдить судьбу народа съ начала по возможности до нашихъ дней, или до послѣдняго о нихъ упоминанія. Имѣемъ рядъ монографій о скиѳахъ, сарматахъ, готахъ, хазарахъ, отдѣльныхъ финскихъ и литовскихъ племенахъ; а равно и отдѣльныхъ вѣтвяхъ русскаго народа: напр., Лаппо-Данилевскій (скиѳы), Миллеръ (сарматы-осетины), Брунъ (готы), Голубовскій (хазары, болгары, печенѣги, половцы), Григорьевъ (хазары), Смирновъ (черемисы, пермяки, вотяки и др.), Видеманъ (куры, ливы и др.), Шегренъ (ямь, ятвяги), Анучинъ (великороссы), Карскій (бѣлоруссы), Шпилевскій (камскіе болгары). Въ I томѣ книги для чтенія по Русск. Исторіи Довнара-Запольскаго есть рядъ сводныхъ характеристикъ отдѣльныхъ народовъ.

Цѣнныя дополненія къ нашей лѣтописи даютъ извѣстія иностранныхъ писателей, особенно мусульманскихъ и византійскихъ. Русская историческая наука всегда съ благодарностью должна вспоминать труды В. Г. Васильевскаго, освѣтившаго такъ много трудныхъ вопросовъ древней нашей географіи и этнографіи по даннымъ византійскихъ писателей (особ. его статьи: Византія и

Печенѣги, Русско-Византійскіе отрывки и изслѣдованія, о построеніи крѣпости Саркелъ, совѣты и разсказы визант. боярина, о мнимомъ славянствѣ гунновъ и мн. др.); Ѳ. И. Успенскаго (Образованіе второго болгар. царства). Надъ арабскими писателями въ послѣднее время работали Гаркави (Сказанія мусульм. писателей), бар. Розенъ (Извѣстія Яхъи-Антіохійскаго), его же работа вмѣстѣ съ А. А. Куникомъ—Извѣстія Аль-Бекри и др. авторовъ о Русск. Славянахъ: Д. А. Хвольсонъ (Извѣст. Ибн-Доста); Ф. Вестбергъ (Комментаріи на записку Ибрагима Ибн Якуба, къ анализу восточ. источн.). Такого же характера общеизвѣстные труды А. А. Куника, Дорна (Каспій), Тіандеръ (Поѣздки Скандинавовъ въ Бѣлое море).

Не менѣе усердно разрабатывалась въ послѣднія десятилѣтія (1890—1910 г.) географія Московскаго періода нашей исторіи; помимо ряда работъ историко-географическаго содержанія по преимуществу, въ сочиненіяхъ обще-историческаго характера нерѣдко предлагаются историко-географическіе обзоры. Полная, живая и яркая историко-географическая картина всего Московскаго государства дана въ «Очеркахъ по исторіи Смуты» С. Ѳ. Платонова (гл. I. Область Московскаго государства). Начальная исторія г. Москвы и окрестной территоріи разработана И. Е. Забѣлинымъ (Исторія г. Москвы и отдѣльн. статьи); В. Н. Дебольскимъ снова пересмотрѣнъ и разработанъ богатый историко-географическій матеріалъ, заключающійся въ духовныхъ и договорныхъ грамотахъ, внимательно прослѣженъ ростъ Московскаго княжества. Территорія центра государства и населеніе его въ XVII в. выяснены подробно Ю. Готье (Замосковный край въ XVII в., особ. гл. 2 и 4, и приложеніе—Матеріалы по истор. геогр. Москов. Руси) по писцовымъ и переписнымъ книгамъ, заключающимъ въ себѣ столь цѣнныя географическія и статистическія данныя. Съ половины XVI в. долго сдерживаемое въ бассейнахъ верхней и средней Волги великорусское племя бросилось, можно сказать, колонизировать области, прилегающія къ государству съ юга, юго-востока, востока и сѣверо-востока. Движеніе это, составляющее важнѣйшее явленіе русской исторіи XVI—XVII в.в., разработано въ довольно уже обширной литературѣ, изъ которой пока упомянемъ только наиболѣе крупные труды. Движеніе на югъ по направленію къ Крыму изучали Д. И. Багалѣй (Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины

Москов. государства, Матеріалы), И. И. Миклашевскій (къ исторіи хозяйствен. быта Московск. государства); по Волгѣ—Г. И. Перетятковичъ—(Поволжье въ XVI в. и оно же въ XVII в.), И. Н. Смирновъ въ упомянутыхъ уже монографіяхъ (Мордва, Черемисы);—на Донъ Историч. описаніе земли Войска Донского; на Вятку и Пермь—статьи А. А. Спицына, Верещагина и Смирнова (Вотяки и Пермяки), Дмитріевъ (Пермск. старина) С. А. Адріановъ — рецензія на трудъ Дмитріева; заселеніе Сибири: статьи труды Устрялова, Небольсина, позднѣйшія—рядъ статей А. В. Оксенова, Н. Н. Оглоблина, Андріевича, Буцинскаго (Заселеніе Сибири).

Колонизація нашего Сѣвера преимущественно монастырская; поэтому житія святыхъ сѣвернаго края, исторіи отдѣльныхъ монастырей заключаютъ обыкновенно цѣнныя данныя по исторіи заселенія этого края, напр. Досноея «Описаніе Соловецкаго монастыря, В. О. Ключевскаго «Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря», Н. К. Никольскаго «Кирилло-Бѣлозерскій мон.«, Н. Кон-ева (Святые Вологодскаго края).

Въ краткомъ очеркѣ развитія русской исторической географіи можно только упомянуть о многочисленныхъ исторіяхъ отдѣльныхъ мѣстностей, городовъ, монастырей, церквей и т. п., а равно о разнаго рода матеріалахъ по мѣстной исторіи; ссылки и указанія по важнѣйшія изъ нихъ читатель найдетъ ниже. Въ заключеніе позволительно указать, что: 1) историческая географія завоевала у насъ права гражданства; 2) собрано много матеріала, дано немало работъ, очерковъ по исторіи различныхъ мѣстностей и народностей.

Итоги работамъ этимъ пока не подведены; вслѣдствіе этого нѣтъ пока атласа, который могъ бы служить пособіемъ при университскомъ преподаваніи исторіи.

Лучшій атласъ это «Учебный атласъ» покойнаго Е. Е. Замысловскаго; послѣ его составленія (послѣднее изданіе при жизни автора 1887 г.) наука исторической географіи значительно развились, расширилась; большинство изъ упомянутыхъ въ краткомъ обзорѣ книгъ снабжены картами, часто весьма цѣнными, но, конечно, охватывающими каждая весьма небольшія области. Атласы Павлищева и Ахматова вышли еще въ 1845 г.

Такимъ образомъ подведеніе итоговъ многочисленныхъ работъ составляетъ въ настоящее время насущную потребность нашей науки.

Скиѳія и Скиѳы.

Литература

Латышевъ.—Scythica et Caucasica. Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ—тексты и переводы; а также переводъ Геродота—Ѳ. Мищенко.

Rawlinson.—History of Herodotus, vol. III.

R. W. Macan.—Herodotus (IV—VI books).

Брунъ.—Черноморье. 2 тт., особенно ст. «Опытъ соглашенія противоположныхъ мнѣній о Геродотовой Скиѳіи».

Лаппо-Данилевскій.—Скиѳскія древности.

Браунъ.—Разысканія въ области готославянскихъ отношеній.

Латышевъ.—Pontica.—Изборникъ научныхъ и критич. статей.

Кулаковскій.—Прошлое Тавриды.

Cuno.—Forschungen in gebiete det alten Volkerkunden. B. I.

Bonell.—Beiträge zur Alterthumskunde Russlands.

Tomaschek.—Kritik der ältest. Nachrichten über dem Skythischen Karawanenzug nach Innerasien.

Первыя историческія извѣстія о Россіи относятся къ ея югу, областямъ прилегающимъ къ Черному морю; извѣстія эти принадлежатъ тому времени, когда греки создавали свой эпосъ; центральная же и сѣверная части теперешней Россіи становятся извѣстными писателямъ Рима и Греціи лишь по Р. Х.

Гомеръ и пѣсни объ аргонавтахъ помѣщаютъ въ теперешней южной Россіи народъ киммерійцевъ, память о которомъ сохранялась долго въ названіи «Киммерійскій Босѳоръ» нынѣ Керченскій проливъ, Киммерійскій мракъ и др. Но мы напрасно стали бы добиваться, что это былъ за народъ.

Затѣмъ писатели древняго міра упоминаютъ о народѣ тавровъ, много разсказываютъ объ его жестокихъ обычаяхъ, особенно объ убиваніи иностранцевъ, имѣвшихъ несчастье попасть въ эту негостепріимную страну; память о таврахъ живетъ въ названіяхъ «Таврида» (Крымъ), Таврическія горы и др.; и объ этомъ народѣ ничего достовѣрнаго не знаемъ.

2*

Съ VIII вѣка до Р. Х. греки начали усиленно основывать колоніи. Одинъ изъ потоковъ греческой колонизаціи направился въ Черное море. Первое впечатлѣніе, которое произвело наше Черное море на грековъ, было неблагопріятное: частыя сильныя бури, замерзаніе у береговъ, сильныя стужи заставили было дать этому морю названіе Негостепріимнаго. Нужда, однако, заставила многочисленныхъ выходцевъ изъ Греціи разселиться по берегамъ этого моря, которое они прозвали Гостепріимнымъ, Евксинскимъ Понтомъ. Скоро по берегамъ Понта возникъ рядъ греческихъ городовъ: въ устьѣ Дуная-Истръ, Тира въ устьѣ Днѣстра, Ольвія въ лиманѣ Южнаго Буга, недалеко отъ теп. села Парутина, Пантикапея, гдѣ нынѣ Керчь; противъ нея Фанагорія на противоположномъ берегу пролива; далѣе Фазисъ, нѣсколько позже Херсонесъ (ок .нын. Севастополя). Рано греки проникли и въ Азовское море, которое прозвали Мэотійскимъ болотомъ, въ устьѣ Дона они основали городъ Тану. Такимъ образомъ устья главныхъ рѣкъ Черноморскаго бассейна захвачены были греками. Къ сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря пролегало тогда нѣсколько торговыхъ путей; два изъ нихъ были наиболѣе важны: одинъ начинался въ устьѣ Днѣстра, велъ по этой рѣкѣ къ низовьямъ Вислы, слѣдовательно къ побережью Балтійскаго моря, гдѣ добывался столь цѣнный въ древности янтарь; другой—отъ Ольвія, Таны, Фанагоріи, шелъ въ сѣверовосточномъ направленіи къ Уральскимъ горамъ и Алтаю; этимъ путемъ шли къ Понту мѣха и алтайское золото. Греки съ обычнымъ своимъ искусствомъ завязали торговлю на берегахъ Понта и такимъ образомъ ознакомились нѣсколько съ населеніемъ, жившимъ какъ по берегамъ Понта, такъ и въ глубинѣ теперешней Россіи.

Геродотъ, знаменитый историкъ V в., далъ въ IV кн. своей исторіи яркую этнографическую картину тогдашней Россіи. Сообщенія Геродота совершенно исключительной цѣнности; такой полной, богатой, захватывающей картины не даетъ ни одинъ писатель ни древности, ни ранняго средневѣковья. Но разобраться въ сообщеніяхъ Геродота не легко. Въ его разсказѣ о Скиѳіи, скиѳахъ и сосѣднихъ съ ними народовъ очень много нелѣпого, спутаннаго, противорѣчащаго; современная критика различаетъ нѣсколько источниковъ, плохо согласованныхъ Геродотомъ.

Скиѳовъ и Скиѳію Геродотъ описываетъ въ IV книгѣ. По

существу разсказъ этотъ продолженіе разсказовъ объ образованіи огромной персидской монархіи. Царь Дарій Гистаспъ задумалъ наказать скиѳовъ за то, что они нѣкогда вторглись въ Мидію и разбили мидянъ. Таковъ поводъ похода Дарія. Весьма точно разсказываетъ нашъ авторъ о сборахъ Дарія и о походѣ его изъ Сузъ до Истра (Дуная), т. е. переходѣ войска чрезъ Босоръ по мосту въ Европу и движеніи войскъ до Истра—Дуная. Дальше начинаются легенды: Дарій колеблется сохранить ли мостъ, построенный чрезъ Истръ—Дунай или уничтожить его; колебанія кончается тѣмъ, что грекамъ—іонянамъ приказывается сторожить мостъ въ теченіе 60 дней; срокъ этотъ не произвольный. Скиѳія имѣла протяженіе отъ одного конца до другого въ 20 дней пути; слѣдовательно въ 60 дней Дарій могъ ее всю пройти, вернуться назадъ и, сверхъ того, имѣлъ 20 дней въ своемъ распоряженіи на движенія въ сторону. Сообразно этому Скиѳія представлена въ видѣ правильнаго четырехугольника, каждая сторона котораго имѣетъ въ себѣ 4,000 стадій, или считая по 200 стадій на день пути—20 дней пути; по нашему 4,000 ст. около 700 в.

Южную сторону названнаго четырехугольника образуетъ сѣверный берегъ Чернаго моря отъ устья Истра (Дунай) до Киммерійскаго Босоора (Керченскій проливъ); береговую линію Геродотъ представляетъ себѣ почти прямой и, очевидно, считаетъ Таврическій полуостровъ лишь немного вдающимся къ югу въ море; восточную границу образуютъ Мэотійское озеро (Азовское море) и Танаисъ (Донъ); Азовское море очень вытянуто къ сѣверу; западную границу Скиѳіи—р. Истръ (Дунай), который течетъ здѣсь, въ представленіи Геродота, съ сѣвера на югъ; наконецъ сѣверную границу образуетъ линія, параллельная южной, отстоящая отъ нея на 4,000 стадій, идущая отъ Истри до Танаиса; по этой

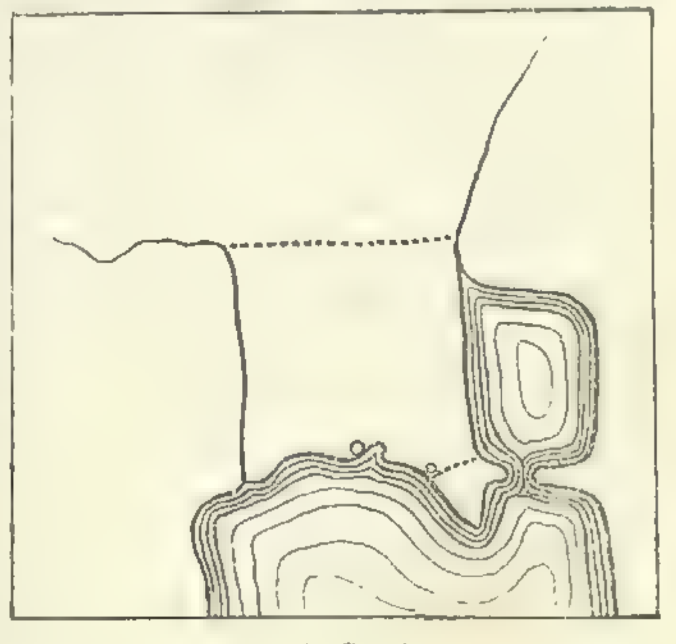

Рис. 1. Скиѳія.

линіи могутъ быть размѣщены четыре уже не скиѳскихъ народа, отъ запада къ востоку такъ: агаѳирсы, невры, андрофаги и меланхлены; къ востоку отъ Танаиса обитали сарматы или савроматы; въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ нихъ будины и т. д.

На этомъ пространствѣ Геродотъ называетъ восемь большихъ рѣкъ и при этомъ оговаривается, что онъ упоминаетъ лишь большія судоходныя рѣки, въ которыя суда могутъ входить съ моря. Любопытно, что Геродотъ не заставляетъ Дарія съ его огромнымъ войскомъ не только переходить черезъ эти рѣки, но и вообще испытывать какія-либо неудобства отъ переправъ. Очевидно, что въ его распоряженіи было два источника, имъ не согласованныхъ—1) фантастическій разсказъ о походѣ Дарія, не пріуроченный къ мѣстности и 2) не дурныя положительныя свѣдѣнія о рѣкахъ южной Россіи, полученныя отъ грековъ-колонистовъ.

Первая рѣка Истръ—Дунай. О немъ Геродотъ говоритъ очень подробно, перечисляетъ его притоки, толкуетъ, отчего въ Истрѣ одинаково воды и лѣтомъ и зимой. Далѣе—Т и р а с ъ-Днѣстръ. Тирасъ течетъ съ сѣвера и беретъ начало изъ большого озера; при устьѣ его городъ Тира. Третья рѣка, Гипанисъ (названіе родственное слову Кубань)—Южный Бугъ. Онъ также вытекаетъ изъ большого озера, которое называется матерью Гипаниса и вокругъ котораго водятся дикіе бѣлые кони—наблюденіе очень вѣроятное: въ новороссійскихъ степяхъ дикія лошади встрѣчались еще въ XVIII вѣкѣ; можетъ быть, такъ названы лоси, водившіеся въ этой мѣстности. Но что значитъ то озеро, изъ котораго Гипанисъ вытекаетъ? Возможно два объясненія; одно наиболѣе вѣроятно: Бугъ довольно близко подходитъ истоками къ долинѣ Припяти, которая представляетъ собою очень низкое и болотистое мѣсто. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что прежде это мѣсто было еще болѣе наполнено влагой, отсюда представленіе объ озерѣ; возможно и другое, что озеромъ названъ притокъ Буга р. Кодымь, протекающая теперь по камышеватымъ болотамъ и луговинамъ. Далѣе Геродотъ сообщаетъ, что на разстояніи 4—5 дней пути отъ истока Гипанисъ мелкая рѣка, а вода его для питья сладка, а затѣмъ въ него впадаетъ источникъ Ексампай, «священные пути», вода послѣдняго настолько горька, что съ этого мѣста до устья и вода Гипаниса дѣлается невозможной для питья. И это наблюденіе можно потвердить: въ Бугъ впадаютъ

двѣ рѣчки съ дурной водой, Синюха и Мертвоводъ, на что указываютъ самыя названія ихъ. Прежде ихъ вліяніе могло чувствоваться сильнѣй; но вѣроятнѣе, что попадавшая въ нижнее теченіе Буга морская вода изъ лимана сообщала ему горькій вкусъ.

Четвертая рѣка Борисѳенъ—самая большая рѣка края. Геродотъ прекрасно описываетъ ее: Борисѳенъ изобилуетъ водой и рыбой; образуетъ пастбища, въ устьѣ его много соли и рыбы, есть рыба безъ позвоночника. По всему видно, что рѣчь идетъ о Днѣпрѣ, отсюда греки въ массѣ получали соленую рыбу.

Пятая рѣка Пантикапесъ, течетъ съ сѣвера, также изъ озера; она входитъ въ Гилею и, протекая черезъ нее, сливается съ Борисѳеномъ. Гилея—лѣсная сторона. Въ нижнемъ теченіи Днѣпра по обоимъ берегамъ его встрѣчаются рощицы и лѣски изъ березы, дуба, осины, ольхи, особенно густы они вокругъ г. Алешки, древн. Олешье (вѣроятно отъ слова «ольха»). Это лѣсное пространство Геродотъ и называетъ совершенно правильно Гилеей, т. е. лѣснымъ пространствомъ въ отличіе отъ окружающей степи. Поэтому легче всего пріурочить Пантикапесъ къ Ингульцу, впадающему въ Днѣпръ справа въ верстахъ 18 отъ Херсона; Ингулецъ рѣка сравнительно очень большая (523 версты), въ нижнемъ теченіи многоводная и по ширинѣ почти не уступающая Борисѳену—Днѣпру; не невозможно, что за 2300 лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ времени Геродота, лиманъ глубже врѣзывался въ материкъ, чѣмъ теперь, и, слѣд., Ингулецъ могъ прямо впадать въ лиманъ, до котораго теперь онъ не доходитъ; затрудненіе признать въ Пантикапесѣ Ингулецъ состоитъ въ томъ, что Геродотъ при перечисленіи рѣкъ идетъ съ запада на востокъ, и Пантикапесъ слѣдовало бы искать восточнѣе Днѣпра; но такъ какъ рѣки удовлетворяющей указаннымъ признакамъ къ востоку отъ Днѣпра нѣтъ, то въ Пантикапесѣ можно видѣть Ингулецъ.

Шестая рѣка, Гипакирь, вытекаетъ также изъ озера, теченіемъ своимъ раздѣляетъ землю скиѳовъ-кочевниковъ пополамъ, вливается въ море подлѣ города Каркинитида, причемъ правою стороною ограничиваетъ Гилею и т. наз. Ахилловъ Бѣгъ. Ахилловъ Бѣгъ или Ристалище, или Дромосъ, нынѣ Тендра—длинный узкій песчаный полуостровъ къ востоку отъ устья Днѣпра. Въ черноморскихъ колоніяхъ Ахиллъ былъ очень почитаемъ; существовало пре-

даніе, что мать его Өетида перенесла сюда своего сына послѣ его смерти; на островѣ противъ устья Дуная былъ его храмъ, въ Ольвіи—также. На западномъ берегу Крыма, въ 25 верстахъ къ сѣверу отъ Евпаторіи находился г. Керкинитисъ при Донгуславскомъ озерѣ; на этомъ мѣстѣ итальянскія карты XIV—XV вв. ставятъ «Crerenichi» и т. п., но никакой рѣки около этого города нѣтъ; по этому нѣкоторые допускаютъ догадку, что Каркинитскій или Перекопскій заливъ Геродотъ назвалъ рѣкою Гипакиремъ, причемъ допускаютъ и другую ошибку нашего автора: г. Каркинитисъ не при устьѣ этого залива, а верстъ на 50 южнѣе его; другіе ученые склонны думать, что Донгуславское или иное сосѣднее озеро, у котораго стоялъ упомянутый городъ, могло тогда сообщаться съ моремъ; этому предположенію противорѣчитъ то, что Геродотъ называетъ большія рѣки; третьи, наконецъ, склонны думать, что Гипакирь есть нынѣшняя рѣка Каланчакъ. Таково мнѣніе проф. Брауна. У Птолемея (географа II в. по Р. Хр.) города Каркинитиса нѣтъ, но зато есть рѣка этого же имени, пр. Браунъ и полагаетъ, что Птолемеева рѣка Каркинитисъ=Геродотовскому Гипакирю—нынѣшнему Каланчаку. Каланчакъ, впадающій въ Каркинитскій заливъ, нынѣ небольшая рѣчка, но отъ верховьевъ его тянется цѣлая система балокъ и болотъ (Чаплинское болото, Сѣрогозская балка), которыя прежде могли образовывать одно съ Каланчакомъ; или Каланчакъ, близко подходящій къ Чокракскому лиману, изливающемуся въ Сивашъ, могъ въ полную воду сливаться съ нимъ, что иногда случается даже и теперь; во всякомъ случаѣ въ Гипакири можемъ видѣть Каланчакъ. На старой картѣ Массы 1633 г. (Кордтъ, Матеріалы сер. I, вып. 2, № 44) по р. Каланчаку расположены города, показанныя Птолемеемъ по р. Каркинитису, а именно Тампрака, Карцина, Торокка, Эркабонъ Пасирисъ, Навaронъ; Масса, очевидно, руководствовался старой географической традиціей; пр. Браунъ, основательно въ концѣ XIX ст. возстановилъ эту традицію.

Пріуроченіе седьмой рѣки—Герроса возбуждаетъ самыя большія недоумѣнія; этимъ именемъ у Геродота названы и рѣка и страна, по которой означенная рѣка протекала и которая служила мѣстомъ погребенія скиөскихъ царей

Седьмая рѣка, Герросъ, отдѣляется отъ Борисоена въ томъ мѣстѣ, до котораго эта послѣдняя рѣка извѣстна. Она отдѣляется

въ этой области и носитъ такое же названіе, какъ и самая область Герросъ; на пути къ морю она разграничиваетъ земли скиѳовъ-кочевниковъ и царственныхъ; изливается Герросъ въ Гипакирь. Гробницы царей находятся въ Герросѣ, мѣстѣ, до котораго по Борисѳену ходятъ суда. Такой рѣки, которая соотвѣтствовала бы вполнѣ указаннымъ условіямъ, нѣтъ и найти такую нельзя; очевидно, здѣсь недоразумѣніе и даже не одно. Геродотъ говоритъ, что рѣка Герросъ отдѣляется отъ Днѣпра на разстояніи 40-дневнаго пути. Но откуда онъ считаетъ, т. е. сверху или снизу?

Обыкновенно Геродотъ разумѣетъ разстояніе *вверхъ* по теченію, тѣмъ болѣе что нашъ авторъ прибавляетъ, что истоки Борисѳена никому неизвѣстны. Сорокъ дней плаванія вверхъ по Днѣпру—мѣра довольно неопредѣленная; во всякомъ случаѣ, въ такой срокъ можно добраться отъ устья до Кіева, т. е. пройти и Днѣпровскіе пороги; о нихъ, однако, Геродотъ ничего не говоритъ, слѣдовательно не знаетъ, т. е. какъ будто бы и давшія ему свѣдѣнія лица также о порогахъ рѣки не знали: при сообщительности и любознательности отца исторіи онъ непремѣнно разсказалъ бы читателю объ этомъ явленіи природы. Поэтому было высказано предположеніе, что сорокъ дней пути ошибка, описка, вмѣсто четырнадцати. Предположеніе это и произвольно и мало помогаетъ дѣлу: невозможно найти рукавъ Днѣпра, который отдѣлялся бы отъ него и впадалъ въ другую рѣку. Другіе предполагали, что въ данномъ случаѣ Геродотъ считаетъ отъ истока рѣки, *внизъ* по теченію; принять это мнѣніе также весьма рискованно, потому что оно противорѣчило бы приведеннымъ выше словамъ автора. Естественно было увидѣть въ этомъ указаніе на водный путь (при посредствѣ волока, конечно) отъ средняго Днѣпра на востокъ—къ Приазовью, или къ западу—къ устьямъ Днѣпра и Буга; путь этотъ въ дѣйствительности долженъ былъ идти не порожистымъ и слишкомъ изгибающимся главнымъ русломъ, а по притокамъ, при условіи волока; отсюда предположеніе, что въ текстѣ Геродота слова «Герросъ изливается въ *Гипакиръ*»—должно замѣнить... въ *Гипанисъ*, т. е. въ Бугъ, и слѣдовательно Герросъ есть р. Ингулъ, и въ данномъ случаѣ Геродотомъ указанъ прямой путь отъ средняго Поднѣпровья къ нижнему Бугу, къ г. Ольвіи, главному торгу этой части Черноморья: недалеко къ западу отъ тел. г. Никополя находится много курга-

повъ, въ которыхъ недавно еще видѣли мѣста погребенія скиоскихъ царей.

Другіе ученые, не желая произвольно подставлять Гипанисъ вмѣсто Гипакирь, подобную же водную систему подъ именемъ «Герросъ» предполагаютъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра: рѣчка Конка, р. Самара съ притокомъ Волчьи воды, подходящія къ р. Міусу. Проф. Браунъ этотъ путь указывалъ такъ: р. Конка—волокъ—р. Молочная, впадающая въ Азовское море. Казаки въ XVII в., по Боплану, пользовались такимъ путемъ: Днѣпръ—Самара—Волчья Вода—Міусъ.

Кажется, ближе всѣхъ къ истинѣ предположеніе акад. Соболевскаго, а именно: въ Днѣпръ впадаетъ р. Орель, по лѣтописи р. Ерель; что это слово не славянское, видно изъ того, что лѣтопись переводитъ его иногда словомъ «Уголъ»; далѣе и мѣстность по этой рѣкѣ лѣтопись называетъ также «Ерель», напр., «на мѣстѣ нарицаемомъ Ерель, его же Русь зовуть Уголъ»... А. И. Соболевскій считаетъ вполнѣ возможнымъ переходъ иранскаго Герросъ въ славянскій «Ерель»; то, что славяне заимствовали отъ иранцевъ названія многихъ рѣкъ юга Россіи - это фактъ; по Ерели—Углу безусловно, съ другой стороны, пролегалъ путь, ибо по ней русскіе князья искали кочевья половцевъ, но въ такомъ случаѣ этотъ путь былъ сложнѣе: съ Ерели перебирались въ Сѣв. Донецъ, съ него на Міуссъ или Кальміусъ и въ Азовское море.

Конечно, всѣ эти толкованія являются искусственными. Несомнѣнно лишь то, что мы имѣемъ дѣло съ испорченнымъ извѣстіемъ, возстановить которое невозможно.

Восьмая рѣка Танаисъ—Донъ. Имя «Танаисъ» Донъ носилъ очень долго. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ Геродотъ затемняетъ дѣло, говоря, что Персы перешли Танаисъ (Донъ), прошли землю сарматовъ, будиновъ, наконецъ, добрались до земли оиссагетовъ, въ которой берутъ начало четыре большихъ рѣки, протекающія черезъ владѣнія меотовъ и изливающіяся въ т. наз. озеро Мэотиду, т. е. Азовское море; имена этихъ рѣкъ: Ликъ, Оаръ, Танаисъ и Сиргисъ. Несогласованность извѣстій Геродота мы уже отмѣтили и это обстоятельство лишь подтверждаетъ мнѣніе, высказанное выше. Слѣдовательно, у Геродота выходитъ два Танаиса. «Донъ» слово сарматское (осетинское)—значитъ «вода»; этимъ словомъ могли означать всякую теку-

чую рѣку; можно пріурочить указанныя 4 рѣчки къ впадающимъ въ Азовское море: Крымкѣ, Молочной, Міусу и Кальміусу, если подъ «Оаръ»-Ра не скрывается Волга.

Резюмируя данныя Геродота мы получаемъ выводъ, что подъ Скиѳіей онъ разумѣлъ югъ теперешней Россіи между Дунаемъ и Дономъ (м. б. восточная граница была ближе къ Днѣпру); Геродотъ хорошо зналъ нижнія теченія главнѣйшихъ рѣкъ Черноморскаго и Азовскаго бассейновъ.

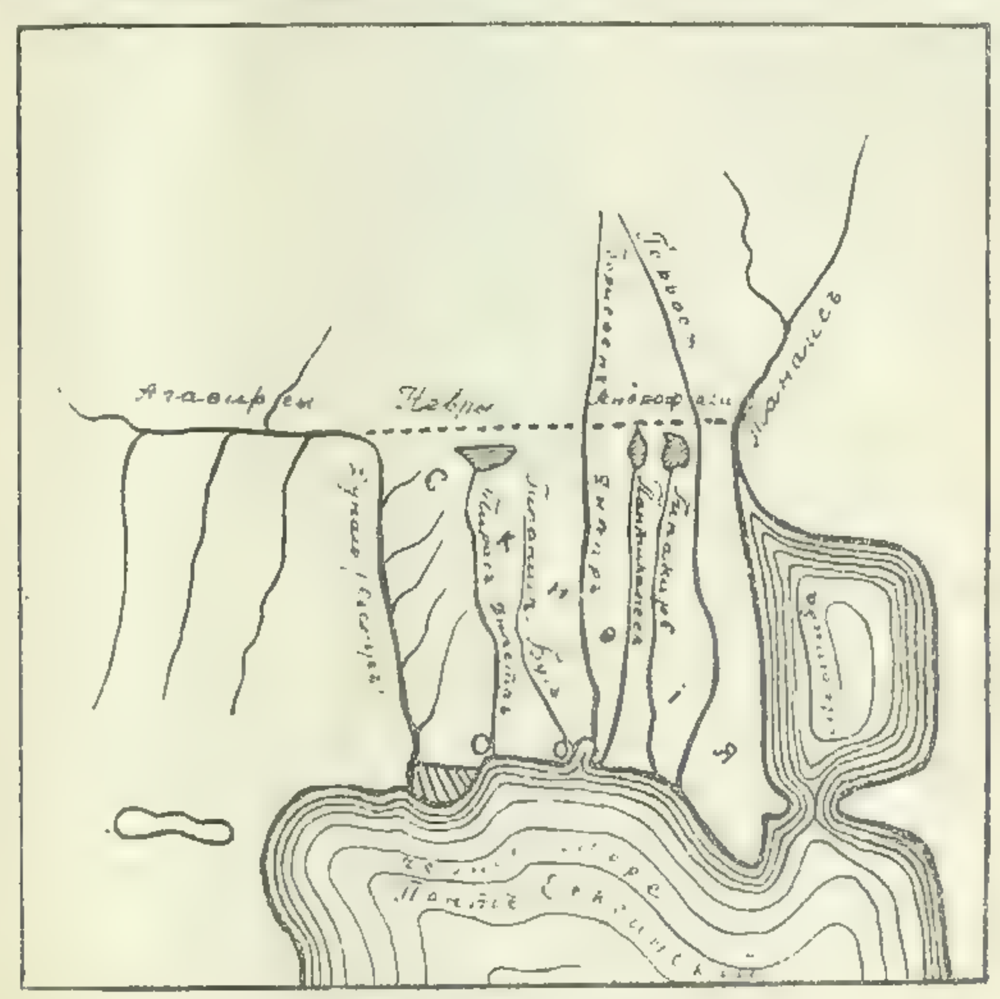

Рис. 2. Скиѳія по Масан'у.

Въ Скиѳіи и сосѣднихъ съ нею земляхъ Геродотъ указываетъ цѣлый рядъ народовъ. Постараемся пріурочить ихъ мѣстожительство къ современной картѣ. И въ этомъ вопросѣ твердаго рѣшенія быть не можетъ. Одни ученые стараются возможно съузить пространство и всѣ указанные народы вплоть до Аргиппеевъ—тюрковъ, помѣщаютъ между Дунаемъ и Волгой,—отрогами Сырта. Мнѣніе это основывается и на томъ предположеніи, что Геродотъ ничего не говоритъ о Волгѣ, а если-бы торговый путь черезъ Волгу

былъ ему извѣстенъ, у него не могло бы не быть свѣдѣній о такой большой рѣкѣ, какъ Волга.

Другіе, съ Томашекомъ во главѣ, полагаютъ, что торговый путь, шедшій, минуя южный Уралъ, къ Алтаю,—былъ извѣстенъ Геродоту до конца; тогда становится понятнымъ, почему Геродотъ говоритъ о какихъ-то предгоріяхъ. Это толкованіе имѣетъ за себя многое: имъ объясняется прежде всего масса золота въ скиѳо-сарматскихъ курганахъ, которое могло приливать только изъ Алтая; кромѣ того, толкованіе это согласуется и съ обще-историческими представленіями: Аргипеи тюрки и не могли еще быть во времена Геродота на Волгѣ, но они могли быть въ предгорьяхъ Алтая. Во времена Птолемея (II в. по Р. X.) тюрки, въ лицѣ гунновъ, стояли на берегахъ Каспійскаго моря; для перехода съ Алтая имъ понадобилось шесть вѣковъ. Геродотовская рѣка Оаръ напоминаетъ, конечно, Ра-финское имя Волги; слѣдовательно можно допустить, что кое-какія свѣдѣнія о Волгѣ у Геродота были.

Во всякомъ случаѣ, приходится колебаться въ самомъ выборѣ той или другой системы объясненія; въ дальнѣйшемъ я буду слѣдовать второй системѣ, толкованію Томашека (Tomaschek, Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden u Die Nach richten Herodots über den skythischen Karawanenzug nach Innerasien см. Sitzungsberichte Вѣнской Акад. Наукъ, т. 117). Начнемъ со скиѳовъ. Ихъ должно размѣстить на пространствѣ отъ Дуная до Дона (или до Герроса, Орели?) Кто такіе скиѳы, что это за народъ, къ какому племени они принадлежатъ?

О скиѳахъ мы имѣемъ прекрасный разсказъ Геродота и много отдѣльныхъ извѣстій позднѣйшихъ авторовъ до 4—5 вѣковъ нашей эры. Но вполнѣ хорошія свѣдѣнія о скиѳахъ только у Геродота, потому что скоро послѣ него слово «скиѳъ» теряетъ свое этнографическое значеніе и становится географическимъ терминомъ. По обыкновенному греческому представленію расположенія народностей, онѣ распредѣлялись такъ: въ центрѣ греки, на сѣверѣ отъ нихъ скиѳы, на западѣ кельты, на востокѣ индусы и на югѣ эѳіопы. «Скиѳъ» скоро становится синонимомъ слова «варваръ», такъ что часто не понять, въ какомъ смыслѣ употреблено это слово. Слѣдовательно, въ основѣ разбора должны лежать свѣдѣнія, сообщаемыя Геродотомъ. Говоря о скиѳахъ, Геродотъ описываетъ ихъ

обряды и обычаи, характеризуетъ ихъ, какъ народъ воинственный, частью осѣдлый, частью кочевой; кочевники-скиѳы не живутъ въ городахъ, а въ повозкахъ и часто—лишь на одномъ конѣ; разсказываетъ объ ихъ жестокости: они пьютъ кровь перваго убитаго врага, головы убитыхъ относятъ къ царю, скальпируютъ убитыхъ и приготовляютъ изъ человѣческой кожи разные предметы (утиральники, плащи, футляры, чучела), изъ череповъ враговъ дѣлаютъ кубки для вина: изъ общей чаши вина, ежегодно устраиваемой начальникомъ, пьютъ лишь тѣ скиѳы, которые умертвили враговъ.—остальные же, какъ обезчещенные, садятся въ сторонѣ, и это самый тяжкій позоръ для нихъ; разсказываетъ Геродотъ о скиѳской банѣ, о побратимствѣ, о похоронахъ царей скиѳскихъ, о гаданіяхъ и знахаряхъ. Когда умираетъ знатный скиѳъ, 40 дней его тѣло возятъ по роднымъ; тѣло скончавшагося царя бальзамируютъ и возятъ отъ народа къ народу; печаль по покойномъ скиѳы выражаютъ такъ: отрѣзываютъ части уха, стригутъ кругомъ волоса, дѣлаютъ на лицѣ порѣзы и царапины; въ могилѣ царя хоронятъ наложницу, слугъ и лошадей, первенцовъ всякаго скота и золотыя чаши; черезъ годъ у его могилы убиваютъ 50 рабовъ, столько же лошадей и дѣлаютъ изъ тѣхъ и другихъ чучелы, которыя и разставляются вокругъ могилы.

Скиѳовъ Геродотъ размѣщаетъ въ области Буга и Днѣпра; ближе къ Ольвіи, которую Геродотъ называетъ торжищемъ борисѳенитовъ, по Бугу жили каллипиды (скиѳы-эллины, т. е. скиѳы подвергшіеся сильному вліянію греческой культуры); къ сѣверу отъ нихъ, выше по Бугу, жили алазоны; сѣверной границей алазоновъ былъ ручей Эксампай; слѣдовательно, каллипиды и алазоны занимали сравнительно небольшое пространство по Бугу на 4 дня пути отъ устья его къ сѣверу (теп. Херсонской губ.); сѣвернѣе алазоновъ—скиѳы пахари въ той мѣстности, гдѣ Днѣстръ и Бугъ ближе всего подходятъ другъ къ другу; сѣвернѣе ихъ жили уже не скиѳы. Четвертое скиѳское племя—скиѳы земледѣльцы по Геродоту, жило надъ Гилеей, между Борисѳеномъ и Пантикапесомъ, т. е. между Днѣпромъ и Ингульцемъ; вверхъ по теченію Борисѳена они занимали пространство на 11 дней пути. Собственно по Геродоту, выходитъ, что скиѳы земледѣльцы жили къ востоку отъ Днѣпра, но мы уже выше указали эту ошибку Геродота; скиѳы

земледѣльцы жили въ восточной части Херсонской губ., м. б. и въ Кіевской. Выше ихъ пустыня, за пустыней жилъ народъ особенный, вовсе не скиѳскій—андрофаги; «еще выше лежитъ настоящая пустыня, не живетъ тамъ насколько мы знаемъ, ни одинъ народъ». Къ востоку отъ скиѳовъ земледѣльцевъ обитаютъ скиѳы-кочевники, не сѣющіе ничего и не пашущіе; они занимаютъ область къ востоку на 14 дней пути, до рѣки Герроса. По эту сторону р. Герроса находятся т. наз. царскія владѣнія и живутъ храбрѣйшіе и многочисленнѣйшіе скиѳы, прочихъ скиѳовъ почитающіе своими рабами. На югѣ они простираются до Таврики, на востокѣ до рва и торжища на Мэотійскомъ озерѣ, называющагося Кремнами; частью они доходятъ до Танаиса. Мѣстоположеніе этихъ скиѳовъ опредѣляется рѣкою Герросомъ, что и представляетъ большія затрудненія. Ровъ, о которомъ говоритъ Геродотъ, прорѣзывалъ Керченскій полуостровъ отъ Чернаго моря до Азовскаго; онъ начинался недалеко отъ Ѳеодосіи и оканчивался при Азовскомъ морѣ, не далеко, отъ Арабата; этотъ ровъ впослѣдствіи служилъ оплотомъ и границей Босѳорскому царству; городъ, торжище, Кремны указываютъ или въ окрестностяхъ тен. Бердянска, напр., Ногайскъ, или западнѣе около Геническа; послѣднее вѣрнѣе; слѣдовательно принявъ Герросъ за рѣку Орель, получимъ, что скиѳы-кочевники занимали сѣверо-западную часть Таврической губерніи и Таврическій полуостровъ до гор. Геническа, а къ востоку отъ нихъ до самаго Дона кочевали скиѳы-царскіе.

Въ 18 вѣкѣ и въ 19-мъ, вплоть до его половины, ученые обращали главное вниманіе, на этнографическіе признаки и, принимая во вниманіе, что скиѳы кочевники, въ нихъ видѣли монголовъ, тюрковъ, финновъ, напр., Нибуръ, К. Нейманъ и Эйхвальдъ. Есть и славянская школа (Иловайскій, Забѣлинъ, Самоквасовъ и др.), которая на основаніи такихъ признаковъ, какъ побратимство, нѣкоторые похоронные обряды и пр., имѣющіеся и у насъ, доказываетъ, что скиѳы—славяне. Въ настоящее время господствуетъ положеніе, что скиѳы принадлежатъ къ иранской вѣтви индоевропейскаго племени. Эта гипотеза основывается:

1) На описаніи физическаго типа скиѳовъ. Сохранились изображенія скиѳовъ, которыя показываютъ, что скиѳы во всякомъ случаѣ не тюрки и не монголы. (Куль - Оба, Чертомлыкъ).

Если бы они были тюрки, то Геродотъ и другіе подчеркнули бы такое обстоятельство, но наружность скиѳа не поражала особенно грековъ,—она была родственна имъ. Когда европейцы увидѣли впервые тюрковъ въ лицѣ гунновъ, то изъ описанія наружности ихъ видно, насколько она поразила европейцевъ—арійцевъ; сама наружность гунна обличала, по тогдашнимъ воззрѣніямъ, ихъ нечеловѣческое происхожденіе; гунны, по описаніямъ, какія-то чудовища. Но въ скиѳахъ ничего не человѣческаго греки не видѣли. О типѣ ихъ наружности довольно подробно говоритъ знаменитый врачъ Гиппократъ, но и въ его описаніи нѣтъ ничего, чѣмъ характеризуется монгольская раса. Вглядываясь въ изображенія скиѳовъ, мы видимъ, что ихъ черты лица родственны намъ. Судить по этнографическимъ признакамъ нѣтъ никакой возможности, такъ какъ лютость на войнѣ, гаданія, различные обряды скиѳскіе мы находимъ у многихъ народовъ, восточныхъ и западныхъ. Всѣ эти признаки, очевидно, для рѣшенія вопроса не должны имѣть большого значенія; скорѣе по наружности скиѳовъ можно сказать, что это родственное намъ европейцамъ племя.

2) Мы имѣемъ далѣе нѣсколько скиѳскихъ словъ: Эксампай—священный путь, аримаспы — одноглазые (арима — одинъ, спу— глазъ), ойорпата—мужеубійца (ойор—мужъ, пата—убивать), имена боговъ (Тавити, Апи, Папай), имена царей, какъ Артоксаисъ, Лейпоксаисъ, Иданѳирсъ, Анахарзисъ, Таргитай. Выводъ современной филологіи, что слова эти индоевропейскія и ближе всего подходятъ къ его иранской вѣтви, древнеперсидскому яз.

Многіе, однако, не согласны съ этимъ выводомъ и склонны думать, что слово «скиѳъ» и тогда уже не имѣло точнаго этнографическаго значенія, а скорѣе обозначало толпу, орду, составленную изъ разныхъ народовъ; указываютъ на то, что всѣ слова, оставшіяся отъ скиѳовъ, принадлежатъ скиѳамъ восточнымъ и считаютъ недоказаннымъ тожество скиѳовъ западныхъ и скиѳовъ восточныхъ; возможно, что это два различныхъ народа.

Такъ скиѳы восточные—кочевники, западные—земледѣльцы. Такую же двойственность видятъ и въ преданіяхъ о происхожденіи скиѳовъ. Одно преданіе разсказываетъ, что скиѳы произошли отъ Геркулеса и Эхидны, дочери Днѣпра; у нихъ было три сына: Агаѳирсъ, Гелонъ и Скиѳъ. Уходя, Геркулесъ оставилъ женѣ лукъ

и поясъ съ золотой чашей; младшій сынъ Скиѳъ съумѣлъ лучше другихъ натянуть отцовскій лукъ и сталъ царемъ. По другому преданію, у Таргитая, сына Зевса и дочери Борисоена было три сына: при жизни ихъ упали съ неба на скиѳскую землю золотые предметы: плугъ, ярмо, сѣкира и чаша, и только младшему брату Колаксаису удалось овладѣть этими предметами; въ виду чего старшіе братья и уступили ему царство. Геродотъ прибавляетъ, что общее названіе всѣхъ скиѳовъ сколоты; скиѳами ихъ назвали греки.

Первое преданіе указываетъ на кочевой, охотничій образъ жизни скиѳовъ, а второе—говоритъ о земледѣльческомъ бытѣ.

Дальше изслѣдователи указывали на разницу въ строеніи череповъ, находимыхъ въ курганахъ восточныхъ скиѳовъ и западныхъ. Но это указаніе не можетъ быть принято, ибо только объ очень немногихъ погребеніяхъ съ полною достовѣрностью можно сказать, что они скиѳскія; хронологія остальныхъ весьма предположительна, напр., многія погребенія, прежде принимаемыя за скиѳскія, теперь считаются сарматскими и т. д. Преданія о происхожденіи тоже не должны имѣть рѣшающаго значенія.

Тѣмъ болѣе, что преданія эти безусловно сильно эллинизованы и находятся въ противорѣчіи съ третьимъ преданіемъ о приходѣ скиѳовъ изъ Азіи, о борьбѣ ихъ съ киммерійцами. Но нельзя не обратить вниманія на то, что восточные кочевые скиѳы господствуютъ надъ западными осѣдлыми; нельзя даже не остановиться на вопросѣ, куда дѣвались скиѳы? Они исчезли, едва ли такъ легко и скоро безъ слѣда могло исчезнуть сколько-нибудь значительное населеніе; легче это должно было случиться съ сравнительно небольшой ордой, господствовавшей надъ покоренными народами; то же, что скиѳы поселившись въ Черноморьѣ, слабѣютъ, весьма замѣтно изъ разсказовъ писателей древности (Скилаксъ).

На это возражаютъ, что текстъ источника, Геродота, не даетъ никакихъ основаній полагать, что онъ различалъ скиѳовъ восточныхъ отъ скиѳовъ западныхъ; напротивъ, Геродотъ имѣлъ точное представленіе о скиѳскомъ народѣ; говоря о сосѣдяхъ ихъ, онъ усиленно подчеркиваетъ, что они *не* скиѳы: такъ невры не скиѳы хотя нравы у нихъ скиѳскіе; андрофаги одѣваются, какъ скиѳы, но народъ особенный вовсе *не* скиѳскій; также меланхлены, хотя образъ жизни у нихъ скиѳскій; даже говоря о родственныхъ скиѳамъ сарматахъ (савроматахъ), Геродотъ добавляетъ, что у нихъ

языкъ скиѳскій, хотя испорченный, т. е. Геродотъ настолько имѣлъ опредѣленное понятіе о скиѳскомъ языкѣ, что отмѣтилъ даже его сарматскую разновидность; отчего же онъ въ такомъ случаѣ ничего не сказалъ о языкѣ *западныхъ* скиѳовъ, которые жили около Ольвіи и съ которыми греки находились въ наиболѣе тѣсныхъ сношеніяхъ? Геродотъ объединяетъ, говоритъ пр. Браунъ, всѣ народности отъ нижняго Дуная до Дона не только въ одномъ имени, но и въ одной этнографической характеристикѣ, противополагая ихъ сосѣдямъ на западѣ и сѣверѣ и даже близкимъ ихъ родичамъ на востокѣ—сарматамъ. Однако, мы выше уже отмѣтили противорѣчія и не согласованность разсказа Геродота (Масан) о походѣ Дарія; тоже наблюденіе и относительно самихъ скиѳовъ: мы видимъ нѣсколько раздѣленій ихъ: на шесть племенъ по образу жизни и мѣстожительству, по положенію (владыки и рабы), по происхожденію: на четыре народности—аухаты, катіары, траспіи и паралаты; въ какомъ отношеніи стоятъ эти раздѣленія—невидно. Разсказъ Геродота о томъ, какъ скиѳы вытѣснивъ киммерійцевъ, гнались за ними въ Малую Азію, вторглись въ нее чрезъ Кавказъ, какъ они господствовали въ Мидіи 28 лѣтъ и остановились на границѣ Египта, полонъ такихъ противорѣчій и несообразностей, что заставляетъ предполагать смѣшеніе въ одно скиѳовъ азіатскихъ и скиѳовъ европейскихъ.

Такимъ образомъ текстъ Геродота даетъ нѣкоторыя основанія полагать, что представленія его о скиѳахъ не были такъ ясны и опредѣленны, какъ это кажется нѣкоторымъ ученымъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, нельзя рѣшительно отвергать предположенія, что подъ скиѳами Геродота должно разумѣть лишь восточныхъ скиѳовъ, жившихъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра; въ такомъ случаѣ народность алазоновъ, каллипидовъ, скиѳовъ пахарей и скиѳовъ—земледѣльцевъ (въ чемъ различіе, напр.. между скиѳами—пахарями и скиѳами—земледѣльцами?) остается рѣшительно не выясненной; они могли быть и остатками киммерійцевъ, и германскимъ, и славянскимъ племенемъ.

Соображенія pro и contra, изложенныя выше, указываютъ на трудность окончательнаго рѣшенія и заставляютъ ограничиться выводами, что скиѳы восточные, господствовавшіе въ Черноморьѣ, были иранцы.

Надъ скиѳами-пахарями выше по Бугу живутъ невры; къ сѣверу отъ невровъ, насколько Геродотъ знаетъ, лежитъ пустыня. «Нравы у невровъ скиѳскіе; за одно поколѣніе до похода Дарія земля ихъ произвела множество змѣй, а еще больше вторглось ихъ изъ верхнихъ пустынныхъ земель, пока, наконецъ, жители не были принуждены покинуть родину и не поселились вмѣстѣ съ будинами. Кажется, что люди эти колдуны; по крайней мѣрѣ, скиѳы и эллины, живущіе въ Скиѳіи, разсказываютъ, что ежегодно однажды каждый невръ становится на нѣсколько дней волкомъ, а потомъ снова принимаетъ человѣческій обликъ. Я не вѣрю этимъ разсказамъ, но такъ говорятъ и разсказы удостовѣряютъ клятвою». Невры жили въ верховьяхъ Буга, по Днѣстру и далѣе къ востоку въ долинѣ р. Припяти. Имя «Невръ» имѣетъ общепризнанное родство съ топографическими названіями Неръ, Нуръ, Нурецъ, Наревъ, Нурская земля, встрѣчающимися именно въ долинахъ Припяти и Нѣмана; такъ какъ эти топографическія названія принадлежатъ славянскому языку, то большинство ученыхъ давно уже высказалось за то, что невры-славяне. Важное это обстоятельство подтверждается и тѣмъ, что восточный скатъ Карпатъ къ Днѣпру имѣетъ за весьма немногими исключеніями славянскую номенклатуру; особенно такимъ характеромъ отличается южный берегъ р. Припяти; слѣдовательно, имѣемъ право видѣть здѣсь въ долинѣ Припяти прародину славянъ въ Европѣ и въ неврахъ Геродота славянъ. Не противорѣчитъ этому и сказка объ превращеніи невровъ въ волковъ; подобныя сказки отъ оборотняхъ широко распространены между славянскими народами, также какъ и между литовскими. Труднѣе объяснить извѣстіе Геродота о змѣяхъ и переселеніи невровъ въ земли будиновъ; одни хотятъ видѣть въ этомъ дѣйствительный фактъ и указываютъ, что если гдѣ въ нашихъ степяхъ до такой степени могли расплодиться змѣи, то, безъ сомнѣнія, въ долинѣ Днѣстра, напр., у Дубоссаръ, вслѣдствіе разлитія рѣки, затопляющей сады, виноградники, огороды и луга; другіе склонны видѣть въ этомъ странномъ разсказѣ указаніе на поклоненіе змѣямъ, распространенное у литовскихъ народовъ; третьи, наконецъ, высказываются, что въ змѣяхъ неврскаго преданія нужно видѣть враговъ, напавшихъ на невровъ съ сѣвера и потѣснившихъ ихъ, если и не всѣхъ, такъ какъ Геродотъ знаетъ ихъ на мѣстѣ прежняго жительства, то, по крайней мѣрѣ, часть ихъ.

Въ итогѣ—съ большою вѣроятностью можно допустить, что невры—славяне и что они жили въ долинѣ р. Припяти (Волынской губ., частью Кіевской).

Далѣе къ востоку и сѣверо-востоку слѣдуетъ рядъ народовъ: андрофаги, меланхлены, будины, оиссагеты, іирки; всѣ они причисляются обыкновенно къ финскому племени. Въ сообщеніи Геродота объ этихъ народахъ мало, а о нѣкоторыхъ изъ нихъ и совсѣмъ нѣтъ признаковъ, на основаніи которыхъ можно было бы причислить ихъ къ той или другой группѣ народовъ. Но a priori должно допустить, что тогда лѣсныя пространства къ востоку отъ Днѣпра заняты были финскими племенами, оставившими глубокій слѣдъ въ мѣстныхъ названіяхъ—финскія названія встрѣчаются не только въ теперешнихъ центральныхъ губерніяхъ, гдѣ финскаго населенія уже вовсе нѣтъ, но даже въ губерніяхъ южныхъ, напр., Курской, Черниговской; кромѣ того немногія данныя Геродота и нѣкоторыхъ позднѣйшихъ писателей о будинахъ и іиркахъ позволяютъ видѣть въ нихъ финновъ. На этихъ основаніяхъ рядъ народовъ, начиная андрофагами и кончая іирками, считается за финновъ.

«Надъ скиѳами—земледѣльцами обширная пустыня: за пустыней живутъ андрофаги, народъ особенный, вовсе не скиѳскій; изъ числа всѣхъ людей андрофаги имѣютъ самые дикіе нравы; нѣтъ у нихъ ни правды, ни закона; андрофаги—кочевники, одѣваются по скиѳски, но языкъ у нихъ особенный; они одни изъ всѣхъ тамошнихъ народовъ употребляютъ въ пищу человѣческое мясо». Приблизительно андрофаговъ слѣдуетъ помѣстить въ Черниговской губерніи. Андрофаги—людоѣды. Томашекъ доказалъ вполнѣ убѣдительно, что въ Геродотовскихъ андрофагахъ должно видѣть предковъ мордвы, жившей тогда много западнѣе и южнѣе, чѣмъ въ историческое время. Мордва долго была извѣстна своей дикостью, негостепріимствомъ; вѣроятно, на этой почвѣ и возникло сказанное о мордвѣ—людоѣдахъ; у послѣдующихъ писателей иногда вмѣсто «андрофаги»—людоѣды стоитъ «амодоки»—сыроядцы; этимъ выясняется почва, на которой возникло извѣстіе о людоѣдствѣ мордвы; подъ нашими широтами это явленіе не наблюдается. За то, что прежде мордва жила на югѣ и граничила съ иранскою вѣтвью аріевъ, говоритъ то, что иранскія слова проникли въ

мордовскій языкъ, слѣдовательно, это сосѣдство нѣкогда было; Томашекъ въ своемъ увлеченіи даже имя Кіева объясняетъ изъ мордовскаго Kawa—камень, но, конечно, такое словопроизводство надо отвергнуть, такъ же, какъ и производство его имени «Мордва» отъ скиѳскихъ «mareta-xwa-людоѣдъ»; невѣроятно, чтобъ мордва стала прозываться такъ, какъ ее звали скиѳы.

Къ востоку отъ андрофаговъ—мордвы земли къ сѣверу отъ царскихъ скиѳовъ были заняты меланхленами, народомъ особымъ, не скиѳскимъ. «Выше меланхленовъ, насколько намъ извѣстно лежатъ озера и безлюдная пустыня. Меланхлены всѣ носятъ черныя одежды, откуда и произошло ихъ наименованіе, а образъ жизни ведутъ скиѳскій». Меланхлены—Черные плащи; конечно, очень трудно на основаніи этого признака сказать, что за народъ меланхлены, но разъ андрофаги признаны мордвою, а поставленные вслѣдъ за меланхленами будины—вотяками, то и въ меланхленахъ можно видѣть финское племя.

Будины народъ многолюдный съ свѣтло-голубыми глазами и съ рыжими волосами. Въ землѣ ихъ есть деревянный городъ по имени Гелонъ. Каждая сторона городской стѣны имѣетъ въ длину 30 стадій, стѣна высока, вся изъ дерева, равно какъ и дома и храмы будиновъ. Тамъ есть святилища эллинскихъ божествъ съ кумирами, алтарями и храмами изъ дерева, а въ честь Діониса устраиваются тамъ каждые два года празднества съ оргіями. Первоначально гелоны были тѣ же эллины, удалившіеся изъ торговыхъ городовъ и поселившіеся среди будиновъ. Одни изъ нихъ говорятъ на скиѳскомъ языкѣ, другіе на эллинскомъ; хотя будины ведутъ такой-же образъ жизни, какъ и гелоны, но говорятъ на языкѣ особомъ. Будины туземцы въ этой странѣ, ведутъ кочевой образъ жизни и одни изъ тамошнихъ народовъ питаются сосновыми шишками; гелоны, напротивъ, земледѣльцы, употребляютъ въ пищу хлѣбъ, занимаются садоводствомъ и не похожи на будиновъ ни сложеніемъ, ни цвѣтомъ кожи. Впрочемъ, у эллиновъ и будины называются гелонами, но это неправильно. Страна ихъ изобилуетъ разнородными лѣсами. Въ обширнѣйшемъ изъ лѣсовъ находится большое озеро, окруженное болотомъ и тростникомъ.

Бобры и выдры тогда и много столѣтій спустя встрѣчались еще во многихъ рѣкахъ Россіи; третій звѣрь съ четыреугольной мор-

дой, можетъ быть куница, можетъ быть, и вѣрнѣе, выхухоль. Трудно далѣе сказать, о какомъ озерѣ говоритъ Геродотъ; онъ прибавляетъ, что будины ѣдятъ сосновыя шишки; одни коментаторы хотятъ видѣть въ этомъ указаніе на кедровые орѣхи и соотвѣтственно указываютъ мѣстожительство будиновъ, но греческое слово their значитъ также «вошь» и небезъизвѣстны народы, которые могутъ быть названы «вшеѣдами». Въ такомъ случаѣ нѣтъ надобности забираться непремѣнно въ область кедровыхъ лѣсовъ, а будины-вшеѣды могли жить въ лѣсистыхъ мѣстахъ Воронежской и Саратовской губерній. Что они—финны, это можно считать доказаннымъ изъ цѣннаго прибавленія Аристотеля, сообщающаго, что у будиновъ есть городъ Cariscos, имя это несомнѣнно финское «Kar»—укрѣпленіе-городъ; Аристотель сохранилъ финское слово, слѣдовательно будины финны, вѣроятно предки теперешнихъ вотяковъ, пермяковъ, зырянъ. Гелонъ—городъ, конечно, греческій т. е. факторія, куда пріѣзжали греки за пушными товарами.

Послѣднія финскія племена, о которыхъ говоритъ Геродотъ, ѳиссагеты и іирки. Объ іиркахъ онъ разсказываетъ, что они замѣчательные охотники: имѣя наготовѣ лошадь и собаку, іиркъ влѣзаетъ на дерево и высматриваетъ звѣря; пускаетъ въ него стрѣлу, собака бросается за звѣремъ, охотникъ на лошади гонится за нимъ же (лошади у іирковъ низкаго роста). Такая охота можетъ происходить лишь въ мѣстности степной, покрытой мелкимъ лѣсомъ, то есть тамъ, гдѣ степная полоса граничитъ съ лѣсной; поэтому предполагаютъ, что Геродотъ незамѣтно для себя забрался въ долину верхняго Иртыша. Іирки это—можетъ быть предки угровъ, югры. А мы узнаемъ, что мадьяры—угры вышли именно отсюда; они родственны остякамъ и вогуламъ; въ такомъ случаѣ и въ ѳиссагетахъ надо видѣть финское племя.

«Если пройти значительную часть этой неровной страны, то встрѣтимся съ обитателями подножья высокихъ горъ; говорятъ, что всѣ они, какъ мужчины, такъ и женщины, плѣшивы отъ рожденія, плосконосы и съ большими челюстями; языкъ у нихъ особый, одѣваются по скиоски, а питаются плодами деревьевъ. Дерево, плодами котораго они питаются, носитъ названіе понтика; оно такой же величины, какъ и фиговое дерево; плодъ его, похожій на бобы, содержитъ въ серединѣ зерно. Когда плоды созрѣютъ, ихъ просу-

шиваютъ чрезъ платокъ и изъ нихъ вытекаетъ густой черный сокъ: добываемая жидкость называется асхи. Сокъ этотъ лижутъ или, смѣшавъ съ молокомъ, пьютъ, а изъ густой части сока приготовляютъ лепешки и ѣдятъ ихъ. Скота у нихъ мало, потому что тамошнія пастбища скудны. Каждый изъ нихъ поселяется подъ деревомъ, которое на зиму прикрываютъ толстымъ бѣлымъ войлокомъ, а на лѣто оставляютъ открытымъ. Никто изъ людей не обижаетъ ихъ, потому что они считаются священными». Далѣе Геродотъ разсказываетъ, что они улаживаютъ раздоры въ средѣ окрестныхъ народовъ, а убѣжавшій къ нимъ изгнанникъ защищенъ отъ какой бы то ни было бѣды. Названіе этого народа аргипеи. Страна до этихъ плѣшивыхъ и народы по сію сторону живущіе хорошо извѣстны. Къ нимъ ходятъ нѣкоторые скиѳы, отъ коихъ, равно какъ отъ эллиновъ изъ торжища Борисоена и прочихъ торжищъ на Понтѣ, можно легко добыть свѣдѣнія. Кто изъ скиѳовъ посѣщаетъ ихъ, тотъ пользуется для своихъ сношеній семью переводчиками и семью языками. И такъ до плѣшивыхъ страна извѣстна, а о народахъ, живущихъ выше ихъ, никто не можетъ сказать съ достовѣрностью ничего, такъ какъ они отдѣлены высокими недоступными горами и никто не переходитъ чрезъ нихъ». Судя по наружности, аргипеи — народъ тюркскаго племени. Геродотъ сохранилъ намъ слово аргипеевъ—«Асхю» (т. е. напитокъ плода понтиконъ,—вѣроятно вишни, или черемухи); этотъ напитокъ и теперь употребляется въ тѣхъ мѣстахъ, а тюркскими народами даже и называется этимъ же самымъ именемъ. Всѣ эти соображенія, вмѣстѣ взятыя, и заставляютъ думать, что іирками кончается финскій міръ, и аргипеями начинается міръ тюркскій. Тогда намъ понятенъ становится и смыслъ выраженія: аргипеи—народъ священный. Въ древнее время нерѣдко было такъ: гдѣ кончались кочевья одного народа и начинались другого, тамъ передовыя мѣста считались неприкосновенными въ интересахъ торговли и другихъ сношеній. Аргипеи послѣдній народъ, который Геродотъ хорошо описывалъ; дальше идутъ уже люди съ козлиными ногами, за ними люди, которые спятъ шесть мѣсяцевъ въ году; къ востоку отъ аргипеевъ исседоны, у которыхъ странный обычай по смерти умершаго родственника приготовлять его въ пищу и угощать имъ гостей. Въ исседонахъ Томашекъ видитъ тибетцевъ. Вотъ тѣ свѣдѣнія, которыя могутъ быть извлечены

Геродотовская Скиѳія на соврем. картѣ.

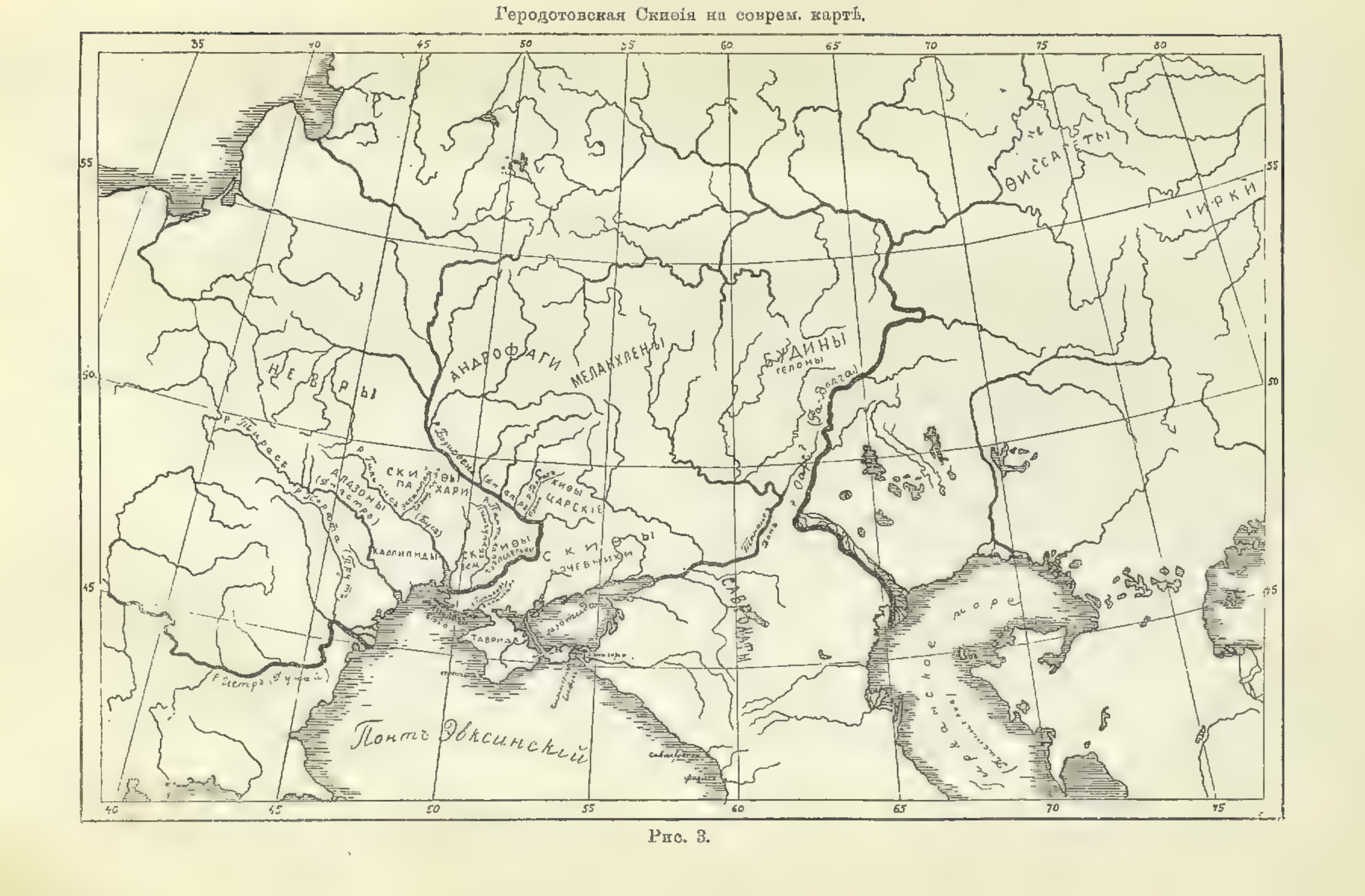

Рис. 3.

изъ Геродота. Въ общемъ какъ они ни легендарны, мы можемъ на основаніи ихъ составить себѣ довольно точное представленіе объ этнографіи Россіи V вѣка до Р. Хр. Мы видимъ въ припонтійскихъ степяхъ иранцевъ, скиѳовъ и сарматовъ; въ верховьяхъ Днѣстра и Буга живутъ невры, предки славянъ (въ долинѣ Припяти); къ сѣверо-востоку отъ скиѳовъ финскія племена, жившія тогда много южнѣе, чѣмъ въ историческое время, а за ними въ предгоріяхъ Алтая первые тюрки. Вотъ выводъ, который можетъ быть сдѣланъ изъ данныхъ Геродота.

Сарматы[1]).

Изъ разсказовъ Геродота выясняется этнографія не только черноморскихъ степей, но и огромнаго пространства, лежащаго между Понтомъ и Алтайскими горами. Слѣдующіе за нимъ писатели не вносятъ чего-либо новаго въ картину Геродота; наиболѣе важное, что находимъ у Аристотеля и Гиппократа, было выше сообщено. Новую этнографическую картину даетъ Страбонъ (род. 63 г. до Р. Х.), одинъ изъ знаменитѣйшихъ географовъ древняго міра.

Страбонъ представлялъ себѣ землю въ видѣ острова, омываемаго океаномъ или внѣшнимъ моремъ. Океанъ этотъ образуетъ четыре большихъ залива, глубоко врѣзывающихся въ континентъ. первый, сѣверный заливъ—Гирканское (Каспійское) море; по тогдашнимъ понятіямъ всякое море должно было имѣть сообщеніе съ моремъ внѣшнимъ, т. е. съ океаномъ,—отсюда возникло и предположеніе о рукавѣ, который соединялъ Каспійское море съ океаномъ; не невѣроятно, что въ основѣ этого предположенія лежатъ также свѣдѣнія о большомъ торговомъ пути къ сѣверу отъ Каспія, большуя часть котораго составляла р. Волга, Страбону по имени неизвѣстная; второй большой заливъ западный т. н. Внутреннее море (Средиземное), Понтъ есть восточный заливъ этого Внутренняго моря; Страбонъ не знаетъ, откуда въ Понтѣ столько воды, т. е. Понтъ ли изливается въ Средиземное море или наоборотъ оно изливается чрезъ Пропонтиду въ Понтъ. Окружность Понта Страбонъ опредѣлилъ въ 25.000 стадій, а Мэотиды (Азовскаго моря) лишь въ

---

1) Литература. Кромѣ указанныхъ выше трудовъ Бруна, Брауна, Латышева, Кондакова и Толстого, Сипо, Bonell, Кулаковскаго.—В. Миллеръ—Эпиграфическіе слѣды иранства на югѣ Россіи (Ж. М. Н. П. 1886 г., № 10). его же ст. въ Ж. М. Н. П. 1882 г., № 8: его же Осет. этюды. Ю. Кулаковскаго—Аланы по свѣдѣніямъ классическихъ и византійскихъ писателей, его же Карта Европейской Сарматіи: А. Спицына—Ист.-археолог. разысканія (Ж. М. Н. П. 1909 г., № 2).

9.000 стадій, но и до Страбона и послѣ него господствовало преувеличенное представленое о Мэотидѣ, которая считалась матерью Понта (Мэотида—Majotis или отъ majo (повиваю) или отъ maja кормилица). Третій и четвертый заливы соотвѣтствуютъ теп. Аравійскому и Персидскому заливамъ.

Страбонъ различалъ три части свѣта: Европу, Азію, Ливію; Нилъ отдѣлялъ Азію отъ Африки, Танаисъ—Европу отъ Азіи; впрочемъ, Страбонъ зналъ и другое мнѣніе: Суэзскій перешеекъ отдѣлялъ Азію отъ Африки, а Кавказскій—Азію отъ Европы.

Въ Европѣ малоизвѣстныя и даже неизвѣстныя страны для Страбона начинались къ востоку отъ Рейна и къ сѣверу отъ Истра. На огромномъ пространствѣ къ сѣверу отъ Истра и къ востоку отъ Рейна Страбонъ знаетъ только то, что по берегу океана отъ устьевъ Рейна до Альбія (Эльбы) живутъ германцы, «страны же, прибавляетъ онъ за Альбіемъ у океана намъ совершенно невѣдомы».

На обширномъ пространствѣ Европейской Скиѳіи Страбонъ указываетъ слѣдующія главныя рѣки: Тирасъ, Борисоенъ, Гипаписъ и Танаисъ. Рѣки эти легко пріурочиваются къ главнымъ рѣкамъ южной Россіи: Днѣстру, Бугу, Днѣпру и Дону. Въ этомъ перечнѣ обращаетъ на себя вниманіе перестановка именъ Гипаниса и Борисоена.

Смѣшеніе Буга (Гипаниса) съ Днѣпромъ (Борисоеномъ) у Страбона объясняется прозваніемъ города Ольвіи, стоявшей на Бугѣ (Гипанисѣ), торжищемъ борисоенитовъ, т. е. по недоразумѣнію названіе города перенесено было на рѣку, а тогда, конечно, настоящій Борисоенъ (Днѣпръ) оставалось назвать Гипанисомъ. Борисоеномъ Страбонъ называетъ Бугъ,—«затѣмъ (т. е. за Тирасомъ) слѣдуетъ рѣка Борисоенъ, судоходная на протяженіи 600 стадій, и не подалеку отъ нея другая рѣка Гипанисъ; въ 200 стадіяхъ по Борисоену лежитъ одноименный съ рѣкою городъ, онъ называется также Ольвіей».

Направленіе этихъ рѣкъ Страбонъ указываетъ далеко не точно. Страбону пришлось считаться съ мнѣніемъ, будто Истръ однимъ устьемъ впадаетъ въ Черное море, а другимъ въ Адріатическое; Страбонъ рѣшительно опровергаетъ эту ошибку. Истръ, по его словамъ, беретъ начало отъ западныхъ предѣловъ Германіи, недалеко отъ

самаго углубленнаго пункта Адріатическаго моря, течетъ сначала къ югу, а потомъ круто поворачиваетъ съ запада къ востоку и Понту, въ который вливается недалеко отъ устьевъ Тираса и Борисѳена, слегка отклоняясь къ сѣверу.

Хуже представляетъ себѣ Страбонъ теченіе Танаиса (Дона): онъ признается, что рѣка выше устьевъ, которыхъ два, почти неизвѣстна. Какъ слѣдствіе, возникли два противоположныхъ мнѣнія о направленіи Танаиса: по первому, Танаисъ беретъ начало въ Кавказкихъ горахъ и, поднявшись далеко на сѣверъ, затѣмъ поворачиваетъ назадъ и впадаетъ въ Мэотиду, а по другому Танаисъ беретъ начало недалеко отъ верхнихъ частей Истра. Страбонъ отвергаетъ оба мнѣнія, «потому что они ничего не приводятъ въ доказательство теченія его изъ столь отдаленныхъ широтъ, какъ будто онъ не можетъ течь изъ близкихъ мѣстностей и съ сѣвера». Тотъ большой изгибъ къ востоку, который дѣлаетъ Донъ, остался совершенно неизвѣстенъ Страбону.

Борисѳенъ и Гипанисъ текутъ параллельно Танаису, а Тирасъ—Истру. Въ общемъ какъ береговая линія, такъ тѣмъ болѣе самый материкъ Страбону менѣе извѣстны, чѣмъ Геродоту: смѣшеніе именъ Буга и Днѣпра, неправильное направленіе Дона и Днѣстра (параллельнаго Дунаю).

Часть Европейской Россіи къ востоку отъ Танаиса лежала, по Страбону, уже въ Азіи и имѣла видъ полуострова: съ запада она граничила Танаисомъ и Мэотидою, съ сѣвера Океаномъ до устья Каспійскаго моря, съ востока—Каспійскимъ моремъ, а съ юга перешейкомъ отъ устья Куры до Колхиды.

Кто же населялъ эти обширныя пространства?

По Истру (Страбонъ знаетъ и другое названіе этой рѣки Danubius), жили геты, даки, трибалы, мисійцы; — народности эти считаются вѣтвями обширнаго *ѳракійскаго* племени, входящаго въ семью индо-европейскихъ народовъ.

Геты и даки, два родственныхъ и близкихъ племени, жили во время Страбона уже по обоимъ берегамъ нижняго Дуная, на обширномъ пространствѣ теперешнихъ Болгаріи, Румыніи, Бессарабіи и Венгріи; пространство это въ настоящее время называется «Карпато-Дунайскою» областью, окаймленною на востокѣ, сѣверѣ и сѣверо-западѣ Карпатами, на западѣ—Восточными Альпами и на

Земная поверхность по Страбону (изъ K. Miller Dieält. Weltkarten).

Рис. 4.

югѣ—Балканами. Еще во времена Геродота здѣсь жили ѳракійскія племена, а восточная часть Молдавіи входила тогда въ составъ Скиѳіи.

Много позже Карпато-Дунайская область играетъ большую роль въ исторіи славянства; она имѣла для славянскихъ племенъ центральное значеніе; вокругъ среднедунайской равнины сгруппированны почти всѣ разновидности славянскаго племени. Отсюда, конечно, рѣшеніе вопроса о первоначальномъ населеніи этой области чрезвычайно важно для русской исторической географіи; вопросъ этотъ имѣетъ тѣсную связь съ вопросомъ о происхожденіи современныхъ намъ румынъ. Но мы можемъ оставить этотъ послѣдній вопросъ въ сторонѣ; для насъ достаточно рѣшить точнѣе, кто такіе были геты и даки—коренные жители Карпато-Дунайской области, которыхъ мы видимъ тамъ отъ временъ Геродота до временъ императора Авреліана (III в. по Р. Хр.); Страбонъ считаетъ ихъ ѳракійцами, равно какъ и другіе писатели древности; важнѣе доказательства лингвистическія. Сохранилось сравнительно много словъ гето-дакійскаго языка: около 40 названій растеній, не мало именъ личныхъ и географическихъ (см. Брунъ, «Черноморье», 1,—247 стр. выписки изъ Röesler, Dacier unb Romänen). На основаніи этихъ данныхъ не всѣ согласились въ тожествѣ гетовъ и даковъ; не мало было разногласій о происхожденіи гетовъ и даковъ; то причисляли ихъ къ ѳракійской вѣтви индо-европейскаго племени, то видѣли въ нихъ германцевъ, кельтовъ, литовцевъ и славянъ.

Однако должно остановиться на первомъ предположеніи, т. е. на ѳракійскомъ происхожденіи гетовъ и даковъ. Страбонъ отводитъ этимъ племенамъ слишкомъ большую территорію для того, чтобы можно было допустить сплошное занятіе ими территоріи; по Страбону земля гетовъ начиналась за Эльбой: южная часть Германіи по ту сторону рѣки Альбія (Эльбы), непосредственно къ ней примыкающая, занята свевами; затѣмъ тотчасъ слѣдуетъ земля гетовъ, сначала узкая, тянущаяся южной стороной вдоль Истра, а противоположной—вдоль предгорьевъ Еркинскаго лѣса, занимая, впрочемъ, и часть самыхъ горъ, затѣмъ расширяющаяся къ сѣверу до Тирагетовъ; точныя границы ея мы указать не можемъ. Еркинскій лѣсъ это—Судетскія: горы Исполиновыя, Судеты и др. (Браунъ, 42): Страбонъ и не скрываетъ, что въ указанныхъ предѣлахъ власти гетовъ

подчинена была большая часть сосѣднихъ племенъ, что геты подъ начальствомъ Беревисты разорили область кельтовъ, совершенно уничтожали боевъ и таврисковъ.

За гетами и тирагетами къ востоку обитали сарматы, за ними, уже за Танаисомъ, Страбономъ указанъ цѣлый рядъ племенъ: скиоы, сарматы—они-же скиоы, аорсы, сираки, мэоты, синды, ахеи, зиги; на сѣверныхъ склонахъ Кавказа племена съ нарицательными именами: спящіе на землѣ, и т. д. Въ этой картинѣ должно отмѣтить исчезновеніе скиоовъ: къ западу отъ Танаиса (Дона) ихъ нѣтъ, мѣста ихъ заняли сарматы и отчасти бастарны. Геродотъ хорошо зналъ сарматъ, которыхъ онъ называлъ савроматами; въ его время они жили къ востоку отъ Дона, но затѣмъ постепенно продвигались къ западу и къ началу христіанской эры переворотъ былъ уже закончeнъ: господство скиоовъ въ южно-русскихъ степяхъ смѣнилось господствомъ сарматовъ; слово «скиоъ» потеряло свое этнографическое значеніе и сохранило только географическое: въ силу традиціи греки долго называли всѣхъ сѣверныхъ варваровъ скиоами.

Многочисленный народъ сарматовъ раздѣлялся на много племенъ: язиги, царскіе сарматы, урги, аланы и роксаланы; весьма близко къ нимъ стояли аорсы, сираки, мэоты; на этомъ основаніи и можно говорить о господствѣ сарматъ на югѣ теперешней Россіи. Сарматы передали странѣ, въ которой жили, свое имя: Восточная Европа очень долго называлась Сарматіей, дѣлившейся рѣкою Танаисомъ на двѣ Сарматіи: Европейскую и Азіатскую.

Писатели древности связывали съ сарматами миоы объ амазонкахъ; быть можетъ, имя «сарматъ» объясняется изъ иранскихъ словъ сар—царь и мада—дѣвушка; сарматы назывались гинекратуменами, т. е. народомъ, управляемымъ женщинами. Геродотъ увѣряетъ, будто ни одна дѣвушка у сарматовъ не выходитъ замужъ прежде, чѣмъ не убьетъ врага; другіе авторы утверждаютъ, что сарматы во всемъ подчинялись женщинамъ, какъ своимъ госпожамъ. Трудно сказать, насколько эти разсказы имѣютъ подъ собою реальную почву, но въ виду, такъ сказать, упорства, съ которымъ многіе писатели толкуютъ объ амазонкахъ въ связи съ сарматами, можно допустить, что еще въ Геродотовское время женщины имѣли у нихъ привилегированное положеніе. Древніе писатели представляютъ сарма-

товъ кочевымъ народомъ, главное богатство котораго табуны и стада, но и земледѣліе не было чуждо этому племени; несомнѣнно также и то, что у нихъ были городки и укрѣпленія, напр., Кондакъ Успе, лежавшій на возвышенномъ мѣстѣ и окруженный стѣнами и рвами; стѣны впрочемъ были не изъ камня, а изъ прутьевъ съ насыпанною въ срединѣ землею. По наружности сарматы не отличались отъ скиѳовъ; они красили въ красноватый цвѣтъ волоса и даже, кажется, лица; объ одеждѣ сарматовъ есть сообщенія у авторовъ, а равно даютъ прекрасное представленіе многочисленныя сохранившіяся изображенія сарматовъ (кафтаны, шаровары, плащи, рубахи, башлыки). Римляне много воевали съ сарматами; потому неудивительно, что они подробно говорятъ о сарматскихъ военныхъ обычаяхъ и вооруженіи ихъ (лукъ со стрѣлами, длинная пика, мечи, кожаные шлемы и панцыри, плетеные щиты: особенно славились ихъ панцыри изъ конскихъ копытъ); изображеніе битвъ и охоты— любимый сюжетъ сарматскихъ памятниковъ (см. Толстого и Кондакова).

Живыя, поэтическія описанія сарматовъ у Овидія въ Tristia (Латышевъ, Scythica, т. II, в. 1) «свирѣпое лицо, грубый голосъ, ни волоса, ни борода не подстрижены; между ними нѣтъ, ни одного, который не носилъ бы налучья, лука и синеватыхъ отъ змѣинаго яда стрѣлъ; десница всегда готова наносить раны, вонзая ножъ, который всякій варваръ носитъ на привязи у бедра»; они кочевали въ своихъ скрипучихъ повозкахъ, возимые волами; позоромъ для себя считали жить не грабежами; «свирѣпый врагъ, вооруженный лукомъ и напитанными ядомъ стрѣлами, осматриваетъ стѣны (г. Томи) на тяжко дышащемъ конѣ; и какъ хищный волкъ несетъ и тащитъ по пажитямъ и лѣсамъ овечку, не успѣвшую укрыться въ овчарнѣ, такъ враждебный варваръ захватываетъ всякаго, кого найдетъ въ поляхъ, еще не принятаго оградой стѣны».

Около Р. Х. сарматскія племена можно размѣстить такъ: Гетская пустыня—приблизительно теперешняя Бессарабія, т. е. пространство отъ устьевъ Дуная до Днѣстра: геты, даки, біессы— народы ѳракійскаго племени, искони обитавшаго по обоимъ берегамъ нижняго Дуная; за ними по Днѣстру—Тирасу—жили тирагеты; восточнѣе, слѣдовательно по Бугу, жили сарматы язиги, еще восточнѣе, къ Днѣпру—царскіе сарматы, съ ними сосѣдили урги;

имя ихъ толкуютъ какъ и сильные, могучія; еще восточнѣе къ Дону и за Донъ роксаланы и аланы; рокс—свѣтлый, блестящій, слѣд,—роксаланы—свѣтлые, блестящіе аланы.

Мы говоримъ урги—могучіе, рокс-свѣтлые, но на какомъ языкѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключаетъ въ себѣ отвѣтъ и на то, что за народъ были сарматы.

Аланы и роксаланы были самыми многочисленными племенами сарматовъ; аланы сжились потомъ съ готами и другими германскими народами и во время великаго переселенія народовъ перекинулись въ Африку, это съ одной стороны; а съ другой—развѣ не слышится въ первой части слова роксаланы «рокс» все еще загадочное для насъ слово «Русь», «рос»; вотъ почему еще въ XVI в. склонны были видѣть въ Страбоновскихъ роксаланахъ предковъ Руси; сторонники этого мнѣнія есть и теперь, но вопросъ этотъ кажется рѣшенъ въ настоящее время безповоротно.

Сарматы по наружности очень схожи со скиѳами, говорили они, по Геродоту, скиѳскимъ языкомъ только, испорченнымъ. Въ надписяхъ южной Россіи, собранныхъ В. В. Латышевымъ, сохранилось много «варварскихъ» сарматскихъ именъ; извѣстный филологъ Вс. Миллеръ разобралъ ихъ и въ результатѣ многія изъ нихъ признаны *иранскими*, иранскаго же происхожденія аланское имя Ѳеодосіи—Ардавда, древнее названіе Судака—Сугдаіа отъ осет. Sndhrad и гора Вриксава; къ группѣ *иранскихъ* языковъ принадлежитъ и теперешній *осетинскій* языкъ; по осет. вода—донъ, фчигъ—перевалъ. Мало того, у осетинъ и теперь новорожденный, кромѣ христіанскаго имени—получаетъ прозвище, для насъ довольно странное: щенокъ, черный песъ, собачье ухо, мать, олень, курица, короткій, желтая голова, худой; такія же прозвища встрѣчаются и въ припонтійскихъ надписяхъ; отсюда, говоритъ Миллеръ, мы должны признать, что осетины, считающіе теперь не болѣе 115.000 душъ, представляютъ остатокъ болѣе крупного народа, который въ отдѣленномъ времени занималъ значительную часть сѣверо-кавказской равнины и доходилъ до нижней Кубани и даже до Дона на западѣ; мало того, продолжаетъ Миллеръ, мы убѣдились, что предки осетинъ входили въ составъ асовъ, хотя это этническое имя уже рано становится географическимъ, соби-

рательнымъ; что иранцевъ слѣдуетъ видѣть въ народѣ аорсовъ, упоминаемомъ Страбономъ на сѣверо-кавказской плоскости; что, наконецъ, къ тому же иранскому племени принадлежатъ азіатскіе сарматы, кочевавшіе во времена Геродота за Танаисомъ. Словомъ изученіе вопроса о происхожденіи осетинъ привело насъ къ убѣжденію, что предки ихъ не были небольшимъ азіатскимъ народцемъ случайно, въ эпоху переселенія, загнанномъ въ Кавказскія горы; напротивъ, они представляются намъ послѣдними остатками обширной группы иранской вѣтви, которая далеко раскинулась въ Средней Азіи въ видѣ цѣлаго ряда народовъ, отъ которыхъ произошли современные персы, афганцы, белучи, курды и др., вмѣстѣ съ тѣмъ за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. они занимали и нѣкоторыя части восточно-европейской равнины—берега Дона, Мэотиды и сѣверное побережье Понта». Интересно, что осетины до сихъ поръ въ своемъ эпосѣ сохранили воспоминанія объ обычаяхъ, приписываемыхъ Геродотомъ Скиоамъ, какъ-то скальпированіе враговъ, утилизація скальповъ, обычай почетной чаши, святость очага.

Сарматскія древности очень хорошо извѣстны. По историческимъ свидѣтельствамъ мы можемъ прослѣдить и превращеніе сарматовъ въ осетинъ и постепенное суженье ихъ территоріи. Приходъ готовъ (см. ниже) въ южнорусскія степи нанесъ первый ударъ господству сарматовъ; часть ихъ отброшена была далѣе къ западу, другіе смѣшались съ готами; третьи, уступивъ мѣсто побѣдителямъ степи между Дунаемъ и Дономъ, кочевали за Дономъ и по Дону; въ концѣ IV в. аланы разгромлены были гуннами, но по уходѣ гунновъ изъ южнорусскихъ степей они снова стали свободно бродить по всему ихъ пространству. Нашей лѣтописи они извѣстны подъ именемъ «ясовъ» (ясы = ассы западныхъ писателей); географическія имена отъ корня «яс», «ас» нерѣдки на югѣ, начиная (на западѣ) отъ г. Яссы (въ Молдавіи), Ясскій торгъ, Аспка (Черниг. губ.). Вѣроятно, сарматы передали русскимъ названія: *Днѣстръ*, раньше Дънѣстръ, сарм. Danastr или правильнѣе Danaistr, т. е. dana и istr; Днѣпръ = Дънѣпръ = Danaper, Донъ и др. [1]) Акад. Соболевскій полагаетъ, что славяне, зная сарматскій языкъ, перевели на свой — большое число мѣстныхъ сарматскихъ названій (Бобръ, Ворона, Сосна, Молочна, Ерель—Уголъ.

[1]) Соболевскій Лингвист. и археологич. наблюд. 1910 г.

Военныя столкновенія нашихъ древнихъ князей съ ясами происходили на нижнемъ Дону и даже въ востоку за Дономъ къ Кубани; но это не исключаетъ того, что отдѣльные роды аланъ—сарматовъ жили значительно западнѣе. Вс. Миллеръ догадывался, что населеніе, повидимому христіанское, половецкихъ городовъ (въ области С. Донца) Сугрова, Балина и др. было, вѣроятно, аланское—асское; аланы еще въ X в. приняли въ массѣ христіанство, когда и была учреждена особая аланская эпархія; отдѣльные роды и лица изъ нихъ принимали христіанство и раньше. Когда татары послѣ 1240 г. изгнали половцевъ изъ нашихъ степей, аланы оказались подъ самымъ Кіевомъ и, конечно, въ Крыму. Такъ Карпини (1243 ч.) разсказываетъ, что въ селѣ на *правомъ* берегу Днѣпра къ югу отъ Канева начальникомъ былъ аланъ, по имени Михей, «человѣкъ преисполненный всякой злобы и коварства»; къ Рубруку (1253 г.) въ Крыму приходили аланы или ассъ (какъ онъ ихъ называетъ), «христіане по греческому обряду, имѣющіе греческія письмена и греческихъ священниковъ»; впрочемъ изъ ученія Христова они почти ничего не знали, кромѣ имени Іисусова [1]. Такимъ образомъ несомнѣнно, что они продолжали бродить въ степяхъ между Днѣпромъ и Кубанью даже въ XIII ст.

Какъ далеко они заходили къ сѣверу? Въ Черниговской губерніи есть названія, по нашему мнѣнію, сарматскія: Ардонъ, Аспка и др.; акад. Соболевскій сарматскими считаетъ названія «Чечора» (Орловск. губ. и др.), Гжать. Едва ли, однако, кочевники могли подниматься такъ далеко къ сѣверу.

Господство иранцевъ—сарматовъ въ южнорусскихъ степяхъ не исключаетъ, конечно, пребыванія тамъ и другихъ народностей. Такъ Страбонъ упоминаетъ о бастарнахъ: «внутри материка бастарны живутъ въ сосѣдствѣ съ тирагетами и германцами, вѣроятно, сами принадлежащіе къ германскому племени; они раздѣлены на нѣсколько колѣнъ: нѣкоторые изъ нихъ называются атмонами и сидонами; тѣ, которые заняли островъ Певку на Истрѣ,—певкинами, а самые сѣверные, занимающіе равнины между Танаисомъ и Борисѳеномъ, называются роксаланами». Это мѣсто Страбона не ясно, и роксаланы попали сюда по недоразумѣнію; но бастарны

[1] А. А. Спицынъ указываетъ рядъ аланскихъ могильниковъ VIII—IX вв. по Дону (напр. у горъ Коротоякскихъ и по Донцу (въ Харьковск. губ.).

показаны между тирагетами, жившими по Тирасу-Днѣстру и германцами, соприкасавшимися съ Вислой; слѣдовательно бастарны занимали какъ будто территорію теперешней Галиціи и сѣверные склоны Карпатъ, но въ то же время они спускались до самаго Дуная: островъ Певка, упоминаемый Страбономъ, въ устьяхъ Дуная. По описаніямъ другихъ авторовъ бастарны были многолюднѣйшимъ, сильнѣйшимъ народомъ, воинственнымъ не знавшимъ ни земледѣлія, ни скотоводства, ни мореплаванія; жены и дѣти ихъ слѣдовали за войскомъ въ повозкахъ. Бастарны раздѣлялись на отдѣльныя колѣна, управляемыя князьками или царьками. Они были хвастливы, высоки ростомъ настолько, что одинъ видъ ихъ наводилъ ужасъ на враговъ (Браунъ, op. cit., 100—101).

Уже писатели древности сомнѣвались, какого происхожденія бастарны; Страбонъ и Тацитъ отмѣтили не безъ колебанія ихъ близость къ германскому племени. «Что касается певкиновъ, говоритъ Тацитъ, славянъ и финновъ, то я колеблюсь причислить ли мнѣ ихъ къ германцамъ или къ сарматамъ». Указавъ сходство ихъ какъ съ германцами, такъ съ другой стороны и съ сарматами, осторожный Тацитъ продолжаетъ: «тѣмъ не менѣе я ихъ также скорѣе отнесъ бы къ германцамъ, такъ какъ они умѣютъ строить дома, знаютъ употребленіе щитовъ и, будучи проворными пѣшеходами, охотно ходятъ пѣшкомъ: всѣхъ этихъ чертъ нѣтъ у сарматовъ, которые живутъ на телѣгахъ и коняхъ». Для рѣшенія столь нелегкаго вопроса мы, располагаемъ (Браунъ) 6—7 словами бастарнскаго языка: три собственныхъ имени—Clondicus, Cotto, Deldon; три этническихъ названія: бастарны, атмоны, сидоны и м. б. названіе рѣки Днѣстра—Agalingus; такъ названъ Днѣстръ на Пейтингеровой картѣ, съ увѣренностью, однако, нельзя сказать, что именно бастарны такъ прозвали Тирасъ.

Большинство ученыхъ было того мнѣнія, что бастарны кельтическаго происхожденія; въ послѣднее время г. Браунъ доказывалъ ихъ германское происхожденіе; основаніе его доказательствъ главнѣйше зиждется на вышеприведенныхъ словахъ Страбона и Тацита и на трехъ указанныхъ этническихъ именахъ. Страбонъ и Тацитъ въ данномъ случаѣ не очень надежные авторитеты, ибо писали о бастарнахъ по слухамъ и разсказамъ; этническія же имена, переданныя иноземцами, слишкомъ ненадежное основаніе, чтобъ на

него можно было положиться: что можно было бы вывести изъ нашего названія «нѣмцы» или латинскаго «germani», даже итальянскаго «tedeschi». Вотъ почему осторожность заставляетъ насъ не высказываться опредѣленно о національности бастарновъ въ томъ смыслѣ, что не рѣшаемся сказать, кто они—кельты или германцы? Одновременно съ ними въ источникахъ часто встрѣчаются рядъ мелкихъ народовъ на юго-западѣ Россіи, какъ то—скиры, карпы, бритолаги; ихъ относятъ обыкновенно частью къ кельтамъ, частью къ германцамъ.

Важнѣйшія перемѣны этнографіи Страбона отъ Геродотовской—замѣна скиѳовъ сарматами, и появленіе на югѣ Россіи племенъ кельтическихъ и германскихъ; о томъ же, что происходило въ лѣсахъ внутренней Россіи, объ этомъ Страбонъ ничего не сообщаетъ.

Страбонъ ничего еще не знаетъ о средней, тѣмъ болѣе сѣверной, Россіи внутреннюю Россію онъ знаетъ меньше Геродота. Постоянныя столкновенія римлянъ съ германскимъ міромъ вели не только къ лучшему ознакомленію ихъ съ Германіей, но и съ восточными сосѣдями ея. Восточной границей Германіи была р. Висла; постепенно римскія свѣдѣнія проникаютъ и къ востоку за Вислу, такимъ образомъ начинаетъ въ извѣстіяхъ древнихъ авторовъ обрисовываться Балтійское море. Со времени Нерона открылись прямыя сношенія Италіи съ Балтійскимъ побережьемъ, куда римскіе купцы стали ѣздить за янтаремъ. Уже Плиній Старшій (ум. въ 79 г. по Р. X.) знаетъ кое-что объ океанѣ, омывающемъ Европу съ сѣвера, называемомъ кимрами Мертвымъ моремъ; на берега острововъ этого океана волны весною выбрасываютъ янтарь; на немъ лежитъ островъ огромной величины «Балція» (Balcia), иными называемый Василіею». Но страны прилегающія къ Балтійскому морю, еще закрыты густымъ мракомъ: жители острововъ этого моря—получудовища: одни изъ нихъ иппоподы (т. е. конепоги), ибо родятся они съ лошадиными ногами; у другихъ огромныя уши прикрываютъ все обнаженное тѣло ихъ, третьи питаются птичьими яйцами и злаками; и только уже къ западу отъ Вислы начинаются страны болѣе извѣстныя; впрочемъ Плиній передаетъ слухъ, что за Вислой живутъ сарматы, венеды, скирры и гирры, а въ океанъ (т. е. Балтійское море) текутъ здѣсь рѣки Гуоалъ, Вискулъ или Вистла (Висла), Эльба и Везеръ. Наше вниманіе должно остановить наименованіе «венеды».

Народы южной Россіи по Страбону.

Бастарны
Язы
Царскіе
Сарматы
Тирагеты
Гети
Даки
Роксоланы
Аланы
Сираки
Аорсы
Понтъ Евксинскій
Гирканское море
Каспійское

Рис. 5.

Слишкомъ хорошо извѣстно, что это есть первое (не считая сомнительныхъ «невры») имя, подъ которымъ славянское племя выступаетъ въ исторіи; такъ называли славянъ германцы, отъ которыхъ названіе это перешло и къ римлянамъ. Итакъ Плиній уже знаетъ, что къ востоку отъ Вислы обитали и венеды: указаніе неопредѣленное, но не противорѣчащее тому, что сказано было выше о неврахъ. Слѣдовательно по Плинію въ сосѣдствѣ съ индоевропейскими народами съ одной стороны иранцами-сарматами, съ другой германцами-скирами жили славяне; не противорѣчатъ этому и выводы языкознанія, по которымъ славянскій языкъ принадлежа къ восточной вѣтви аріевъ, сохраняетъ близкія отношенія къ германскому—изъ западной вѣтви аріевъ.

Сравнительно уже менѣе важно упоминаніе рѣки Гуоала, впадающаго въ море восточнѣе Висклы или Вистлы, т. е. Вислы. Гуѳалъ, вѣроятно, Прегель; не стоитъ ли это имя въ связи съ «готъ»? во время Плинія готы уже жили на южномъ побережьѣ Балтики.

Тацитъ (ум. ок. 117 л. по Р. Х.) значительно полнѣе знаетъ этнографію восточной Германіи, хотя она отдѣляется отъ сарматовъ и даковъ «взаимнымъ страхомъ и горами»; по Тациту извѣстенъ цѣлый рядъ восточно-германскихъ племенъ, жившихъ между Одеромъ и Вислой; знаетъ онъ и населеніе Сарматіи; это, кромѣ сарматовъ, певкины-бастарны, венеды и фенны (fenni). Нельзя сказать, чтобъ онъ ясно различалъ эти племена; онъ колеблется, къ кому причислить бастарновъ, венедовъ и фенновъ, къ германцамъ или къ сарматамъ? О венедахъ онъ говоритъ сравнительно опредѣленнѣе, въ его описаніи наши предки выступаютъ какъ разбойничій народъ; «венеды заимствовали много обычаевъ отъ сарматовъ, они простираютъ свои набѣги на всѣ лѣса и горы, возвышающіеся между певкинами и феннами». «Однако они должны быть скорѣе причислены къ германцамъ, такъ какъ строятъ дома, носятъ щиты и охотно пользуются быстротой ногъ, все это отлично отъ сарматовъ, живущихъ въ кибиткахъ и на коняхъ».

Свидѣтельство это также очень цѣнно: славяне-венеды живутъ между финнами и певкинами. Гдѣ жили певкины, мы видѣли: Певки островъ въ устьяхъ Дуная; но гдѣ жили тогда финны? Отмѣтимъ прежде всего, что Тацитъ имѣлъ хорошія свѣдѣнія о финнахъ;

онъ даетъ мастерскую, рѣдкую по силѣ и ясности характеристику этого племени: «Фенны отличаются необыкновенною дикостью и отвратительною нищетою: у нихъ нѣтъ ни оружія, ни коней, ни пенатовъ; пищею имъ служитъ трава, одеждою—шкуры, ложемъ—земля; всѣ надежды они возлагаютъ на стрѣлы, для острія которыхъ за неимѣніемъ желѣза употребляютъ кости; одна и та же охота кормитъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, ибо послѣднія повсюду сопровождаютъ мужчинъ и требуютъ часть добычи. Для дѣтей нѣтъ другого убѣжища отъ дикихъ звѣрей и отъ дождей, какъ укрываться въ шалашахъ изъ сплетенныхъ вѣтвей. Сюда возвращаются юноши, здѣсь и пристанище стариковъ. Но это они считаютъ болѣе счастливою жизнью, чѣмъ трудиться на поляхъ, работать въ домахъ и дѣлать свою и чужую судьбу игралищемъ надежды и страха; безопасные отъ людей, безопасные отъ боговъ,—они достигли самаго трудного въ жизни—что у нихъ нѣтъ нужды даже желать что-нибудь». За финнами начинался и для Тацита сказочный міръ. У нашего писателя, конечно, нѣтъ опредѣленія мѣстожительства финновъ; по даннымъ другого рода несомнѣнно, юго-западныя поселенія финскаго племени были тогда на Окѣ, даже верхней; на пространствѣ между нижнимъ Дунаемъ и верхней Окой и надо искать венетовъ; если во времена Геродота родина славенъ — долина р. Припяти, то во времена Тацита она должна быть расширена и на юго-западъ (не только доходитъ до Карпатъ, но и за Карпатами), и на сѣверо-востокъ до области Десны и Сейма съ притоками ихъ.

Птолемей.

Ѳ. Браунъ op. cit.
Ю. Кулаковскій. Карта Европ. Сарматіи по Птоломею.

Завершеніе классической географіи дано знаменитымъ астрономомъ и математикомъ Кл. Птолемеемъ (II в. по Р. Х.) въ его «Изложеніи географіи», составленной при имп. Траянѣ и Адріанѣ. Географіей Птолемей называлъ «линейное изображеніе всей нынѣ извѣстной части земли со всѣмъ тѣмъ, что къ ней вообще относится». Весь трудъ Птолемея раздѣленъ на 8 книгъ; Европейская Сарматія въ III книгѣ, Азіатская—въ V кн. Птолемей даетъ массу названій и опредѣляетъ ихъ положеніе *градусами широты* и *долготы*; при трудѣ Птолемея были, очевидно, соотвѣтствующія карты; дошедшія до насъ карты съ его именемъ не его, а составлены позже.

Точное опредѣленіе (градусами) городовъ, рѣкъ, границъ, казалось бы, должно было бы не только выгодно отличать Птолемея отъ его предшественниковъ, но даже могло бы помочь намъ разобраться во многихъ спорныхъ вопросахъ: такъ для Борисѳена Птолемеемъ даны градусныя опредѣленія его сѣвернаго истока, части рѣки у озера Амадока и, наконецъ его устья; дано градусное опредѣленіе устья загадочнаго Герроса, нѣсколько показаній для Танаиса и т. д.

Однако громкая слава, которою пользовался Птолемей въ прежніе вѣка, не только померкла, но смѣнилась почти презрительнымъ отношеніемъ къ нему. Дѣло въ томъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ показанія Птолемея не выдерживаютъ снисходительной критики. Часть ошибокъ Птолемея объясняется невѣрнымъ опредѣленіемъ длины меридіана; не смотря на то, что еще по Эратосѳену $1^{0} = 700$ стадіямъ $= 110$ километрамъ (цифра

очень близкая къ дѣйствительности, т. е. 104,3 в.). Птолемей предпочиталъ считать $1^{\circ} = 500$ ст. или 86,5 в.; въ дѣйствительности Птолемей позволялъ себѣ брать *приблизительныя* опредѣленія: высчитавъ, что 1° параллели Родоса $= 404{,}3$ ст., онъ тѣмъ не менѣе принимаетъ его лишь за 400 стадій. Самые инструменты, при помощи которыхъ производились тогда опредѣленія, были слишкомъ примитивны; такъ даже широту Александріи Птолемей опредѣлилъ въ 31° вмѣсто $31^{\circ}\,11'\,43''$. Главное же, что слѣдуетъ помнить, что данныя Птолемеемъ опредѣленія долготъ и широтъ не есть результаты измѣреній, произведенныхъ на мѣстахъ, они—результаты его вычисленій; такъ напр., зная географическое положеніе Византіи, и зная насколько стадій и въ какомъ разстояніи отъ Византіи лежатъ устья Дуная, Птолемей вычисляетъ и даетъ ихъ широту и долготу; дальше такимъ же путемъ опредѣляется положеніе Тиры, Ольвіи и т. д. При этомъ Птолемей во многомъ зависѣлъ отъ таблицы разстояній, но «путешественники по сушѣ обыкновенно слишкомъ мало принимаютъ во вниманіе изгибы дороги, а мореплаватели—неблагопріятные вѣтры». Въ трудахъ своихъ предшественниковъ—историковъ и географовъ—Птоломей нашелъ много противорѣчиваго и не сумѣлъ разобраться въ этомъ. Съ одной стороны—ошибки общія и частныя, съ другой—ошибки въ источникахъ, неумѣнье или нежеланіе разобраться въ огромномъ матеріалѣ критически, привело къ тому, что многіе ученые склонны были совершенно отрицать значеніе Птолемеевыхъ показаній.

Европейская Сарматія граничитъ на сѣверѣ Сарматскимъ океаномъ, Венедскимъ заливомъ и невѣдомой землей по параллели 62°—63° сѣв. шир.; Венедскій заливъ, т. е. Балтійское море,—часть Сарматскаго океана, омывавшаго съ сѣвера Европу; съ запада Сарматія ограничивается рѣкою Вистулой (т. е. Висла) и Сарматскими горами. Сарматскія горы—часть нынѣшнихъ Карпатъ; южную границу составляютъ языги-переселенцы, Дакія и береговая линія Понта до Азовскаго моря; восточную границу образуютъ Меотида, Танаисъ и меридіанъ, идущій отъ истоковъ Танаиса до 62—63° с. ш.

Азіатская Сарматія граничитъ съ сѣвера съ неизвѣстною землею по 62—63 пар., а съ запада—Европейскою Сарматіей, съ юга—частью Понта и пограничною чертою Колхиды, Иверіи и

Албаніи (Колхида—нын. Мингрелія, Имеретія и Гурія, Иверія—Грузія, Албанія—Дагестанъ и Ширванъ) до Иркапскаго или Каспійскаго моря; съ востока она граничитъ Иркапскимъ моремъ, рѣкою Ра (Волгою) до поворота на 54^0 широты и меридіаномъ отсюда до $62-63^0$ с. ш.

Въ указанныхъ предѣлахъ обѣихъ Сарматій не трудно узнать теперешнюю Европейскую Россію, ограниченную на сѣверѣ 63^0 сѣв. широты (предѣлъ извѣстной Птолемею земли), на западѣ Балтійскимъ моремъ, Вислою и Карпатами, на югѣ—Чернымъ моремъ и Кавказскими горами, на востокѣ — Каспійскимъ моремъ и рѣкою Волгою.

Въ Сарматіи Птолемей называетъ много рѣкъ. Онъ даетъ понятіе о Венедскомъ заливѣ, т. е. Балтійскомъ морѣ; въ него впадаютъ къ востоку отъ Вистулы (Вислы) рѣки: Хронъ, Рудонъ, Турунтъ и Хесинъ, которыя могутъ быть пріурочены такъ: Хронъ=Прегель, Рудонъ=Нѣманъ, Турунтъ=Виндава, Хесинъ=Зап. Двина (см. Кулаковскій, 19) или Хронъ—Нѣманъ, Рудонъ=Виндава, Турунтъ—Зап. Двина, Хесинъ=Пернава (Браунъ, 242). Разсчеты проф. Брауна мнѣ представляются болѣе убѣдительными: отъ Вислы до Хрона по Птоломею почти 242 версты, что приводитъ насъ къ устью Нѣмана. Старинная картографія долго называла р. Нѣманъ—Хрономъ; такое имя эта рѣка носитъ еще на картахъ XVI в. Я. Гастальди и знаменитаго Г. Меркатора. Среди многочисленныхъ рѣкъ Понта и Мэотиды у Птолемея есть и новыя имена, напр. Аксіакъ, который пріурочиваютъ къ р. Тилигулу, р. Каркинитъ, которую пр. Браунъ отождествляетъ съ геродотовскимъ Гипакиремъ и нынѣшнимъ Каланчакомъ и др.; затѣмъ Танаисъ (Донъ) сравнительно хорошо извѣстенъ Птолемею, онъ знаетъ объ его устьѣ, знаетъ его истоки (58^0 сѣв шир. и 64^0 долг.) и поворотъ его къ востоку; нѣсколько измѣреній дано и для Борисоена—въ томъ числѣ и для истоковъ его, но, къ сожалѣнію, повторена ошибка Страбона, т. е. Борисоенъ—Днѣпръ смѣшанъ съ Гипанисомъ—Бугомъ; отчего свѣдѣнія о Борисоенѣ значительно теряютъ свою цѣну; теченіе Тираса—Днѣстра также показано невѣрно: съ запада на востокъ съ ничтожнымъ отклоненіемъ на югъ; изъ рѣкъ Азіатской Сарматіи, называемыхъ Птолемеемъ, слѣдуетъ отмѣтить рѣку Ра=Волга; нашъ авторъ знаетъ

два ея большихъ поворота, знаетъ ея сближеніе съ Дономъ—Танаисомъ.

Птолемей указываетъ рядъ горныхъ хребтовъ и отдѣльныхъ вершинъ въ Сарматіи: Сарматскія горы, Карпатскія, Венедскія, Рипейскія, Амадокскія, гора Аланъ, гора Бодинъ; въ Азіатской Сарматіи указаны: Иперборейскія горы, Иппійскія, Керавнскія и Кавказскія. Для горныхъ хребтовъ даны также градусныя опредѣленія, но именно эти опредѣленія и доказываютъ, насколько внутренность страны была неизвѣстна тогдашнимъ писателямъ; нанесенныя на карту эти горы совершенно фантастичны; разгадать ихъ можно такъ: Сарматскія, Карпатскія, Венедскія и г. Певке—должны быть признаны за одну систему горъ, именно за теперешнія Карпаты; Уральскимъ горамъ соотвѣтствуютъ Иперборейскія горы, хотя по Птолемею онѣ тянутся съ запада на востокъ, наконецъ, Иппійскія, Керавнскія и Кавказскія горы=Кавказу; что касается Рипейскихъ горъ, Амадокскихъ, горъ Алана и Бодина, то мы затрудняемся указать, чему онѣ могли бы соотвѣтствовать. Аланская гора своимъ именемъ какъ будто напоминаетъ Алаунскую возвышенность, но она показана у Птоломея на 55° сѣв. шир. и 62–63 долг., недалеко отъ устья Дона. Рипейскія горы показаны вблизи отъ истоковъ Танаиса—Дона, вѣроятно въ силу традиціи, такъ какъ, по увѣренію древнихъ, Танаисъ вытекалъ изъ этихъ горъ; возможно, что небольшіе кряжи (напр. Донецкій) могли получить то или другое наименованіе.

Этнографическія данныя Птолемея спутаннѣе географическихъ; астрономъ—математикъ онъ остался чуждъ этнографіи.

Въ Европейской Сарматіи имъ указанъ рядъ главныхъ племенъ и народовъ менѣе значительныхъ. Къ главнымъ—отнесены: венеды—жившіе по всему Венедскому заливу, выше Дакіи певкины и бастарны;—по побережью Мэотиды язиги и роксаланы; за ними, внутри, гамаксобіи и скиоы-аланы.

Менѣе значительныхъ народовъ названо 53; въ числѣ ихъ показаны два народа, которымъ скорѣе мѣсто въ первомъ разрядѣ—это гиооны (очевидно готы) и особенно финны, составлявшіе тогда несомнѣнно значительную часть населенія Россіи; но народъ этотъ былъ очень мало извѣстенъ еще классическому міру. Этнографическая картина чрезвычайно пестра.

Всего интереснѣе для насъ—венеды.

Къ несчастью, Птолемеемъ венеды—славяне показаны въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они никакъ не могли жить: венеды жили, по его словамъ, по берегу Венедскаго залива ниже ихъ, около Вислы,—гиѳоны, затѣмъ финны, далѣе сулоны и т. д. По буквальному смыслу Птолемея къ востоку отъ Вислы все побережье Балтійскаго моря (Венедскаго залива) занято было венедами; ниже ихъ, слѣдовалельно ни на морскомъ, ни въ устьяхъ Вислы, жили гиѳоны—готы. Побережье Балтійскаго моря къ востоку отъ Вислы исконп занято было литовскимъ племенемъ, иначе балтами, или аистами; славяне здѣсь никогда не жили; съ другой стороны, готы жили въ устьѣ Вислы на морскомъ берегу. Очевидно, хотя Птолемей и считалъ венедовъ—славянъ одною изъ крупнѣйшихъ народностей Сарматіи и даже отвелъ имъ первое мѣсто, тѣмъ не менѣе они указаны у него географически совсѣмъ невѣрно. Какъ онъ приблизилъ сѣверные хребты Карпатъ, названные имъ Венедскими, къ Балтійскому морю: на картѣ они отстоятъ отъ моря только на 1°, такъ точно онъ придвинулъ къ морю венедовъ-славянъ. Въ этомъ сообщеніи Птолемея крупное и чрезвычайно досадное для славянской науки недоразумѣніе: по всему, что мы знаемъ о славянахъ въ V—VI вв., они и во II-мъ в. были уже многочисленнымъ народомъ, занимавшимъ весьма значительное пространство, и писатель, дающій подробное описаніе Сарматіи II вѣка, признающій венедовъ значительнѣйшею народностью ея, отводитъ имъ мѣстожительство тамъ, гдѣ они не могли жить!

Конечно, наука не могла примириться съ мыслью, что извѣстіе Птолемея такой важности—только ошибка, только заблужденіе. Послѣднюю попытку примирить сообщеніе Птолемея съ дѣйствительностью сдѣлалъ пр. Браунъ (op. cit.).

Онъ полагаетъ, что слово «Венеты», соотвѣтствующее нашимъ «Вятичи»—черезъ юсъ, т. е. вентичи, и обозначавшее впослѣдствіи славянъ, могло первоначально имѣть болѣе обширное значеніе—именно венетами называли всю славяно-литовскую группу народовъ, т. е. подъ венетами писатели того времени могли разумѣть какъ славянъ, такъ и литовцевъ; какъ у славянъ слово это сохранилось въ нашихъ «вятичахъ», или въ «вендахъ» такъ и у литовцевъ въ имени г. Вендена и рѣки Виндавы сохраняется на-

мять о томъ же словѣ, и, слѣдовательно, Птолемей совершенно правильно указываетъ, что побережье Балтійскаго моря къ востоку отъ Вислы занято было Венедами—литовцами; выраженіе же Птолемея—готы живутъ «подъ Венедами»—должно понимать такъ: готы, перейдя Вислу, покорили часть литовцевъ, но едва ли они достигли здѣсь, т. е. между Вислой, Бугомъ и Нѣманомъ, полной осѣдлости; эта область послужила лишь исходнымъ пунктомъ и базисомъ ихъ дальнѣйшихъ передвиженій и перекочевокъ.

Мы не можемъ спорить, какъ объяснить названія Вендена и Виндавы; не знаемъ и того, какой народъ далъ эти имена; но предположеніе г. Брауна представляется намъ произвольнымъ. Славяне отъ литовцевъ отдѣлились за нѣсколько вѣковъ до Р. X., какимъ же образомъ писатель II в. по Р. X. называетъ однимъ именемъ оба эти народа; такое предположеніе тѣмъ произвольнѣе, что уже Тацитъ знаетъ литовцевъ подъ именемъ Aestii, т. е. аисты, какъ они себя называютъ. Допустить такое смѣшеніе равносильно отказу отъ всѣхъ объясненій этническихъ названій; добавимъ, что если Птолемей не даетъ общаго имени для литовцевъ, то въ частныхъ названіяхъ мелкихъ народовъ—*Галинды*—трудно не узнать литовскаго имени *Голяди* нашей лѣтописи; не говоримъ уже о томъ, что неизвѣстенъ ни одинъ писатель, который подъ именемъ *Венетовъ* разумѣлъ бы литовцевъ.

Такимъ образомъ, изъ Птолемея мы можемъ извлечь только одинъ выводъ: главными народностями Европейской Сарматіи были: славяне, германцы (*бастарны* и *певкины*) и сарматы; мѣстоположеніе двухъ послѣднихъ народностей мы знаемъ: венеды жили къ сѣверу отъ нихъ, занимая обширныя пространства къ востоку отъ верхней и средней Вислы и Карпатъ.

Кромѣ главныхъ народностей, Птолемеемъ указанъ рядъ мелкихъ: гиооны, финны, сулоны, фругундіоны и т. д.; о немногихъ изъ нихъ (гиооны, финны) скажемъ ниже; объ остальныхъ не будемъ говорить, такъ какъ отъ нихъ ничего, кромѣ имени, не сохранилось. Совершенно справедливо указано изслѣдователями, что нѣкоторыя имена нарицательныя Птолемей передаетъ, какъ собственныя, напримѣръ трансмонтаны, теп. загорцы, амаксовіи, обитатели кибитокъ; другія названы по имени городовъ, рѣкъ, озеръ, вокругъ которыхъ они жили.

Между бастарнами и роксаланами, т. е. между Днѣстромъ и Днѣпромъ, Птолемей помѣщаетъ народъ «хуны»; безусловно, что гунны выдвинуты Птоломеемъ также далеко на западъ, какъ венеты—славяне на сѣверъ.

Птолемей называетъ въ Сарматіи рядъ городовъ; выгодно отъ своихъ предшественниковъ онъ отличается тѣмъ, что послѣдніе знаютъ только приморскіе города, за исключеніемъ развѣ Гелона, города въ странѣ Будиновъ. Птолемей называетъ рядъ городовъ вверхъ по Тирасу, Борисѳену, Каркиниту и т. д. Нечего и говорить о важности этого рода извѣстій: они бросаютъ новый свѣтъ на исторію Юга Россіи; какъ бы мы ни размѣщали эти города, они настолько близко подходятъ къ славянскимъ поселеніямъ, что не могли остаться безъ вліянія на нихъ.

Такъ по Тирасу—Днѣстру Птолемеемъ указано пять городовъ, не считая Тиры, именно:Ерактъ, Вивантаварій, Клепидава, Мэтоній и Корродунъ; къ теперешнимъ поселеніямъ названія эти различно пріурочиваются—въ нихъ видятъ Тирасполь, Ананьевъ, Ямполь, Балту, Сороки, Бендеры, Хотинъ, Могилевъ, Каменецъ-Подольскій и т. д.; любопытно, что черезъ 8 столѣтій писатель X в. Константинъ Багрянородный также указываетъ по Днѣстру (въ текстѣ у Конст. Багрянороднаго ошибочно Днѣпру) въ сторону болгаръ шесть запустѣвшихъ городовъ въ землѣ Печенѣговъ, начиная съ г. Asprum castrum, т. е. Бѣлгорода=теп. Аккерманъ=древн. Тира. Очевидно, и Константинъ Багрянородный даетъ перечень Днѣстровскихъ городовъ и число ихъ, выше Тиры совпадаетъ съ Птолемеевымъ; имена ихъ совсѣмъ другія—уже тюркскія; именно Тунгаты, Кракнакаты, Сальмакаты, Сакакаты и Іэвкаты. Константинъ Багрянородный добавляетъ, что въ развалинахъ построекъ въ этихъ городахъ находятся слѣды церквей и кресты, высѣченные на известковыхъ скалахъ, откуда и пошло преданіе, что тамъ нѣкогда обитали Ромеи (Кулаковскій, карта 26).

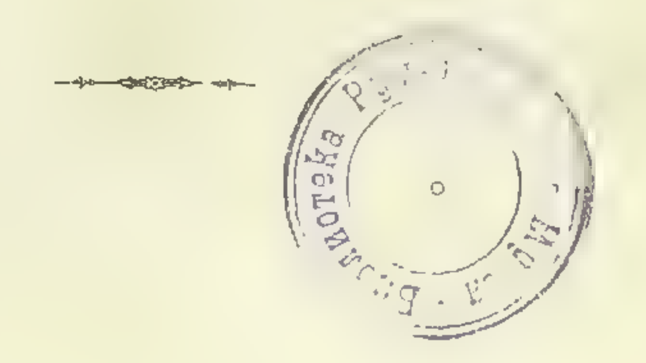
Мы можемъ признать продолжительное существованіе этихъ городовъ—«разъ возникшіе культурные центры торговаго обмѣна естественно сохраняютъ свое существованіе даже во время великихъ катастрофъ и переворотовъ» (ibid. 27), и конечно, признаемъ культурное вліяніе этихъ городовъ на славяно-русскія племена, жившія по Днѣстру. По Днѣпру Птолемеемъ также указанъ рядъ

Карта Птолемея изъ «Periplus» Норденшельда.

Рис. 6.

городовъ; указанія Птолемея въ данномъ случаѣ сбивчивы уже потому, что самое теченіе Днѣпра—Борисоена имъ смѣшано съ теченіемъ Буга. Въ Метрополѣ Птолемея г. Кулаковскій видитъ нашъ Кіевъ, въ Серимѣ—Черниговъ, въ Азагаріи—Рѣчицу и т. д.; города по притоку Борисоена г. Кулаковскій ищетъ по Припяти и въ частности останавливаться на Чернобылѣ, Мозырѣ и т. п. Г. Браунъ много осторожнѣе въ данномъ случаѣ и старается сохранить цифровыя данныя Птолемея: поэтому Метрополь онъ находитъ въ деревнѣ Бѣлозеркѣ, стоящей всего въ 52-хъ верстахъ отъ Ольвіи; слѣды древнихъ развалинъ (каменной мостовой), недалеко стоявшій отъ этой деревни храмъ Матери боговъ—все это и заставляетъ пр. Брауна указать Метрополь въ дельтѣ Днѣпра между Херсономъ и устьемъ; соотвѣтственно этому Серимъ помѣщается въ верстахъ 12 выше Берислава; наконецъ, самый сѣверный городъ по Днѣпру Азагарій, который г. Кулаковскій пріурочиваетъ къ Рѣчицѣ—г. Браунъ ищетъ въ тепер. селеніи Малой Знаменкѣ, недалеко отъ Никополя; равнымъ образомъ вмѣсто городовъ по Припяти, г. Браунъ указываетъ города только по Бугу, напр., Николаевъ, Вознесенскъ, Ольвіополь (приблизительно, оставляя вопросъ этотъ пока открытымъ). Въ общемъ, намъ лично соображенія г. Брауна, какъ основанныя на цифровыхъ данныхъ, представляются болѣе пріемлемыми, чѣмъ соображенія г. Кулаковскаго. Рядъ городовъ указанъ Птоломеемъ къ востоку отъ Днѣпра, между нижнимъ Днѣпромъ, Сивашемъ и Азовскимъ моремъ, но на нихъ мы не будемъ останавливаться. Не мало городовъ показаны также въ бассейнѣ Вислы, напр., *Calisia*-Калишъ (широта дана точно, въ долготѣ незначительная ошибка). Одно изъ любопытнѣйшихъ совпаденій, можетъ быть и совершенно случайныхъ; тутъ же указаны Сетидава, Аскавкались и др.

Готы [1]).

[1]) Iordanis—De origine actibusque Getorum, изд. A. Holder.

Амміанъ Марцелинъ, пер. Кулаковскаго и Сонни.

Scythica et Caucasica — В. В. Латышева (Прискъ Паннійскій, Сократъ и др. историки).

Литература: названныя выше сочиненія Бруна, Брауна, Кулаковскаго.

Tomaschek—Die Goten in Taurien.

Васильевскій—Житіе Іоанна Готскаго.

Дашкевичъ—Приднѣпровье и Кіевъ по нѣкоторымъ памятникамъ древне-сѣверной литературы (Кіев. Ун. Изв.).

А. Н. Веселовскій—Кіевъ-градъ Днѣпра и др. (Ж. М. Н. Пр. 1887, № 6).

Шаровольскій — Сказаніе о мечѣ Тюрф. (Кіев. Унив. Изв. 1906 — 1907 гг., особ. 1907 г. сент.).

Сильверсванъ—Нѣсколько словъ объ одной диссертаціи—разборъ работы г. Шаровольскаго.

Готы—большое германское племя, искони жившее въ сосѣдствѣ съ славянскими племенами. Съ III в. по Р. Х., со временъ имп. Каракалы готы начинаютъ рядъ войнъ съ имперіей: они показываются на нижнемъ Дунаѣ и на сѣверныхъ берегахъ Понта, откуда предпринимаютъ набѣги, сухопутные, позже и морскіе на владѣнія имперіи: на Дакію, Ѳракію и др. области, на небольшихъ судахъ—«камарахъ», позднѣйшихъ однодеревкахъ, готы бороздятъ Черное море, пробираясь то къ его восточнымъ берегамъ (Колхида), то къ южнымъ; чрезъ Пропонтиду они прорывались и въ Средиземное море. Готы, именуемые греческими историками скиѳами, скоро стали страшны для всего населенія восточной части имперіи: Дакія, Ѳракія, Мизія, Малая Азія, острова Средиземнаго моря часто видали у себя готовъ. Въ кровавой битвѣ съ ними близъ Варны палъ имп. Децій (251 г.); нѣсколько лѣтъ позже (269 г.) готы у Ниша (Сербія) были разбиты на голову

имп. Клавдiемъ, получившимъ прозванiе «Gothicus». Несмотря на эту побѣду преемникъ Клавдiя Аврелiанъ вывелъ римское населенiе изъ Траяновой Дакiи, уступивъ ее готамъ; такимъ образомъ Истръ-Дунай сдѣлался границей между римлянами и готами.

Какъ далеко, однако, на сѣверъ и востокъ простирались владѣнiя готовъ? Когда и откуда они пришли и заняли мѣста, въ которыхъ до сихъ поръ владычествовали сарматскiя племена?

Греческiе и римскiе писатели III — V в. не даютъ опредѣленнаго отвѣта на эти вопросы. Они часто называютъ готовъ, нерѣдко именуютъ ихъ также скиѳами или гетами; имя «скиѳъ» давно уже обозначало сѣвернаго варвара; смѣшенiе именъ «готы» и «геты» болѣе чѣмъ понятно. Гораздо больше о готахъ (готѳахъ) говорятъ при описанiи событiй второй половины IV в., когда близился уже конецъ владычества готовъ. Наиболѣе полный разсказъ о появленiи готовъ на сѣверныхъ берегахъ Понта находимъ у готскаго историка, епископа Iордана (VI в. по Р. Х.). Iорданъ (Iordanis, нерѣдко цитируется Iорнандъ) въ своемъ сочиненiи «De origine actibusque Getarum», основывался частью на преданiяхъ и пѣсняхъ готовъ, на ихъ fabula и carmina, частью на трудахъ писателей, писавшихъ о готахъ, изъ которыхъ нѣкоторые до насъ не дошли (Ablavius), частью на личныхъ своихъ свѣдѣнiяхъ и впечатлѣнiяхъ. Повѣтствованiе Iордана не имѣетъ хронологiи, оно безъ годовъ и потому авторъ легко отъ событiй позднѣйшихъ переходитъ къ болѣе раннимъ; повѣтствованiе это сравнительно слабо прiурочено и къ мѣсту: Скандинавiя и Онежское озеро, нижняя Висла, Донъ и Дунай — вотъ мѣста жительства и владычества готовъ, не говоря уже о походахъ ихъ. Если къ этому прибавить ту основную мысль Iордана, что готы и геты одинъ и тотъ же народъ (хотя на дѣлѣ это двѣ совершенно различныхъ народности, геты— ѳракiйцы, а готы—германцы), и что поэтому многое изъ дѣянiй гетовъ разсказывается Iорданомъ, какъ подвиги готовъ, то мы поймемъ, какой малонадежный источникъ сочиненiя Iордана.

Готы, по Iордану, нѣкогда жили въ Скандинавiи, откуда подъ предводительствомъ Бериха вышли на трехъ корабляхъ и пристали къ нижней Вислѣ, гдѣ и поселились, занявъ побережья Балтiйскаго моря на право отъ Вислы; изъ трехъ кораблей одинъ во время пути отсталъ, за что плывшiе на немъ получили прозванье gepanta, что

значитъ по готски «лѣнивый»; потомки ихъ германское племя—гепиды; гепиды заняли самое устье Вислы. При пятомъ, точнѣе по Іордану, при почти пятомъ, преемникѣ Бериха Филимерѣ готы пошли дальше къ югу, прошли чрезвычайно болотистыя мѣстности и заняли страну «Oium», какъ они на своемъ языкѣ называли скиоскія земли, а послѣ побѣды надъ спалами овладѣли и берегомъ Чернаго моря. Такъ, по разсказу Іордана готы оказались въ прежней Скиоіи, теперешней южной Россіи. Указать точно время ихъ водворенія на нашемъ югѣ нельзя, но приблизительно это случилось въ концѣ II в. по Р. Х. Не только Страбонъ, но и Птолемей (II в. по Р. Х.) не знаютъ еще готовъ въ Черноморскихъ степяхъ, хотя Птолемей уже говоритъ о какихъ-то гиоонахъ жившихъ на правомъ берегу Вислы; можетъ быть гиооны-готы. Съ 215 г. готы уже въ южной Россіи, слѣдовательно они водворились въ промежутокъ между 160—215 г. по Р. Х., правильнѣе всего ихъ передвиженіе ставить въ связь съ Маркоманской войной (163 г.). Если это такъ, то водвореніе готовъ на нижней Вислѣ должно отодвинуть лѣтъ на 150 назадъ, ибо только при пятомъ преемникѣ Бериха готы двинулись оттуда на югъ, слѣдовательно занятіе готами праваго берега Вислы произошло не позднѣе 50 г. по Р. Х. До Тацита во всякомъ случаѣ не дошли еще свѣдѣнія о движеніи германцевъ на востокъ за Вислу.

Такимъ образомъ хронологія этихъ двухъ фактовъ изъ исторіи готовъ устанавливается сообразно повѣтствованію Іордана. Труднѣе принять его разсказъ о выселеніи готовъ изъ Скандинавіи. Соображенія по этому поводу проф. Брауна представляются вполнѣ доказательными; готское нарѣчіе, составляя отрасль германскаго языка, вовсе не состоитъ въ ближайшемъ родствѣ со скандинавскими (шведскими, норвежскими) нарѣчіями; напротивъ готы вмѣстѣ съ гепидами, вандалами и бургундами составляли одну группу нѣмецкаго народа, описанную Тацитомъ подъ именемъ Лугіевъ (Lygii), нынѣ называемую вандильцами; народы этой группы, а въ томъ числѣ и готы, жили по Одеру и на востокъ до Вислы. (Браунъ, разысканія 256—331). Вопросъ этотъ, откуда пришли готы на нижнюю Вислу, по существу внѣ области науки русской исторіи; легче однако представить себѣ появленіе на югѣ Россіи народа, жившаго прежде между Одеромъ и Вислой, далѣе потянувшагося къ сѣверу

на нижнюю Вислу и наконецъ, пробившагося къ Дунаю и Черному морю, чѣмъ принять цѣликомъ Іорданово преданіе: народъ который издавна жилъ около верхней Вислы, истоки которой соприкасаются почти съ верховьями Днѣстра и Тиссы, легко могъ спуститься къ Дунаю и Черному морю. Повѣтствованіе Іордана оставляетъ открытымъ рядъ вопросовъ: какъ далеко на востокъ простиралось владычество готовъ во время ихъ болѣе, чѣмъ столѣтней стоянкѣ на побережьѣ Балтійскаго моря? Неневозможно, что именно въ это время завязаны были сношенія готовъ съ нѣкоторыми финскими племенами, жившими на сѣверѣ Россіи, около Бѣлаго и Онежскаго озеръ. Какимъ путемъ готы прошли съ побережья Балтійскаго моря къ берегамъ Понта? Во время этого пути они должны были задѣть славянъ-венетовъ, въ то время густою массою жившихъ отъ Карпатъ до Оки; весьма вѣроятно, что движеніе готовъ на югъ *разрѣзало* славянъ, нарушило единство ихъ жизни; по даннымъ языкомъ, съ II по Р. Х. славяне ужо распались, единства племени уже нѣтъ. Поэтому готы едва ли шли съ Вислы на Днѣстръ, а вѣроятнѣе восточнѣе. Изъ словъ Іордана (§ 4) видно, что они прошли крайне болотистую мѣстность (Пинскія болота?, область позднѣйшихъ дреговичей), т. е. какъ будто они пересѣкли область р. Припяти, но другихъ болѣе опредѣленныхъ укззаній не имѣемъ.

Сарматскія племена не оказали сильнаго сопротивленія новымъ пришельцамъ, въ большинствѣ случаевъ они подчинились власти готовъ. Первоначально готы заняли обширныя пространства на югѣ Россіи отъ Днѣстра (Іорданъ знаетъ оба названія этихъ рѣкъ Tyras и Danastrus, Boristhenes и Danaper) на западѣ, до Танаиса на востокѣ; послѣ того, какъ имъ была уступлена Траянова Дакія (269 г.) ихъ владѣнія расширились до Тиссы; южную гарницу—составляли Дунай и Черное море; восточную Азовское море и Донъ. Труднѣе всего опредѣлить сѣверную границу владѣній готовъ, и однако, именно эта граница наиболѣе интересна для русской исторіи.

Судя по сбивчивому разсказу Іордана (приведя готовъ къ Черному морю, онъ начинаетъ разсказывать эпизоды изъ исторіи гетовъ, имѣвшіе мѣсто за нѣсколько вѣковъ до Р. Х.) готы на новыхъ мѣстахъ не потеряли связи съ прежними своими поселеніями

на нижней Вислѣ, слѣдовательно какъ будто бы сѣверной границей ихъ оставалось прежде всего на западѣ Балтійское море, которое Іорданъ считаетъ за Океанъ. Казалось бы, что готы могли занять такое большое пространство послѣ продолжительныхъ и сильныхъ войнъ съ народами тамъ уже проживавшими. Но Іорданъ молчитъ объ этомъ; почти же всѣ войны готовъ съ населеніемъ теперешней Россіи относитъ ко времени Германариха, славнѣйшаго конунга готовъ. Предшественникъ его Гильдерихъ одолѣлъ вандаловъ, жившихъ къ западу отъ готовъ. Слава его была затемнена славой его преемника Германариха, потомка знатнаго рода Амаловъ. Недаромъ Германариха сравнивали съ Александромъ Великимъ. Онъ покорилъ: Gothoschythos, *Thiudos in Aunxis*, Yasina, Broncos, *Merens*, *Mordens*, Rimniscans, Rogans, Tadzans, Athaul, Navego, Bubegenas, Coldas, т. е. передъ нами каталогъ изъ 12—14 именъ народныхъ, притомъ такихъ, какихъ мы не встрѣчали у прежнихъ писателей. Далѣе Германарихъ справился съ герулами, германскимъ же племенемъ, жившимъ къ востоку отъ готовъ около Азовскаго моря. Затѣмъ онъ покорилъ многочисленнѣйшее племя венетовъ, антовъ и славянъ, наконецъ ему подчинились также аисты, жившіе на большомъ протяженіи по берегу Океана; однимъ словомъ Германарихъ повелѣвалъ всѣми народами Скиѳіи и Германіи.

Уже самый перечень этотъ (§ 23) внушаетъ извѣстное подозрѣніе. Въ перечисленныхъ народахъ не трудно узнать нѣкоторые историческіе народы; въ эту категорію войдутъ: 1) герулы, 2) славяне, названные уже тремя именами: венетами, антами и славянами, 3) аисты, т. е. литовцы; 4) въ первыхъ 14 названныхъ народахъ вниманіе наше немедленно привлекаютъ: Thiudos in Aunxis, Merens, Mordens, Vasina, не трудно какъ будто въ Merens узнать мерю нашей лѣтописи, въ Mordens—мордву, въ Vasina—весь; особенное вниманіе привлекаетъ Thiudos in Aunxis; совершенно правильно оно читается thiudos in Aunxis, послѣднее слово Aunxis на финскомъ языкѣ названіе Онежскаго озера, т. е. thiudos in Aunxis—люди на Онежскомъ озерѣ или даже чудь на Онежскомъ озерѣ; первое толкованіе лучше.

Въ этомъ перечнѣ народовъ Восточной Европы обращаетъ на себя вниманіе новая и сравнительно весьма подробная этнографическая картина. Старинныя имена Геродота и Страбона замѣнены

новыми, также нетрудно замѣтить, что источникъ новыхъ въ литературѣ свѣдѣній—готскій; Іорданъ черпаетъ свои сообщенія изъ живого источника, разсказовъ готовъ. По этимъ извѣстіямъ населеніе тогдашней Россіи представляется прежде всего въ общихъ чертахъ такъ: на югѣ отъ Азовскаго моря до Дуная и дальше по Дунаю почти до поворота его къ сѣверу—германскія племена: герулы, остготы или гріутунги до Днѣстра, за которымъ къ западу вестготы или визиготы или тервинги; побережье океана т. е. Балтійскаго моря на большомъ протяженіи (longissimam ripam) занимали аисты—литовскія племена; очевидно между ними сидѣло многочисленнѣйшее племя венетовъ (славянъ), которое дѣлилось на три вида: венетовъ, антовъ и славянъ; по нѣкоторымъ признакамъ можно думать, что остготы занимали прибрежную полосу Понта; на это указываютъ ихъ прозванія гріутунги (griut песокъ, степь, гріутунги — поляне въ отличіи отъ тервинговъ т. е. лѣсныхъ жителей, древлянъ); къ сѣверу отъ нихъ между восточнымъ склономъ Карпатъ и Донцомъ жило многочисленнѣйшее племя венетовъ, на долю которыхъ приходятся теперешнія губерніи: Подольская, Волынская, Черниговская и Кіевская, съ юговосточной частью Польши; къ сѣверу отъ нихъ до Балтійскаго моря и по берегу его до рѣки Двины и даже дальше до Финскаго залива аисты—литовцы, 3) къ востоку отъ Днѣпра лѣсную область занимали, очевидно, многочисленныя финскія племена, успѣвшія пробраться тогда до Онежскаго озера на сѣверѣ; 4) въ степной полосѣ вмѣстѣ съ готами кочевали и сарматскія племена, оттиснутыя ими къ Дону.

Такая этнографическая картина въ общемъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности IV в. по Р. Х.; только картина эта не полна, и въ разсказѣ Іордана потомъ встрѣтимъ другія племена, напр. Rosomoni.

Совсѣмъ иной вопросъ, дѣйствительно ли Германарихомъ всѣ эти народы были покорены и даже вообще подчинялись ли они власти готовъ.

Въ словахъ Іордана много преувеличенія; Германариху будто бы покорялись всѣ народы Скиѳіи и Германіи. Между тѣмъ изъ его же словъ слѣдуетъ, что подъ конецъ жизни славнаго короля даже вестготы не подчинялись ему; изъ болѣе точнаго разсказа Аммiана Марцеллина видно, что уже въ концѣ 60-хъ годовъ IV в., слѣдовательно

за нѣсколько лѣтъ до смерти Германариха Аталарихъ, вождь вестготовъ или тервинговъ, дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно; такъ онъ въ 369 году заключилъ миръ съ имп. Валентомъ. Поэтому болѣе чѣмъ вѣроятно, что Германариху приписано Іорданомъ больше, чѣмъ оно было въ дѣйствительности. Но вѣрное обозначеніе этнографіи степи южной Россіи, правильное указаніе на многочисленность венетовъ-славянъ, раздѣлившихся на нѣсколько племенъ, совершенно правильныя указанія на литовцевъ и мѣста ихъ поселеній дѣлаютъ маловѣроятнымъ, чтобы обширный финскій міръ остался незамѣченнымъ готами и ихъ историкомъ. Къ тому же мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства общенія готовъ съ финнами, въ языкѣ западныхъ финновъ и мордвы находятъ слова, заимствованныя ими отъ готовъ; наконецъ, ниже увидимъ, что въ IV в. по Р. Х. финскія поселенія, которыя при Геродотѣ спускались приблизительно до широты Кіева, были южнѣе финскихъ поселенія IX—XI в.в., и готы должны были войти въ сношенія съ финнами.

Соображенія эти заставляютъ отнестись отрицательно къ мнѣнію, что въ приведенныхъ строкахъ—habebat siquidem quos domuerat, golthescythos, Thiudos, Inaunxis Vasinabroncos. Merens, Mordens Rimniscans, Rogans, Tadzans Athaul, Navego, Bubogenas Coldas—заключается отрывокъ какой-то пѣсни, содержащій въ себѣ не народныя имена, а поэтическіе эпитеты (мнѣніе Гринберга, цит. по Грушевскому, Кіевская Русь, прил. 3).

Христіанство рано начало проникать къ готамъ при ихъ постоянныхъ сношеніяхъ съ имперіей: черноморскіе греки, аланы, плѣнники, забираемые готами, были проводниками новой вѣры; но это были все-таки случаи единичные. Массовое обращеніе готовъ произошло уже въ послѣднія десятилѣтія пребыванія готовъ въ южной Россіи и оно объясняется скорѣе политическими расчетами готскихъ конунговъ, искавшихъ дружбы и помощи Имперіи. Поэтому и христіанство на этотъ разъ принято было ими въ формѣ аріанства, исповѣдуемаго Валентомъ. Не обошлось и безъ реакціи язычества, разсказъ о которой интересенъ для насъ въ томъ отношеніи, что бросаетъ свѣтъ на то, какъ большинство готовъ жило въ южной Россіи: готовъ-христіанъ сжигали вмѣстѣ съ *шалашами* въ которыхъ они жили. Тоже слѣдуетъ изъ разсказовъ Амміана о

вторженіи имп. Валента (367—369) въ страну готовъ: послѣдніе легко скрывались при приближеніи непріятеля.

Готы покорили значительную часть народовъ, жившихъ въ Европейской Россіи, они основали на югѣ ея царство славныхъ готовъ или Reidgotoland.

Нельзя пройти мимо одного научнаго теченія, связаннаго съ первою частью этого слова Reidth, теченія, теперь уже исчезнувшаго. Небезызвѣстны тѣ трудности, которыя представляетъ изъ себя вопросъ о началѣ и имени *Руси*. Принять цѣликомъ извѣстную легенду начальной лѣтописи представлялось непріемлемымъ даже для многихъ умѣренныхъ норманистовъ, ибо трудно было отрицать, что за нѣсколько десятилѣтій до 862 г. на югѣ Россіи упоминается народъ Русь (Rhos); поэтому немало ученыхъ (Васильевскій, Голубинскій, Малышевскій) склонны были признать существованіе издревле германскаго племени Русь на югѣ Россіи, на берегахъ Азовскаго или Чернаго моря. Въ этомъ же смыслѣ нерѣдко толковалось и извѣстное мѣсто изъ паннонскаго житія Константина (Кирилла) о томъ, что св. Константинъ нашелъ въ Корсуни евангеліе и псалтырь, писанныя «русскими» письменами. «Русскія письмена и толковались, какъ письмена принадлежащія Руси Черноморской или подъ «русскими» письменами видѣли письмена готскія, такимъ путемъ въ наукѣ создалась было готская теорія происхожденія Руси (Васильевскій, Будиловичъ). Теорія эта особеннаго успѣха не имѣла, а теперь ее совсѣмъ оставили, потому что близкое родство готовъ со скандинавскими племенами не подтверждается, имена первыхъ князей нашихъ, дружинниковъ, а равно и названія днѣпровскихъ пороговъ—скандинавскія. Готы владычествовали въ южной Россіи не долго, въ 371 г. на нихъ напали гунны. Объ этомъ важномъ событіи разказываетъ и рядъ византійскихъ писателей, и Іорданъ, и наконецъ—поэтически сага Герварасага. Разсказы Іордана и Герварасаги для насъ имѣютъ особый интересъ, ибо они сохранили нѣсколько географическихъ и этнографическихъ названій, принадлежащихъ, повидимому, южной Россіи. Во-первыхъ готскій конунгъ живетъ въ г. Danpar-Stadir'ѣ, т. е. въ Днѣпровскомъ городѣ.

«Тотъ знаменитый лѣсъ, что зовется темной дубравой»,

«Та священная могила, что стоитъ на землѣ готовъ»,

«Та знаменитая скала, что высится на Днѣпровскихъ мѣстахъ».

Въ Днѣпровскомъ городѣ изслѣдователи часто видятъ Кіевъ; въ такомъ случаѣ начало матери русскихъ городовъ можно отнести къ готскимъ временамъ: сага, конечно, удостовѣряетъ только то, что у готовъ былъ на Днѣпрѣ городъ, въ какомъ именно мѣстѣ Днѣпра она не опредѣляетъ; имя «Кіевъ», кажется, чисто славянское, суффиксъ патронимическій; Danparstadir лежитъ въ области Arheimar; это послѣднее имя хотятъ истолковать (Шаровольскій), какъ область Днѣпра, ибо Іорданъ знаетъ гунтское имя Днѣпра «Var».

Когда внукъ вождь гунновъ былъ оскорбленъ въ Danparstadir'ѣ то гунны вторгаются въ землю готовъ чрезъ лѣсъ Myrkvidr (объясненія этого имени нѣтъ); противники сходятся на Dunheidr'ѣ и на всѣхъ Iasufjoll (Dunheidr — долина Дона, Iassofjoll — ясскія горы, Донецкій кряжъ?); гунны разбиты и бѣгутъ.

Таково поэтическое преданіе о послѣднихъ дняхъ владычества готовъ въ южной Россіи, оно, конечно, прежде чѣмъ дошло до насъ, подверглось многочисленнымъ передѣлкамъ и наслоеніямъ. Въ разсказѣ Іордана также очень замѣтенъ эпическій элементъ; новыхъ географическихъ названій у него нѣтъ, но зато есть любопытные отголоски того, что послѣдовало въ южно-русскихъ степяхъ послѣ пораженія готовъ.

Гунны начали нападать на готовъ еще при жизни Германариха; невесело проводилъ свои послѣдніе дни славный готскій конунгъ. Онъ былъ женатъ на нѣкоей Сванегильдѣ изъ племени Росомоновъ (новая народность тогдашней Россіи), Германарихъ казнилъ невѣрную жену, за что братья, мстя казнь сестры, ранили Германариха мечемъ въ бокъ; король послѣ этого постоянно недомогалъ. Тогда, пользуясь слабостью героя, Баламберъ, вождь гунновъ, сталъ нападать на остготовъ, отъ которыхъ уже отдѣлились вестготы; огорченный Германарихъ умеръ на 90-мъ году жизни; гунны тогда одолѣли готовъ. Вестготы пока временно удалились за Дунай, въ предѣлы имперіи; остготы остались на своихъ мѣстахъ, признавъ надъ собою власть гунновъ; вождемъ остготовъ сталъ Виннтарій; въ счастьи уступалъ онъ Германариху, тѣмъ не менѣе съ болью въ сердцѣ сносилъ иго гунновъ. Желая высвободить свой народъ изъ подъ ненавистной власти, Виннтарій началъ воевать съ антами и вторгся въ ихъ область; жестоко казнилъ

князя ихъ Божа (Boz) съ сыновьями его и 70 вельможами, но Баламберъ не долго позволилъ Винитарію пользоваться побѣдами, напавъ на него и въ рѣшительной битвѣ при р. Ерахѣ (Erac) разбилъ опять готовъ и снова подчинилъ своей власти. Наше вниманіе снова должно привлечь не столько упоминаніе о какихъ то Росомонахъ, сколько борьба остготовъ съ антами, т. е. со славянами; у антовъ была своя область, былъ свой князь, носившій славянское имя Божъ? Гдѣ можно искать территорію антовъ? Конечно только къ сѣверу и востоку отъ южнаго Приднѣстровья и Приднѣпровья, все въ тѣхъ припятскихъ низинахъ, и восточнѣе, гдѣ сложился большой антскій союзъ, включавшій въ себѣ только одну, сколько можно догадываться, восточную половину славянскаго міра.

Это есть послѣдніе факты изъ исторіи пребыванія готовъ на югѣ Россіи; скоро послѣ этого они были увлечены гуннскимъ потокомъ на западъ (см. «гунны»).

Дальнѣйшая судьба готовъ общеизвѣстна, но остается менѣе извѣстною судьба тѣхъ немногихъ, относительно, готовъ, которые не ушли съ главными полчищами, а остались въ предѣлахъ южной Россіи. Когда разсѣялось гуннское царство, то въ Россіи мы видимъ готовъ въ двухъ мѣстахъ: на восточномъ берегу Чернаго моря, между Анапой и Геленджикомъ, и на южномъ берегу Крыма, между Севастополемъ и Керчью.

Готы около Анапы—Геленджика назывались тетракситы (ихъ область раздѣлялась на четыре части, они управлялись четырьмя предводителями, тетрархами). Въ VI в. готы-тетракситы просили Юстиніана прислать имъ новаго епископа. Впослѣдствіи эти немногочисленные готы постепенно растаяли среди многочисленныхъ народовъ самаго разнаго происхожденія толпившихся здѣсь: аланъ, хазаровъ, черкесовъ, половцевъ, позже татаръ.

Другіе ихъ родичи остались на южномъ берегу Крыма и въ Таврическихъ горахъ: ихъ страна называлась Дори; греки ее называли «Климаты»; этимъ именемъ греки обозначали горные округа, въ частности же они подъ Климатами разумѣли именно владѣнія крымскихъ готовъ. Здѣсь въ Мангупѣ (около Бахчисарая) они создали укрѣпленіе. Крымскіе готы поддерживали въ общемъ добрыя отношенія къ Византіи и потому они успѣшнѣе своихъ восточныхъ собратьевъ отстаивали свою независимость отъ хазаръ. Они при-

нуждены были подчиниться послѣднимъ лишь въ концѣ VIII в.; наступившее однако скоро ослабленіе хазаръ дало возможность крымскимъ готамъ снова вступить въ прежнія отношенія съ Византіей. Крымскіе готы были, конечно, христіане. Готская эпархія въ XIII в. возведена была въ достоинство метрополіи, главнымъ городомъ крымской Готіи сталъ Ѳеодори, нын. Мангупъ; кромѣ того, упоминаются готскія общины въ Фаросѣ, Оріандѣ, Ялтѣ, Никитѣ, Гурзуфѣ, Партенитѣ, Ламбадѣ и Алуштѣ. Рубрукъ (1253 г.), описывая свой путь между Салдоніей (Судакомъ) и Керсоной (Корсунь—Херсонесъ), отмѣчаетъ, что здѣсь было сорокъ замковъ, почти каждый изъ нихъ имѣлъ особый языкъ: среди нихъ было много готовъ, языкъ которыхъ нѣмецкій. Очевидно этихъ готовъ и имѣетъ въ виду слово о полку Игоревѣ. Наши древніе памятники знаютъ «гътинъ» и «гъте», страны «гътскыя», хотя памятники Новгорода и Смоленска этимъ именемъ обозначаютъ жителей о. Готланда. Въ концѣ XV в. Иванъ III вступилъ было въ сношеніе съ православнымъ княземъ Мангупа, Исаакомъ (Исайкой), кн. Иванъ хотѣлъ женить своего сына на дочери Мангупскаго князя; но тогда же, въ концѣ XV в. турки овладѣли южнымъ берегомъ Крыма. Въ XVI в. посолъ императора Бузбекъ разговаривалъ въ Константинополѣ съ однимъ изъ крымскихъ депутатовъ и сохранилъ въ отчетѣ своемъ рядъ словъ рѣчи этого депутата, нѣкоторыя изъ нихъ готскія; въ общемъ языкъ депутатовъ былъ очень смѣшанный. Татары называли ихъ «татъ»; конечно это была уже смѣсь гота, хазарина, грека, татарина и т. п. Кажется, при Екатеринѣ II потомки славныхъ готовъ были поселены около г. Маріуполя и извѣстны теперь подъ именемъ маріупольскихъ грековъ. Итакъ въ III—IV в. нашей эры въ припонтійскихъ степяхъ на пространствѣ отъ Дуная до Кавказскихъ горъ и отъ сѣвернаго берега Чернаго моря до приблизительно широты Кіева толпились различные народы: греки, германцы, алане-иранцы, кельты, вѣроятно, что къ нимъ примѣшивались и славянскіе элементы. Наряду съ кочевыми или полукочевыми народами, другіе давно жили въ многочисленныхъ городахъ, разбросанныхъ и по побережью Чернаго и Азовскаго морей и по главнымъ рѣкамъ: Днѣстру, Бугу, Днѣпру и Дону. Совмѣстная жизнь столькихъ народовъ не могла не вызвать начала гражданственности и культуры; чѣмъ дальше отъ моря,

тѣмъ меньше было культуры, но и отдаленные отъ моря народы втягивались въ общій водоворотъ политическихъ и торговыхъ отношеній Черноморья.

Въ концѣ IV вѣка въ край этотъ вторгся новый элементъ—тюркскій, чѣмъ положено было начало продолжительной борьбѣ въ этихъ краяхъ Европы и Азіи, борьбѣ—тянувшейся до конца XVIII в. и наложившей столь сильный отпечатокъ на исторію края и прилегающихъ къ нему земель.

Гунны—Болгары.

Въ концѣ IV в. по Р. Хр., въ 371 г., гунны, напавши на остготовъ, положили конецъ Рейдготландіи, царству славныхъ готовъ. Большинство готовъ, равно аланъ и другихъ народовъ, должно было подчиниться гуннамъ; другіе народы (вестготы) искали спасенія въ бѣгствѣ въ Византію. Все это обстоятельства общеизвѣстныя; нападенія гунновъ и начали такъ назыв. великое переселеніе народовъ.

Гунны, овладѣвъ Черноморьемъ, прошли дальше, безпрестанно угрожая обѣимъ частямъ Имперіи, не говоря уже о болѣе мелкихъ народахъ, съ которыми имъ приходилось сталкиваться: аланы и остготы и др. народы должны были идти къ западу вмѣстѣ съ гуннами. Каталаунская битва (451 г.) и послѣдовавшая вскорѣ смерть Аттилы положили конецъ гуннскому владычеству: огромная держава Аттилы распалась, покоренные гуннами народы снова стали свободными. Куда дѣвались гунны послѣ того, какъ три четверти вѣка они были страшилищемъ для всей Европы.?

Какъ будто вмѣсто нихъ въ томъ же Черноморьѣ, надъ Чернымъ и Азовскимъ морями, сидятъ болгары, показываются авары, далѣе къ востоку вокругъ Каспійскаго моря—хазары. Всѣ эти три

---

[1]) Кромѣ трудовъ Иловайскаго (Розысканія и полемики), Васильевскаго, А. Л. Погодина (изъ ист. слав. передв.), М. С. Грушевскаго Кіевская Русь Голубовскій „Болгары и Хозары", Hirth—Üeber Wolga—Hunnen und Hiung, Marquart—Osteuropäische und ostasiatiche Streifzüqe; Меліоранскій П. М.—Памятникъ въ честь Кюль-Тегина, Розенъ-Куникъ—Извѣстія Аль-Бекри, Радловъ В. В.—Предисловія къ 72 п. Зап. Им: Ак. Наукъ. Извѣстія Русс. Археолог. Института въ Константинополѣ, кн. VII и X; комментаріи къ извѣстіямъ арабовъ въ трудахъ Гаркави, Хвольсона и Вестберга, названныхъ выше.

' Основные источники: Іорданъ, Ам. Марцеллинъ, византійцы—указаны выше.

народа—болгары, авары, хазары—считаются тюрками; о нихъ рѣчь ниже; отсюда заключаемъ, что нашествіе на Европу загадочныхъ гунновъ, во всякомъ случаѣ, втолкнуло въ Европу тюрковъ; авары исчезли безслѣдно, иная судьба была болгаръ и хазаръ. Первые, болгары, раздѣлились на нѣсколько ордъ и основали два государства: Болгарію на нижнемъ Дунаѣ, гдѣ тюрки-болгары скоро ославянились, и теперь болгарами называется одно изъ славянскихъ племенъ, и болгарскій языкъ есть видъ славянскаго языка; въ то же время, Камская Болгарія стала мусульманской, просуществовали до XIII в., и все это время находилась въ постоянныхъ торговыхъ и политическихъ сношеніяхъ съ Русью; хазары продержались до XIII в.; сильные въ VII—VIII в., они включили въ составъ своего государства въ эпоху его расцвѣта южныя славянорусскія племена и дали имъ первоначальную организацію.

Движеніе болгаръ въ Европу стоитъ въ связи съ нашествіемъ гунновъ, даже болѣе, обыкновенно полагаютъ, что болгары—прямые потомки гунновъ; о гуннахъ мы знаемъ не мало, но все, что мы о нихъ знаемъ, не даетъ намъ твердыхъ основаній для опредѣленія ихъ національности.

Амміанъ Марцелинъ и Іорданъ оставили намъ описаніе гуннской наружности. Несомнѣнно, что своею наружностью они производили сильное впечатлѣніе на многихъ европейцевъ. Небольшого роста, безбородые, темнаго цвѣта, съ толстой шеей, маленькими пронзительными глазами, съ широкими щеками, плосконосые, широкоплечіе, кривоногіе гунны казались европейцамъ порожденіемъ дьявола; европейскіе писатели серьезно полагали, что гунны нарочно съ дѣтства безобразили свои лица. Въ этомъ описаніи наружности гунна не трудно увидѣть монгольскій типъ; образъ жизни гунновъ былъ кочевой: всю свою жизнь, можно сказать, они проводили верхомъ, переходя съ мѣста на мѣсто. Этихъ гунновъ, въ концѣ IV вѣка обрушившихся на готовъ, связываютъ съ народомъ Hiung—nu, который задолго до Р. Хр. вошелъ въ соприкосновеніе съ китайцами. Китаю не разъ приходилось воевать съ Hiung—nu, отправлять къ нимъ посольства и т. п.

Китайскія описанія образа жизни гунновъ сходны съ европейскими, кое въ чемъ дополняя послѣднихъ: гунны, говорятъ

китайскія извѣстія, кочуютъ со стадами, держатъ лошадей, крупный и рогатый скотъ, верблюдовъ и муловъ; у нихъ нѣтъ городовъ, но у каждаго гунна есть свой участокъ земли; письменности — нѣтъ вовсе; мальчикъ выучившись владѣть лукомъ, зачисляется въ войско; звались гунны по именамъ, прозвищъ у нихъ не было; ѣли почти исключительно мясо, причемъ старикамъ давалось то, что оставалось послѣ взрослыхъ, назывались они уйгурами (привязанный, присоединенный). Своимъ родоначальникомъ гунны считали Огузъ-хана—главное лицо гуннскаго эпоса. Черты, которыми пѣсня характеризируетъ героя, вполнѣ отразили гуннскій характеръ: лицо его голубое, губы огненно-красныя, глаза черные. Родившись онъ вкусилъ было молока матери, но затѣмъ сталъ просить обыкновенной ѣды; на 4-й день онъ сталъ говорить, въ 40 дней выросъ совершенно.

По тѣмъ же китайскимъ извѣстіямъ видно, что гунны дѣлились на мелкія племена, въ IV в. до Р. Хр. образовали, однако, на берегахъ Енисея при ханѣ Модѣ (Огузъ-ханъ) сильное государство, затѣмъ ихъ стали тѣснить тунгузы.

Новыя черты, смягчающія характеристику китайцевъ, Амміана и Іордана, вноситъ извѣстное описаніе Приска Панійскаго, бывшаго въ посольствѣ къ Аттилѣ. Прискъ наблюдалъ гунновъ, уже въ Панноніи: гунны обитали въ хижинахъ, но у царя были большія хоромы, затѣйливо выстроенныя изъ дерева; меньшія хоромы были у царскихъ любимцевъ, у Онигисія была даже баня, выстроенная ему плѣнникомъ: для переправы чрезъ рѣки гунны употребляли частью плоты, частью одподеревки; дѣвушки ходили подъ покрывалами; замужнія женщины пользовались, сравнительно, большими правами и свободой, несмотря на то, что у гунновъ было многоженство. Византійское посольство представлялось женѣ Аттилы, Крекѣ, подносило ей дары; раньше посольству пришлось переночевать въ деревнѣ, которою правила одна изъ женъ Влиды, брата Аттилы; жена любимца Аттилы Онигисія привѣтствовала царя у порога своего дома. Византійскому посольству въ гуннскихъ деревняхъ доставляли въ продовольствіе просо и, такъ называемые по туземному, меды; слугамъ же вмѣсто меда полагался напитокъ «камосъ», приготовляемый изъ ячменя. Гунны брали хорошо укрѣпленные города съ помощью стѣнобитныхъ и другихъ машинъ.

Китайскія извѣстія слѣдятъ за Hiung-nu и даютъ намъ рядъ характерныхъ извѣстій, позволяющихъ отожествить Hiung-nu съ гуннами. Этотъ конный народъ отличался особой воинственностью. «Мы цѣнимъ, говорятъ они китайцамъ, силу, презираемъ подчиненіе; одного имени нашего будутъ бояться народы; смерть въ бою удѣлъ воина; мы умремъ, но слава о нашей храбрости пройдетъ изъ рода въ родъ; дѣти и внуки наши будутъ вождями народовъ». Отъ этихъ Hiung-nu время отъ времени отрывалась орда болѣе сильныхъ, могучихъ, храбрыхъ и шла на завоеванія. Обыкновенно, въ такихъ случаяхъ у нихъ являлся вождь, который покорялъ народы, жившіе по четыремъ угламъ (странамъ) свѣта, имѣющихъ головы—заставлялъ склонить головы, имѣющихъ колѣна—преклонить ихъ. Одна изъ такихъ ордъ, по китайскимъ извѣстіямъ, еще въ половинѣ I вѣка до Р. X. двинулась изъ Монголіи на западъ, по пути покорила нѣсколько народовъ, наконецъ добралась до теперешняго Туркестана, гдѣ поселилась между Балкашемъ и Аральскимъ озеромъ; изъ этихъ храбрѣйшихъ Hiung-nu добралось до Туркестана едва 3.000 чел., и то, по словамъ Гирта, во время этого завоевательнаго похода къ нимъ примкнуло не мало изъ побѣжденныхъ ими народовъ. Немногочисленные въ Туркестанѣ тюрки, начавшіе именоваться гуннами, увеличились, умножились насчетъ покоренныхъ вокругъ народовъ. Приблизительно чрезъ полтораста лѣтъ къ нимъ подошла изъ ихъ прародины вторая орда; и изъ этой орды добрались до Туркестана сравнительно немногіе. Эти факты рисуютъ гунновъ въ новомъ свѣтѣ. Въ Азіи, какъ позже въ Европѣ, образовывались орды, жившія набѣгами, хищничествомъ; ядро этихъ ордъ составляли тюрки—«Hiung-nu», но къ нимъ присоединялись и другіе народы; очевидно, иногда эти орды увеличивались, какъ снѣжный комъ. Эти тюрки, гіунгъ-ну, по мѣрѣ увеличенія населенія высылали отъ себя орды наиболѣе мужественныхъ и предпріимчивыхъ своихъ сочленовъ на завоеванія. Сообщенія китайскихъ источниковъ находятъ себѣ подтвержденіе въ документальныхъ данныхъ, надписяхъ. У тюрковъ были и свои письмена и обычай ставить памятники и обелиски съ двуязычными и даже трехъязычными надписями въ честь своихъ героевъ. Едва ли нужно говорить о важности этого рода источниковъ, не мало такихъ обелисковъ съ надписями найдено у насъ

въ Сибири; еще не очень давно (въ 1889 г.) г. Ядринцевымъ найдены были два обелиска въ бассейнѣ р. Орхона (притокъ верхняго Енисея). Найденныя и въ настоящее время дешифрованныя надписи принадлежатъ VIII в. по Р. Х. (732 г.), народу тукю изъ рода тѣхъ же гунновъ. Въ этихъ памятникахъ тюркскіе народы сами говорятъ о себѣ; до сихъ поръ наука могла говорить о тюркахъ лишь со словъ китайскихъ и европейскихъ хроникъ. Если исторія гунновъ-тукю въ VII и VIII вв. и не имѣетъ прямого отношенія къ исторіи гунновъ IV—V вв., тѣмъ не менѣе мы имѣемъ полное право провести аналогію между тѣми и другими гуннами. Орхонскія надписи живо рисуютъ, какъ образовывались среди тюрковъ завоевательныя орды. «Мой отецъ выступилъ сначала съ 17 мужами; услышавъ вѣсть, что онъ бродитъ за предѣлами, жители городовъ поднялись въ горы, а жители горъ спустились и составили отрядъ въ 70 мужей. Двигаясь съ войскомъ впередъ и назадъ (на востокъ и западъ), каганъ собиралъ и поднималъ людей, такъ что у него стало 700 мужей. Сорокъ семь разъ онъ ходилъ съ войскомъ и далъ двадцать сраженій; онъ отнялъ племенные союзы у имѣвшихъ ихъ и отнялъ кагановъ у имѣвшихъ кагановъ». Конечно, иногда счастье измѣняло народу и тогда онъ «ходилъ на западъ и на востокъ и въ странахъ, куда онъ ходилъ, кровь его (народа) бѣжала, какъ вода, и кости его лежали, какъ горы; крѣпкіе сыновья его становились рабами, а чистыя дочери его—рабынями; внутри народа не было пищи, а снаружи—одежды». Но если судьба опять улыбалась готовому погибнуть племени, новый каганъ снабжалъ платьемъ нагой народъ, малочисленный дѣлалъ многочисленнымъ, а неимущій—богатымъ.

Передъ нами картина народа живущаго исключительно войной, набѣгами, грабежами. Сравнительно легко образуется орда, которая растетъ насчетъ окрестныхъ обитателей, которая впитываетъ въ себя по пути весьма разнородные элементы.

Поселившаяся въ Туркестанѣ гуннская орда, подкрѣпленная новыми выходцами, рано вступила въ сношенія съ аланами-сарматами, кочевья которыхъ доходили до Аральскаго озера. Постепенно продвигаясь къ западу, гунны овладѣли аланской землей, по несовсѣмъ опредѣленнымъ китайскимъ извѣстіямъ, это едва ли не случилось уже около 355 г. по Р. Х. Затѣмъ, разгромивъ готовъ,

гунны стали господами въ южной Россіи, въ 375 г. они стояли уже на нижнемъ Дунаѣ и расположились въ Паннонiи.

Изъ Панноніи гунны двинулись подъ предводительствомъ Аттилы на западъ, угрожая обѣимъ частямъ имперіи. Каталаунская битва (451 г.) и послѣдовавшая вскорѣ смерть Аттилы положили конецъ гунискому владычеству. Куда дѣвались гунны послѣ того, какъ три четверти вѣка они были страшилищемъ для всей Европы? По смерти Аттилы среди гунновъ и многочисленныхъ покоренныхъ имъ народовъ (готы, гепиды, алане, герулы и др.) начались междоусобія, во время которыхъ геройскою смертью палъ любимый старшій сынъ Аттилы Еллакъ; его родственники бѣжали снова къ берегамъ Понта, гдѣ прежде (т. е. до прихода гунновъ), занимали мѣсто готы; младшій сынъ Аттилы Ирна (Hernac) поселился со своей ордой въ Малой Скиѳіи (нынѣ Добруджа); черезъ нѣсколько времени гунны напали было на поселившихся въ Панноніи готовъ, но были разбиты на голову и принуждены были бѣжать въ тѣ страны Скиѳіи, которыя омываютъ волны Днѣпра, названнаго гуннами «Гуннаваръ»; чрезъ нѣсколько времени Дницигъ, сынъ Аттилы, съ оставшимися въ подчиненіи у него Улцинзурами, Ангисцирами, Биттугурами и Бардорами (Ultzinzures, Angisciros, Bittungures, Bardores) напалъ на готовъ, но потерпѣлъ такое пораженіе, что гунны до сего дня (т. е. до времени самого Іордана) страшатся готскаго оружія. Изъ разсказа Іордана слѣдуетъ, что гунны, по смерти Аттилы, потеряли владычество надъ покоренными народами, разбились сами на орды, и принуждены были вернуться въ черноморскія степи.

Судя по китайскимъ сообщеніямъ, извлеченнымъ и объясненнымъ недавно пр. Гиртомъ, поселившіеся въ южной Россіи гіунъну около 455 г., отправили посольство къ китайскому императору съ просьбою объ освобожденіи захваченныхъ въ плѣнъ гуннскихъ купцовъ въ Китаѣ. Страна, въ которой жили теперь гунны, называется китайцами Сук-так или Антсай и Алан-ли, т. е. страна Аланъ. Китайскій историкъ добавляетъ, что съ того времени, какъ гунны убили аланскаго вождя и завладѣли ихъ землей, прошло три поколѣнія. Считая на три поколѣнія сто лѣтъ отъ 455 г., получаемъ 355 г., какъ годъ, когда гунны овладѣли аланами; у китайцевъ названъ и вождь гунновъ Гутнгай-ли; пр. Гиртъ полагаетъ, что это

есть передѣлка имени Ирпа (Hernac), которое по Іордану носилъ младшій сынъ Аттилы.

Два свидѣтельства, столь далеко по мѣсту отстоящія одно отъ другого, разсказываютъ объ одномъ и томъ же фактѣ и позволяютъ, кажется, установить, что разбитые, распавшіеся на орды гунны вернулись въ припонтійскія страны и кочевали тамъ и въ V и въ VI вв. Затѣмъ писатели византійскіе и армянскій географъ Моисей Хоренскій (VII в.) называютъ по Азовскому и Черному морю рядъ ордъ. Прокопій, хорошо знавшій мѣстныя обстоятельства, называетъ орды кутургуровъ къ западу отъ Днѣпра и утургуровъ—къ востоку отъ него; онъ же называетъ ихъ гуннами. Византія съ обоими этими народами находилась въ довольно тѣсныхъ сношеніяхъ; слѣдуя обычной своей политикѣ, она не разъ возстановляла одно колѣно гунновъ на другое. По Прокопію весь югъ Руси отъ Дуная до Кубани занятъ былъ гуннами, кутургурами и утургурами, позже здѣсь же называются: гунногундуры, болгары, котраги, гуннроболгары; армянскій же географъ Моисей Хоренскій VII в. называетъ четыре болгарскихъ орды по именамъ рѣкъ, по которымъ они кочевали: купи-болгаръ, т. е. кубанскіе болгары, дучи-болгаръ, или правильнѣе кучи-болгаръ —Днѣпровскіе болгары (Couzou по турец. Днѣпръ), Олхонторъ—болгары Волжскіе (?), Чдар — болгары Донскіе (?).

Можно-ли, однако, считать, что эти болгарскія орды VI—VII вв. потомки гунновъ? Что они имъ родственны, что они тюрки — это увидимъ ниже. Полагаю, да, т. е., что подъ этими именами скрываются тюркскія народности, извѣстныя намъ подъ именемъ гунновъ, бывшія подъ начальствомъ Аттилы. Свидѣтельство Іордана и китайскія съ несомнѣнностью устанавливаютъ фактъ пребыванія въ V и VI вѣкахъ надъ Чернымъ моремъ гіунгъ-ну, т. е. гунновъ; едва ли будетъ правильно полагать, что гунны исчезли безслѣдно, растаяли: гуннская орда не могла быть незначительна, разъ она владычествовала надъ столькими народами.

Что же съ ними случилось дальше: «въ странѣ, въ которой я живу, разсказываетъ хазарскій царь Іосифъ, проживали нѣкогда венентеръ; тогда пришли наши предки хазары и бились съ ними; венентеръ было такъ много, какъ песку въ морѣ, но они все-таки не могли противостоять хазарамъ и покинули свою страну и убѣ-

жали, а хазары ихъ преслѣдовали, пока они не оттѣснили ихъ къ рѣкѣ Дуна» (Дунай).

Вторженіе хазаръ въ VII ст. заставило гунновъ двинуться въ разныя стороны; изъ пяти ордъ, на которыя дѣлились гунны-болгары въ VII в., одна подъ предводительствомъ Аспаруха перешла Дунай, завоевала древнюю Мизію и покорила жившихъ тамъ славянъ; другія откинуты были выше по Волгѣ и основали царство камскихъ болгаръ; третьи остались въ южно-русскихъ степяхъ и извѣстны нашей лѣтописи подъ именемъ черныхъ болгаръ.

На чемъ основаны эти выводы? Въ просторѣчіи, въ обыденной жизни болгаринъ—нашъ братъ славянинъ, болгарскій языкъ—разновидность славянскаго языка. Съ другой стороны, въ какомъ народѣ теперь сохранились камскіе или черные болгары?

Вопросы эти всегда были трудными для русской исторической науки, и не мало совершенно неправильныхъ мыслей высказано по этому поводу.

Недавно сравнительно произведенныя раскопки въ Болгаріи, въ мѣстности Абоба, которая должна быть признана колыбелью древнихъ болгаръ на Балканскомъ полуостровѣ, дали замѣчательные результаты и подтвердили во многомъ мнѣніе, которое покоилось на весьма недостаточномъ фундаментѣ.

Вопросъ о національности болгаръ потому очень долго представлялся спорнымъ, что не было остатковъ болгарскаго языка. Правда, писатели IV—IX вв. оставили намъ не мало собственныхъ именъ какъ гуннскихъ, такъ и болгарскихъ, но анализъ ихъ не могъ дать рѣшительныхъ заключеній. А. Н. Попову, автору «Обзора хронографовъ русской редакціи», удалось найти отрывокъ родословія дунайскихъ хагано-болгаръ: при именахъ хановъ обозначена церковно-славянскими цифрами продолжительность правленія и на *какомъ-то неславянскомъ языкѣ* продолжительность жизни каждаго хана, напримѣръ, Авитохолъ жилъ лѣтъ т., родъ емоу Доуло, а лѣтъ емоу *диломъ твиремъ*, т. е. Авитохолъ жилъ 300 лѣтъ, онъ былъ изъ рода Дуло, а жилъ *диломъ твиремъ*, дальше встрѣчаются числительныя: шегоръ вечемъ, верениалемъ, соморъ алтемъ и т. п.

Имена хановъ: Авитохолъ, Ирнихъ, Куртъ, Гостунъ, Безмѣръ, Еспернхъ и др. Наше вниманіе прежде всего обращаютъ Ирнихъ:

Ирна, Негпао младшій сынъ Аттилы, (у Приска и Іордана) Еспер ихъ—очевидно Аспарухъ и т. д., Уморъ—Омортагъ.

Имена, какъ уже отмѣчено выше, какъ будто то тюркскія: Ирнихъ, Есперихъ, Оморъ; то славянскія: Гостунъ, Безмѣръ.

Что же касается до числительныхъ, то въ 1867 г. В. В. Радловъ высказался о нихъ такъ: эти числа принадлежатъ народу, говорящему на тюркскомъ нарѣчіи и что это нарѣчіе очень близко къ чувашскому. Такимъ образомъ явилось предположеніе о родствѣ болгаръ съ чувашами: о чувашахъ думали, что это народъ, который никогда не былъ политически самостоятеленъ, который не испыталъ на себѣ никакихъ культурныхъ вліяній и не имѣетъ исторіи въ строгомъ значеніи этихъ словъ, и вдругъ оказывалось, что чуваши чуть ли не потомки грозныхъ и страшныхъ когда-то гунновъ; въ нашихъ источникахъ—лѣтописяхъ чуваши являются впервые лишь въ XVI в.; само позднее появленіе ихъ не служитъ ли подтвержденіемъ той мысли, что они прежде назывались иначе, можетъ быть болгарами?

Въ Абобѣ (Дунайской Болгаріи) найдено было нѣсколько старыхъ болгарскихъ череповъ; они сравнены были какъ съ черепами волжскихъ болгаръ, такъ съ современными болгарскими (дунайскими) и чувашскими. Всѣ эти разряды череповъ оказались между собою родственными, причемъ большая близость установлена между абобскими и черепами волжскихъ болгаръ, тѣ и другіе отличаются значительною монголовидностью; затѣмъ въ Дунайской Болгаріи эта монголовидность начала смягчаться (вѣроятно, вслѣдствіе сношеній съ славянами, жившими тамъ), а въ волжской Болгаріи—усиливаться.

Самое важное и интересное то, что изслѣдованіе череповъ не противорѣчитъ тому, что дунайскіе болгары и волжскіе были одинъ народъ; далѣе имѣемъ право заключать, что народъ этотъ монгольскаго происхожденія и что къ концу VII в. онъ какъ будто утратилъ въ значительной степени свою монголовидность. Говоримъ «какъ будто», потому что въ Абобѣ найдено было всего восемь череповъ. Всѣ выводы, полученные изслѣдованіемъ череповъ абобскихъ, не противорѣчатъ выводамъ историческимъ: гунны-болгары въ южной Россіи жили, очевидно, смѣшиваясь съ славянами. Послѣ ухода изъ южной Россіи въ концѣ IV в. гунновъ,

готовъ и аланъ славяне получила полную возможность продвинуться къ югу и источники VI в. (главнымъ образомъ Іорданъ и Прокопій) знаютъ славянъ на югѣ; вернувшіеся по смерти Аттилы въ южно-русскія степи гунны не были достаточно сильны для того, чтобы справиться съ славянами. Самый фактъ скораго превращенія тюркской орды въ славянское государство и славянскій народъ станетъ понятенъ, если допустить, что нѣкоторая славянизація тюрковъ началась еще въ черноморскихъ степяхъ.

Абобскія надписи даютъ новые матеріалы для древне-болгарскаго языка и устанавливаютъ новые факты изъ политической исторіи болгаръ и южной Россіи.

Мы имѣемъ нѣсколько новыхъ именъ: Омортагъ (Мартагонъ), Оксунъ, Осларно, Исвулъ); имѣемъ титулы: canos, очевидно, ханъ, прилагательное при canos—ивиги, что значитъ: великій, славный, т. е. великій ханъ, имѣемъ рядъ болгарскихъ словъ, обозначающихъ титулы: жупанъ, тарханъ, богатырь. Любопытно, что еще въ началѣ IX вѣка болгарскій ханъ за Дунаемъ жилъ въ *аулѣ*.

Изъ одной надписи 814—831 года узнаемъ о походѣ хана Омортага къ Днѣпру—надпись говоритъ о лицѣ, потонувшемъ въ Днѣпрѣ, отсюда слѣдуетъ, что ушедшіе за Дунай болгары не разорвали совсѣмъ связей съ мѣстами прежняго своего жительства; возможно, что часть южной Россіи вмѣстѣ съ теперешней Молдавіею входила въ сферу вліянія дунайскихъ болгаръ; имя гунновъ передано было, какъ недавно доказалъ А. И. Соболевскій, русскимъ: сохранившіяся въ Словѣ о полку Игоревѣ и Задонщинѣ слова «хынъ», «хынове» (половцы, татары) есть общеславянская передача «hunus» или «hunuus» (славянское «ы» соотвѣтствуетъ «лит. u»).

Если одна орда болгаръ ушла за Дунай, другая поднялась къ Камѣ, то третья осталась на югѣ Россіи, гдѣ то недалеко отъ Азовскаго моря и Крыма. Договоръ Игоря съ Византіей обязываетъ нашего князя не пускать черныхъ болгаръ воевать въ Корсунскую землю (А о сихъ, оже то приходять Черніи Болгаре, и воюють въ странѣ Корсуньстѣй, и велимъ князю Рускому, да ихъ не пущаеть пакостять странѣ его); этихъ болгаръ мусульманскіе писатели называли «внутренними» болгарами (внѣшніе=волжскіе, великіе=дунайскіе) и кочевали они надъ Азовскимъ моремъ; въ такомъ случаѣ понятно обязательство, принятое кня-

земъ Игоремъ. Черные болгары скоро исчезли; вѣроятно, они смѣшались съ новыми тюркскими ордами, пришедшими изъ Азіи (печенѣгами и др.), можетъ быть частью перешли на службу русскихъ князей, частью они могли подняться къ сѣверу по Волгѣ къ родственнымъ имъ волжскимъ болгарамъ.

Теперь чуваши [1]), предполагаемые потомки волжскихъ болгаръ, живутъ на огромномъ протяженіи въ разныхъ уѣздахъ губерній: Казанской, Уфимской, Симбирской, Самарской и Саратовской; всего чувашъ считается отъ 800—900 т. чел.; чуваши восприняли въ себя не мало финскихъ элементовъ, теперь, по компетентному замѣчанію И. Н. Смирнова, они представляютъ изъ себя смѣшеніе двухъ физическихъ типовъ: тюркскаго и финскаго.

Территорія древней волжской Болгаріи не совсѣмъ совпадаетъ съ той, на которой мы въ настоящее время встрѣчаемъ чувашъ. Опредѣлить ее можно приблизительно по арабскимъ извѣстіямъ и по нашимъ лѣтописнымъ даннымъ.

Болгары, откочевавшіе къ мѣстамъ сліянія Камы и Волги, долго оставались еще кочевымъ народомъ. Трудно сказать, что заставило ихъ основаться въ восточной части теперешней Казанской губерніи, выйти изъ любимыхъ ими степей и укрѣпиться въ лѣсу. Болгары эти отступали постепенно, какъ постепенно они переходили отъ кочевого быти къ осѣдлому; отступленіе ихъ началось, надо думать, одновременно съ движеніемъ Аспаруховой орды къ западу (679 г.), но еще въ 929 г. изъ описанія Ибнъ-Фадлана ясно, что болгары жили полукочевымъ, полуосѣдлымъ бытомъ; зиму проводили въ деревянныхъ постройкахъ, а съ наступленіемъ весны выступали въ кибиткахъ въ кочевья. Эта орда, ставшая волжскою или камскою, орда слабая, не имѣла силы и возможности пробиваться на западъ или къ сѣверо-западу чрезъ славянскія племена, не могла, тѣснимая сзади тюрками и хазарами отступить къ востоку; такимъ образомъ, ей оставалось одно: под-

---

[1]) О Камскихъ болгарахъ. Извѣстія Арабовъ съ комментаріями; наши лѣтописи. Шпилевскій—Древніе города и другіе татарско-болгарскіе памятники въ Казан. губ., Голубовскій—Болгары и Хазары, Ашмаринъ—Чуваши и болгары, Энциклопед. Словарь Брокгаузъ—Ефронъ ст. Чуваши И. Н. Смирнова, Аристовъ—Замѣтки объ этнич. составѣ тюркскихъ ордъ (Жив. Старина 1896 г.).

няться вверхъ по Волгѣ и расположиться нѣсколько въ сторонѣ отъ главнаго пути, которымъ слѣдовали многочисленныя орды изъ Азіи въ Европу. Болгары поднялись старымъ торговымъ путемъ рѣкой Волгою и при впаденіи въ нее Камы почувствовали себя въ относительной безопасности; край этотъ представлялъ для нихъ значительныя удобства: они не разрывали связи съ дорогою для нихъ степью, легко и удобно могли весною и лѣтомъ спускаться по Волгѣ, особенно ея луговой стороной. Связи со степью продолжались несомнѣнно: въ Камской Болгаріи мы встрѣчаемъ г. Торческъ, самымъ именемъ своимъ указывающій, что населеніемъ его были тюрки, въ XI в кочевавшіе въ южно-русскихъ степяхъ, частью перешедшіе потомъ на службу къ русскимъ князьямъ; любопытно, что центромъ тюрковъ въ Кіевской Руси былъ также г. Торческъ (см. ниже). Болгары раздѣлялись на орды, ханы ордъ иногда враждовали между собою и въ такихъ случаяхъ приводили на помощь себѣ половцевъ; этимъ путемъ, вѣроятно, увеличивалась численность болгарскихъ ордъ; болгарскіе сторожа стояли на р. Яикѣ, гдѣ они и были перебиты въ 1234 г. татарами.

Избранное болгарами мѣсто чрезвычайно удобно и важно было въ торговомъ отношеніи. Тюркскіе народы охотно занимались торговлей. Волга съ весьма давняго времени служила главнымъ путемъ, которымъ изъ сѣверо-западной Европы проникали на мусульманскій востокъ и обратно; Кама открываетъ путь въ богатѣйшее пушнымъ товаромъ Пріуралье, въ сказочную страну народа Вису; въ области сліянія двухъ такихъ артерій, какъ Волга и Кама, долженъ былъ возникнуть торговый городъ, который взялъ на себя сношенія Европы и Азіи. Роль эта долго сравнительно принадлежала болгарамъ.

Гдѣ были болгарскіе города? Мусульманскіе источники и наши лѣтописи указываютъ рядъ городовъ въ Камской Болгаріи. Дѣйствительно, въ нѣсколькихъ мѣстахъ древней Болгаріи остались несомнѣнные слѣды городскихъ построекъ, развалины каменныхъ сооруженій, надгробныя надписи, монеты съ обозначеніемъ мѣста чеканки. Не такъ легко отвѣтить на вопросъ, когда возникли города у Камскихъ болгаръ: наши лѣтописи начинаютъ говорить о болгарскихъ городахъ лишь съ XII в.; развалины каменныхъ сооруженій относятся ко времени едва ли болѣе раннему.

Во главѣ арабскихъ писателей, описывающихъ Болгарію стоитъ, конечно, повѣтствованіе Ибнъ-Фадлана, который, можетъ быть, самъ посѣтилъ г. Булгаръ въ 922 г. въ качествѣ посла халифа къ болгарскому хану; цѣлью посольства было насажденіе магометанской вѣры и постройка крѣпости. Къ сожалѣнію подробный разсказъ Ибнъ-Фадлана полонъ несообразностей. Такъ въ Камской Болгаріи, т. е. теперешней восточной части Казанской губерніи происходили весьма часто сильныя полярныя сіянія,— «видныя около часа предъ захожденіемъ солнца, небесный горизонтъ сталъ весьма красенъ, а въ воздухѣ слышны громкіе голоса и глухой шумъ. Я поднялъ голову, и вотъ облако, красное какъ огонь, находилось близь меня; изъ него исходили шумъ и голоса, въ немъ видны были какъ будто люди и кони, въ рукахъ этихъ фигуръ были луки, копья и мечи; я различалъ и представлялъ ихъ себѣ». Такія полярныя сіянія не свойственны климату Казанской губерніи. Далѣе Ибнъ-Фадланъ провелъ въ Булгарѣ (подъ 55° с. ш.) наиболѣе длинные дни (май—іюнь), слѣдовательно могъ расчитать, сколько часовъ длятся самые короткіе дни зимой, что для широты Болгаріи—пять часовъ, а по его разсказу выходитъ только одинъ часъ! Фантастиченъ разсказъ о множествѣ змѣй въ странѣ болгаръ: будто на иныхъ вѣтвяхъ деревьевъ можно видѣть по 10 змѣй на каждой. Если Ибнъ-Фадланъ позволяетъ себѣ такія несообразности въ описаніи страны, то тѣмъ съ большимъ подозрѣніемъ мы должны отнестись къ его общеизвѣстнымъ разсказамъ о руссахъ и болгарахъ. А. А. Спицынъ (З. И. А. О. т. XI, кн. 4 нов. сер.) объясняетъ эти несообразности тѣмъ, что самъ Ибнъ-Фадланъ не былъ въ Болгаріи, что разсказъ ведется съ чужихъ словъ, плохо понятыхъ; г. Вестбергъ надѣется спасти значительную часть драгоцѣннаго разсказа предположеніемъ, что многое, помѣщенное въ немъ. относится не къ Болгаріи, а къ странѣ народа вису, жившаго въ трехъ мѣсяцахъ пути отъ болгаръ. Въ народѣ «вису» видѣли обыкновенно финскую «весь», обитавшую около Бѣлоозера; Вестбергъ хочетъ видѣть въ немъ народъ югру по р. *Вишеръ* (вису), притокѣ Камы, въ области сѣвернаго Урала, т. е. тамъ, гдѣ и зимніе дни короче и гдѣ возможны частыя полярныя сіянія (Ж. М. Н. П. 1908 г., къ анализу восточ. источ.). По этому сомнительному, слѣдовательно, разсказу, послы халифа

встрѣтили болгарскаго хана въ полѣ, въ палаткахъ; въ палаткахъ же помѣстилось и посольство; трудно понять изъ словъ Ибнъ-Фадлана, былъ ли городъ у болгаръ (упоминается мечеть и му̀эдзинъ) или они кочевали; возможно и вѣроятнѣе всего то, что зачатки города у нихъ уже были, и что въ немъ они проводили зиму, а съ наступленіемъ весны выходили на кочевку въ поле; это прямо высказываютъ нѣкоторые позднѣйшіе писатели арабскіе Х-го же вѣка—въ Булгарѣ «дома деревянные и служатъ зимними жилищами, лѣтомъ же жители расходятся по войлочнымъ юртамъ». Наши лѣтописи этого имени «Булгаръ» за все время самостоятельнаго существованія Камской Болгаріи не знаютъ; столицей же Болгаріи они считаютъ «Великій» городъ. Обыкновенно думаютъ, что этому городу соотвѣтствуетъ арабское наименованіе «Булгаръ» и остатокъ этого города усматриваютъ въ теперешнемъ с. Успенскомъ —Болгарахъ, Спасскаго уѣзда, верстъ 30 ниже устья Камы, на лѣвомъ берегу Волги, въ 6—7 верстахъ отъ нея. Здѣсь сохранилось не мало развалинъ каменныхъ сооруженій и надгробныхъ надписей, но надписи позднѣйшаго времени.

Изъ арабскихъ источниковъ Х в. явствуетъ, что г. Булгаръ былъ деревянный, стоялъ близко отъ р. Итиль или Хазарской, т. е. отъ Волги; но затѣмъ въ 969 г. онъ былъ разрушенъ руссами во время ихъ набѣга на Болгарію, Хазарію и Каспійское море. Прежде этотъ набѣгъ приписывали Святославу Игоревичу 964 г. (и иде на Оку рѣку и на Волгу), но едва ли не правильнѣе видѣть въ этихъ руссахъ, — норманновъ, независимыхъ отъ Кіевскаго князя. Ибнъ-Хаукаль пишетъ: Болгаръ небольшой городъ, владѣющій небольшой территоріей,—но онъ знаменитъ, какъ торговый центръ для этого государства. Въ 358 г. (969) онъ, подобно хазарскому Итилю и Семендеру, былъ совершенно разграбленъ руссами, которые тотчасъ послѣ этого отправились въ страну румовъ (Византію) и Испанію (см. Вестбергъ). Связать этотъ походъ съ походомъ Святослава на хазаръ въ 964 и 965 г.г. не легко; разница не только въ годахъ, но и въ мѣстности военныхъ дѣйствій: Святославъ дѣйствовалъ на Дону, взялъ Саркелъ, можетъ быть проникъ оттуда до Кубани, гдѣ онъ побѣдилъ ясовъ и касоговъ; походъ же, описанный Ибнъ-Хаукалемъ, происходилъ на средней и нижней Волгѣ и по побережью Каспійскаго

моря; нельзя оставить безъ вниманія и конецъ разсказа о томъ, что русы отправились въ Константинополь и Испанію. Это обычный разбойничій набѣгъ норманновъ, въ результатѣ котораго было разореніе Булгара.

Трудно допустить, чтобы Кіевскій князь X вѣка предпринялъ столь отдаленный походъ на Волгу, къ Камѣ. Столкновенія Руси съ болгарами начались значительно позднѣе, лишь съ того времени, когда Русь твердой ногой стала въ среднемъ Поволжьѣ. Болгаръ въ Кіевской Руси XI вѣка знали вслѣдствіе частыхъ торговыхъ сношеній; знали и по разсказамъ викинговъ-норманновъ. Безусловно норвежскаго происхожденія географическая запись начальнаго лѣтописнаго свода: «ис того же лѣса (Волковскаго) потече Волга на востокъ, и вътечеть семьюдесеть жерелъ въ море Хвалынское. Тѣмже и изъ Руси можеть ити по Волзѣ въ Болгары и Хвалисы, на востокъ доити въ жребій Симовъ». Первоначально изъ Кіева въ Симовъ жребій, т. е. въ Азію, были другіе пути (къ нижнему Дону); отъ варяговъ узнали, что къ хазарамъ можно пробраться и другой дорогою,—т. е. Волгою. Въ Кіевѣ хорошо знали дунайскихъ болгаръ, равно какъ и тѣхъ, которые остались кочевать въ пріазовскихъ степяхъ; камскихъ болгаръ считали за одинъ съ дунайскими и черными болгарами народъ. Это совершенно ясно видно изъ двухъ извѣстій, стоящихъ въ лѣтописи рядомъ: разсказавъ подъ 985 г. о походѣ Владиміра и его побѣдѣ надъ болгарами (дунайскими), лѣтопись продолжаетъ подъ 986 г. «придоша болъгары вѣры Бохъмичѣ, глаголюще», т. е. лѣтопись различаетъ дунайскихъ и камскихъ болгаръ только *по вѣрѣ* ихъ (Бохмитъ—Магометъ).

Болгары камскіе производили на русскихъ неблагопріятное впечатлѣніе. Владиміръ Св., разобравшись въ ихъ вѣрѣ, «плюну на землю, рекъ: нечисто есть дѣло»; по воззрѣнію лѣтописца болгары и хазары происходили отъ незаконнаго сожительства Лотовыхъ дочерей,—«тѣмъ нечисто есть племя ихъ». Своеобразно начальный сводъ различалъ тюркскія народности: печенѣги, половцы, тюрки и туркмены—потомки Измаила, Хазара-Моавія, а болгары—дѣти Аммоновы.

По мѣрѣ того, какъ славянорусское племя пробиралось внизъ по Волгѣ, сношенія его съ болгарами, хотя бы и нечистыми, уча-

щались. Такъ, когда въ 1024 г. Суздальскій край постигъ сильный голодъ и мятежъ великъ, «идоша по Волзѣ вси людье в Болгары, и привезоша жито, и тако ожиша». Итакъ, въ началѣ XI ст. Камская Болгарія могла уже снабжать хлѣбомъ сосѣдніе народы весьма вѣроятно, что и Новгородъ, всегда нуждавшійся въ хлѣбѣ, получалъ его оттуда-жъ, т. е. изъ Болгаріи (Корсаковъ, Меря 102), такъ какъ колонизація Суздальской Руси только что тогда начиналась. По мѣрѣ, однако, усиленія русскихъ въ Поволжьѣ стали учащаться столкновенія ихъ съ болгарами; столкновенія эти даютъ нѣсколько возможность опредѣлить западную границу, если и не болгарской земли, то сферы ихъ вліянія. Въ 1088 г. болгары взяли Муромъ, въ 1107 г. они осадили Суздаль; въ 1218 г. болгары взяли Устюгъ; послѣдній городъ былъ основанъ или въ самомъ концѣ XII или даже въ началѣ XIII в. Нетрудно догадаться, что преслѣдовали болгары столь отдаленными набѣгами: всѣ три названные города, особенно Муромъ и Устюгъ были опорными пунктами русской колонизаціи и ключами торговыхъ путей, болгары сдѣлали попытку сначала удержать въ своихъ рукахъ выходъ Окою въ Волгу, это имъ не удалось. На ихъ набѣги князья ростовосуздальскіе отвѣтили рядомъ нападеній на болгарскую землю, которыми значительно оттѣснили болгаръ къ востоку по правому южному берегу Волги. Уже Юрій Долгорукій ходилъ (1120 г.) на болгаръ, разбилъ ихъ полкъ и взялъ большой полонъ; гдѣ онъ встрѣтился съ болгарами неизвѣстно, но нельзя не обратить вниманія на то, что ближе болгарскихъ поселеній были селенія мордовскія и черемисскія, однако, мы ничего не слышимъ о столкновеніяхъ съ этими племенами, а борьба идетъ съ болгарами; это обстоятельство тѣмъ важнѣе, что границы Руси въ указанное время въ Поволжьѣ доходили лишь до р. Костромы и во всякомъ случаѣ не дальше Унжи, слѣдовательно болгары считали себя господами всего Средняго Поволжья. Слѣдующіе походы произошли уже лѣтъ черезъ сорокъ, но, конечно, были и другіе, намъ неизвѣстные. Можно отмѣтить характерныя черты этихъ походовъ: князья суздальскіе, которымъ принадлежитъ иниціатива походовъ, дѣйствуютъ вмѣстѣ съ князьями муромскими и (отчасти) рязанскими; скоро устье Оки становится сборнымъ мѣстомъ для князей, направляющихся на болгаръ. Обыкновенно на болгаръ ходили лѣтомъ, т. е. вѣроятно

значительная часть войска слѣдовала по Волгѣ въ ладьяхъ, (въ 1172 г. — «бысть не любъ путь всѣмъ людямъ симъ (посланнымъ Андреемъ), зане *непогодье есть зимѣ воевати Болгаръ*, и поидуче не идяху»); въ эти походы (начатые съ 1164 г.) русскіе князья входятъ въ землю болгаръ, берутъ ихъ города и села. Такъ въ 1164 г. взято было четыре города, въ томъ числѣ славный городъ Бряхимовъ (т. е. городъ хана Ибрагима, городъ названъ по имени владѣльца); болгарскій князь успѣлъ, однако, убѣжать въ малѣ дружинѣ къ Великому городу; въ трудный зимній походъ 1172 г. князья взяли 6 селъ и одинъ городъ и едва было не были на обратномъ пути настигнуты болгарами. Больше данныхъ даетъ походъ Всеволода 1184 г.: большая (судя по числу князей) русская рать въ ладьяхъ направилась въ Болгарскую землю, высадилась на берегъ у устья р. Цѣвцы, оставивъ суда подъ охраною у острововъ Исады; Всеволодъ направился къ Великому городу, простоявъ два дня у Тухчина городка; по дорогѣ русскіе встрѣтили половцевъ, нанятыхъ однимъ изъ болгарскихъ князей воевать болгаръ же; взявъ ихъ (половцевъ) въ роту, князья подошли къ Великому городу, около котораго и стали, перейдя Черемисанъ. Во время непродолжительной осады раненъ былъ одинъ изъ младшихъ князей; тѣмъ временемъ къ Великому городу подошли на помощь сосѣдніе болгары; сюда они спѣшили на ладьяхъ изъ городовъ Собѣкула, Челмата вмѣстѣ съ темтюзями, а изъ Торческа на коняхъ, всѣ эти сосѣдніе болгары бросились на русскія ладьи, очевидно съ цѣлью отрѣзать намъ отступленіе, но русскіе оборотились на нихъ, прогнали ихъ къ Волгѣ, въ учаны, гдѣ и потопили многихъ. Походъ, однако, не былъ особенно удаченъ. Всеволодъ простоялъ около Великаго града 10 дней, тяжкая болѣзнь раненаго брата, скоро умершаго, съ одной стороны, предложеніе мира яко бы болгарами съ другой, заставили его вернуться къ острову, Исадамъ. Обратный путь часть войскъ совершила въ ладьяхъ, а конница берегомъ чрезъ мордовскія владѣнія.

Гдѣ же былъ Великій городъ болгаръ, по Ипатскому списку главный городъ серебряныхъ болгаръ. Одни изслѣдователи пріурочиваютъ Великій городъ къ Булгару, нын. село Успенское Болгары; въ такомъ случаѣ русскіе на ладьяхъ миновали устье Камы, на островѣ, носившемъ имя «Исады», т. е. у отмели, песчаной

косы, высадились, перебрались на берегъ и прошли берегомъ верстъ 20—30 до села Успенскаго; когда на ихъ ладьи напали окрестные болгары, русскіе оборотились и вогнали этихъ болгаръ въ Волгу. При такомъ толкованіи многое неясно: во первыхъ упоминаніе о р. Черемисанъ (или Черемисянъ), въ которомъ нельзя не узнать р. Черемшанъ (рѣчекъ съ этимъ названіемъ нѣсколько, извѣстны Болш. Черемшанъ, притокъ Волги, и Мал. Черемшанъ, притокъ перваго), но на пути—устье Камы—село Успенское переходить Черемшанъ было нечего; во-вторыхъ, невѣроятно, чтобы на такомъ сравнительно незначительномъ разстояніи верстъ 20—30, между двумя городами (Тухчинымъ и Великимъ) русскіе—«пошедшіе же князи въ поле—встрѣтили здѣсь половцевъ, приведенныхъ на Великій же городъ; эти половцы, на лѣвомъ берегу Волги, отрѣзанные широкой рѣкой и необъятнымъ пространствомъ отъ своихъ кочевьевъ, едва ли могли безнаказанно стоять между двумя болгарскими городами. С. М. Шпилевскій (Древніе города, 138) отожествляетъ «Великій городъ» 1164 г. и 1184 г. съ теп. городищ. Билярскомъ, древнимъ Биляромъ; этотъ городъ стоитъ около Малаго Черемшана, на рѣчкѣ Биляркѣ, въ которую впадаетъ *р. Серебрянка*. Въ такомъ случаѣ кн. Всеволодъ съ другими князьями, высадившись ниже устья Камы на лѣвомъ берегу Волги пошелъ къ сѣверу и, перейдя М. Черемшанъ, осадилъ Великій Биляръ. городъ *Серебряныхъ* (по Ипатскому сп.) болгаръ. Это толкованіе имѣетъ за себя много: понятны лѣтописные Черемшанъ и Серебряные болгары; но оно должно вызвать не мало недоумѣній: направляясь такимъ образомъ, князь сзади себя оставлялъ г. Болгары, едва-ли и въ этой мѣстности посреди болгарскихъ городовъ онъ могъ встрѣтить половцевъ, разстояніе Биляра отъ Волги значительное, да и заключительная фраза разсказа, «путь на мордву» на совсѣмъ вяжется съ дѣйствіями на лѣвомъ берегу Волги: князь въ такомъ случаѣ долженъ былъ предварительно перевезти конницу на правый берегъ Волги, что едва-ли было бы опущено довольно подробнымъ разсказомъ лѣтописи, не позабывшимъ отмѣтить переправу чрезъ небольшой Черемшанъ. Невѣроятно даже, чтобы конницу везли на ладьяхъ отъ устья Оки до исадъ; такъ наши князья никогда не поступали, потому что они не располагали достаточнымъ количествомъ судовъ, и въ Кіевской Руси, и позже въ

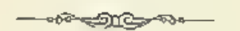
Московской, конница идетъ по берегу а пѣшихъ и обозы везутъ въ ладьяхъ по рѣкѣ.

Соображенія эти подтверждаются разсказомъ о походѣ 1220 г. Походъ 1184 г. былъ недостаточно рѣшителенъ, столкновенія съ болгарами продолжались. Ниже увидимъ, что въ концѣ XII или въ началѣ XIII возникъ городъ Великій Устюгъ, ставшій опорнымъ пунктомъ русской колонизаціи по Югу и Вычегдѣ и по системамъ этихъ рѣкъ русскіе начали пробираться въ область р. Вятки и Камы, т. е. угрожали болгарамъ съ тыла, съ сѣвера. Болгары рѣшили отвѣтить на это взятіемъ Устюга Великаго; городъ этотъ скоро былъ взятъ русскими назадъ, но въ связи съ этимъ кн. Юрій Всеволодовичъ въ 1220 г. отправилъ брата своего на безбожныхъ болгаръ, подъ градъ ихъ Ошель. Князья и воеводы опять сошлись на устьѣ Оки и оттуда въ насадахъ и ладьяхъ пошли внизъ (на этотъ разъ конницы у нихъ не было), пришли опять къ исадамъ противъ Ошля; у ладій оставили полкъ, и двинулись на городъ и сейчасъ же оказались на этотъ разъ у града, сожгли градъ, взяли его на щитъ, и пошли съ полономъ вверхъ по Волгѣ; болгары изъ Великаго града и изъ иныхъ городовъ смотрѣли, собравшись на берегу, на обратное шествіе русскихъ. Святославъ, минувъ исады, сталъ на устьѣ Камы, гдѣ къ нему подошли устюжане, ростовцы, грабившіе болгарскіе города по Камѣ и т. д.

Въ этомъ разсказѣ сравнительно съ предидущимъ городъ Великій замѣненъ Ошлемъ, а Великимъ названъ какой-то другой; вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этого разсказа ясно, что исады были ниже усть Камы. Замѣна Великаго Ошлемъ не должна насъ смущать; еще въ XVIII в. указывали, что «*Ошли*» по тюркски «великій», слѣдовательно это одинъ и тотъ-же городъ, а имя «Великаго» присвоено въ этомъ разсказѣ г. Болгарамъ (с. Успенское). Допустить (Шпилевскій), что и здѣсь разумѣется Биляръ—невозможно: князья прошли лѣсъ и вышли на поле къ городу, городъ былъ очень близокъ къ рѣкѣ. Въ XVIII в. мѣсто Ошеля указывали на р. Кирелкѣ при впаденіи ея въ Волгу; есть здѣсь и р. Черемшанъ, не невозможно, что этотъ городъ находился на мѣстѣ Тетюшъ.

Въ настоящее время главныя поселенія чувашъ, вѣроятныхъ наслѣдниковъ болгаръ, находятся между Сурой и Волгою, отсюда заключаемъ, что значительная часть ихъ находилась на правомъ

берегу Волги, въ Засурьѣ. Здѣсь же, т. е. на правомъ же берегу надо искать г. Торцкій или Торческъ; торкамъ и половцамъ гораздо легче, естественнѣе было приходить на помощь къ болгарамъ, жившимъ на правомъ берегу Волги, чѣмъ къ лѣвобережнымъ, съ другой стороны увидимъ, что русская колонизація гораздо быстрѣе идетъ по правому берегу Волги, чѣмъ по лѣвому. Итакъ полагаю, что городъ Великій 1164 г. и 1184 г. есть Ошель 1220 г. и находился онъ въ Засурьѣ (м. б. нынѣ Янтиковскій городокъ или Тетюши). Болгары, конечно нынѣ село Успенское Болгары; Биляръ, теперешній Билярскъ (городище); есть болгарскія монеты, чеканенныя въ г. Суварѣ—въ Спасскомъ уѣздѣ, близъ с. Кузнечики открыто городище, называемое мѣстными чувашами «Сваръ», очевидно, древній болгарскій городъ Суваръ. Упоминаются еще города: Бряхимовъ, Собѣкуль, Челматъ, Жукотинъ и др. Послѣдній верстахъ въ 10 отъ Чистополя на берегу Камы; Бряхимовъ, т. е. городъ Ибрагима, названъ по имени владѣльца; Собѣкуль, Челматъ, Темтюзи—названія отдѣльныхъ болгарскихъ ордъ, у которыхъ были свои племенные центры; пока эти названія не пріурочены къ современной картѣ.

Хазары [1]).

[1]) Хвольсонъ, ср. cit; также Гаркави, Куникъ и Розенъ.
Григорьевъ—Сборникъ Россіи и Азія.
Голубовскій—Болгары и хазары—Кіевская Старина, т. XXII
Ламанскій—Славянское житіе св. Кирилла, какъ религіозно-этическое произведеніе Ж. М. Н. Пр. 1903 г., № 4—6 и 12; 1904 г., № 1.
Вестбергъ—и Marquart, op. cit.

Вмѣстѣ съ гуннами—болгарами въ южно-русскія степи попалъ еще одинъ, повидимому, тюркскій же народъ—хазары. Хазары какъ самостоятельный народъ, просуществовалъ до XIII в., т. е. послѣднія столѣтія ихъ политической жизни протекали на глазахъ нашей лѣтописи. До сихъ поръ мы говорили о народахъ, которые къ исторіи русскаго народа имѣютъ отношеніе болѣе, чѣмъ отдаленное. Иное дѣло хазары. Начальная лѣтопись и ея продолженіе сохранили нѣкоторыя воспоминанія о хазарахъ и рядъ извѣстій, правда, очень отрывочныхъ, о нихъ. Воспоминанія лѣтописи не отличаются опредѣленностью и точностью, на что были свои особыя причины. Лѣтопись помнитъ, что нѣкоторыя русскія племена были подъ властью хазаръ, должны были платить имъ дань. Любимцы лѣтописи, тихіе и кроткіе поляне, по смерти трехъ братьевъ—родоначальниковъ, тѣснимые сосѣдями, подчинились хазарамъ, которые нашли полянъ сидящими въ лѣсу, на горахъ надъ Днѣпромъ; поляне стали платить имъ дань обоюдо-острыми мечами; хазарскіе мудрые старцы тогда же рѣшили: не добра эта дань, придетъ время, когда поляне станутъ брать и на насъ, и на другихъ народахъ. Лѣтописецъ сейчасъ же сравниваетъ въ этомъ отношеніи полянъ съ избраннымъ народомъ Божіимъ, нѣкогда работавшимъ Египтянамъ. Страницей ниже онъ сообщаетъ, впрочемъ, голую правду, когда говоритъ, что хазары (по лѣтописямъ козаре) брали дань на

полянахъ, сѣверянахъ и вятичахъ, по бѣлкѣ съ дыма; нѣсколько дальше оказывается, что еще одно племя, радимичи, платили дань хазарамъ, но какъ и вятичи, платили не обоюдо-острыми мечами и не бѣличьими мѣхами, а звонкою монетою,—щлягами. По дальнѣйшему разсказу лѣтописи выходитъ, что первые скандинавскіе князья—викинги освободили южно-русскія племена отъ этого платежа хазарамъ. Князья—норманы сразу стали во враждебное отношеніе къ хазарамъ: «азъ имъ противенъ и вамъ нечему». По всѣмъ этимъ краткимъ намекамъ новѣйшіе русскіе историки, особенно Ламанскій и Ключевскій, возстановили довольно продолжительный періодъ господства хазаръ надъ южно-русскими племенами. Это господство не было тягостнымъ для славянъ; напротивъ, оно въ значительной степени способствовало дальнѣйшему развитію славяно-русскихъ племенъ, тому, что изъ быта племеннаго они стали переходить къ быту волостному. Какъ торговый народъ хазары втянули въ между-народную торговлю славянорусскія племена, что, въ свою очередь, вызвало къ жизни русскіе *города*.

Въ Европу этотъ загадочный народъ попалъ вмѣстѣ съ гуннами. По Приску и Іордану хазары замѣтно выступаютъ въ исторіи гунновъ подъ именемъ акацировъ (акатировъ). Акациры были въ союзѣ съ Аттилою, но императоръ Ѳеодосій Младшій, слѣдуя обычной политикѣ, убѣдилъ старѣйшихъ князей акациров отстать отъ этого союза (акациры, подобно всѣмъ тюркамъ, раздѣлялись на колѣна и роды); при раздѣлѣ императорскихъ даровъ обиженъ былъ старшій изъ князьковъ, который обратился за помощью къ Аттилѣ, въ результатѣ было опять подчиненіе акацировъ гуннамъ. По смерти Аттилы, когда распалась гунская орда, акациры-хазары вернули себѣ самостоятельность. По словамъ Іордана (VI в.) акациры занимали въ Европейской Россіи огромное пространство: помѣстивъ при устьи Вислы видоваріевъ (смѣсь разныхъ народовъ). за ними эстіевъ (aestii=аисты=литовцы), къ югу отъ нихъ онъ указываетъ акацировъ; надъ Понтомъ—болгаръ и гунновъ. Какъ ни запутано это показаніе, оно свидѣтельствуетъ о значительно развившемся могуществѣ акацировъ. Черезъ землю акацировъ гунны вмѣстѣ съ ними не разъ дѣлали походы на Персію, черезъ Каспійскія ворота (Дербентъ). Войны хазаръ съ Персами и были причиной союза, котораго стала домогаться съ ними Византія. Съ начала VII в. византійскіе

историки начинаютъ говорить о хазарахъ; около 625 г. императоръ Гераклій искалъ и получилъ помощь хазаръ противъ персовъ; императоръ даже обѣщалъ выдать свою дочь, Евдокію, замужъ за предводителя хазаръ; около 700 г. хазары приняли подъ свое покровительство бѣжавшаго императора Юстиніана II, который женился на дочери кагана; и впослѣдствіи бывали случаи брачныхъ союзовъ императоровъ Византіи съ хазарскими принцессами. На этомъ обстоятельствѣ слѣдуетъ остановиться. Въ Византіи считалось большимъ позоромъ, чтобы царственные вожди Ромеевъ вступали въ браки съ варварскими принцессами. По словамъ Константина Багрянороднаго подобные браки были грозно и рѣшительно запрещены еще св. Константиномъ и самое запрещеніе вписано на престолъ св. Софіи. И если, тѣмъ не менѣе, браки съ хазарскими принцессами случались, то это показываетъ только большую силу и значеніе, которое имѣлъ каганатъ. Владѣнія хазаръ представляются намъ въ такомъ видѣ: центромъ ихъ поселенія или, вѣрнѣе кочевья, было пространство между Каспійскимъ и Чернымъ морями, ограниченное рѣками Волгой и Дономъ и Кавказскимъ хребтомъ. Несомнѣнно, что еще въ VII в. они утвердились въ Закавказьѣ, изъ-за котораго имъ скоро пришлось вынести борьбу съ опасными врагами, арабами-мусульманами. Продолжительная борьба эта кончилась неудачно для хазаръ: можно догадываться, что въ ней они растратили свои силы, подточили самый корень своего могущества. Въ половинѣ VIII в. хазары были вытѣснены изъ Закавказья; позднѣйшія попытки 799—800 г. вернуть его окончились полнѣйшей неудачей. Войны съ арабами выясняютъ намъ южную границу каганата; западную и сѣверозападную выясняютъ византійскіе источники и отчасти наша лѣтопись; въ VII в. распространеніе хазарскихъ владѣній на западъ не встрѣчало отпора со стороны Византіи, въ первой половинѣ VII в. хазары завладѣли уже частью Крыма; во второй половинѣ этого вѣка они овладѣли готскимъ укрѣпленіемъ Дори, къ тому же времени относится, вѣроятно, распространеніе ихъ власти надъ южными восточно-славянскими племенами — «а Козари имаху (дань) на полянѣхъ и на сѣверѣхъ и на вятичехъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма». Сфера хазарскаго вліянія простиралась и дальше на западъ, ибо и осѣдлые славяне и кочевые аланы и болгары

должны были подчиниться хазарамъ. Хазары принудили болгарскую орду удалиться изъ южнорусскихъ степей; орда эта только *за Дунаемъ* почувствовала себя въ безопасности отъ хазаръ. Отдохнувъ и окрѣпнувъ за Дунаемъ, болгары предпринимаютъ оттуда походы къ Днѣпру, т. е. степь между Дунаемъ и Днѣпромъ была ареной столкновеній хазаръ съ болгарами.—Другая болгарская орда, отступившая тоже предъ хазарами, нашла себѣ убѣжище лишь при сліяніи Камы съ Волгой. Названія населенныхъ пунктовъ вродѣ «Каганово», «Хазарское» встрѣчаются даже въ Воронежской и Тульской губерніяхъ: такъ, напримѣръ, въ пяти верстахъ отъ Воронежа вверхъ по правому берегу р. Воронежа обширная поляна и нынѣ называется хазарскою, а верстахъ въ четырехъ, надъ этою рѣкою, есть мѣстность, называемая хазарскимъ городищемъ [1]). Въ Курской губерніи есть селенія «Каганъ» (Путивльскаго уѣзда). Въ Черниговской губерніи есть селенія Козаричи (Сураж. у.), тамъ же «Казаричи», «Козары» и «Козаръ» (Козелец. уѣздъ); кромѣ того въ этой губерніи часто встрѣчается названіе «Бѣловежи», «Бѣловежскій», «Бѣлыя Вежи». Въ Тульской губерніи также встрѣчается «Казаръ». Часть хазарскихъ поселеній можетъ быть скрылась подъ названіями «Поганецъ», «Поганки», попадающимися весьма часто. Мы еще разъ можемъ подчеркнуть, что разсказъ лѣтописи о племенахъ, платившихъ дань хазарамъ, находитъ себѣ подтвержденіе въ именахъ населенныхъ мѣстъ. Итакъ, сфера вліянія хазаръ на сѣверо-западъ простиралась почти до Москвы. Ведя обширную торговлю, будучи посредниками между Европой и Азіей, хазары должны были расширить сферу своего вліянія. Въ сѣверо-западномъ направленіи хазары тѣмъ легче распространяли сферу своего если не господства, то вліянія, что въ этомъ направленіи они почти не встрѣчали сопротивленія со стороны разрозненныхъ славянскихъ племенъ; напротивъ прямо къ сѣверу по Волгѣ и къ востоку ихъ владѣнія и сфера вліянія были значительно уже; въ Саратовской губерніи жили *буртасы*, въ которыхъ обыкновенно ученые видятъ мордву (?), а въ сторону Урала толпились враждебные хазарамъ кочевники, печенѣги и др.

---

[1]) Списки населенныхъ мѣстъ. Воронеж. губ. XVIII. 1865 г.

Куда дѣвался этотъ народъ, гдѣ его потомки? отвѣтовъ на это было много, но всѣ они недостовѣрны; по всей вѣроятности, народъ этотъ, и во время могущества не отличавшійся однородностью, раздробился на составныя части, которыя слились съ татарами и различными кавказскими народцами.

Верховная власть у хазаръ дѣлилась между двумя лицами: каганомъ и пэхомъ (бекомъ). Каганъ—почти божество хазарское; видѣть его, за исключеніемъ важныхъ сановниковъ, никому было нельзя: при встрѣчѣ съ нимъ всѣ падали ницъ; если онъ предводительствовалъ войсками, то это онъ дѣлалъ на колесницѣ, подъ покрываломъ; очевидно, и въ данномъ случаѣ онъ былъ не полководцемъ, а божествомъ, приносившимъ счастіе своему народу; мѣсто могилы кагана всячески скрывали, помѣщали гробницу въ рѣкѣ, убивали погребавшихъ и т. д.

По смерти кагана возводили на престолъ новаго, намѣченнаго раньше, при чемъ соблюдали странный, но довольно распространенный между варварами обычай: на новаго избранника набрасывали веревку, давили ею, пока онъ не задыхался, и тогда спрашивали: сколько лѣтъ онъ желаетъ царствовать; впрочемъ, свыше 40 лѣтъ каганъ не могъ царствовать. Смыслъ обряда понятенъ: божій помазанникъ въ состояніи невмѣняемости вѣщалъ истину.

На дѣйствительное управленіе каганъ не вліялъ; онъ стоялъ такъ сказать, слишкомъ высоко; управленіе принадлежало пэху беху или иша. Такая двойственность власти объяснялась различно: или иноземнымъ (тюркскимъ) происхожденіемъ династіи, потерявшей значеніе, когда пало могущество тюрковъ: власть перешла къ туземцамъ, т. е. къ беку; другіе объясняютъ создавшееся положеніе постепеннымъ усиленіемъ значенія кагана: мало по малу каганъ сталъ для населенія какимъ то, по нашему, сверхъ-человѣкомъ, посредникомъ между людьми и небомъ; а соединеніе въ одномъ лицѣ духовной и свѣтской власти нерѣдко ведетъ къ утратѣ послѣдней, и тогда около кагана образовалась фактическая власть въ лицѣ бека.

Въ религіозномъ отношеніи хазары отличались замѣчательною терпимостью, которая была общимъ правиломъ въ древнемъ мірѣ, въ средневѣковьѣ же составляла уже исключеніе. Конечно, терпимость хазаръ истекала изъ ихъ индиферентности къ религіознымъ

вопросамъ, а не была слѣдствіемъ высокихъ понятій о свободѣ совѣсти.

Хазары занимали тогда центральное положеніе, между Азіей и Европой, и поэтому неудивительно, что къ нимъ стали проникать миссіонеры разныхъ вѣръ; въ этомъ отношеніи положеніе хазаръ въ VIII в. сходно нѣсколько съ положеніемъ Кіева въ X в. и отъ того, можетъ быть, разсказъ о принятіи новой вѣры хазарами нѣсколько схожъ съ повѣстью объ испытаніи вѣръ Владиміромъ. Въ VIII в. каганъ Буланъ принялъ іудейство; примѣру царя послѣдовали его слуги, аристократія страны.

Іудейство къ хазарамъ проникло изъ Крыма и изъ Малой Азіи чрезъ Кавказъ; съ VII в. началось выселеніе евреевъ изъ Византіи въ Крымъ; причиною были гоненія на евреевъ, поднятыя нѣкоторыми императорами; оттуда они попали въ Хазарію. Другой путь шелъ изъ Малой Азіи. Распространеніе іудейства въ Малой Азіи и вліяніе его на вѣрованія проживавшихъ тамъ народовъ едва ли подлежатъ сомнѣнію. Оттуда евреи проникли на Кавказъ, до настоящаго времени въ горахъ восточнаго Кавказа живутъ обособленные горскіе евреи; допустимо, что они повліяли на внѣшній типъ дагестанскихъ черкесовъ и чеченцевъ. Извѣстны (Марквартъ) случаи принятія іудейства въ Малой Азіи, равно какъ и случаи признанія всѣхъ трехъ религій (христіанства, іудейства и магометанства).

Народъ, однако, остался въ язычествѣ. Принятіе іудейства указывало уже на упадокъ воинственнаго духа хазаръ, и дѣйствительно, въ X в. хазарамъ приходилось нанимать мусульманскихъ воиновъ для защиты своей страны: наемниками были хваризмійцы и халисіяне; изъ послѣдняго образовалось имя «хвалиссы». Такимъ образомъ, въ Хазаріи исповѣдывались вмѣстѣ и христіанство, и іудейство, и магометанство, и язычество.

Всѣ религіи мирно уживались среди хазаръ; лучше всего это видно по устройству суда у хазаръ; у нихъ было 7 судей: двое изъ мусульманъ, двое—евреевъ, двое—христіанъ и одинъ—язычникъ. Въ дѣлахъ спорныхъ надо было обращаться къ судьямъ мусульманскимъ, которымъ, очевидно, дано было первенство; этимъ подчеркивалось, конечно, преобладающее значеніе мусульманской религіи, религіи большинства, хотя правящій классъ и испов-

дывалъ іудейство. Къ тому же воины-мусульмане соглашались защищать хазаръ и противъ своихъ единовѣрцевъ только подъ условіемъ обращенія хазаръ въ исламъ.

Къ русской исторіи хазары имѣютъ весьма близкое отношеніе Весьма вѣроятно, что выходъ русскихъ славянъ изъ формъ племенного быта и соединеніе отдѣльныхъ племенъ подъ верховною властью одного государя начались съ того времени, когда южнославянскія племена (сѣверяне, поляне, радимичи и вятичи) стали платить дань хазарамъ, можетъ-быть, съ конца VII в. Подчиненіе хазарамъ ознакомило русскихъ съ еврейско-мусульманской культурой. Акад. Ламанскій, слова котораго мы привели, полагаетъ, что варяжскому періоду нашей исторіи предшествовалъ хазарскій періодъ съ VIII в. до половины IX в., что въ продолженіе этого періода южно-русскія земли были частью Хазаріи, что «Хазары»—значитъ имя страны хазаръ и что миссія св. Константина—Кирилла въ «Хазары» имѣла цѣлью не хазаръ, а славянъ Приднѣпровья.

У хазаръ было много городовъ. Вестбергъ ихъ размѣщаетъ такъ:

1) Баланґіалъ или Беленджеръ на Каспійскомъ морѣ, на нижнемъ теченіи р. Сулака; до потери хазарами ихъ закавказскихъ владѣній Беленджеръ былъ столицею каганата.

2) Затѣмъ столицей сталъ г. Семендеръ—также на Каспійскомъ морѣ, приблизительно тамъ, гдѣ нынѣ г. Кизляръ. Объ этомъ городѣ знаемъ, что строенія въ немъ были деревянныя, съ остроконечными крышами; въ городѣ было много садовъ и виноградниковъ.

3) Послѣднею столицею былъ г. Итиль; онъ стоялъ на Волгѣ. недалеко отъ ея устьевъ. Городъ состоялъ изъ трехъ частей: на западномъ берегу Волги былъ правительственный городъ, на восточномъ купеческій, торговый, тамже жила царица; кромѣ того, на одномъ изъ острововъ находился дворецъ кагана; Итиль указываютъ недалеко отъ Астрахани. Западный городъ назывался Сарашенъ, т. е. Бѣлый городъ, а восточный Хабъ-вели (Желтый городъ). На т. наз. Шареномъ бугрѣ, находящемся на западномъ берегу Волги, виднѣются понынѣ жалкіе остатки развалинъ древняго города. Не кроется ли въ Шареномъ бугрѣ слово *shr* «городъ» (Вестбергъ)?

Весьма важнымъ городомъ хазаръ былъ Саркелъ, по русски Бѣлая Вѣжа. О построеніи этого города расказываетъ Константинъ Багрянородный.

Хазары просили имп. Θеофила построить имъ на Танаисѣ т. е. на Дону, крѣпость,—по объясненію позднѣйшихъ византійскихъ писателей, для защиты отъ печенѣговъ; императоръ исполнилъ ихъ просьбу и отправилъ къ нимъ протоспаоарія Петрону; Петрона пересѣлъ съ рабочими въ Херсонѣ (Севастополѣ) на мелкія суда, па которыхъ черезъ Азовское море вошелъ въ устье Танаиса—Дона и поднялся по этой рѣкѣ до назначеннаго мѣста, гдѣ греки сначала приготовили кирпичи и затѣмъ построили крѣпость, по имени Саркелъ; это названіе наша лѣтопись и передаетъ словомъ «Бѣлая Вѣжа», asprum hospitium, (К. Б.) бѣлая гостинница, бѣлая башня.

Гдѣ стоялъ Саркелъ, указать трудно; вопросомъ этимъ занимались давно, но до сихъ поръ безуспѣшно. Сначала искали его, въ устьѣ Днѣпра, путая съ Бѣлобережьемъ; искали въ теперешнемъ г. Бѣлгородѣ (Курскомъ), но, кромѣ тожества первой части названія,—все остальное рѣшительно противорѣчитъ такому предположенію; Бѣлгородъ лежитъ на Донцѣ, а не Донѣ; едва ли Петрона могъ приплыть по Донцу, рѣкѣ не судоходной; говорятъ, что Саркелъ нуженъ былъ хазарамъ для защиты своихъ владѣній. Въ извѣстномъ хожденіи Пимена въ Царьградъ читаемъ при описаніи плаванія его по Дону: «и въ недѣлю же пятую минухомъ рѣку Медвѣдицу и горы высокія рѣку и Бѣлый яръ рѣку; въ Понедѣльникъ же горы каменныя красныя, во Вторникъ же *Серклію* градъ минухомъ пловуще: не градъ же убо, но точію городище». Это городище Серклія было около Качалинской станицы, гдѣ сближаются Донъ и Волга, гдѣ хазары удобнѣе всего могли основать крѣпость для защиты своихъ владѣній отъ печенѣговъ, кочевавшихъ тогда уже за Дономъ.

Таково мнѣніе еще Карамзина (т. V гл. I пр. 133); мнѣніе это принято многими въ томъ смыслѣ, что Саркелъ находился тамъ, гдѣ караваны должны были оставлять Донъ и волокомъ перетаскиваться въ Волгу, т. е. около того мѣста, гдѣ эти двѣ рѣки близко подходятъ другъ къ другу (Иловайскій, Разысканія, 102). Другіе (Поповъ) указываютъ Саркелъ около ст. Цимлянской, гдѣ найдены развалины стѣнъ, византійскія монеты, кресты и т. п.

Послѣднее мнѣніе болѣе, чѣмъ первое, поясняетъ слова Константина Б. (гл. II): «когда владѣтель Аланіи не находится въ мирѣ съ хазарами, а предпочитаетъ этому расположеніе императора Ромэевъ, то если хазары не желаютъ жить въ мирѣ и дружбѣ съ императоромъ, онъ можетъ сдѣлать имъ много зла, выйдя на дороги и неожиданно напавши на нихъ въ то время, когда они двигаются на *Саркелъ*, Климаты и Херсонъ».

Но если предполагать Саркелъ около Цимлянской станицы то противъ какихъ варваровъ крѣпость на этомъ мѣстѣ могла защищать Хазарію?

Ѳ. И. Успенскій (Кіевская Старина, 1889) пытался даже отрицать достовѣрность показаній Константина Багрянороднаго въ томъ отношеніи, что Саркелъ не былъ построенъ греками для хазаръ; по его мнѣнію, городъ этотъ былъ основанъ греками для себя; постройка эта значительное расширеніе сферы греческаго вліянія въ предѣлахъ теперешней Россіи и произведена была не въ IX в., какъ пишетъ Константинъ, не между 833—835 гг., а лишь въ первой четверти X в.

Въ этой своей части положенія Успенскаго рѣшительно и вполнѣ основательно отвергнуты были В. Г. Васильевскимъ, ибо мы не имѣемъ никакихъ оснований не довѣрять или сомнѣваться въ извѣстіяхъ Константина о постройкѣ Саркела.

Полемика эта поучительна въ томъ отношеніи, что она лишній разъ заставляетъ изслѣдователя держаться показаній источника возможно ближе. Поэтому мнѣ представляется, что мы не имѣемъ права пройти мимо показанія хожденія митр. Пимена о Серкліи. Поставить укрѣпленіе на этомъ мѣстѣ имѣло большое значеніе. Слишкомъ хорошо извѣстно съ самыхъ древнихъ временъ до нашихъ дней, что здѣсь по знаменитой Переволокѣ пролегаетъ и пролегалъ важный торговый путь. Здѣсь крѣпость Саркелъ и начинавшійся отъ нея ровъ къ Волгѣ могли служить защитой хазарской, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, землѣ, расположенной въ дельтѣ Волги, отъ кочевниковъ: и отъ тѣхъ изъ нихъ, которые проходили изъ Азіи въ Придонскія и Приднѣпровскія степи, и отъ тѣхъ, которые кочевали уже въ этихъ степяхъ. Саркелъ на мѣстѣ Серкліи стоялъ ниже извѣстныхъ бродовъ Дона и собственно хазарскія владѣнія были защищены отъ кочевниковъ Дономъ, Волгой и линіей, соеди-

нявшей эти двѣ рѣки. Кто были кочевники, угрожавшіе хазарамъ, трудно опредѣлить: или угры или печенѣги; вѣроятнѣе, первые. Саркелъ на переволокѣ и имѣетъ опредѣленное значеніе—крѣпости, оплота и охраны торговаго пути и, наконецъ, нахожденіе его имени здѣсь подтверждается свидѣтельствомъ XIV вѣка. Гораздо труднѣе понять значеніе, которое могъ имѣть Саркелъ на мѣстѣ Цимлянской станицы, какъ это старается доказать г. Поповъ. Стоявшая здѣсь крѣпость имѣла значеніе для весьма ограниченнаго района и оставляла хазарскую землю незащищенной въ наиболѣе важномъ и посѣщаемомъ пунктѣ.

Разселеніе восточныхъ славянъ [1]).

Откуда есть пошла Русская земля?

На вопросъ этотъ Кіевская начальная лѣтопись дала отвѣтъ: имя «Русь», «русскій» иноземнаго происхожденія, которое принято было нѣсколькими славянскими племенами, образовавшими со временемъ народъ *русскій*. Племена вошедшія въ русскій народъ, славянскія; начальная лѣтопись хорошо чувствовала и сознавала родство и близость отдѣльныхъ славянескихъ языковъ ляшскаго, чешскаго, сербскаго и др. по языку ляхъ, чехъ братъ русскому, мордва, чудь нѣтъ: «се бо токмо словѣнскъ языкъ въ Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане зане сѣдоша по Бугу, послѣже Велыняне. А се суть инии языци, иже дань дають Руси: Чюдь, Меря, Весь ...си суть *свой языкъ* имуще.

Руководясь такимъ надежнымъ руководителемъ, какъ языкъ, лѣтопись даетъ хорошую этнографическую картину населенія Руси въ XI в.

Лѣтопись знаетъ, что славяне пришли на Русь изъ другихъ мѣстъ. Прежде «сѣли суть словѣни по Дунаеви, о гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска»,—южно-дунайская низменность прародина славянства по словамъ лѣтописи. Она знаетъ и время и причину, когда усилилось начавшееся раньше разселеніе славян-

[1]) Барсовъ. Очеркъ ист. геогр. Голубовскій. Ист. Смоленск. земли. Шахматовъ. Ж. М. Н. П. 1899. Спицынъ. Ж. М. Н. П. 1899 г. Грушевскій. Кіевская Русь. Багалѣй. Рус. Исторія, ч. 1-я.

ства: часть славянъ уже выселилась изъ прародины когда «Волхомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайския, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ» — тогда славяне должны были искать новыхъ мѣстъ.

Нападеніе Влаховъ—Волоховъ было толчкомъ для переселеній. Слово это довольно опредѣленнаго значенія: Wahl'омъ, Wälsh'омъ германцы называли кельтовъ или галловъ. Славяне переняли это имя отъ германцевъ, причемъ значеніе слова расширилось, населеніе Италіи, римляне, назывались также Волохами, т. е. Влахъ, Волохъ на языкѣ лѣтописей соотвѣтствуетъ нашимъ понятіямъ: галлъ, кельтъ, римлянинъ, романецъ.

Столь широкое значеніе слова «Влахъ» затрудняетъ толкованіе означеннаго мѣста лѣтописи; такъ еще Шафарикъ думалъ, что лѣтопись помнитъ о нашествіи Кельтовъ въ IV в. до Р. Х. на нижній Дунай; другіе (Иловайскій, Забѣлинъ, Ключевскій) полагаютъ, что подъ именемъ Влаховъ лѣтопись разумѣетъ римлянъ, въ началѣ II в. по Р. Хр при славномъ Траянѣ побѣдившихъ Даковъ и основавшихъ здѣсь провинцію. Первое мнѣніе не можетъ быть принято: сомнительно, чтобы сохранились преданія о столь далекой старинѣ, невѣроятно допустить, чтобы уже въ IV в. до Р. Хр. славяне начали занимать свои позднѣйшія мѣста по Моравѣ, Вислѣ и Днѣпру; разборъ, какъ мѣстныхъ названій, такъ и археологическихъ данныхъ рѣшительно не позволяетъ приписывать славянскимъ древностямъ Россіи столь глубокую древность; наконецъ, слѣдовъ славянства на нижнемъ Дунаѣ незамѣтно ни во время Геродота, ни позже его; въ этой мѣстности господствовали ѳракійскія народности. Гораздо глубже утвердилось въ нашей наукѣ другое представленіе: именно, подъ влахами наша лѣтопись разумѣетъ римлянъ временъ императора Траяна и его счастливую войну съ Децебаломъ.

Въ подтвержденіе этой мысли приводятся слѣдующія положенія: имя «Дунай»—очень распространено въ славянской народной поэзіи; оно стало почти нарицательнымъ; равнымъ образомъ славянская народная поэзія хорошо знаетъ имя славнаго римскаго императора который, казалось, былъ совершенно чуждъ славянству; въ той-же поэзіи и обрядахъ важное значеніе имѣетъ «Коляды», слово несомнѣнно римскаго происхожденія; какимъ образомъ едва

ли не важнѣйшій народный праздникъ названъ римскимъ словомъ? Гдѣ же, если не въ Траяновой Дакіи и не на Балканскомъ полуостровѣ славяне столкнулись съ римлянами и заимствовали отъ нихъ это слово? именно то, что слово это есть у русскихъ, у болгаръ, у чеховъ,—какъ бы указываетъ на то, что слово заимствовано славянами въ ихъ прародинѣ, пока они не раздѣлились и не разошлись. Наконецъ, въ именахъ географическихъ (II в. по Р. X.) указаны славянскія имена Tsierna, т. е. Черная рѣка, и Pelso (озеро).

Основываясь на этихъ данныхъ утверждали и утверждаютъ, что первоначально въ Европѣ славяне жили всѣ вмѣстѣ на нижнемъ Дунаѣ; когда же римляне при Траянѣ потѣснили населенія этого края, они, т. е. славяне, начали расходиться въ разныя стороны, унося съ собою память о влахахъ, ихъ императорѣ Траянѣ, нѣкоторыя латинскія слова и римскія монеты, въ изобиліи встрѣчающіяся на Днѣпрѣ и Вислѣ.

Косвенное подтвержденіе этого мнѣнія видѣли въ сравнительно раннемъ проникновеніи славянъ на Балканскомъ полуостровѣ, къ югу отъ Дуная.

Какъ можетъ быть ни кажутся иногда убѣдительными нѣкоторыя изъ этихъ основаній, большинство изъ нихъ съ успѣхомъ оспаривается представителями той школы, которая полагаетъ, что славяне появились на Дунаѣ не раньше конца V в., можетъ быть даже начала VI в. Эта послѣдняя школа выходитъ прежде всего изъ тѣхъ положительныхъ данныхъ, которыя можно собрать о народностяхъ, жившихъ по нижнему Дунаю съ V в. до Р. Хр. по V—VI в. по Р. Хр.; на этомъ карпато-дунайскомъ пространствѣ толпятся многочисленныя ѳракійскія народности, послѣдовательно здѣсь же появляются къ сѣверу отъ Дуная скиѳы, сарматы, относимые новѣйшей критикой къ иранской вѣтви аріевъ, обнаруживаются народности кельтскіе и германскіе (бастарны, готы, гепиды), наконецъ появляются уже *не* арійцы, тюрки, ихъ потомки болгары. Если о нѣкоторыхъ изъ толпившихся здѣсь народахъ (карпахъ, тирагетахъ, скордискахъ) трудно сказать что нибудь положительное, то относительно тѣхъ, о которыхъ сохранилось больше свѣдѣній, положительно можно утверждать, что всѣ они, прежде всего, *не* славяне, что слѣдовательно коренное, главное населеніе

края не было славянскимъ. Уже одно это положенiе дѣлаетъ въ сильной степени проблематичнымъ противоположное мнѣнiе; что же касается до доказательствъ, связанныхъ съ именами Дуная, Траяна, со словомъ «Коляды» и пр.,—то и они и при ближайшемъ разсмотрѣнiи должны быть отвергнуты.

Имя славнаго римскаго императора попало въ народную словесность путемъ заимствованiя; изъ Византiи пѣсни и миѳы о Траянѣ проникли въ Болгарскую письменность и оттуда перенесены къ намъ, въ Россiю; оттого и образъ Траяна различно усвоенъ отдѣльными славянскими народами: сербы, напр., представляютъ его то триголовымъ существомъ съ крыльями, то ночнымъ привидѣнiемъ, боящимся солнечныхъ лучей; преданiя о Траянѣ сложились вовсе *не* въ предѣлахъ Траяновой Дакiи. Границы Дакiи опредѣляютъ такъ: на югѣ Дунай, на западѣ нижнее теченiе Тиссы, затѣмъ граница поворачиваетъ на сѣверо-востокъ, пересѣкаетъ Марошъ, семиградскiя горы, достигаетъ верховьевъ Тиссы, пересѣкаетъ Лѣсныя Карпаты и упирается въ Днѣстръ, повыше Хотина. Равнымъ образомъ христiанскiе миссiонеры внесли въ славянскiе языки «коляду» — calendae, этимъ послѣднимъ словомъ они въ Паннонiи стали называть славянскiй праздникъ; изъ Паннонiи слово это занесено было на югъ, на Балканскiй полуостровъ и изъ Болгарiи, къ намъ. Если мы не принимаемъ мнѣнiе о томъ, что подъ Волохами должно разумѣть римлянъ Траяна, то намъ остается признать недостовѣрность сказанiя лѣтописи и объяснить, какимъ путемъ могли быть занесены въ лѣтопись подобныя сказанiя.

Начальная лѣтопись безспорно не чужда идеи славянскаго единства, «отъ сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ Словѣнескъ, отъ племени Афетова, Нарци еже суть Словѣне.., тако розидеся словѣньский языкъ; тѣм же и грамота прозвася словѣньская... бѣ единъ языкъ словѣнескъ. Словѣне, иже сѣдяху по Дунаеви, ихъ же прiяша Угри, и Морава, Чеси и Ляхове, и Поляне, яже зовомая нынѣ Русь». Несмотря на борьбу племенную лѣтопись подчеркиваетъ единство происхожденiя враждующихъ племенъ и видовъ славянскаго мiра.

Въ этомъ мѣстѣ, говоритъ А. А. Куникъ, въ полномъ блескѣ высказывается у Нестора охота систематизировать, хотя она мо-

жетъ быть навѣяна на него со стороны. «Иначе говоря, лѣтопись *не знала* гдѣ славяне жили всѣ вмѣстѣ; но ей *нужно* было для явнаго доказательства родства всѣхъ вѣтвей славянскаго народа указать такое мѣсто и она, выходя изъ положенія, сложившагося къ XI вѣку, — вѣку ея составленія, остановила свой выборъ на нижнемъ Дунаѣ, который тогда. въ XI в., протекалъ въ срединѣ славянскаго міра.

Если мы примемъ такое объясненіе, то не въ лѣтописи будемъ искать разрѣшенія интересущаго насъ вопроса.

Классическіе писатели начинаютъ давать скудныя, подчасъ сомнительныя, нерѣдко труднообъяснимыя извѣстія о славянахъ лишь съ I в. по Р. Хр. Смутно слышалъ Плиній, что къ востоку отъ Вислы, которую онъ называетъ Вистла (Vistla) обитаютъ также Венеды. Тацитъ уже нѣсколько пространнѣе говоритъ о Венедахъ, наконецъ Птолемей помѣщаетъ ихъ на побережьѣ Балтійскаго моря, къ востоку отъ Вислы. Мы касались этихъ извѣстій *выше*, они не даютъ ключа къ разгадкѣ вопроса. Только съ IV в. по Р. Хр. (Марцелинъ) извѣстія о славянахъ становятся опредѣленнѣе, но тогда славяне уже раздѣлились на вѣтви, послѣднія на народы, и уже двигались въ разныя стороны.

Слѣдовательно, конечный выводъ тотъ, что ни писатели древности, ни извѣстія ранняго средневѣковья, ни, наконецъ, наши лѣтописи не оставили намъ сколько нибудь точныхъ данныхъ о прародинѣ нашего племени. Мы имѣемъ рядъ отрицательныхъ данныхъ: 1) нельзя искать прародины къ западу отъ Вислы, ибо тамъ исконы жили германцы; 2) къ сѣверу (и тѣмъ болѣе къ югу) отъ нижняго Дуная также не имѣемъ основаній искать славянской прародины въ теперешнихъ Валахіи, Молдавіи и Трансильваніи, ибо господствующее тамъ населеніе было ѳракійскаго происхожденія; 3) на Карпатахъ рано показались племена Кельтскія и Германскія; поэтому едва ли допустимо, чтобы здѣсь жили славяне; 4) невѣроятно, чтобы славяне жили въ южно-русскихъ степяхъ отъ Дуная до Дона, такъ какъ въ степяхъ хозяйничали иранцы (скиѳы, сарматы).

А, между тѣмъ, для насъ очевидно, что славяне должны были жить гдѣ то не очень далеко отъ того угла Чернаго моря, гдѣ сталкивались расходившіеся въ разные стороны родичи ихъ ѳра-

кійцы, кельты, германцы, иранцы. Есть еще одинъ признакъ, который заставляетъ насъ искать прародину недалеко отъ указаннаго мѣста. Это—взаимныя отношенія литовцевъ и славянъ; изъ всей семьи аріевъ литовское и славянское племена наиболѣе близки между собою; считается доказаннымъ, что по раздѣленіи аріевъ на отдѣльныя вѣтви литовцы и славяне образовали одну группу летто-славянскую и нѣкоторое время жили вмѣстѣ общею жизнью, пока приблизительно за 500 лѣтъ не раздѣлились на два отдѣльныхъ народа. Литовское же племя не мѣняло своей территоріи; теперешняя территорія меньше доисторической, но тамъ, гдѣ живутъ литовцы теперь, они жили искони; въ настоящее же время Литва сосредоточивается въ бассейнѣ р. Нѣмана, такъ сказать архи-литовской рѣки. Такимъ образомъ, мы получаемъ одно положительное указаніе, но недостаточно опредѣленное: славянъ мы должны искать около литовцевъ, въ територію которыхъ входилъ и бассейнъ рѣки Нѣмана. Такъ какъ данныхъ исторіи у насъ нѣтъ, то мы должны обратиться къ языку земли: не найдемъ ли гдѣ либо въ очерченномъ районѣ областей съ ясно и сильно выраженнымъ славянствомъ названій рѣкъ, озеръ, урочищъ, не говоря уже о названіяхъ населенныхъ пунктовъ. Если мы найдемъ такую область, если она удовлетворитъ къ тому же и другимъ даннымъ языкознанія и косвеннымъ намекамъ исторіи, то мы вправѣ считать эту область славянской прародиной, хотя бы въ томъ смыслѣ, что въ данной области до славянъ не жило никакого другого народа. Легко видѣть, что такое рѣшеніе вопроса не окончательное: возможно, что до прихода въ названную область славяне жили гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, затѣмъ всею массою своею покинули эти мѣста, которыя оставались долго никѣмъ не занятыми. Такая область не сохранитъ слѣдовъ пребыванія тамъ славянъ. Возможно, что память о славянахъ (какъ и о всякомъ другомъ племени) затерта была иначе; они могли быть вытѣсненными германцами, эти—литовцами, послѣдніе—финнами. Весьма вѣроятно, что первоначальныя имена, данныя славянами, настолько измѣнились послѣ этихъ этническихъ переворотовъ, что ихъ первоначальный характеръ совершенно неуловимъ въ настоящее время. Развѣ мы могли бы по теперешнимъ хоро— и топо-графическимъ именамъ узнать, что цѣлое столѣтіе готы жили на берегу Балтійскаго моря или что

два столѣтія они прожили па югѣ Россіи? Какія названія остались отъ хазаръ послѣ шестивѣковаго ихъ пребыванія въ Прикаспійскомъ краѣ? О такихъ переселеніяхъ можно иногда догадываться, но говорить объ нихъ не приходится, они скрыты отъ насъ. Это обстоятельство всегда надо имѣть въ виду; и тѣмъ не менѣе область съ чистославянскими названіями должна остановить наше вниманіе, особенно если она находится недалеко отъ тогдашнихъ центровъ. Мы видимъ, что въ настоящее время славяне живутъ во многихъ мѣстахъ, колонизованныхъ ими впослѣдствіи; во всѣхъ этихъ мѣстахъ хоро— и топографія въ большей или меньшей степени заключаетъ въ себѣ инородческіе элементы; движеніе славянъ началось въ V в. по Р. Х.; такимъ образомъ страны съ чисто славянскими именами были мѣстомъ ихъ пребыванія до означеннаго времени.

По извѣстіямъ Тацита и Птолемея слѣдуетъ, что венеды—славяне жили въ Европейской Сарматіи, т. е. между Вислой-Карпатами на западѣ и Дономъ на востокѣ. По Іордану—анты и венеды—славяне жили также въ южной Россіи, между Дунаемъ и Дономъ. Въ соотвѣтствіи съ этими намеками издавна (со временъ Надеждина) указываютъ на пространство отъ Карпатъ до Днѣпра; отъ Одера до Днѣпра, между 50° и 53° сѣв. шир. [1]) какъ на прародину славянства. Прежде, чѣмъ перейти къ болѣе подробному разбору мѣстныхъ названій этой области, остановимся на именахъ значительнѣйшихъ русскихъ рѣкъ.

Имена большинства русскихъ рѣки инородческія. Главная рѣка Россіи, ея позвоночный хребетъ, Волга, носитъ не славянское имя. Слово это финское и, кажется, принадлежитъ языку исчезнувшаго финскаго племени мери. Благодаря этому мы можемъ догадаться, гдѣ русскіе поселенцы впервые увидѣли и узнали эту рѣку: если бы они познакомились съ нею въ ея нижнемъ теченіи, между (приблизительно) теперешнею Казанью и Астраханью, они прозвали бы ее видоизмѣненнымъ тюркскимъ именемъ «Итиль» или «Эдиль»; если бы они вышли на Волгу Окой, на ея средній плессъ, она называлась бы «Ра» (отъ мордовскаго имени); вѣроятнѣе всего, что русскіе впервые увидѣли эту рѣку въ предѣлахъ

[1]) Филевичъ, Исторія древней Руси, 88.

теперешней Тверской или Ярославской губерній. Первая лѣтописная замѣтка о Волгѣ подтверждаетъ эти замѣчанія и указываетъ, что во время составленія лѣтописи въ Кіевѣ только что стали знакомиться съ этой рѣкой. Перечисляя рѣки, авторъ лѣтописи поясняетъ: «яже идеть на въстокъ въ часть Симову»... и дальше... (Волга) втечеть семьюдесятъ жерел въ море хвалынское. Тѣм же и изъ Руси можетъ ити (по Волгѣ) въ Болгары и Хвалисы». Слѣдовательно, знакомство русскихъ съ Волгою относительно весьма не раннее: по записи чувствуется, что въ XI в. еще не вполнѣ ознакомились съ Волгою. Всѣ сколько нибудь значительные притоки Волги носятъ имена также инородческія: чаще всего финскія названія (Ока, Кама, Молога, Шексна, Кострома, Унжа, Ветлуга, Сура и т. п.); такого же происхожденія и названія притоковъ Оки; большинство этихъ названій также заимствовано русскими у финновъ, а ниже мы увидимъ, что русскіе съ финнами столкнулись не очень рано, едва ли раньше 700 г. по Р. Х. (конечно, приблизительно). Однимъ словомъ, весь огромный бассейнъ Волги долженъ быть исключенъ изъ числа тѣхъ областей, гдѣ имѣемъ право предполагать прародину славянъ; она не могла быть небольшимъ пространствомъ, бассейномъ какой нибудь малой рѣки. По тѣмъ же основаніямъ отпадаетъ бассейнъ рѣкъ Сѣвернаго океана и Бѣлаго моря; общеизвѣстенъ сплошной «финнизмъ» рѣкъ Сѣвернаго Поморья; извѣстно и то, что едва ли раньше XI в. русскіе проникли сюда; русская колонизанія этого края происходитъ уже на глазахъ нашей исторіи. Тоже приходится сказать объ озерной части Европейской Россіи. «При чтеніи спеціальныхъ топографическихъ картъ древняго Новгородскаго края нельзя не замѣтить, что географическія названія чисто славянскаго происхожденія господствуютъ только на южной окраинѣ его, въ той части Озерной области, которая непосредственно примыкаетъ къ Оковскому лѣсу и верхнему Подвинью, искони заселеннымъ кривичами. Эту область можно ограничить Шелонью (на с. з.) и Мстою (на с. в.), т. е. полостью Ловати. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не видѣть, что славянство уже не было въ ней первобытнымъ населеніемъ, что оно водворилось здѣсь на инородческой основѣ» [1]).

[1]) Барсовъ, 193.

Тоже самое замѣчаніе придется сдѣлать и относительно области Западной Двины. Я колеблюсь нѣсколько опредѣлить, какого происхожденія это имя: финское имя «Weine» есть обычная передѣлка русской Двины, литовская Daugawa отстоитъ слишкомъ далеко отъ нашего имени, есть еще литовское Dūna и нѣмецкая Düna—эти ли имена дали «Двину» или наоборотъ? Мнѣ кажется, что имя Двина идетъ не снизу вверхъ (Карскій), а наоборотъ: въ верховьяхъ есть и озеро Двино, и рѣчка Двинка, погостъ Двинъ, селеніе Двинка, т. е. въ одномъ мѣстѣ мы имѣемъ рядъ названій корня «Двин»; очень можетъ быть, что слово это передано изъ какого нибудь языка инородческаго, но имя это идетъ сверху и рѣка названа тамъ русскими, а литовцы, финны и нѣмцы передѣлали потомъ это имя каждый по своему. Здѣсь въ верховьяхъ Двины можно отмѣтить рядъ инородческихъ, весьма чуждо звучащихъ именъ, таковы озера: Жекто, Доnша, Караселки, Кодосно, Гордосно, Эднаро, Одгаста, Осѣя; рѣчки Осѣля, Лепора, Платашна, Подвигаясь далѣе къ западнымъ границамъ Витебской губерніи, мы все чаще будемъ встрѣчать эти чуждыя нашему уху имена: Тіосто, Карацебо, Семто, Серуты, Овилс, Ониварда, Дукшты, Обочи, Рычи, Чеміосы; сравнительно рѣдко попадаются славянскія имена озеръ и то представляющія изъ себя переводъ инородческихъ: Глубокое озеро, Глухое, Слѣпое, Узкое. На ряду съ этими инородческими именами есть рядъ названій славянскихъ; мы къ нимъ вернемся послѣ, ибо въ настоящее время наша цѣль только доказать, что и на верхней Двинѣ славянскія поселенія не древнѣйшія, что и здѣсь славяне переняли цѣлый рядъ именъ, т. е. что они сравнительно медленнымъ путемъ проникали и сюда. Эта мѣстность намъ представлялась особо важной, какъ въ виду того, что она заселена была къ началу нашей исторіи, такъ и потому, что она непосредственно и съ сѣвера и съ востока примыкаетъ къ исторической территоріи Литвы; мало того здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ граница русскаго и литовскаго племенъ отличается удивительною устойчивостью [1]): въ общемъ эти границы совпадаютъ съ теперешними границами Витебской губ. съ одной стороны, Ковенской и Лифляндской—съ другой. Оказывается, однако, что сла-

[1]) См. карты Билленштейна № 1 и 3.

вянское племя вытѣснило отсюда какой то другой народъ, вытѣснило его медленно. Тотъ же выводъ мы получимъ, если будемъ искать прародину славянъ въ верхнемъ теченіи Днѣпра и его большого притока Березины, т. е. въ губерніяхъ Смоленской, Минской и Могилевской. Несомнѣнно, что имя Днѣпра идетъ снизу, и не сверху, также имена Дона и Днѣстра; недавно еще академикомъ Соболевскимъ еще разъ очень убѣдительно выяснена связь сарматскаго Danaper (Danapris) и Danaster съ лѣтописными формами Дънѣпръ и Дънѣстръ. Славяне на югѣ ознакомились съ этими рѣками и отъ алановъ узнали ихъ имена. Если этого соображенія мало, то на каждомъ листѣ трехверстной карты указанныхъ трехъ губерній легко найти слѣды инородцевъ. Вотъ уголъ, въ которомъ сходятся концами Псковская, Тверская и Смоленская губерніи, верховья Двины и Волги: озера Пено, Соблаго, Охватъ или Жеданево, Отолово, Бойно, Грасно, Яссы (?), Волкото; рѣчки Березно, Медина, Нечесма, Волкота; немного южнѣе, окрестности г. Бѣлаго [1]) на правомъ берегу Днѣпра рѣчки Вужа, Нача, Осотня, Ломна, Супрута; къ западу [2]) р.р. Межа, Обша, Аржать, Ельма, Воня, Конеда, Сапиза.

Еще больше инородческихъ слѣдовъ мы найдемъ въ верховьяхъ Березины, которая носитъ чисто славянское имя, а ея притоки— инородческія: р.р. Мрой, Гнюта, Нача, Усяжъ, Зора; даже населенные пункты носятъ здѣсь часто инородческія имена: Зембинъ, Кисніа, Плиса, Зоренба, Пеликъ и др. [3]).

Мы еще вернемся къ разбору всѣхъ мѣстныхъ именъ края; пока отмѣтимъ, что долины Березины, Днѣпра, также какъ Сожи и Десны заключаютъ въ себѣ не мало инородческихъ названій.

Впечатлѣніе измѣняется, когда мы вступаемъ въ долину р. Припяти, особенно на правый южный берегъ этой рѣки. Мы находили возможнымъ пріурочить территорію невровъ Геродота, въ которыхъ продолжаемъ (вопреки Шахматову) видѣть славянъ именно къ этой мѣстности. Сама Припять носитъ чисто славянское имя; и въ какое славянское царство рѣкъ и рѣчекъ мы вступаемъ, идя по правому берегу рѣки: Сколодинка, Любинка, Толкуча, Неровянка,

[1]) Рядъ XI, л. 11.
[2]) Рядъ IX, листъ 10.
[3]) Ср. Карскій, Бѣлоруссы.

Усѣчна, Мытка, Славечна, Ясенецъ, Ситовка, Лазпица, Гребля, Желѣзница, Рудовка, Ржавецъ, Бобръ, Бобрпшка, Оленевъ, Жеревъ, Брагипка, Щолбенка, Песоченка, Хобяпка, Глыбочекъ, Захованка, Ушъ, Случъ, Горынь, Стоходъ, Стырь, Быстрица, Брещa, Струбля, Веселуха, Млинокъ, Ножикъ, Кормикъ, Болотница, Зимуха, Плотница, Жалобница, Прежубница, Бѣгунька, Вилія, Ровъ, Ихва, Тростенка, Гнилопятъ, Ровецъ, Бродецъ. Тетеревъ, Смотричъ, Збручъ, Десна. Ближе къ Кіеву, въ бассейнахъ Ирпеня и Тетерева наблюдаемъ тоже сплошное славянство названій: Буча, Каменка, Суботъ (?): Протока, Березайка, Поправка, Постынка, Голь, Вабля, Болотная, Жерева, Крапивна, Рязня, Вырва, Збривя, Вабля, Бѣлка, Вилія. Спускаясь къ югу, къ бассейну Роси, къ мѣстности, въ которой въ историческое время обитали полукочевые тюркскіе инородцы встрѣчаемъ такія понятныя нашему уху имена какъ: Россова, Потока, Гороховатка, Протока, Каменка, Ростовица, Сквирка, Березайка, Рубченка, Орѣховецъ, Хоробра, Порозовица, Поправка, Торчъ; даже это послѣднее имя дано, конечно, русскими.

Необходимо отмѣтить необыкновенное разнообразіе этихъ именъ: цвѣтъ воды, теченіе, свойства береговъ, русла и дна, окружающая растительность или животный міръ, внѣшній видъ рѣчки, наконецъ, впечатлѣніе, которое она производитъ на окружающихъ (Веселуха, Хоробрая, Жалобница)—все это служитъ признаками, по которымъ рѣка получаетъ свое имя. Подобныя имена давались водамъ тогда, когда къ рѣкѣ относились какъ къ живой, одушевленной стихіи, т. е. въ глубокой древности.

Итакъ на правомъ берегу Припяти, въ лѣсистой и низменной мѣстности мы должны отмѣтить сплошное «славянство» именъ рѣкъ и озеръ. Какъ далеко, однако, простиралась эта область чисто славянскихъ названій? Южныя границы опредѣляются довольно легко: въ степи, какъ мы знаемъ, искони господствовали кочевники; потому едва мы спустимся по Днѣпру ниже Роси или подойдемъ къ бассейнамъ Ингульца и Ингула мы встрѣтимъ совсѣмъ другія имена: въ уѣздахъ Уманскомъ и Чигиринскомъ находимъ рѣчки Ташлыкъ, Ирклейцъ, Ирклейка, Багва; въ Елизаветградскомъ и Ольвіопольскомъ уѣздахъ Херсонской губерніи: Аджамка, Верблюжка, Сагайдакъ, Суголея, Граноклея, Чечиклея, Куяльникъ, Тилигулъ: не говоримъ уже о главныхъ рѣкахъ Ингулѣ и Ингульцѣ;

также по Днѣпру ниже Роси—Калоборокъ, Бешка, Сура (нѣсколько славянскихъ—Мокрая, Камышеватая и т. д.). Тритузская, Бузулукъ. Очевидно, что граница лѣса и степи служитъ также границей славянъ и кочевниковъ. Имя Бугъ или Богъ лѣтописи дано славянами; верхнее теченіе Южнаго Буга занято было славянами; конечно, слово это иранскаго происхожденія, но мнѣ кажется нельзя его ставить въ рядъ съ именами: Донъ, Днѣпръ, Днѣстръ, послѣднія имена собственныя, «богъ» же—нарицательное. Вѣроятно, къ Днѣпру славяне подошли съ запада и подошли медленно; во всякомъ случаѣ имя этой рѣки они заимствовали у сарматовъ; Днѣпръ не могъ представить для нихъ преграды и они перешли его. Въ Черниговской губерніи очень много рѣкъ, озеръ и болотъ, носящихъ славянскія имена, характерныя по своей древности: Десна, Сеймъ, Снова, б. Глѣбовское, оз. Чернышъ, рѣки: Бѣлая, Кричелка, б. Черное, р.р. Домна и Домница, оз. Святое, р. Острый Стругъ, Стрижня, Бѣлоусъ, Мокроусовка, оз. Гнилуша, р. Дѣвица, Деменка, оз. Грибель, оз. Глаголь, р.р. Кореневка, Ладинка, Лебедь, Иржавецъ, Здвижъ, Козелъ, оз. Кружко, оз. Криница, р. Теклица, оз. Солоное, р.р. Засыпъ, Сорока, Дочь, Трубипа, Трубежъ, Ворзна, Смоляжъ, Борзна, Остеръ, оз. Хорошее, оз. Ворона, Удай (?), Буромка, Утка, Вербовка, *Дунаецъ*, Клевень, Щербикъ оз. Дубровка, оз. Слаутинское, р. Бобрикъ, рр. Шостка, Сливка, Береза, Гремячка, Журавка, Кипячка, Бѣлица, Клиновка, Локоть, Лавръ, Шейка, Руда, Смячъ, Смячка, Турія, б. Чермошно, р. Лазовка, Тетива, *Двина*, оз. Грязное, оз. Воликъ, б. Лосево Стойло, р. Бобровица, Гороховка, оз. Кіянка, оз. Шелковицы, р. Торговица, Липки, Богачка, Деревейка, Ревень, Серебрянка, Думка, Чернявка, Хороборка. Имена все славянскія, кажется, древнія; они не представляютъ повторенія именъ на правомъ берегу Днѣпра за немногими, вполнѣ понятными, исключеніями. Интересны имена Двина, Кіянка и Дунаецъ. Вмѣстѣ съ этимъ, однако, на лѣвомъ берегу Днѣпра, сейчасъ по переходѣ его встрѣчаются и имена *не* славянскія; въ ближайшемъ къ Кіеву и Днѣпру уѣздахъ Остерскомъ, Козелецкомъ и Черниговскомъ ихъ очень мало, напримѣръ: р. Сага, бол. Песы, р. Малсфа, р. Молость, р. Галло, р. Кобыжча, р. Баланка, р. Недра, оз. Опацка или Чернечно, р. Сувида, р. Сибира. Замѣтное усиленіе инородческаго элемента можемъ отмѣтить лишь въ сѣверныхъ

уѣздахъ Черниговской губерніи — Мглинскомъ и Сурожскомъ: р. Улеча, Туросма, Ипуть, Хоропуть, Ельня, Жечь, Дира, оз. Кокота, р. Ковноша, Бесѣдь, Палуже, Ларена, Зубрея, Судость, Костя (вѣроятно, осмысленіе) Уса и Усса, Пео, Допля, Роша, Рединька, Немолодва, Питола, Дробля, Тезва, Воропуса, Асинка и мѣст. Асика. Не мало инородческихъ, именъ и въ названіяхъ поселенныхъ мѣстъ, нѣкоторые изъ нихъ, кажется, глубокой старины Алькопъ, Адинъ, Аникъ, Ардонъ, Ардонь, Асика, Босань, Бахмачь, Блудче, Бонижей, Бохапы, Вага, Долбяжи, Ирна, Ичень, Комаль, Корна, Кубань, Кусеи, Олбынь, Онтени, Осота, Панерня, Тютюри, Ядуты и др.

Во всякомъ случаѣ, въ Черниговской губ. на лѣвомъ берегу Днѣпра мы не встрѣчаемъ такой чистоты названій, какъ на правомъ берегу—на Волыни и въ Кіевщинѣ. Кому изъ инородцевъ принадлежатъ эти имена—трудно установить, Асика, Ардонъ, Кубань, м. б. Еслань не принадлежатъ ли сарматамъ? На сѣверѣ Черниговской губерніи рядъ именъ типично финскихъ. Поэтому полагаю, что область Десны заселена была позже, чѣмъ Кіевщина и Волынь. Когда совершилось заселеніе Черниговщины — на это есть только намеки. Въ верхнемъ теченіи Десны славяне встрѣтили финновъ; теперь обыкновенно полагаютъ, что русскіе столкнулись съ финнами не очень рано; г. Миккола (Berührung) приблизительно опредѣляетъ эту встрѣчу 700 г. по Р. Х. Съ другой стороны наша начальная лѣтопись, у которой память, какъ извѣстно, очень коротка, помнитъ о поселеніи славянъ на Окѣ (выселеніи Вятичей). Верховья Десны и Оки такъ близки между собою, что едва ли значительный промежутокъ времени могъ отдѣлить заселеніе второй отъ заселенія первой. Въ Орловской губ. славяне встрѣтили, надо думать, значительныя поселенія инородцевъ, отступившихъ, вѣроятно предъ ними изъ Черниговской губерніи. Ока, Зуша, Неруса, Хорисля, Капсуля, Свапо, Сучелъ, Немедъ, Рямяжъ, Велія, Кнубрь—цѣлый рядъ инородческихъ именъ уже въ южныхъ уѣздахъ этой губерніи. Принадлежатъ ли онѣ всѣ финнамъ? Едва-ли; но съ главной рѣкой «Ока» славяне познакомились черезъ финновъ. Что славяне шли изъ Волыни и Кіевщины въ Черниговскую губернію, а не съ юга или юга-востока, это можно доказать разборомъ тѣхъ же мѣстныхъ названій.

Двигаясь дальше по Сейму мы все чаще будемъ встрѣчать инородческія имена; такъ, по переходѣ въ Курскую губернію находимъ рѣки: Тускарь, Кура, Свана, Нирегось, Реутъ, *Прутъ*, Обметь, Лопань, Аслонъ, Харилейка, Бутежъ, Вандарецъ, Мармыжъ, Абесто, Орлїэтъ, Суджа, Неича, Маркость и др. Если мы подвинемся еще восточнѣе, напримѣръ, въ Воронежскую губернію, то въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, прилегающихъ къ Курской губерніи, инородческій элементъ выраженъ весьма слабо. Послѣднее обстоятельство нисколько не противорѣчитъ только что сказанному, а лишь указываетъ направленіе колонизаціи (съ юго-запада къ сѣверо-востоку). Присмотрѣвшись къ русскимъ именамъ рѣкъ и рѣчекъ Воронежскаго края, мы сейчасъ же замѣтимъ ихъ происхожденіе, напримѣръ, р. Татарка, Калмычка, Поганецъ, Матренка, Сергѣева, Иванъ, Московскій Колодезь, Мирокъ, Ѳомикъ, Самаринка, Самодуровка и т. д.; да мы и знаемъ, что въ начальную эпоху нашей исторіи этотъ (Воронежскій) край не былъ заселенъ; онъ упоминается лишь въ концѣ XII в.; бродившіе же тамъ кочевники передали русскимъ сравнительно мало названій: Донъ, Донецъ, Потудань, Хворостань, Осколъ, Коблейка; въ сѣверныхъ уѣздахъ Воронежской губерніи инородческихъ именъ больше, среди нихъ не мало, кажется, татарскихъ: Усмань, Хова, Ташлыкъ, Товолжанка, Нереца Кременчугъ, Еманча, Олымъ, Мошъ, Костюра, Шума, Савеса и пр.

И здѣсь по нашему мнѣнію, разборъ мѣстныхъ названій совпадаетъ съ лѣтописными данными. Посемье въ Курской губерніи оказывается населеннымъ русскими позднѣе Подесенья, тѣмъ болѣе Кіевщины, равнымъ образомъ и по лѣтописи Курскъ впервые упоминается лишь подъ 1095 г.; городъ возникъ раньше (упоминаніе о немъ, какъ о родинѣ Ѳеодосія Печерскаго); тѣмъ не менѣе городъ, область и Куряне начинаютъ играть нѣкоторую роль въ нашей исторіи значительно позже Чернигова и Кіева, съ конца XI в., а извѣстія о Курскомъ княженіи начинаются лишь съ XII в. Въ этой части, Заднѣпровской степи, руководителями славянъ были Сарматы; для меня ясно, что славяне подошли сначала къ Донцу, а потомъ уже узнали Донъ; о послѣднемъ даже лѣтопись кіевская имѣетъ весьма смутное представленіе, едва ли не смѣшивая нижнее теченіе Донца съ этой рѣкою; Сѣверскій же Донецъ рано сталъ очень хорошо извѣстенъ сѣверянамъ. Отчего же они его назвали

«маленькимъ Дономъ»? Оттого ли, что они знали тогда и большой Донъ или оттого, что имъ подсказали это названіе? Думаю, второе.

Заселеніе бассейновъ главныхъ лѣвыхъ притоковъ Днѣпра: Сулы, Удоя, Псела, Хорола, Ворсклы, Голтвы совершается уже на глазахъ исторіи. Всѣ перечисленныя имена мнѣ представляются *не* славянскими; они намъ ничего не говорятъ, они совсѣмъ другой категоріи, чѣмъ тѣ, которыя мы встрѣтили уже въ губерніяхъ Волынской, Кіевской и Черниговской.

Такимъ путемъ опредѣляется восточная и (сѣверо-восточная) границы славянской прародины: лѣвый берегъ Днѣпра былъ занятъ славянами впослѣдствіи и, кажется, не раньше двухъ, трехъ столѣтій до IX в.

Рѣшительные слѣды славянства мы видѣли, пока, на южномъ, правомъ берегу Припяти. Какъ далеко доходятъ они въ этой области? Естественной границей Припяти на сѣверѣ служитъ волокъ, который отдѣляетъ долину этой рѣки отъ долины Березины и затѣмъ отъ долины Нѣмана. Въ треугольникѣ, который образуется нижней Припятью и Днѣпромъ не замѣтно инородческихъ элементовъ въ именахъ рѣкъ: Брагинка, Щолбенка, Песоченка, по дальше, къ западу, встрѣчаются какъ будто литовскія имена: Оросса, Иппа, Олла, Пютчя, Даколька; съ переходомъ въ долину р. Березины элементъ усиливается, какъ мы видѣли; въ долинѣ Нѣмана онъ становится господствующимъ; на этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ мы останавливаться не станемъ, считая его хорошо доказанными работами гг. Кочубинскаго и Карскаго. Къ тому же едва ли найдется въ свѣтѣ болѣе низменная, болотистая мѣстность, чѣмъ лѣвый берегъ р. Припяти; весьма возможно, что славяне здѣсь сталкивались съ литовцами; можно догадываться, что, отдѣлившись отъ литовцевъ, славяне поспѣшили перебраться на болѣе возвышенный, правый берегъ Припяти, а когда, черезъ нѣсколько столѣтій къ VIII в. опять начали колонизировать эту дрягвенную мѣстность, они встрѣтили здѣсь кое-какія литовскія племена; первыя встрѣтившіяся здѣсь литовскія поселенія, также какъ въ области Березины, отступили безъ сопротивленія; полное же обезпеченіе этого края за Русью достигнуто было, какъ увидимъ ниже, Кіевскими князьями не безъ борьбы. Не включая лѣвый берегъ Припяти въ область славянской прародины, надо отмѣтить, что имена

славянскія здѣсь дышатъ глубокой древностью, эпохой до христіанской: Лапь, Птичъ, Случъ, Непрецъ, Смерть, даже названія мѣстечекъ: Бобры, Кіевцы, Люты, Говяды, Улужье, Переволочка, Волосово—все это имена весьма древнія.

Долиною Припяти, двигаясь на западъ, мы подходимъ къ Западному Бугу и имъ вступаемъ въ обширный бассейнъ Вислы. Я уже указалъ, что имя «Бугъ» «Богъ» хотя и иранскаго происхожденія, но дано было славянами. Тождество названій обоихъ Буговъ заставляетъ думать, что они даны однимъ племенемъ; имена Буга и Вислы—славянскія, а мы видѣли, какъ мало рѣкъ въ Россіи носятъ славянскія имена; имя Вислы становится извѣстнымъ во второй половинѣ I в. по Р. Х.; римляне узнали это имя отъ германцевъ, въ свою очередь ознакомившихся съ этою рѣкою черезъ славянъ. Мѣстныя названія западной Волыни и польскихъ губерній—Люблинской и Радомской убѣждаютъ насъ въ томъ, что славянскія поселенія шли отъ Буга къ Сану и Вепрю, а оттуда къ Вислѣ и даже за Вислу (Радомская губернія). Верховья Вислы едва ли принадлежали къ славянской территоріи. Самое имя горъ «Карпаты», отдѣльныхъ отроговъ ихъ «Бескидъ» и «Татры» не славянскаго происхожденія; да и изъ именъ рѣчекъ верхней Вислы много инородческихъ: Ямнія, Сморкета, Дыска; другія названы по городамъ—Опатовка (Опатовъ), Куровка (Куровъ) все это не позволяетъ думать, чтобы Галиція входила въ прародину славянъ. Во время Іордана (VI в.) они тамъ уже были, но раньше жили, вѣроятно, кельтскія и германскія племена. Имя Карпаты есть уже у Птолемея, а наша начальная лѣтопись этого имени не знаетъ; она называетъ эти горы или просто «Горы» или «Кавкасійскія горы»; послѣднее имя не безъ основанія сближаютъ съ именемъ народа «Кавки» (Cauci), т. е. русскіе познакомились съ Карпатами черезъ какой то народъ Кавки.

Область Западнаго Буга занята была славянами отъ верховьевъ его приблизительно до Влодавы; на ея широтѣ начинаютъ попадаться къ востоку инородческія имена, да и по лѣтописнымъ извѣстіямъ путь нашей колонизаціи по Западному Бугу открытъ былъ послѣ долгой борьбы съ литовцами (ятвягами).

Итакъ, нѣкоторыя мѣста теперешней Россіи и Польши—губерніи Радомская, Кѣлецкая, Люблинская, Волынская и Кіевская

(большею частью) искони населены были славянскими племенами. Съ конца V в. обнаруживается и въ VI в. продолжается усиленный натискъ славянскихъ племенъ на западъ и юго-западъ. Славяне съ замѣчательной быстротою показываются и въ Германіи — до Эльбы, и въ Швейцарскихъ Альпахъ и на Балканскомъ полуостровѣ вплоть до его южныхъ оконечностей, Мореи. Интересно знать, соотвѣтствовало ли этому движенію на Западъ движеніе на востокъ? Мы укажемъ нѣкоторые признаки, по которымъ движеніе въ сѣверо-восточномъ отъ Волыни направленіи можно считать позднѣйшимъ; полагаемъ a priori, что силы славянства, въ томъ числѣ и восточныхъ его вѣтвей направлены были на западъ; вполнѣ возможно, что при этомъ произошла извѣстная перетасовка племенъ въ томъ смыслѣ, что восточныя могли сдѣлаться западными и наоборотъ.

Степи не принадлежали славянамъ; въ нихъ продолжали кочевать гунно-болгарскія орды. Изъ извѣстій Византійцевъ видно, что славяне, анты и болгары неоднократно вмѣстѣ нападали на византійскія владѣнія. Имперія очень страдала отъ набѣговъ этихъ варваровъ. Для насъ особенно интересна группа народовъ, называемая антами. Этимологія этого имени пока не дается наукѣ; оставивъ въ сторонѣ объясненія имени, видимъ, что Іорданъ, Прокопій и друг. антами называютъ восточную вѣтвь славянства. Единство нашего племени нарушено было раньше приблизительно около II в. по Р. Х. Анты занимали мѣсто къ востоку отъ славянъ (въ тѣсн. смыслѣ), западною границею ихъ въ Іорданово время былъ Днѣстръ. Такимъ образомъ «анты» есть собирательное имя для восточно-славянскихъ племенъ, изъ которыхъ впослѣдствіи образовался русскій народъ. Конечно, такое опредѣленіе должно быть нѣсколько оговорено: три главныя подраздѣленія славянъ—венеты, славяне и анты въ свою очередь дѣлились на отдѣльныя племена, весьма возможно, что въ группировкѣ племенъ произошло впослѣдствіи немало перемѣнъ, на что есть намеки въ нашей литературѣ. Было высказано предположеніе (Грушевскій—Кіевская Русь, стр. 208 и сл.), что анты—только южныя племена восточной группы славянъ. Это предположеніе допустимо только при условіи, что прародина славянъ была не въ указанномъ нами мѣстѣ, а гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ Европейской Россіи. Грушевскій такъ и

поступаетъ, выдѣляя для славянской прародины пространство отъ Карпатскаго подгорья до Алаунской возвышенности, области верхняго и средняго Днѣпра и край между Вислой и Нѣманомъ. Принять этотъ выводъ о пра-славянской территоріи, какъ мы видѣли нельзя. Далѣе, если бы мы могли допустить, что въ IV в. по Р. Х. мѣстности по среднему и верхнему Днѣпру (и сосѣднія съ ними) были уже населены славянами, то имѣли бы право въ антахъ видѣть общее имя южной вѣтви восточныхъ славянъ. Но все, что было уже нами сказано, рѣшительно противорѣчитъ возможности предполагать столь раннее заселеніе верховьевъ Днѣпра. Въ области верхняго и средняго Днѣпра славяне неминуемо должны были войти въ соприкосновеніе съ финнами; на дѣлѣ этого не было и мы не имѣемъ никакихъ данныхъ утверждать о столь ранней колонизаціи славянами нашего сѣвера. Скорѣе напротивъ: съ конца V в. по Р. Х. славяне волной двинулись въ западномъ и юго-западномъ направленіи; это обстоятельство не могло не ослабить ихъ поселеній на прародинѣ и пріостановить ихъ колонизацію въ юго-восточномъ направленіи; обстоятельства съ конца VII в., какъ извѣстно, измѣняются; одна изъ болгарскихъ ордъ, тѣснимая хазарами, перебралась черезъ Дунай и положила начало такъ называемой Дунайской Болгаріи (679 г.). Съ этого времени между Византіей и славянами стала болгарская земля. «Словѣньску же языку, яко же рекохомъ, живущю на Дунаи придоша отъ Скуфъ, рекше отъ Козаръ, рекомии Болгаре, сѣдоша по Дунаеви, *населници* Словѣномъ быша. Посемь придоша Угри Бѣлии наслѣдиша землю Словенску...» Въ концѣ VII в. господами, хозяевами въ южно-русскихъ степяхъ стали хазары; въ западной части этого пространства съ ними воевали болгары (конецъ VII в. и VIII в.). Съ начала IX в. въ южно-русскихъ степяхъ показались и скоро стали господствовать угры (Мадьяры или Венгры). Съ конца VII в. и начался отливъ славянъ-антовъ въ сѣверо-восточномъ направленіи. До этой поры славяне и анты чувствовали себя господами положенія; протиснувшись къ морю и Дунаю, они жили, главнымъ образомъ, войною, жили родовымъ бытомъ. Родовой бытъ ослабѣвалъ, родовые союзы распадались, война перестала давать средства къ существованію; хазарское владычество, хотя относительно и снисходительное, все же было игомъ;

черноземная степь не могла тогда кормить славянина, ибо не земледѣліе было основой его хозяйственнаго быта; тогда и начался постепенный отливъ славянскаго населенія съ юго-запада въ сѣверо-восточномъ направленіи. Восточно-славянскій міръ пришелъ въ движеніе; союзъ, извѣстный окружающимъ народамъ подъ именемъ антовъ, распался и восточные славяне потянулись въ указанномъ сѣверо-восточномъ направленіи. Изъ сказаннаго вытекаютъ три главныхъ положенія, которыя нуждаются еще въ доказательствахъ: 1) до конца IX в.—время, съ котораго сохранились уже нѣкоторыя довольно точныя воспоминанія лѣтописи,—восточные славяне жили южнѣе, т. е. юго-западнѣе, чѣмъ въ историческое время; 2) славянское населеніе Руси IX — XIII вв. находилось въ состояніи постояннаго движенія; 3) отсюда вытекаетъ, что нѣкоторыя такъ называемыя «племена» въ дѣйствительности обнимали лишь населеніе извѣстной мѣстности, а вовсе не составляли союзовъ родственныхъ.

1) Славяне въ VII—IX вв. занимали юго-западный уголъ нынѣшней Европейской Россіи.

Въ историческое время, считая таковое съ X в., границы Русской земли, слагавшагося Русскаго государства, а равно и отдѣльныхъ юго-западныхъ земель—Кіевской, Волынской и позже Галицкой никогда не достигали до Чернаго моря и Дуная. Ниже, опредѣляя границы Галицкой земли, мы выяснимъ подробнѣе отношенія какъ Галицкихъ, такъ и Кіевскихъ князей къ городамъ Подунайскимъ; мы увидимъ, что нѣкоторымъ князьямъ удавалось на непродолжительное время распоряжаться въ этихъ городахъ, но никогда земли по нижнимъ теченіямъ Днѣпра, Буга, Днѣстра и Дуная въ составъ русскихъ земель не входили.

Наша начальная лѣтопись знаетъ между Днѣпромъ и Дунаемъ два нѣсколько загадочныхъ народа, улучей и тиверцевъ. Къ несчастью, къ тому времени, когда составлялась лѣтопись, оба эти народа или два эти племени исчезли и не осталось ясныхъ слѣдовъ, куда они дѣлись. Обыкновенно улучей и тиверцевъ считаютъ племенами восточной вѣтви славянства. Правописаніе имени тиверцы можно считать установившимся въ литературѣ (тиверьци, тиверци); другое же имя читается весьма различно: угличи, улучичи, улици, ульци, лутичи и даже суличи. Лѣтописныхъ преда-

ній объ этихъ племенахъ немного. Уличи и тиверцы жили по Днѣстру и жилища ихъ доходили до Дуная и моря, ихъ было много; города ихъ остались до времени составителей лѣтописнаго свода; область ихъ греки называли Великой Скиѳіей (Великая Скуфь); уличи издавна воевали съ Кіевскими полянами. Герою южнаго эпоса, основателю Кіевскаго государства, покорителю южно-русскихъ племенъ не удалось подчинить своей власти ни улучей, ни тиверцевъ «а съ уличи и тѣверци имяше рать». Въ миѳическомъ походѣ 907 г. на Царьградъ уличи не участвовали, а тиверцы—были на особыхъ правахъ, какъ «толковины», т. е. какъ союзники. (?) Покореніе улучей Кіевомъ лѣтописный сводъ приписываетъ уже преемнику Олега -Игорю. Разсказъ о покореніи улучей, съ наибольшими подробностями сохранился въ лѣтописи по Синодальному списку и носитъ явно легендарный характеръ. Игоревъ воевода Свѣнельдъ три года осаждалъ городъ улучей Пересѣченъ и съ трудомъ взялъ его; дань съ улучей отдана была Свѣнельду. Разсказавъ объ этомъ, Синодальный списокъ даетъ любопытное дополненіе объ улучахъ: «и бѣша сѣдяще Улицѣ по Днѣпру внизъ, и посемъ приидоша межи Богъ и Днѣстръ, и сѣдоша тамо», т. е. раньше уличи жили по Днѣпру внизъ (отъ Кіева), а затѣмъ (не ясно, когда именно, послѣ ли взятія Пересѣчена или раньше) заняли мѣста по Днѣстру. Послѣ взятія Пересѣчена объ улучахъ не упоминается вовсе, а о тиверцахъ встрѣчается упоминаніе подъ 944 г., какъ объ участникахъ похода этого года на Царьградъ. Съ половины X в. оба племени сходятъ со сцены и исчезаютъ навсегда.

Имѣемъ ли мы основаніе, прежде всего, считать улучей и тиверцевъ за славянскія племена? Несомнѣнно, что два эти племени стоятъ (по лѣтописному разсказу) весьма близко одно къ другому и въ тоже время особнякомъ отъ остальныхъ восточно-славянскихъ племенъ, изъ которыхъ впослѣдствіи составился русскій народъ. Начальный сводъ проникнутъ *славянской* идеей; онъ неоднократно подчеркиваетъ единство славянскаго племени; онъ, видимо озабоченъ, какъ бы недостаточно свѣдущій читатель не принялъ какую либо чудь или мурому за славянское племя, а съ другой стороны не отказалъ бы въ славянствѣ новгородцу или полянамъ. Въ первомъ перечнѣ отдѣльныхъ вѣтвей славянства,

оканчивающемся словами «тако разидеся словѣньскій языкъ, тѣм же и грамота прозвася словѣньская» нѣтъ тиверцевъ и улучей; нѣтъ ихъ и во второмъ перечнѣ, начинающемся знаменательными словами: «се бо только словѣнескъ языкъ въ Руси: поляне, деревляне, поугородьци, полочане, дреговичи, сѣверъ, бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣ же велыняне. А се суть инии языци». Тиверцы и улучи упомянуты лишь въ третьемъ, дополнительномъ перечнѣ, причемъ о славянствѣ ихъ ничего не сказано, а пояснено, что греки ихъ называли «Великая Скуфь». Не упоминаетъ объ нихъ лѣтопись и тогда, когда описываетъ нравы отдѣльныхъ племенъ, ни тогда, когда перечисляетъ союзы племенъ,—«живяху въ мирѣ поляне и деревляне и сѣверъ и радимичи, вятичи и хорваты»; не входили, равнымъ образомъ улучи и тиверцы въ ту группу племенъ, которыя платили дань хазарамъ. Столь частое игнорированіе тиверцевъ и улучей объясняю тѣмъ, что въ XI в. этихъ племенъ уже не было; населеніе, ихъ составлявшее, вошло въ составъ другихъ группъ. Часто пропуская эти два племени лѣтопись, тѣмъ не менѣе, считаетъ ихъ за славянъ; имена ихъ есть въ третьемъ, дополнительномъ перечнѣ, изъ фразы «и бѣ обладая Олегъ поляны и древляны и сѣверяны и радимичи, а съ уличи и тиверци имяше рать», видно что лѣтопись считаетъ ихъ за южно-славянскія племена, которыя должны бы были войти въ образуемое Кіевское государство; если бы они были не славяне, лѣтопись указала бы ихъ въ числѣ «иныхъ» языковъ, дающихъ Руси дань; наконецъ и имя улучи или уличи, и названіе города ихъ Пересѣченъ славянскія.

Рядомъ съ улучами стоятъ тиверцы; кажется, улучи и тиверцы были одно племя; имя тиверци не объяснено; высказано предположеніе, что оно находится въ связи съ древнимъ именемъ рѣки, по которой они жили, т. е. «Тира». Тождество улучей и тиверцевъ слѣдуетъ изъ того, что лѣтопись или упоминаетъ ихъ рядомъ, въ одномъ положеніи, или же въ тѣхъ случаяхъ, когда упомянуто одно только имя, можно допустить, что оно включаетъ и второе: 1) обоимъ указана одна территорія—«улучи и тиверьци сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви, бѣ множьство ихъ, сѣдяху по Днѣстру оли до моря»; несмотря на множество ихъ, лѣтопись не хочетъ указать отдѣльно области для каждаго племени; 2) оба племени

одинаково воевали съ Олегомъ.—«а съ улпчп и тиверьцп пмяше рать». Въ перечнѣ именъ, участвовавшихъ въ походѣ 907 г., упомянуты одни тиверцы. Такъ какъ русскіе ходили къ Царьграду, направлялась изъ Днѣпровскаго лимана, па устье Днѣстра, (Тира) къ Сулинскому гирлу Дуная [1]), то естественно было назвать здѣсь тиверцевъ, подобно тому, какъ разбитые па рѣкѣ Пищани радимичи названы пищанцами [2]). Въ промежутокъ между 907 и 944 г. лѣтопись ничего о тиверцахъ не говоритъ, а сообщаетъ очень важный фактъ, что Игореву воеводѣ Свенельду удалосъ покорить улучей, о покореніи тиверцевъ ничего не сказано, но, при перечисленіи подвластныхъ Игорю племенъ, участвовавшихъ въ походѣ 944 г., названы въ числѣ прочихъ тиверцы, а улучи не упомянуты. Отсюда и вывожу, что улучи—общее наименованіе племени, а тиверцы частное, точнѣе обозначающее улучей, которые жили по Днѣстру, Тирасу или Тирѣ. Если до составителей лѣтописи дошло имя «Скиөія» или «Скуфь», то могло дойти имя и Тира или Тирагеты (ср. Кавказсійскія горы). Синодальный списокъ лѣтописи, который, къ слову сказать, имени тиверцы не знаетъ, а вездѣ говоритъ объ однихъ улучахъ, сообщаетъ о нихъ, что ихъ войны съ Кіевомъ начались еще при Аскольдѣ и Дирѣ; разсказываетъ о побѣдѣ надъ ними Игоря и Свенельда, добавляя, что улучи раньше жили по Днѣпру внизъ, а затѣмъ поселились между Бугомъ и Днѣстромъ. «Игорь же сѣдяше в Киевѣ княжа, и воюя на Древяны и на Угличѣ. И бѣ у него воевода, именемъ Свѣнделдъ, и примучи Угличѣ, възложи на ня дань и вдасть Свѣньделду: И не вдадяшется единъ градъ, именемъ Пересѣченъ; и сѣде около его три лѣта, и едва взя. *И бѣша сѣдяще Уличѣ по Днѣпру въ низъ и посемъ приидоша межъ Богъ и Днѣстръ и сѣдоша тамо».* Курсивомъ напечатанное извѣстіе издавна возбуждаетъ большія сомнѣнія. Улучи жили гдѣ то по Днѣпру, ниже Кіева, затѣмъ перебрались въ мѣстности между Бугомъ и Днѣстромъ. Когда они это сдѣлали? Нѣкоторые полагаютъ, что это произошло послѣ того, какъ Свенельдъ, «примучивъ» ихъ взялъ городъ Пересѣченъ. Но справедливо было указано ак. Шахматовымъ, что лѣтописное

---

[1]) Ласкинъ. Сочиненія Константина Богрянороднаго, 74 ст.

[2]) 984 г. «Пищаньци волъчья хвоста бѣгаютъ».

сообщеніе можетъ имѣть и другой смыслъ: разсказавъ о покореніи улучей, лѣтопись сообщаетъ, что этотъ народъ прежде жилъ въ другихъ мѣстахъ, а затѣмъ, сравнительно недавно, покоренъ и принужденъ платить дань на новыхъ мѣстахъ.—Неясно также, куда они перебрались? Если они поселились въ лѣсной полосѣ, то пространство между Бугомъ и Днѣстромъ соотвѣтствуетъ западной части Волыни и восточной Галиціи, приблизительно области Червенскихъ городовъ, напр. городу Теребовлю? Могли они поселиться и гораздо южнѣе, между нижнимъ Бугомъ и Днѣстромъ. Объ улучахъ говоритъ, кажется, и Константинъ Багрянородный, который очень хорошо зналъ положеніе дѣлъ въ южно-русскихъ степяхъ; одно изъ печенѣгскихъ колѣнъ граничило съ Русью т. е. съ полянскою землею, другое съ ультинами (ultini), древлянами (derbleninі) и лучанами (lentsenini) многіе думаютъ, что ультины Константина Багрянороднаго есть улучи или уличи нашихъ лѣтописей. Очень можетъ быть, что это и такъ, и мы имѣемъ право принять, что ultini Константина Багрянороднаго есть улучи нашихъ лѣтописей. Но помѣстить ихъ сообразно словамъ Константина Б. не такъ то легко; по его тексту они жили между Русью т. е между полянами и древлянами; такъ какъ древляне (см. ниже) съ запада непосредственно примыкали къ полянамъ, то придется допустить, что улучи прикрывали полянъ и древлянъ съ юга и жили между Днѣпромъ и Бугомъ, что совершенно противорѣчитъ лѣтописи. Остается одно,—признать, что въ словахъ Константина о томъ, что печенѣги граничатъ съ Русью, ультинами, древлянами и лучанами географическаго порядка нѣтъ. Не легко, далѣе, согласовать между собою сообщенія Лаврентіевскаго списка, Синодальнаго и Константина Багрянороднаго; ибо на пространствѣ между Бугомъ и Днѣстромъ имѣемъ полное основаніе помѣстить бужанъ и волынянъ Лаврентьевскаго и Ипатьевскаго списковъ.

Очевидно, не обойтись безъ распространительнаго толкованія неясныхъ свидѣтельствъ о тиверцахъ и улучахъ. Имѣемъ ли мы прежде всего какія нибудь другія доказательства пребыванія русскаго населенія въ низовьяхъ Дуная и Днѣстра? Древнее существованіе русскихъ поселеній на Дунаѣ, въ предѣлахъ теперешней Бессарабіи и Молдавіи, засвидѣтельствовано многими данными.

[1]) Кон. Багр., пер. Ласкина, стр. 140.

Покойнымъ академикомъ В. Г. Васильевскимъ [1]) приведенъ былъ рядъ доказательствъ справедливости вышепоставленнаго положенія. Въ Молдавіи, частью въ Валахіи сохранилось не мало названій рѣкъ и урочищъ русскаго происхожденія—р. Достойница, Красна, Молдава, мѣстечко Липово, Нѣмцы. Разбираться въ географическихъ именахъ Бессарабіи чрезвычайно трудно; вѣдь идетъ уже третье тысячелѣтіе, какъ въ этомъ краѣ сталкиваются самыя различныя народности: скиѳы, греки, сарматы, геты, даки, біессы бастарны, карпы, римляне, готы, гунны, авары, славяне, печенѣги, половцы, татары, молдаване, волохи, поляки, русскіе, цыганы... Быть можетъ, нѣтъ на землѣ другого пространства, которое бы видѣло на своей поверхности столько людей различнаго происхожденія [2]). Малороссы стали проникать сюда въ XVII ст., великороссы въ XVIII ст. Поэтому неудивительно, что среди сильно преобладающихъ инородческихъ именъ встрѣчаются и русскія названія и сами по себѣ эти названія не могутъ служить признаками давности русскихъ поселеній. Но нѣкоторыя изъ этихъ именъ выдѣляются своею древностью, иныя—же молдаванскія, татарскія или турецкія имена есть несомнѣнный переводъ русскихъ, что можетъ служитъ нѣкоторымъ ручательствомъ ихъ древности. По лѣтописи мы можемъ видѣть въ Бессарабіи уличей—тиверцевъ. Отъ XI до XII вѣковъ имѣемъ непреложныя доказательства пребыванія русскихъ на нижнемъ Дунаѣ. Въ «Словѣ о полку Игоревѣ»:—«Галичьски Ярославе Осмомыслъ высоко сѣдиши на своемъ златокованномъ столѣ. Подперъ горы Угорскія своими желѣзными полки, затворивъ *Дуная* ворота, мечи брошены чрезъ облаки, судовъ ряды по *Дунаю*». Когда въ 1144 г. началась распря между галичскими князьями, кн. Иванъ Ростиславичъ—бѣжалъ изъ Галича къ Дунаю; оттуда потомъ прибѣжалъ въ Кіевъ. Черезъ 15 лѣтъ этотъ князь послѣ многихъ приключеній бѣжалъ изъ Кіева въ поле, къ половцамъ, вмѣстѣ съ ними сталъ въ городахъ придунайскихъ, гдѣ и вредилъ галичскимъ рыболовамъ. Воскресенская лѣтопись [3]) даетъ въ спискѣ городовъ и имена городовъ подунайскихъ. Цѣликомъ этотъ списокъ мы принять не можемъ, потому что лѣтопись вклю-

---

[1]) Приложеніе къ ст. Византія и Печенѣги.

[2]) Списки населен. мѣстъ Бессарабск. обл.

[3]) Полное собр. русс. лѣт. VII, 240.

чаетъ въ него и города за Дунаемъ, кажется, на томъ основаніи, что они были завоеваны кн. Святославомъ Игоревичемъ въ Болгаріи. Но на ряду съ этимъ лѣтопись даетъ рядъ именъ по сю сторону Дуная т. е. на лѣвомъ берегу его: въ устьѣ Днѣстра Бѣлгородъ (нынѣ Аккерманъ, древняя—Тира), Чернъ—противъ Аккермана, Асскій торгъ—село Яски на Днѣстрѣ, выше Аккермана; Романовъ торгъ, нынѣшній Романъ на Прутѣ, въ Молдавіи; Немечь на Молдавѣ, притокѣ Прута. Эти города самыми своими названіями свидѣтельствуютъ о русской стихіи на лѣвомъ берегу Дуная. Здѣсь же находилась область Берладъ, по рѣкѣ Берладу нынѣ Бирлату, притоку Дуная; здѣсь были города Берладъ, Текучъ и Малый Галичъ (нынѣ Галацъ). Вѣроятно, въ XI—XII в.в. это были мѣста, куда бѣгало русское населеніе, что-то вродѣ Тьмутаракани. Разгнѣванный Андрей Боголюбскій приказываетъ сказать кн. Давиду «а ты пойди въ Берладъ и не велю ти на Русской землѣ быти». Такимъ образомъ Берладъ и нижнее Подунавье стали мѣстомъ, куда бѣгали недовольные, искатели приключеній, но куда ходили и промышленники, какъ то—галицкіе рыболовы; тамъ же въ низовьяхъ Серета и Прута возникали русскія общины, вродѣ позднѣйшихъ казацкихъ. Но это русское населеніе бѣжало туда, потому что тамъ уже были русскія поселенія; ясно, что Бѣлгородъ, лежащій противъ него Черный городъ, Торги—Ясскій и Романовъ, Малый Галичъ возникли въ отдаленное время, когда угличи и тиверцы «присѣдяху Дунаеви оли до моря». Случайные бѣглецы не были бы въ силахъ основать нѣсколько городскихъ поселеній.—Турецко-татарскія имена этого края представляютъ собою переводъ славянскихъ названій: побережье между устьями Днѣстра и Днѣпра называлось «уголъ» у славянъ, откуда onglus греческое и Буджакъ—турецкое, также Ак-керманъ—Бѣлая крѣпость по турецки.

Наконецъ, среди названій этого края немало такихъ, которыя дышатъ глубокою древностью и даны были до XVII—XVIII в.в., когда сюда стали опять проникать русскіе. Среди такихъ пестрыхъ по происхожденію именъ, какъ Купила, Кобакъ, Ботна, Кагильникъ, Магъ, Колмацуй, Бужаръ, Шишканъ, Будей, Буюканскій. Сарата, Икиле, Алкалія, Гаджидаръ, Курударъ, Челагидеръ, Катлабугъ, Кургужъ, Чагъ или Шагъ, Кургижъ-Китай, Лунга, Ялпуги, Чулукъ,

не говоря уже о Днѣстрѣ, Прутѣ, Реутѣ встѣчаются имена рѣкъ и рѣчекъ Быкъ, Лопушна, Чорна, Добруша, Студенка, Ракитна, Черный Потокъ не оставляющія сомнѣнія въ своемъ славянскомъ происхожденіи. Переводили славянскія названія не одни турки и татары, но и молдаване; не всегда легко догадаться, какія имена переведены: въ этой области урочищамъ придаются своеобразныя топографическія обозначенія: напр. вале—долина (лат. vallis), веки-старый (лат. vetus) мунте—гора (лат. mons) и мы находимъ такія сочетанія, какъ валелопушна, валедобруша т. е. долина Лопушни, долина Добруши; полагаю, что пришедшіе сюда молдаване, романизированные даки, усвоили славянскія имена, придавъ имъ свои топографическія опредѣленія, въ родѣ того, какъ на сѣверѣ поступили русскіе съ финскими именами, напр., Колмогоры, Лаче—озеро, Выго—озеро.

Итакъ, мы имѣемъ рядъ показаній иностранныхъ источниковъ о пребываніи между Днѣстромъ и Дунаемъ, въ «углу», славянъ-антовъ; имѣемъ преданія нашей лѣтописи о пребываніи тамъ же улучей и тиверцевъ; имѣемъ твердыя данныя о существованіи русской стихіи тамъ въ XI—XIII в.в. и, наконецъ, имѣемъ нѣкоторыя топографическія указанія на пребываніе тамъ славянъ не только до прихода турокъ и татаръ, но и до прихода романизированныхъ потомковъ даковъ.—Остатки городовъ свидѣтельствуютъ, что поселенія эти не были незначительны.

Когда же угличи-тиверцы оставили эти мѣста, крайній юго-западъ теперешней Россіи? Полагаемъ, что не можетъ быть и рѣчи о томъ, что они оставили свои мѣста въ низовьяхъ ли Днѣпра или въ низовьяхъ Днѣстра при Игорѣ. Время Игоря уже историческое,—первая половина X в. Около 892 г., скорѣе нѣсколько раньше, угры оставили Ател-кузу и искали спасенія за Карпатами; ихъ вытѣснили печенѣги, тогда показавшіеся на Дунаѣ. Внѣ сомнѣнія, что при первомъ появленіи печенѣговъ славяне оставили свои мѣста и поднялись къ сѣверу, но полагаю, что это случилось нѣсколько раньше, при появленіи угровъ. Самое молчаніе лѣтописи о притѣсненіяхъ угровъ безусловно странно. Вѣдь помнитъ же лѣтопись, что при переходѣ «черезъ горы великия» угры «начали воевати на живущая ту волохи и словѣни»; помнитъ лѣтопись и то, что угры прогнали волоховъ, наслѣдовали

ихъ землю, сѣли со славянами, покоривъ ихъ себѣ. Однимъ словомъ, о томъ, что было за Карпатами, лѣтопись помнитъ; а о томъ, что было по сю сторону Карпатъ—не знаетъ.

Мы не имѣемъ права отвергать лѣтописныя преданія объ угличахъ и тиверцахъ, тѣмъ болѣе что они сохранились въ двухъ редакціяхъ начальнаго свода. Но именно сопоставленіе этихъ редакцій убѣждаетъ въ томъ, что извѣстія объ угличахъ-тиверцахъ подверглись значительнымъ измѣненіямъ; обѣ редакціи сходятся лишь въ томъ, что у первыхъ же норманскихъ князей въ Кіевѣ возникли войны съ угличанами, жившими тогда южнѣе Кіева, южнѣе полянской земли; о томъ же, что было дальше, одна редакція молчитъ, а другая приписываетъ побѣду надъ угличами не этой войнѣ въ опредѣленной мѣстности.

Принимая во вниманіе все предыдущее, дѣлаемъ выводъ: на дорогѣ норманновъ въ Царьградъ жило въ юго-западномъ направленіи отъ Кіева большое славянское племя, съ которымъ они долго не могли справиться. Съ конца IX в. мѣста этого племени заняты печенѣгами; племя это передвинулось въ сѣверномъ направленіи, въ X в. его уже не было; вмѣсто него стали образовываться другіе союзы; оттого Лаврентьевская редакція, хорошо ознакомленная съ положеніемъ дѣлъ на югѣ, и молчитъ о покореніи уличей.

Двинулись не одни уличи-тиверцы; двинулись, вѣроятно, и тѣ славяне, которыхъ угры подчинили своей власти; съ конца IX в. началась усиленная колонизація сѣверо-восточной равнины Европы.

Какъ двигались славяне? Они могли двинуться большими родовыми союзами; такіе союзы прокладывали себѣ путь среди сравнительно слабо населенной страны до тѣхъ поръ, пока не находили новыхъ удобныхъ и безопасныхъ мѣстъ. Могли славяне брести и въ одиночку, отдѣльными семьями или значительно меньшими группами, чѣмъ племена; вся позднѣйшая съ X—XI в. колонизація происходитъ именно этимъ послѣднимъ способомъ т. е. славяне какъ бы просачиваются въ окружавшую ихъ инородческую среду.

Наша лѣтопись сохранила воспоминаніе о переселеніяхъ и перваго рода. Мы уже видѣли, что Синодальный списокъ разсказываетъ о переселеніи уличей такъ, какъ будто бы уличи общею массою покинули прежнія мѣста по Днѣпру и перебрались н.

новыя между Бугомъ и Днѣстромъ. Также разсказываетъ и другая лѣтопись о переселенiи двухъ племенъ,—радимичей и вятичей. Въ древности упорно держалось мнѣнiе о ляшскомъ, т. е. о польскомъ происхожденiи этихъ двухъ племенъ. «Радимичи бо и Вятичи отъ Ляховъ. Бяста бо 2 брата въ Лясѣхъ, Радимъ и другий Вятко и пришедъша сѣдоста Радимъ на Съжю и прозвашася Радимичи, а Вятъко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася Вятичи». Считать это мѣсто лѣтописи за легенду едва ли можно; въ Кiевѣ Радимичей и Вятичей знали хорошо; съ Радимичами Кiевскiй князь воевалъ еще въ 984 г. «Иде Володимеръ на Радимичи. Бѣ у него воевода Волъчий Хвостъ и посла и Володимеръ передъ собою, Волъчья Хвоста, сърѣте я на рѣцѣ Пищанѣ и побѣди Радимичѣ Волъчий Хвостъ; тѣмъ и Русь корятся Радимичемъ, глаголюще: «пищаньци волъчья хвоста бѣгають». Быше же Радимичи отъ рода ляховъ, пришедши ту и вселиша, и платять дань Руси, повозъ везуть и до сего дни». А. А. Шахматовъ выраженiе «отъ ляховъ» объяснялъ въ смыслѣ географическомъ, а не этнографическомъ, т. е. что радимичи и вятичи нѣкогда жили въ сосѣдствѣ съ ляхами, напримѣръ къ западу отъ Дреговичей, къ сѣверу отъ Волыни. Едва ли это такъ; если слова «отъ ляховъ» и признать сомнительными, то слова: «бяста 2 брата въ Лясѣхъ» не оставляютъ сомнѣнiя, что лѣтопись хотѣла указать на польское происхожденiе этихъ племенъ. Затѣмъ, въ этихъ же извѣстiяхъ лѣтописи видно нѣсколько враждебное отношенiе къ чуждой вѣтви славянства: Русь корится племени, которое «и до сего дня», т. е. до XI в. платитъ дань и повозъ везетъ Руси; о другихъ племенахъ лѣтопись столь жестко не говоритъ. Затѣмъ, съ какой стати ей было выдумывать легенду о ляшскомъ происхожденiи двухъ племенъ? Оба эти племени стоятъ близко одно къ другому, оба заняли крайнiя въ то время мѣста. Своеобразная исторiя вятичей общеизвѣстна; относительно этой группы не можетъ быть сомнѣнiя, что она отдѣльное племя, которое рѣзко отличалось своими качествами не только въ продолженiи всего Кiевскаго перiода русской исторiи, но и позже, когда вятичи превратились въ рязанцевъ. Радимичи исчезли раньше, но все же и въ XII в. знали ихъ. Въ 1169 г. Владимiръ Мстиславичъ бѣжалъ съ юга Россiи въ Суздальскую землю, къ Андрею Боголюбскому «уворотяся на *Ра-*

димичь къ Андрееву Суждалю», т. е. здѣсь указанъ путь, которымъ бѣжалъ Владиміръ Мстиславичъ (Днѣпромъ и Сожемъ). Такимъ образомъ составители сводовъ могли сами наблюдать два эти племени. Тѣ волненія, которыя испытывало славянство, съ того времени, какъ германцы начали наступательное движеніе на славянъ, могли заставить нѣкоторыя ляшскія племена искать спасенія на востокъ. Самый фактъ удаленія радимичей и вятичей за тогдашніе предѣлы восточно-славянскаго міра также говоритъ за ихъ особность. Когда совершилось это переселеніе,—сказать трудно, мы уже видѣли указанія, что вятичи и радимичи платили дань хазарамъ; отсюда должно заключить, что къ концу VIII и началу IX вѣковъ они были уже на своихъ новыхъ мѣстахъ. Возможно, что было подобное же переселеніе племени угличей на сѣверъ, что произошло, вѣроятно, во второй половинѣ IX в. Однако, такія переселенія цѣлыхъ племенъ или родовъ происходили рѣдко и притомъ въ доисторическое время. Главною особенностью славянской колонизаціи всегда была «ползучесть» ея: сравнительно небольшими группами, часто отдѣльными семьями славянскія племена расползались по великой восточно-европейской равнинѣ. Вслѣдствіе этого постоянно измѣнялась граница русской земли, распадались прежніе союзы, на ихъ мѣсто образовывались новые, которые уже нельзя считать союзами лицъ, связанныхъ единствомъ происхожденія. Угличи и тиверцы, жившіе на крайнемъ юго-западѣ русскаго міра, исчезаютъ безслѣдно; само собою, лица или люди, составлявшіе эту группу, не были истреблены, но на новыхъ мѣстахъ они стали иначе называться.—Точно также задолго до историческаго времени распался союзъ дулѣбовъ. Лѣтопись ничего не говоритъ о подчиненіи Кіеву и его князьямъ этого обширнаго нѣкогда племени. Она помнитъ, что дулѣбы жили когда-то по р. Бугу (западному), гдѣ теперь жили уже волыняне; она передаетъ воспоминанія, можетъ быть заимствованныя, о насиліяхъ аваровъ-обровъ надъ дулѣбами; все это относится ко временамъ до историческимъ; если же она и заставляетъ ихъ участвовать въ походѣ Олега, то явно она здѣсь только систематизируетъ, даже катологизируетъ: всѣ извѣстныя ей племена должны участвовать въ этомъ походѣ. О дулѣбахъ она ничего сказать не можетъ, потому что въ ея время не только не было уже этого племени,

но и воспоминанія объ немъ стерлись. На мѣстѣ этого племени видимъ бужанъ и волынянъ. То и другое названіе происходитъ отъ имени городовъ:—Божескъ, Бужскъ (Вускъ) и Волыни. Послѣдній городъ далъ навсегда названіе этой области и такимъ образомъ тѣ, которые жили въ предѣлахъ ея, назывались волынянами; оставивъ же Волынь, перебравшись въ сосѣднія мѣста они, сообразно съ новымъ мѣстомъ, мѣняли и имя. Занявъ мѣста по р. Бугу, новые поселенцы мало по малу стали ползти внизъ по этой рѣкѣ. Сначала центромъ ихъ былъ г. Бужескъ въ верховьяхъ рѣки Буга; затѣмъ центръ перемѣщается ниже по Бугу къ Волыни (р. Гучва). Съ Владиміра Св. начинается наступательное движеніе по Бугу, подъ защитой сильной княжеской власти; Владиміръ пріобрѣтаетъ Руси Червень и основываетъ новый городъ, ставшій стольнымъ въ этой области,—Владиміръ (Волынскій). Въ разсказѣ о борьбѣ сыновей Владиміра упоминается уже Берестье (нынѣ Брестъ-Литовскій), позднѣе Дорогичинъ. Въ XIII в. на пространствѣ между Бугомъ и Вислой возникла «украина» съ цѣлымъ рядомъ русскихъ городовъ и селъ (подробнѣе—ниже). Такимъ образомъ въ IX—XIII в.в. Западный Бугъ былъ дорогой, которой русское племя двигалось въ сѣверо-западномъ направленіи; верховья Буга цѣликомъ принадлежали русскому племени, ниже по теченію эта полоса земли все съуживаясь дошла въ XIII в. до Нарева и даже за Наревъ.

Славяне искони жили на правомъ, южномъ берегу Припяти; названія къ сѣверу отъ Припяти, по ея лѣвому берегу позднѣйшаго происхожденія и среди славянскихъ племенъ встрѣчаются имена литовскія. Начальная лѣтопись здѣсь указываетъ племя Дреговичей,—«а друзии сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася Дреговичи». Названіе это происходитъ отъ слова «драгва» или «дрегва», что значитъ трясина, слѣдовательно дреговичи жители трясинъ [1]). Свидѣтельство лѣтописи о поселеніяхъ дреговичей давно уже возбуждаетъ въ литературѣ недоумѣніе. По мнѣнію Барсова, отмѣчая ихъ область между Припятью и Двиною, лѣтописецъ имѣлъ въ виду не болѣе, какъ указать, что поселенія этого племени въ концѣ XI в. лежали къ

---

[1]) Можно въ этомъ и сомнѣваться. Карскій. Бѣлоруссы 68—69.

[2] Op. cit. 125.

сѣверу отъ Припяти *по направленію* къ Западной Двинѣ. Такъ какъ значительная часть Нѣманскаго и Вилейскаго бассейновъ занята была литовскими племенами, а области Березины и Друти—кривичами, то само собою разумѣется, что мы не имѣемъ права буквально понимать показанія лѣтописи о принадлежности всего огромнаго пространства между Припятью и Двиною Дреговичамъ. Изслѣдователи-археологи, полагая, что хорошо установлены различные типы какъ древлянскаго, такъ и дреговичскаго погребеній, указываютъ [1]), что дреговичскія погребенія, преобладающія къ сѣверу отъ Припяти, весьма часты и на южномъ ея берегу; отсюда они дѣлаютъ выводъ, что оба берега Припяти принадлежали дреговичскому племени, тѣмъ болѣе что южныя границы Турово-Пинской земли захватывали нижнее теченіе правыхъ притоковъ Припяти, т. е. оба берега средней Припяти принадлежали Турово-Пинской землѣ и даже стольный городъ этой земли, Туровъ, находился на правомъ берету Припяти.

Однако, едва ли можно утверждать, прежде всего, что дреговичи были особое племя. Угличи, тиверцы и дулѣбы были племена доисторическія, которыя составитель начальной лѣтописи не могъ уже наблюдать; радимичи и вятичи выдѣлялись среди населенія Руси XI в. своею особностью и происхожденіемъ. Но что такое дреговичи, хотя о нихъ и упоминаетъ Константинъ Багрянородный Они—ближайшіе сосѣди Кіева и область ихъ даже входила въ составъ Кіевской земли. Когда же они были покорены Кіевскими князьями? Лѣтопись молчитъ объ этомъ, потому что не сохранилось никакихъ воспоминаній о такомъ событіи; дреговичи не участвуютъ въ походахъ Олега и Игоря; очевидно, такого племени и не было, а по мѣрѣ того, какъ началъ заселяться, можетъ быть въ концѣ IX в., болотистый лѣвый берегъ Припяти, жители его стали называться дреговичами. Имена дулѣбовъ, тиверцевъ, угличей умерли, а имя дреговичи жило и въ XII в. Въ 1116 г. полоцкій князь Глѣбъ «воевалъ дреговичей и Случескъ пожегъ», за что и былъ наказанъ Владиміромъ Мономахомъ. Въ 1149 г. кн. Святославъ Ольговичъ, между прочимъ, получилъ Случескъ (Слуцкъ), Клеческъ (Клецкъ) «вси дрегвичи». Слѣдовательно,

---

[1]) Завитневичъ, Спицинъ, также Карскій.

дреговичи были и въ XII в., когда по общему признанію племеннаго быта уже не было; и если обратимъ вниманіе на приведенное мѣсто Кіевской лѣтописи, то увидимъ, что оба раза, когда она только и говоритъ о дреговичахъ, она связываетъ ихъ съ областью городовъ Слуцка и Клецка, а вовсе не съ Туровимъ и не съ Пинскомъ. Отсюда заключаю, что названіе дреговичи было мѣстнымъ названіемъ, что, вѣроятно, полянинъ и древлянинъ, поселившись въ болотистой мѣстности лѣвыхъ притоковъ средней Припяти, становился дреговичемъ, а когда онъ изъ этой мѣстности выселялся, онъ переставалъ и зваться дреговичемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что эта область бассейновъ р.р. Птича, Лани и Случа заселяется постепенно славянами уже въ княжескую эпоху; раньше ятвяги [1]) угрожали этимъ землямъ, поэтому Кіевскіе князья (съ Владиміра), не мало воевавшіе съ ятвягами, обыкновенно держатъ въ Туровѣ старшихъ сыновей, переходившихъ изъ Турова на великое княженіе въ Кіевъ (Святополкъ послѣ Владиміра, Изяславъ послѣ Ярослава, Святополкъ Изяславичъ послѣ Всеволода), т. е. въ Туровѣ, какъ во всякомъ угрожаемомъ городѣ, необходимо было присутствіе сильнаго и умѣлаго князя; трудами этихъ князей ятвяги были отброшены и князья же трудились надъ заселеніемъ этого края. Случескъ, Клечскъ и др. имѣютъ своеобразное значеніе при княжескихъ раздѣлахъ: они играютъ роль какихъ то привѣсокъ или дополненій (1149 г.); князья такъ свободно распоряжались этими городами на томъ основаніи, что область эта была *ихъ* пріобрѣтеніемъ. Успѣхи русской колонизаціи не остановились на занятіи бассейна р. Припяти; славяне перешли въ Понѣманье и значительно колонизировали его, тамъ образовалась такъ называемая Черная Русь съ городами: Слонимъ, Несвижъ, Новогрудокъ, Гродно. Пока и здѣсь, какъ и по Западному Бугу, мы отмѣчаемъ непрерывное движеніе впередъ къ сѣверу.

Верхнее теченіе Западной Двины занято было славянами раньше, чѣмъ «Дреговичи»; натискъ на литовцевъ возможенъ былъ лишь подъ руководствомъ и при помощи варяговъ- скандинавовъ. Предоставленные самимъ себѣ славяне не смогли пробиться прямо къ сѣверу, чрезъ Понѣманье, занятое главными литовскими силами;

---

[1]) См. *ниже*.

но славяне обошли литовцевъ съ востока, поднявшись къ сѣверу долиной Березины; очень можетъ быть, что при этомъ часть (незначительная) литовцевъ была отброшена къ востоку [1]). На Двинѣ славяне первоначально сгруппировались около г. Полоцка; скоро эта вѣтвь славянъ стала извѣстна подъ именемъ «кривичи». Названіе это, кажется, литовскаго происхожденія и по сейчасъ литовцы для обозначенія русскихъ поселеній знаютъ имя Kreevs т. е. кривичъ. Отъ Литвы это имя перешло и къ западнымъ финамъ Kriev, наряду съ Venoa; послѣднее можетъ быть сродни Venedi. Не совсѣмъ, однако, ясно, какимъ образомъ названіе, данное сосѣдями, было усвоено самимъ племенемъ; поэтому нѣкоторые изслѣдователи производятъ его отъ «кривичь»—криводушный или бѣлорусскаго «кроу» — криви - родственники. Имя это могло быть дано литовцами, потомъ осмыслено славянами примѣнительно къ «кроу»—криви [2]).

Это названіе современно составителю лѣтописи, даже больше— въ его эпоху оно не вполнѣ еще установилось т. е. еще не опредѣлилось, кого слѣдуетъ именовать кривичами. Въ первомъ перечнѣ племенъ кривичей вовсе нѣтъ, а есть только «полочане»— «ипии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчьки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочане». Конечно, они прозвались полочанами отъ имени своего города, Полотескъ (Полоцкъ), на это указываетъ суффиксъ «анинъ», т. е. славяне на новомъ мѣстѣ получили прозваніе отъ имени города своего.—Во второмъ перечнѣ кривичи уже есть, по этимъ именемъ названа восточная вѣтвь полочанъ, «отъ нихъ же (полочанъ) кривичи иже сѣдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихже градъ есть Смоленьскъ; тудѣ бо сѣдять Кривичи». Поэтому и въ заключительной части этого отрывка— «сѣ бо токмо словѣнескъ языкъ въ Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Сѣверъ, Бужане, зане сѣдоша по Бугу, послѣ же Велыняне» — кривичей нѣтъ, потому что они подразумѣваются въ понятіи полочане, какъ pars in toto.

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ лѣтописи «полочане» исчезаютъ и

---

[1]) Голядь на р. Протвѣ, Калужской губ., также соображенія Соболевскаго о Литвѣ въ сѣв.-вост. части Смоленской губ. и сосѣднихъ част. Тверской.

[2]) Карскій, op. cit. 78.

замѣняются «кривичи»; такъ подъ 862 г. «и по тѣмъ городомъ суть находници Варяги, а перьвии насельници въ Новѣгородѣ— Словѣне, въ Полотьстѣ—Кривичи, въ Ростовѣ—Меря, въ Бѣлѣозерѣ—Весь, въ Муромѣ-Мурома». Въ отрывкѣ о различныхъ обрядахъ и обычаяхъ отдѣльныхъ племенъ лѣтопись не упоминаетъ полочанъ, а кривичей: «си же творяху обычая Кривичи и прочии погании, не вѣдуще закона Божия, но творяще сами собѣ законъ».

Имя Кривичи жило и въ XII в.; въ 1127 кн. Мстиславъ послалъ князей «на кривичей», т. е. на Полоцкое княжество. По лѣтописнымъ даннымъ это имя можно усвоить населенію Полоцкой и Смоленской земель, съ нѣкоторою натяжкою—и Псковской. Названія же населенныхъ мѣстъ отъ этого корня одни изъ самыхъ распространенныхъ въ Россіи; не говоря уже о Витебской, Смоленской, Минской, Могилевской и Псковской губерніяхъ, мы находимъ: въ Московской губ. «Кривецъ» и нѣсколько разъ, Кривцово» или «Кривцы»; въ Ярославской — опять есть «Кривецъ» и девять разъ «Кривцово»; едва ли было бы правильно производить названіе «Кривцово» отъ фамиліи Кривцовы, разъ встрѣчаются «Кривцы»; въ Костромской губ. — «Кривцово» 13 разъ, есть еще «Кривячки», есть «Кріуша», «Кривуша»: въ Нижегородской «Кривцово»—два раза, «Кріуша»—5 разъ, «Кривуши» — 1 разъ въ Тульской губ.—«Кривцово»—3 раза, «Кривцовскіе выселки»— 1 разъ и «Кривицкое»—2 раза; въ Черниговской губ. — 4 раза «Кривицъ», даже въ Курской—одинъ «Кривецъ» и разъ «Кривицкіе Буд».

Такимъ образомъ несомнѣнно, что названіе это было весьма распространено на тогдашней Руси. Судя по тому, что впослѣдствіи пріурочивается это имя населенію Полоцкой земли, ясно, что названіе это идетъ оттуда и потому весьма вѣроятно, что оно литовскаго происхожденія; если это такъ, то тѣ славяне, которые двигались на Двину, не были еще кривичами и стали ими лишь послѣ своего поселенія тамъ. Имя «русскій» прилагалось тогда только къ населенію южной Руси, имѣло иногда и болѣе узкое значеніе. Славянское же населеніе «верхней» (по лѣтописи) Руси очевидно называло себя кривичами. Не хорошо освѣдомленный объ этомъ составитель Южнаго свода потому и обнаруживаетъ такое колебаніе въ употребленіи словъ «полочане» и «кривичи»,

что, зная кривичей и въ Смоленскѣ, и въ Полоцкѣ, и въ Псковской землѣ, онъ не справился съ этимъ понятіемъ и впалъ въ противорѣчіе самъ съ собою, заставляя, напримѣръ, кривичей идти съ Олегомъ и брать Смоленскъ—главный кривичскій городъ.

Итакъ «кривичи» не было именемъ того племени, которое переселилось съ юга на Западную Двину, имя это дано славянамъ раньше другихъ непосредственно вошедшимъ въ сношенія съ литовцами; тянувшіеся постепенно къ сѣверу славяне не боролись съ латышами. Въ означенныхъ мѣстахъ по Березинѣ, верховьямъ Западной Двины, р. Великой и оз. Пейпусъ славяне встрѣтились лишь съ бродячими литовцами, отъ которыхъ и узнали имена многихъ рѣкъ и озеръ. Въ томъ, что славяне избѣгали борьбы, убѣждаютъ карты Билленштейна: границы русскаго и литовскаго племенъ почти тождественны и въ 1884 и въ 1250 г. (случайныя внѣдренія не считаю, ибо они понятны сами собою). Также славяне остановились тамъ, гдѣ начинались осѣдлыя мѣста латышей: завоеванія по Двинѣ. Кукейносъ, Герсике принадлежатъ уже полоцкимъ князьямъ и до извѣстной степени аналогичны съ завоеваніями Кіевскихъ князей къ сѣверу отъ Припяти. Все это даетъ увѣренность сказать, что славянская колонизація и здѣсь была мирная и имѣла характеръ той же ползучести. Началась она относительно давно т. е. въ началѣ VIII в., ибо лѣтопись, которая знаетъ, что въ Ростовѣ, на Бѣломъ Озерѣ и въ Муромѣ «первии насельници Меря, Весь и Мурома», непомнитъ кого-либо въ Полоцкѣ и Новгородѣ предъ славянами; на то же указываетъ и усвоеніе славянами имени «Кривичъ»; не мало времени прошло прежде, чѣмъ славяне узнали и усвоили имя kreews; усвоеніе этого имени, замѣтимъ находитъ полную аналогію съ общеизвѣстнымъ Ruotzi—Русь: кривичами первоначально назывались славяне, жившіе въ сосѣдствѣ съ Литвой; дальше, къ востоку, имя это встрѣтило своего рода соперниковъ въ именахъ городовъ; въ бассейнъ Ильменя славяне перебрались раньше, чѣмъ ими было усвоено имя «кривичъ»; вотъ и причина, отчего новгородскіе славяне остались просто славянами, почему только тѣ, которые жили около Ильменя озера «прозвашася своимъ имянемъ»?, и по древнимъ памятникамъ не трудно прослѣдить, какъ съ древнѣйшаго времени имена «словени и «ноугородци» чередуются, замѣняя другъ

друга,—напомнимъ фразу «се бо только словѣнскъ языкъ въ Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородцы, Полочане, Дрегвичи» и пр. или подъ 862 г. «ти суть людье Новогородьци отъ рода Варяжьска».

Итакъ, сѣверъ теперешней Россіи занятъ былъ славянами значительно позже юга; приходившіе сюда славяне давно вышли изъ племеннаго быта и здѣсь стали образовывать городскіе союзы: новгородцы, полочане, ростовцы и т. д.

Сѣверные выходцы обнаружили значительную колонизаціонную силу. Такъ новгородцы къ концу X в. подходятъ къ Ладожскому озеру, позже къ Финскому заливу; въ то же время чрезъ Мсту они подходятъ къ Мологѣ, Шекснѣ переходятъ въ половинѣ XI в. главный волокъ и оказываются въ Заволочьѣ; къ концу XI в. они овладѣваютъ главной артеріею этого края, Сѣверной Двиной, съ которой идутъ и на востокъ (главнымъ образомъ Вычегдой, отчасти Югомъ и Пинегой) и на западъ; послѣднее движеніе встрѣчается съ тѣмъ, которое шло изъ Новгорода—движеніе отъ Ладоги къ Онежскому озеру. Если Заволочье и вообще волости новгородскіе были колонизированы ими до XIII в. довольно слабо, то широко раскинувшіяся пять пятинъ новгородскихъ были заселены основательно.

«Сѣверой» называлась область Десны и нижняго Сейма, а живущее здѣсь населеніе носило имя «Сѣверяне» или Сѣверы, Сѣверо. Эта группа мнѣ представляется болѣе опредѣленной и объединенной, чѣмъ кривичи или дреговичи. Область Десны заселена была раньше земель Дреговичской, Смоленской, Полоцкой и Новгородской. Мы уже видѣли слабость инородческихъ названій въ теперешней Черниговской губерніи, бывшей Сѣверѣ; при движеніи изъ прародины въ сѣверо-восточномъ направленіи Сѣвера была населена первая; позже по краямъ ея поселились радимичи (съ сѣверо-запада) и вятичи (съ сѣверо-востока). Такимъ образомъ, эта славянская группа оказалась замкнутою почти отовсюду—радимичи, вятичи и степь окружали ее. Къ остальному восточному славянству она примыкала на Днѣпрѣ между устьями Сожи и Десны; но легко видѣть, что этимъ пространствомъ только входили къ Сѣверу и первоначально это пространство было нѣсколько уже, ограничиваясь тѣмъ треугольникомъ, который образуетъ Припять съ Днѣпромъ послѣ своего уклона къ югу. Я бы рѣшился и объяснить

имя «Сѣверы» въ томъ смыслѣ, что для населенія южнаго берега Припяти область Десны была настоящимъ сѣверомъ. При томъ условіи, что первоначально славянская колонизація получила западное направленіе, сѣверянская группа, предоставленная самой себѣ, заняла обособленное положеніе въ восточномъ славянствѣ; сѣвера могла имѣть нѣкоторые особые обряды, обычаи, разниться даже въ языкѣ. Сѣвера легко подчинилась кіевскимъ князьямъ-норманамъ. Въ то время, какъ лѣтопись помнитъ объ отложеніи отъ Кіева древлянъ, радимичей и вятичей, объ упорной борьбѣ угличей-тиверцевъ, она ничего подобнаго не говоритъ о сѣверянихъ. Напротивъ, самый разсказъ о покореніи сѣверянъ вспоминаетъ, что Олегъ возложилъ на нихъ дань легкую. Къ этому факту мы еще вернемся. Сила, мощь этого племени сказалась въ положеніи Черниговской земли. Черниговъ рано получилъ династію въ линіи Святославичей — Ольговичей, которые вели всегда наступательную политику, опираясь на силы своей земли.

Оставалось ли населеніе Сѣверы постояннымъ или оно было въ броженіи и въ движеніи? Думаю, что послѣднее вѣрнѣе. Сѣверяне двигались частью на востокъ, заселяя Посемье, подступая къ Дону ниже Воронежа; частью оно двигалось на сѣверъ: по Деснѣ сѣверяне попадали на Угру, съ которой имъ открытъ былъ путь на Жиздру, на Москву, Клязьму и т. д.; сѣверяне врѣзывались между радимичами и вятичами, тѣмъ болѣе что послѣдніе двинулись внизъ по Окѣ и Пронѣ, къ верховьямъ Дона. Роль сѣверянъ въ колонизаціи Ростово-Суздальской земли не послѣдняя.

Въ Кіевѣ жили поляне. «Такоже и тѣ Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася поляне» и въ другомъ мѣстѣ: «полями же прозвани быша, зане въ поли сѣдяху, а языкъ Словенски единъ». О полянахъ, о «польской» землѣ лѣтописецъ говоритъ, конечно, больше, чѣмъ о какомъ-либо другомъ племени; онъ даетъ нѣкоторую исторію полянъ. Они сѣли по Днѣпру; у нихъ было три извѣстныхъ брата съ сестрою Лыбедью, эти братья и сотворили городъ, названный ими по имени старѣйшаго брата Кіевомъ. Изъ нѣсколькихъ преданій о началѣ Кіева лѣтопись выбираетъ то, которое представляетъ Кія княземъ въ своемъ родѣ, наивно отвергая то сказаніе, по которому Кій былъ перевозникъ съ той стороны Днѣпра и люди говорили «на перевозъ на Киевъ».

Лѣтопись уже не можетъ представить родоначальника отдаленнаго времени иначе, какъ со всѣми аттрибутами княжеской власти половины XI в.; ея миѳологическій Кій ходилъ на Царьградъ и пріялъ великую честь отъ того царя, при которомъ приходилъ въ Константинополь. На возвратномъ пути Кій хотѣлъ было остаться на Дунаѣ, гдѣ онъ и срубилъ новый городъ, Кіевецъ, но близъ живущіе не дали ему тамъ поселиться. Кій вернулся въ свой городъ, гдѣ и скончалъ животъ свой, гдѣ скончались и братья его, и сестра. Все это было въ очень отдаленное время; лѣтопись не знаетъ имени царя, при которомъ Кій приходилъ на Царьградъ; не знаетъ, кто именно не позволилъ Кію обосноваться съ родомъ своимъ на Дунаѣ; не знаетъ, наконецъ, и мѣста погребенія основателя Кіева и его братьевъ. Вся эта исторія списана, конечно, съ исторіи первыхъ норманновъ, напримѣръ, Святослава. Послѣ смерти трехъ братьевъ родъ ихъ и держалъ княженіе у полянъ. Поляне, однако, были обижаемы сосѣдями—древлянами и иными окольными, когда ихъ нашли хазары и заставили платить себѣ дань. Странно то, что хазары нашли *полянъ,* живущими на горахъ (Кіевскихъ) въ *лѣсахъ*: «въ лѣсѣ на горахъ надъ рѣкою Днѣпрьскою». Здѣсь же нашли ихъ Аскольдъ и Диръ — «и поидостя по Днѣпру и идуче мимо и узрѣста на горѣ градокъ». Около этого города «бяше лѣсъ и боръ великъ и бяху ловяща звѣрь». Такимъ образомъ, *поляне* жили въ *лѣсу,* на *высокомъ* берегу Днѣпра и занимались главнымъ образомъ охотою. Откуда же у нихъ названіе полянъ и могли ли они называться тогда полянами? Конечно, нѣтъ. Полянами они стали позже, когда выступили къ югу отъ Кіева, въ X—XI в. они назывались полянами и Кіевская земля стала польскою землею. Рано, еще въ X в. поляне называются также Русь (Константинъ Багрянородный, также въ лѣтописи 968 г. «пріидоша Печенѣзи на Руску землю первое» и др.). Въ XI в., когда границы Кіевской земли простирались не только до Роси, но заходили и дальше, населеніе этой польской земли называлось полянами, но едва ли оно носило такое имя, когда жило въ лѣсахъ. Несообразность эта бросалась въ глаза многимъ послѣдователямъ, и мы имѣемъ два объясненія: по первому — поляне жили прежде значительно южнѣе Кіева и только уже кочевниками вынуждены были спрятаться въ лѣса; по второму толкованію по-

ляне назывались такъ у себя на прародинѣ и принесли съ собою готовое имя. Такъ ли это? Вышеприведенная цитата—«бяше около града лѣсъ и боръ великъ и бяху ловяща звѣрь, бяху мужи мудры и смыслени, нарицахуся Поляне» заключается словами: «отъ нихъ же суть поляне въ Киевѣ и до сего дни». Слова эти, по нашему мнѣнію и даютъ разгадку: отъ «полянъ» XI в. лѣтописецъ заключаетъ къ полянамъ весьма отдаленныхъ вѣковъ. Предположеніе, что поляне жили южнѣе Кіева, въ степи ни на чемъ не основано: лѣтопись все время представляетъ полянъ небольшимъ племенемъ, у котораго былъ даже не городъ, а «градокъ». И послѣднее совершенно вѣрно, если мы припомнимъ, что даже при Ярославѣ, когда Кіевъ значительно выросъ, мѣсто, гдѣ построена была св. Софія, Русская митрополія, было внѣ города, — «бѣ бо тогда поле внѣ града»; на этомъ полѣ Ярославъ и далъ битву печенѣгамъ. Бассейнъ Роси князьямъ-варягамъ пришлось заселить плѣнными, а впослѣдствіи онъ населенъ былъ кочевниками—тюрками. Поляне и въ XI в. занимали чрезвычайно незначительную территорію: южною границею ихъ разселенія была р. Стугна, а сѣверныя поселенія простирались развѣ до устьевъ Тетерева. Восточную границу образовалъ Днѣпръ; не надо только понимать это буквально: очень важно отмѣтить, что узкая полоса земли по лѣвому берегу Днѣпра отъ устья Десны до устья рѣчки Корани всегда принадлежала Кіевскому княжеству. Не широка была эта полоса и на правомъ, западномъ берегу Днѣпра; она не доходила даже до Тетерева, а лишь до р. Ирпеня. Городъ Бѣлгородъ (нын. село Бѣлгородка) на Ирпенѣ, гдѣ была переправа и мостъ черезъ эту рѣку, былъ на границѣ «Польской» земли и Деревы. Такимъ образомъ земля эта первоначально занимала небольшой треугольникъ, основаніемъ котораго была р. *Стугна*, а сторонами *Днѣпръ* и *Ирпень*. Необходимо прибавить, что въ то время, какъ археологи находили возможнымъ установить типы погребеній древлянскаго, дреговичскаго, сѣверянскаго и др., не удалось до сихъ поръ установить «полянскаго». Равнымъ образомъ не удалось установить и характерныя черты Кіевскаго говора. Слѣдовательно, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, указывающихъ на существованіе особаго полянскаго племени. Преданія о началѣ города Кіева перемѣшаны съ явно выдуманными преданіями о полянахъ. Лѣтопись постаралась найти своимъ любим-

цамъ полянамъ отдѣльныхъ предковъ. И, напротивъ, лѣтопись отвергла болѣе правдивыя преданія о началѣ Кіева. Много городовъ возникло на мѣстѣ перевозовъ (какъ и въ Германіи—всѣ города съ окончаніемъ «фуртъ»—Эрфуртъ, Франкфуртъ, Швейнфуртъ). Кіевъ лежитъ сейчасъ же ниже устья сѣверской Десны; казалось бы естественнымъ было бы этому племени обезпечить за собою свободный выходъ въ главную рѣку. Лѣтописные намеки, относящіеся къ древнѣйшему времени, связываютъ обитателей Кіева тѣснѣе съ населеніемъ лѣваго берега Днѣпра, чѣмъ съ правобережнымъ. Такъ: поляне, сѣверяне, радимичи платили дань мѣхами хазарамъ; затѣмъ, когда Святославъ Игоревичъ уходилъ изъ Руси, то онъ такъ размѣстилъ своихъ трехъ сыновей: Ярополка—въ Кіевѣ, Олега—въ Древлянской землѣ, Владиміра—въ Новгородѣ; не названная здѣсь сѣверянская земля тянула къ Кіеву; наконецъ, когда Владиміръ размѣщалъ уже двѣнадцать своихъ сыновей по городамъ Руси, между прочимъ посажены были князья въ Дереву и Туровъ, но въ Сѣверянскую землю—никто; до начала XI в. земля эта находится въ ближайшей связи съ Кіевомъ и только уже въ XI в. политика князей привела къ тому, что южную Русь стали дѣлить по Днѣпру: «и раздѣлиста (Ярославъ и Мстиславъ) по Днѣпръ Русьскую землю: Ярославъ прия сю сторону, а Мьстиславъ ону» (1026 г.). Имѣетъ нѣкоторое значеніе и смутное указаніе лѣтописи на то, что перевозникъ Кій жилъ на лѣвой, черниговской сторонѣ Днѣпра—«у Кіева бо бяше перевозъ тогда с оноя стороны Днѣпра».

Племени «полянъ не знаетъ и Констатинъ Багрянородный, именующій ее «Русью».

На этомъ основаніи заключая, что «поляне» мѣстное названіе, явившееся поздно, не раньше X в., послѣ уже значительнаго расширенія Кіевской земли къ югу при посредствѣ норманскаго оружія.

Рядомъ съ полянами, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ними жили Древляне (иначи деревли, деревляне, Дерева, Деревлянская земля, древяне, древы). Имя это объясняетъ лѣтопись—«зане сѣдоша въ лѣсѣхъ». Названіе держалось также долго, оно встрѣчается и въ XII в., въ 1136 г. половцы воевали Кіевкую землю до Бѣлогорода, оли же до Киева и по Желанѣ и до Вышгорода и до Деревъ (1136 г.); слѣдовательно, названіе это было живое въ то

время, когда составлялись лѣтописные своды. «Деревой» называлась лѣсная часть Кіевской земли, къ югу отъ Припяти, и жители этой земли назывались древлянами. Объ этомъ «племени» лѣтопись сохранила сравнительно много воспоминаній. Борьба Кіева съ древлянами началась еще въ доисторическое время: «по сихъ же лѣтѣхъ, по смерти братьѣ сея (т. е. Кія, Щека и Хорива) быша обидимы (Поляне) Древлями». Обстоятельства перемѣнились только послѣ появленія въ Кіевѣ норманскихъ князей, и имъ побѣда надъ древлянами далась не сразу. Припоминанія лѣтописи дѣлаютъ большую разницу въ разсказахъ о покореніи сѣверянъ и древлянъ,— «поча Олегъ воевати Деревляны и примучивъ а, имаше на нихъ дань по чернѣ кунѣ» (883 г.); очевидно, побѣда далась не легко и Кіевскій князь долженъ былъ «примучить» древлянъ. Въ княженьѣ его преемника, Игоря, отношенія къ древлянамъ стоятъ на первомъ мѣстѣ: древлянъ за возмущеніе облагаютъ все большей и большей данью до тѣхъ поръ, пока древляне не убиваютъ Игоря. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ лѣтописи племя это выступаетъ вполнѣ съорганизованнымъ народомъ, имѣющимъ свое вѣче и своего князя—«слышавше же деревляне, яко опять идеть, сдумавше со княземъ своимъ Маломъ».—Кромѣ князя, у древлянъ есть и «лучьшие мужи, иже дерьжаху Деревьску землю»; у нихъ есть нѣсколько городовъ—«затворишася въ градѣхъ своихъ»; главный ихъ городъ Искоростень (Искоръстѣнь).

Какъ бы ни смотрѣли на эти преданія, какъ бы ни опредѣляли князя ихъ Мала (по мнѣнію Шахматова, это норманъ, дружинникъ, сынъ Свенельда), едва ли можно отрицать, что въ основѣ этихъ сказаній лежитъ память о серьезныхъ столкновеніяхъ между Кіевлянами и ихъ западными сосѣдями. Борьба эта относится, однако, ко времени до-историческому. Послѣ своего пораженія при Ольгѣ древляне совершенно смирились; древлянская же или деревская земля имѣла все же отдѣльныхъ князей вышеупомянутаго Олега сына Святослава Игоревича, и по Владимірову раздѣлу— Святослава, убитаго Святополкомъ. Затѣмъ она никогда уже не образовывала отдѣльнаго самостоятельнаго княженія и входила въ составъ Кіевской земли.

Полагаю, что Дерева времени лѣтописи XI—XII вв. и Древлянская земля предыдущаго времени не совсѣмъ одно и тоже. Въ

XI—XII в. Деревой называлась лѣсистая часть Кіевской земли къ западу отъ р. Ирпеня до границъ земли волынской, приблизительно до р. Горыни и до Погорины (мѣстности по р. Горыни) съ сѣвера эта область ограничивалась Припятью, съ юга—степью. Такое названіе могло возникнуть только тогда когда другая часть Кіевской земли было «поле», точно также и въ землѣ великаго Новгорода съ теченіемъ времени одна изъ частей ея стала называться Деревой или Деревской пятиной; раньше она называлась Яжелбицкой волостью. Отчего же населеніе—древляне, столь воинственное и организованное, по преданію, не проявило въ дальнѣйшемъ никакихъ попытокъ вернуть себѣ хотя бы часть былой самостоятельности? не добилось того, что сумѣли получить столь многіе города древней Руси, которые стали центрами земель? На это можно отвѣтить, что Ольга жестокими карами сломила навсегда гордый древлянскій духъ,—преданіе такъ и говоритъ: «прочая люди овыхъ изби, а другия работѣ предасть мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити дань. И възложи на нь дань тяжьку: двѣ части дани идета Киеву, а третьяя Вышегороду к Ользѣ». Но мы и послѣ Ольги видимъ отдѣльныхъ князей въ Деревѣ—Олега Святославича и Святослава, сына Владиміра. Если мы посмотримъ на карту Древлянской земли, то мы сразу увидимъ, что въ этой глухой, лѣсистой мѣстности, по небольшимъ и несудоходнымъ притокамъ Припяти, изъ которыхъ самые значительные Тетеревъ, Ушъ, Уборть, не могли возникнуть сколько нибудь крупные центры; на главной рѣкѣ Припяти и возникли Туровъ и Пинскъ, главные города, сложившейся позже земли, населеніе которой составили дреговичи и отчасти древляне.

Гдѣ же источникъ извѣстій, о кровавыхъ и продолжительныхъ войнахъ съ древлянами? Я возвращусь отчасти къ сказанному: лѣтопись, какъ ни какъ, объяснила происхожденіе власти скандинавскихъ князей на сѣверѣ, въ Новгородѣ, Полоцкѣ, Смоленскѣ, объяснила появленіе ея въ Кіевѣ и на востокѣ отъ Днѣпра—у сѣверянъ, радимичей и вятичей. Какъ распространилась власть Кіевскихъ князей къ западу? Вѣдь какъ бы мы ни суживали эта владѣнія они ко времени Владиміра Св. во всякомъ случаѣ доходили до Западнаго Буга, а, можетъ, быть, и значительно дальше, до Угорской Руси? Когда на этомъ большомъ пространствѣ между

Днѣпромъ и Зап. Бугомъ утвердилась власть Кіевскаго князя? и кто жилъ на этомъ пространствѣ? Мы видѣли, что это была прародина славянскихъ племенъ, на этомъ пространствѣ мы не могли подмѣтить присутствія какого либо другого народа. Славяне на сѣверѣ знали уже власть скандинавскую, племена къ востоку отъ Днѣпра знали иго хазарское.

Славяне, жившіе къ западу отъ Днѣпра, отъ Кіева, не знали надъ собою чуждой власти; у нихъ были свои князья, о которыхъ упоминаетъ еще Прокопій, были у нихъ свои лучшіе мужи и города; они, представляется мнѣ, должны были быть значительно сильнѣе, болѣе дорожили своей свободой, чѣмъ разрозненные славянскіе выходцы. Отголосокъ этихъ войнъ норманскихъ князей со славянами, жившими на прародинѣ, мы находимъ въ сказаніяхъ объ Олегѣ, Игорѣ и Ольгѣ съ одной стороны и древлянахъ съ другой стороны. Лѣтопись смотритъ на эту борьбу сквозь призму XI вѣка и пріурочиваетъ ее къ древлянамъ; это вѣрно въ томъ отношеніи, что первымъ князьямъ пришлось столкнуться съ славянами—полѣщуками, искони жившими въ лѣсахъ. Упорство этой борьбы, мнѣ кажется, еще разъ подтверждаетъ мысль, что городъ Кіевъ происхожденіемъ своимъ обязанъ не славянамъ-аборигенамъ, а славянамъ выходцамъ. Упорныя войны на западѣ и юго-западѣ объясняютъ намъ, почему первые князья норманы сажали своихъ сыновей въ Деревѣ,— они должны были защищать Кіевъ съ самой опасной въ то время стороны. Тѣснимое съ востока и юга населеніе бѣжало частью къ сѣверу частью въ западномъ или сѣверо западномъ направленіи, не говоря о тѣхъ, кого полонили и предавали въ рабство. Весьма возможно, что значительная часть прежнихъ угличей и древлянъ съ двухъ сторонъ стала выселяться въ области къ западу отъ р. Буга, на верховья Днѣстра и Вислы. Среди другихъ племенныхъ названій наша лѣтопись упоминаятъ и о хорватахъ, какъ племени, входившемъ въ союзъ-южно русскихъ племенъ до прихода норманновъ—«и живяху в мирѣ Поляне, и Деревлене, и Сѣверъ, и Радимичи, и Вятичи и Хорвате»; участовали они въ походѣ Олега и, наконецъ, въ послѣдній разъ упоминается о хорватахъ подъ 992 г.— «Иде (Владиміръ) на Хорваты. Пришедшю бо ему с войны хорватьскыя». Вотъ и все, что есть въ лѣтописи о хорватахъ. Кромѣ этихъ хорватъ, которыхъ будемъ называть русскими, лѣтопись

знаетъ и хорватъ южныхъ: «а се ти же Словѣни: *Хорвате* Бѣлии, и Серебь и Хорутане». По лѣтописнымъ намекамъ о хорватахъ не легко догадаться, гдѣ прежде всего жили они. Отчасти потому, что лѣтопись указываетъ ихъ рядомъ съ дулѣбами, угличанами и тиверцами, отчасти по мѣстнымъ названіямъ Н. И. Барсовъ полагалъ, что они жили въ Прикарпатской области по склонамъ Татранскихъ Карпатъ. Хорватскія названія, говоритъ онъ, встрѣчаются отъ истоковъ Тиссы, по ея притокамъ и до Прута, на востокъ до Днѣстра, на сѣверъ до Вислы. Полагая имена Хорвачинъ, Хорваты, даже Гробко, Гарбочь, Грабовъ Горбъ, Хорось за Хорватскія, Н. И. Барсовъ допускаетъ возможность разселенія Хорватовъ даже до Припяти на востокъ. Въ общемъ хорваты у него заняли огромное мѣсто, ихъ самихъ онъ считалъ отраслью великаго племени Бѣлохорватовъ.

Послѣ Барсова было не мало попытокъ выяснить объемъ Хорватіи и отличительные признаки этого племени. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, довольно давно было обращено вниманіе на извѣстіе о Бѣлохорватахъ Константина Багрянороднаго (К. Б. Гротъ. Извѣстія К. Б. о хорватахъ и сербахъ). Говоря о хорватахъ населявшихъ въ его время Далмацію, Константинъ утверждаетъ, что далматинскіе крещеные хорваты проходятъ отъ некрещеныхъ хорватовъ, именуемыхъ также Бѣлыми. А эти Бѣлые хорваты и понынѣ живутъ за Багиваріей (Баваріей) и за Турціей (т. е. Венгріей, Константинъ Багр. всегда называетъ венгровъ-мадьяръ турками), около Франкіи (Франконіи) и граничатъ съ некрещеными сербами. Некрещеная или Великая Хорватія выставляетъ меньше конницы и пѣхоты, чѣмъ крещеная Хорватія, потому что ихъ слишкомъ часто грабятъ франки, турки и *печенѣги*. У нихъ нѣтъ ни сагинъ, ни кондуръ, ни торговыхъ судовъ, потому что море далеко: до моря отъ нихъ 30 дней пути, а море, до котораго доходятъ въ 30 дней, есть такъ называемое Темное (м. б. Черное). Въ сосѣдней съ Бѣлохорватіей странѣ есть р. Висла, называемая также Дицика.

Какъ ни запутаны эти сообщенія, по нимъ выходитъ, что мѣстомъ, откуда выселились на Балканскій полуостровъ хорваты и ихъ сосѣди сербы, была страна, въ сосѣдствѣ съ Баваріей и Венгріей,—страна, на которую нападали и печенѣги; страна, въ которой была р. Висла, и наконецъ страна, довольно далеко распо-

ложенная отъ моря. Дозволительно думать, что восточную часть этой страны составляла нынѣшняя Галиція.

Принимая этотъ выводъ, мы безъ труда поймемъ, о какихъ хорватахъ идетъ рѣчь въ нашей лѣтописи.

Угличи, тѣснимые съ юга мадьярами, позже печенѣгами, «древляне», тѣснимые съ востока норманами, должны были поселиться въ мѣстности весьма слабонаселенной послѣ ухода оттуда сербовъ и хорватовъ; угличи-тиверцы съ низовьевъ Днѣстра перебирались на его верховья, которыя такъ близко подходятъ къ истокамъ Вислы и Тиссы; весьма возможно, что изъ долины Припяти къ Зап. Бугу и оттуда къ Сану тѣснились славяне, избѣгавшіе норманскаго ига. Очень можетъ быть, что они тамъ встрѣчались съ остатками хорватскаго населенія и что сама мѣстность сохранила имя народа, нѣкогда въ ней жившаго. Въ такомъ случаѣ угличи-тиверцы становились тамъ хорватами, также, какъ на Зап. Бугѣ они становились бужанами, позже волынянами. Тогда понятно, отчего лѣтопись говоритъ о войнѣ съ хорватами только въ концѣ X в. Но въ этой мѣстности норманскіе князья встрѣтились не съ одними убѣгавшими отъ нихъ или печенѣговъ восточными славянами. Походу на хорватъ въ 993 г. предшествовалъ походъ 981 г.—«иде (Володимеръ) к Ляхомъ и зая грады ихъ, Перемышль, Червенъ и ины грады» Это очень краткая запись и несовсѣмъ понятная. Какую территорію Владиміръ отнялъ у ляховъ? Перемышль существуетъ до сихъ поръ подъ именемъ Пшемысла, города на Санѣ въ Австрійской Галиціи. Опредѣленіе Червеня далось не сразу, но въ настоящее время его указываютъ въ юго-восточномъ углу русской Польши: Люблинской губ, Грубешовскаго уѣзда, село Чермно, почти на р. Гучвѣ, лѣвомъ притокѣ З. Буга. Воспоминаніе о Червнѣ надолго сохранилось въ имени Червонной Руси.

По смыслу разсказа, Владиміръ первый какъ бы раздвинулъ предѣлы Русскаго государства за Зап. Бугъ и взявъ Перемышль на Санѣ, притокѣ Вислы, присоединилъ къ Руси теперешнюю Галицію. Какое же тамъ было населеніе? Одни изслѣдователи (большею частью польскіе), готовы отвѣтить, что тамошнее населеніе было польское.

Имѣемъ ли мы свидѣтельства о томъ, что до конца X в. за Зап. Бугомъ было русское населеніе, т. е. жили славяне восточной,

а не западной вѣтви? Мы знаемъ, что въ настоящее время тамъ живетъ русское племя, на западѣ въ Галиціи оно доходитъ почти до самаго Кракова (до р. Дунайца, притока Вислы); но изъ этого не слѣдуетъ, что и до X в. населеніе было русское, и возможно, что это русское населеніе оказалось подъ польскою властью. Въ половинѣ X в. складывается польское государство, его границы дла насъ не ясны, напр. Краковъ, а слѣдовательно и значительная часть т. наз. Малой Польши, тогда входили въ составъ Чешскаго государства. При концентраціи своей Польша встрѣтила препятствіе и со стороны Германіи и окрѣпшей Чехіи (Линниченко, Взаимныя отношенія Руси и Польши, 76), и возможно что тогда она постаралась захватить нынѣшнюю Галицію и прилегающую въ ней часть Волыни. По крайней мѣрѣ, впродолженіе всего XI в. между Русью и Польшею изъ за этого края шла усиленная борьба. По смерти Владиміра польскому королю Болеславу Храброму удалось вернуть себѣ Червенскіе города,—«и городы Червѣньскыя зая собѣ». Но по смерти Болеслава (1030 г.), когда былъ великій мятежъ въ Лядской землѣ, Ярославъ и Мстиславъ заяста грады Червенъскыя опять. Принято думать, что послѣ извѣстныхъ событій 1068 г. Польшѣ въ лицѣ Болеслава Смѣлаго снова удалось вернуть себѣ эти города. Въ 1087 г. въ Перемышлѣ видимъ снова русскаго князя Рюрика Ростиславовича. Самый фактъ столь упорной войны не позволяетъ отнестись легко къ показанію лѣтописи, что Червенскіе города были польскою страною. Возможно, что первоначально страна это имѣла польское населеніе; полагаю, что именно сюда должны были устремиться значительными массами угличитиверцы, частью и древляне IX—X в. в.; по ихъ слѣдамъ шелъ Кіевскій князь; до X в. населеніе этого края не было сильнымъ, думаю вообще, что мы тогдашней населенности не можемъ не только сравнивать съ настоящею, но даже мѣрить ее на масштабъ современный. Тогдашная населенность, въ пограничныхъ мѣстахъ особенно, бывала ничтожной; и слѣдовательно подходившему сюда русскому племени оставалось еще много мѣста; много позже знаменитый несчастный Василько мечталъ перехватить Дунайскихъ болгаръ и посадить ихъ у себя. Между тѣмъ тогда уже область, отнятая Владиміромъ отъ ляховъ, распалась на три части: а) Чер-

вепь, который связанъ былъ надолго съ Волынскою землею, б) Перемышль и в) Теребовль съ волостьми.

Успѣхъ Владиміру дался не легко; много позже Галицкая лѣтопись вспоминала о походахъ Владиміра Св. такъ: «иный бо князь (кромѣ Даніила Романовича) не входилъ бѣ в землю Лядьску толь глубоко, проче Володимера великаго, иже бѣ землю крестилъ» (1229 г.).

Объ этихъ войнахъ также, какъ и послѣдующихъ сохранились лишь слабые намеки въ лѣтописи. На ту же сильную борьбу указываютъ и слова Василька: «азъ бо Ляхомъ много зла створихъ и еще есмь хотѣлъ створити и мьстити Русьскую землю... наступлю на зиму і на лѣто и возму землю Лядьскую и мьщю землю Русьскую».

При этомъ предположеніи, что Владиміръ перенесъ борьбу за Бугъ, что онъ отнялъ у ляховъ ихъ округъ, понятны станутъ и хорваты, съ которыми онъ воевалъ въ 993 г. Хорватіей лѣтопись называла страну, въ которой жили нѣкогда сербы и хорваты; новое населеніе этого края получило свое имя отъ страны, какъ и въ другихъ случаяхъ; угличи—тиверцы на новыхъ мѣстахъ стали хорватами; Кіевскому князю не удалось покончить дѣло покоренія края однимъ походомъ 981 г.; ему пришлось смирять населеніе на западной окраинѣ, но зато онъ достигъ того, что лѣтопись могла сказать о немъ съ гордостью: «и бѣ (Владиміръ) живя съ князи околными миромъ съ Болеславомъ Лядьскымъ, и со Стефаномъ Угорьскымъ и съ Андрихомъ Чешьскымъ, и бѣ межю ими миръ и любы» (996 г). Итакъ въ половинѣ XI в. сохранили свои племенныя особности лишь радимичи и вятичи, два племени ляшской или западной вѣтви славянства. Остальное славянское населеніе тогдашней Руси принадлежало къ восточной вѣтви славянства; оно не имѣло одного общаго наименованія: на югѣ въ такомъ значеніи выступаетъ имя «русь», «русскій», на сѣверо-западѣ—«кривичъ», на сѣверѣ-«словене»; въ отдѣльныхъ мѣстахъ населеніе называлось по имени мѣстности (также города, рѣки)—поляне, древляне, хорваты, сѣверяне. Составители лѣтописи знали, что нѣкогда славянскій міръ дѣлили на «племена» (группы); въ народной памяти жили преданія объ дулѣбахъ, угличахъ; предъ глазами ихъ были радимичи, вятичи и, можетъ, быть, вѣтви другихъ славянскихъ отраслей. *Изъ мѣстныхъ названій XI вѣка лѣтопись сдѣлала «племена»* восточнаго славянства.

Образованіе государства. Кіевъ. Борьба со степью[1].

Пособія — Барсовъ. — Очерки истор. географіи. — Географія Начальной лѣтописи.

Грушевскій.—Исторія Кіевской земли.

Его же.—Кіевская Русь.

Голубовскій.—Печенѣги, Торки и Половцы.

Васильевскій.—Собраніе сочиненій (т. I и II, ст. Византія и Печенѣги.

Сочиненія.—Константина Богрянороднаго съ пред. Ласкина.

Общіе курсы:—Бестужевъ-Рюминъ, С. Русс. Ист. т. I, Ключевскаго.—Курс. русск. Ист. ч. 1-я, Платоновъ.—Лекціи. Багалѣй Русс. Ист., ч. 1-я).

Лясковонскій.—Исторія Переяславской земли.

Его же.—Русскіе походы въ степи.

Мы видѣли восточно-славянскій міръ въ движеніи: отдѣльныя племена и роды оставляютъ прежнія мѣста и ищутъ новыхъ; другія племена распадаются, члены ихъ расползаются, возникаютъ новые союзы, отъ которыхъ въ свою очередь отдѣляются вѣтви. Въ IX в., по преданію, положено начало русскому государству и вмѣстѣ съ тѣмъ восточно-славянскій міръ получаетъ большую устойчивость. По древнѣйшимъ извѣстіямъ видно, что уже къ IX в. слагается понятіе о территоріяхъ. Совершенно ясно, что три миѳическихъ брата владѣли каждый не только городомъ, въ которомъ онъ сидѣлъ, но и землею, принадлежавшею городу или тянувшею къ нему; владѣнія Аскольда и Дира также не только Кіевъ, но и земли вокругъ этого города. Наша исторія открывается рядомъ

---

[1]) Источники — лѣтописи (Полн. Собр. Русс. Лѣтописей, особенно списки Лаврентьевскій, Ипатьевскій, Новгородскій Синодальный.

столкновеній, междоусобныхъ войнъ, набѣговъ, раздѣловъ владѣній,— слѣдовательно и тогда уже было понятіе о границахъ.

Какъ образовались границы? Если признать, что славяне жили тогда племеннымъ бытомъ, то вопросъ о границахъ почти отпадаетъ. Волость Новгорода въ такомъ случаѣ была бы пространствомъ, на которомъ жили «славяне», волость Кіева,—гдѣ жили «поляне». Въ глубокой древности такъ оно и было, племена занимали извѣстныя пространства и имѣли города — центры; такъ когда-то была земля—волость угличей, дулѣбовъ; а въ историческое время были земли радимичей и вятичей. Но большинство племенныхъ союзовъ распалось рано, границы ихъ стерлись, позднѣйшія волости—земли имѣли свои границы, не совпадавшія съ прежними племенными границами; наконецъ, во многихъ мѣстахъ «племенъ», какъ мы видѣли, и не было. Какимъ же образомъ здѣсь возникали волости—земли, впослѣдствіи княженія, какимъ образомъ приходилось имъ устанавливать границы.

Волости—земли складывались подъ вліяніемъ трехъ главныхъ факторовъ: а) условій колонизаціи, б) торговаго движенія и в) завоеванія князей норманов.

Въ новой мѣстности появлялся поселокъ, изъ него съ теченіемъ времени выселялись новые починки, которое въ свою очередь выростая въ большія поселенія, давали новые и новые выселки. Естественно, что новые поселки сохранятъ отношенія къ основному поселенію, къ поселку—матери, который и становился центральнымъ мѣстомъ сложившейся волости или волостки. Лѣсистая и болотистая во многихъ мѣстахъ средней и сѣверной Россіи природа нерѣдко заставляла селенія выстраиваться вдоль по рѣчкамъ и рѣкамъ, или вокругъ озеръ; бассейнъ рѣки съ ея притоками и образуетъ территорію волости, отдѣльныя части которой связаны воднымъ путемъ, точно природными нитями. При переселеніяхъ болѣе сильныхъ, а такимъ характеромъ и отличалась славянская колонизація VIII—IX вв., нерѣдки случаи, когда рядомъ съ первоначальнымъ поселкомъ основываются новыя деревни и починки переселенцами изъ другихъ мѣстъ. Иногда, наконецъ, группа селеній возникаетъ сразу, на никѣмъ незнаемой нови, которую захватываетъ не одинокій поселенецъ, а союзъ поселенцевъ, образовавшійся съ этою цѣлью; такими путями создавались новыя

волости и волостки на глазахъ исторіи въ предѣлахъ теперешнихъ губерній: Вологодской, Архангельской, Вятской и др. Можно думать, что тогда въ VIII—IX вв., при довольно сильной переселенческой волнѣ славяне-выходцы чаще всего захватывали значительный районъ, сразу ставя нѣсколько поселеній вокругъ одного главнаго. Лѣсъ, которымъ покрыта была средняя Россія, можно было расчищать совокупными усиліями многихъ; затѣмъ славяне занимали земли, хоть и слабо населенныя инородцами, но все же такія, которыя имѣли уже владѣльцевъ; славяне встрѣчали враждебное отношеніе къ себѣ со стороны туземцевъ, слѣдовательно пришлое населеніе нуждалось въ оборонительныхъ пунктахъ; едва ли не каждый шагъ свой славянское населеніе должно было закрѣплять постройкою небольшой крѣпостцы, городка. Картину такого заселенія, правда уже позднѣйшую, рисуетъ Строгановская лѣтопись: поставили Строгановы городъ Канкоръ, затѣмъ въ 20-ти верстахъ отъ него ставятъ г. Кергеданъ, затѣмъ начинаютъ ставить городки по Чусовой, отъ устья вверхъ, ставятъ ихъ по обѣ стороны этой рѣки; съ нея перебираются на Сыгву. Что также происходило заселеніе и центральной Россіи, видно изъ множества сохранившихся до сихъ поръ особыхъ памятниковъ глубокой часто древности—городищъ. Огромное большинство изъ нихъ давно покинуто, совсѣмъ забыто и только лишь археологи въ настоящее время интересуются ими. Въ каждой губерніи можно встрѣтить не мало такихъ названій селъ и деревень, какъ: городище, городокъ, городня, городечно, или съ окончаніями на городъ, городокъ. Въ подобныхъ городкахъ окрестное населеніе находило себѣ защиту и пріютъ при частыхъ вражескихъ набѣгахъ. Городища могли имѣть и другое значеніе, напр., религіозное, могли служить мѣстами погребенія и т. п.; во всякомъ случаѣ, они сохраняли срединное значеніе для округи. Такъ образовывался центръ съ тянувшею къ нему волостью или волосткою. Изъ подобныхъ городковъ-островковъ одни долго оставались лишь оборонительными пунктами, крѣпостцами и затѣмъ по мѣрѣ успокоенія области, они превращались въ обыкновенныя селенія, другіе, напротивъ, выростали въ значительные центры. Жизнь тогда въ VIII—X вв. протекала быстро, слагались новыя условія, новыя формы; восточное славянство, съ одной стороны, втягивалось въ міровой торгово-промышленный оборотъ, съ

другой, оно подверглось завоеванію норманновъ; городки, расположенные на важныхъ путяхъ, особенно при скрещиваніи ихъ или получившіе стратегическое значеніе быстро выдвигались, становясь центрами значительныхъ областей.

Рядъ городовъ, можетъ быть прежнихъ племенныхъ центровъ, быстро сходитъ съ арены дѣйствія: Искорость или Коростень, Велынь, Червень, Кордна, Изборскъ, Пересѣченъ; взамѣнъ выдвинулись другіе, выгодное географическое положеніе которыхъ бросается въ глаза. Это, во первыхъ, города по великому водному пути изъ Варягъ въ Греки: Новгородъ, Смоленскъ, Любечъ, Кіевъ, Полоцкъ; всѣ они, кромѣ Любечя, стали центрами крупныхъ земель; уже одно это обстоятельство не позволяетъ смотрѣть на нихъ, какъ на «племенные» центры; они вызваны къ жизни и росту не процессами внутри славянскихъ племенъ, а внѣшними условіями—завоеваніемъ славянскихъ племенъ варягами и вовлеченіемъ новой тогда Руси въ міровую торговлю. Новгородъ, Полоцкъ, Кіевъ, это вершины трехугольника, внутри котораго стало расселяться восточное славянство. Два главныхъ—Кіевъ и Новгородъ замыкаютъ съ обоихъ концовъ Великій путь, третій—Полоцкъ стоялъ на вѣткѣ главнаго пути, чѣмъ и объясняется особенность этой земли. Смоленскъ и Любечь имѣли уже второстепенное значеніе остановочныхъ пунктовъ на продолжительномъ пути. Важно отмѣтить, что ни одинъ изъ трехъ главныхъ звеньевъ Великаго воднаго пути не былъ *при морѣ*, иначе говоря, славянство въ IX в. нигдѣ не подходило уже сплошною массою къ морю, и въ тоже время приморскіе берега, очевидно, заселены были такъ слабо, отъ берега до населенныхъ мѣстъ было такъ далеко, что предпріимчивые мореплаватели-норманы не могли основаться въ самыхъ устьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ моря.

Очень можетъ быть, что при устьяхъ Волхова скандинавами основана была Ладога, но устье и все теченіе Невы ими не было укрѣплено, также какъ Нарова и Зап. Двина до самаго Полоцка; тоже замѣчаніе придется сдѣлать и объ устьяхъ Сѣв. Двины, въ которую свободно входили скандинавы. Берега этихъ рѣкъ (Зап. Двины, Наровы, Невы, Сѣв. Двины) были настолько малолюдны, что не было ни надобности основывать городъ, чтобы обезпечить за собою входъ и выходъ въ страну, ни возможности существо-

вать стражѣ въ такомъ отдѣленіи отъ жилыхъ мѣстъ; и даже, до XII в. плаваніе по этимъ рѣкамъ было совершенно свободно для воиновъ—торговцевъ.

Иныя условія были по Днѣпру; неудивительно, что славяне отступили въ лѣса, покинули степи послѣ появленія здѣсь угровъ-мадьяръ и за ними печенѣговъ. Но почему норманы, цѣлью стремленія которыхъ былъ захватъ великаго пути, не овладѣли всѣмъ Днѣпромъ?

Кіевъ до прихода норманновъ былъ маленькимъ городкомъ, онъ былъ не городъ, а «градокъ»; окрестное населеніе жалось на покрытыхъ лѣсомъ горахъ вокругъ городка, промышляя главнѣйше звѣроловствомъ; окрестные жители обижали кіевлянъ, которые позже принуждены были платить дань хазарамъ. Нѣтъ данныхъ, которыя позволяли бы полагать, что ниже Кіева по Днѣпру были города славянскіе. Самый фактъ утвержденія норманновъ въ Кіевѣ скорѣе указываетъ, что ниже его не было городовъ, они явились позже. Возможно, что славянское населеніе въ VII—VIII в.в. послѣ ухода значительной части болгаръ спускалось по Днѣпру значительно ниже, вѣроятно, что кочевья улучей доходили до нижняго Днѣпра; мы видѣли «славянство» рѣкъ бассейна Роси.

Ниже Роси Днѣпровскіе пороги носятъ у Константина имена и «русскія» и славянскія: которыя древнѣе?

Первое соображеніе, что мѣстное населеніе проводило норманновъ чрезъ пороги и что скандинавскія имена есть переводъ вѣрный или невѣрный, славянскихъ именъ; но имена эти большею частью не народныя: «несни, шумъ порога, островный порогъ, верутци, напрези»,—какъ не народные они скоро исчезли и замѣнены были другими (см. карты XVII в.—Радивила и Боплана; у перваго: Кодацкій, Булило; Волежный, Звонецъ, Ненасытецъ, Шумскій, Вольный, Валковъ забой и Таволжанскій, у второго—Кодакъ, Сурлый, Лоханный, Стрѣльцы, Звонецъ, Княгининъ, Ненасытецъ, Вороновъ заборъ, Вольный, Будиловъ, Таволжанскій, Ласный и Вольный); сама рѣка Днѣпръ—имя не славянское, островъ Хортица назывался островомъ св. Григорія, а островъ Березань—островомъ св. Елувоерія (у К. Б.); наконецъ, Черное море лѣтопись всегда называетъ или просто море, или Понтъ море или Понетьское море», или «Русское» море. Всѣ эти названія моря славяне узнали

отъ варяговъ, частью заимствовали изъ византійскихъ хроникъ, даже понятіе «заливъ» лѣтопись передаетъ греческимъ словомъ «лименъ» и лишь позже прибѣгаетъ къ слову «лука».

Да мы и не имѣемъ извѣстій о плаваніи славянъ по Черному морю, о сношеніяхъ ихъ съ Византіей.

До появленія нормановъ славяне Днѣпровскіе тяготѣли не къ грекамъ, а къ хазарамъ и туда, къ Саркелу и Итилю пролегали главные пути; путь этотъ шелъ паралельно Сейму, по водораздѣлу между Сеймомъ и притоками Сулы, направляясь къ Донцу, и имъ къ нижнему Дону. Другой путь туда же шелъ по Самарѣ или Орели-Углу на Молочную или Кальміусъ. Кіевъ этимъ путемъ только затрагивался; земли, лежавшія къ западу отъ Кіева, уже не подчинялись хазарамъ.

Обстоятельства для Кіева измѣнились съ появленіемъ нормановъ. Варяги бороздили Черное море въ разныхъ направленіяхъ, увлекая за собою и славянъ. Между 828 г.—840 г. варяги—русь напали на Амастриду, въ 860 г.—на Царьградъ и, очевидно, не въ первый разъ (бесѣды Фотія). Какъ только Аскольдъ и Диръ утвердились въ Кіевѣ, у нихъ начались столкновенія съ болгарами, неясныя извѣстія объ этомъ Никоновскаго свода находятъ себѣ подтвержденіе въ Абобскихъ надписяхъ. Договоры первыхъ князей указываютъ на то, что сношенія Кіевскихъ князей съ Византіей, Крымомъ (Корсунской страною) установились вполнѣ. И въ то же время варяжскіе конунги добыли Кіеву независимость отъ хазаръ. Однако, несмотря на войны съ каганатомъ, торговыя сношенія съ нимъ не прерывались. Но особенное значеніе для роста Кіева имѣло подчиненіе окрестныхъ славянскихъ племенъ. Прекрасное стратегическое и торговое значеніе Кіева сказалось во всемъ его блескѣ. Здѣсь почти на границѣ со степью сталъ русскій князь, чтобы вести покоренныя имъ славянскія племена на бой со степняками и стоявшими за ними греками и хазарами; здѣсь, т. е. въ Кіевѣ, былъ вооруженный лагерь только что начавшаго слагаться народа, который долженъ былъ завоевать южное море. Стоитъ только посмотрѣть на карту, прочесть девятую главу «о народахъ» Константина, чтобы сразу усвоить всю выгоду положенія Кіева; по Днѣпру и его вѣтвямъ: Припяти, Березинѣ, Деснѣ и Сожи. Кіевскій князь легко держалъ въ подчиненіи почти все восточное

славянство, по этимъ рѣкамъ и ихъ притокамъ раннею весною, послѣ вскрытія рѣкъ, русь везла въ Кіевъ набранное съ покоренныхъ племенъ полюдье, а другіе везли повозъ и товары, мѣха и пр.; въ іюнѣ мѣсяцѣ большой караванъ спускался уже изъ Кіева внизъ по Днѣпру, съ большими предосторожностями проходилъ пороги и хорошо извѣстнымъ путемъ продвигался по Черному морю; придерживаясь берега, караванъ отдыхалъ на островѣ св. Евѳерія (Березань), отсюда направлялся къ устьямъ Днѣстра, къ Сулинскому гирлу Дуная, мимо Констанціи (Кюстенджи), Варны, Дицины (Буюкъ-Камчикъ)· Это и былъ знаменитый греческій путь. Налаженъ былъ рано и путь въ Крымъ, Корсунскую страну. Туда путь шелъ также по Днѣпру до такъ назыв. Крарійскаго перевоза (Конст. Б.); судя по описанію Константина перевозъ этотъ былъ между послѣднимъ (отъ Кіева) порогомъ и остр. Хортицей, на картѣ Боплана здѣсь показанъ «Великій Татарскій перевозъ». «На сѣверѣ этой области (Крыма), разсказываетъ Рубрукъ, находится много большихъ озеръ, на берегахъ которыхъ имѣются соляные источники; какъ только вода ихъ попадаетъ въ озеро, образуется соль твердая, какъ ледъ; съ этихъ солончаковъ Батый и Сартахъ получаютъ большіе доходы, такъ какъ со всей Руссіи ѣздятъ туда за солью и со всякой нагруженной повозки даютъ два куска хлопчатой бумаги...» (Пер. Малеина). Конечно, русскіе стали ѣздить въ Крымъ гораздо раньше XIII в., сюда къ Крымскимъ солянымъ озерамъ и пролегалъ второй очень важный торговый путь—*соляной*; это не исключаетъ и того, что впослѣдствіи Кіевъ получалъ соль изъ Галича. Но греческій Херсонесъ, Корсунь, привлекалъ русь не одною солью; изъ Корсуни—Херсонеса шло на Русь немало предметовъ роскоши, металическихъ издѣлій, утварь свѣтская и церковная (послѣдняя впослѣдствіи); именемъ «корсунскій», говоритъ Н. П. Кондаковъ, обозначали на Руси все рѣдкое, высокое, чудное старинное» (напр. корсунскія врата). Уже въ житіи св. Стефана Сурожскаго (Сурожъ = Судакъ, отсюда впослѣдствіи суровскіе товары) есть указанія на походъ сюда Новгородскаго князя. Изъ договора Игоря съ Византіей явствуетъ то выгодное положеніе, которое Кіевскій князь успѣлъ занять по отношенію къ Крыму: Игорь обязуется и самъ не воевать Корсунской страны и непропускать туда черныхъ болгаръ.

Такъ быстро сталъ рости Кіевъ и, конечно, князья постарались укрѣпить не только столь важный пунктъ, но и ближайшіе подступы къ нему; вчернѣ набросана цѣпь—линія, соединяющая варяговъ кіевскихъ съ ихъ далекой родиной: Ладога—Новгородъ—Русь—Смоленскъ—Любечъ—Кіевъ. Дальнѣйшая задача князей-норманновъ укрѣпить окрестности Кіева и водный путь по Днѣпру въ Черное море и дальше, на западъ и востокъ.

Ставя себѣ такую задачу, кіевскіе князья вступали въ борьбу какъ съ сосѣдями славянства, такъ и самимъ славянскимъ населеніемъ, — съ послѣдними до извѣстной степени, конечно; славянское населеніе устремлялось въ направленіи сѣверо-восточномъ, князья хотѣли повернуть его назадъ: на юго-западъ. Въ до княжское время мы не знаемъ городовъ около Кіева; однимъ изъ древнѣйшихъ сталъ Вышгородъ, изъ имени котораго слѣдуетъ, что онъ былъ основанъ послѣ Кіева. Вышгородъ, Ольгинъ городъ, поставленъ былъ при переправѣ чрезъ Днѣпръ; онъ, слѣдовательно, обезпечивалъ переправу на лѣвый берегъ Днѣпра, въ Сѣверскую землю, обезопашивалъ Кіевъ отъ внезапнаго нападенія съ того берега, прикрывалъ Кіевъ съ сѣверо-востока; рано упоминается Витичевъ ниже устья Стугны; по словамъ Константина, здѣсь собирались всѣ однодеревки предъ отплытіемъ внизъ по Днѣпру; Витичевъ также, какъ и Вышгородъ, находили при бродѣ чрезъ Днѣпръ; онъ сталъ какъ бы Кіевскою пристанью. Ниже его по Днѣпру упоминается Родня. Имя это встрѣчается въ лѣтописи только въ одномъ разсказѣ о послѣднихъ дняхъ борьбы Владиміра и Ярополка; въ Родню (на усть-Роси рѣки, Ипат. л.) бѣжалъ изъ Кіева несчастный Ярополкъ по коварному совѣту Блуда; но тамъ въ Роднѣ «бѣ гладъ великъ въ немь и есть причта до сего дне: бѣда аки в Роднѣ». На этомъ основаніи Родню указываютъ въ устьѣ р. Роси, гдѣ теперь г. Каневъ. Понятно, что такое пріуроченье Родни къ Каневу возбуждаетъ сомнѣнія; куда и отчего дѣвалась прежняя Родня, почему она замѣнена Каневымъ? Изъ этого же разсказа лѣтописи слѣдуетъ, что Родня находилась по сосѣдству съ печенѣгами; вѣрный слуга Ярополковъ Варяжко уговаривалъ своего князя: «побѣгни въ Печенѣги и приведеши вой». Правда г. Ляскоронскій искалъ въ недавнее время Родню въ западномъ направленіи отъ Кіева, пріурочивая ее къ мѣсту впаденія р. Ирши

въ Тетеревъ, откуда Ярополкъ также легко могъ бѣжать въ Печенѣги, какъ и съ устья Роси; г. Шахматовъ въ самомъ имени города видитъ злую насмѣшку надъ «родней» «бѣда аки въ Роднѣ». Устье р. Роси, какъ мѣсто Родни. и тѣмъ можетъ смутить изслѣдователя, что южныя границы Руси, увидимъ сейчасъ, послѣ энергичной наступательной политики Владиміра, достигали только до Стугны, если же Родня стояла на устьѣ Роси, то при предшественникахъ Владиміра граница эта доходила много южнѣе, до Роси и, слѣдовательно, Владиміръ *утратилъ* значительную часть Кіевской территоріи? Н. И. Барсовъ такъ и полагаетъ, допуская, что до Владиміра границы Русской земли доходили до Крыма, а къ послѣдней четверти X в. печенѣги далеко отбросили Русь къ сѣверу. Сейчасъ увидимъ, что нѣтъ никакихъ основаній допускать столь необоснованныя колебанія границы. Имя «Родня» нынѣ не встрѣчается, но «Рудня»—одно изъ самыхъ обыкновенныхъ названій населенныхъ мѣстъ на югѣ Россіи; не измѣнилъ ли народный юморъ имя города, въ которомъ погибалъ Ярополкъ отъ руки родного брата своего? Едва ли варяги прошли бы мимо устья Роси, не постарались закрѣпить устройствомъ укрѣпленія этотъ немаловажный фактъ; много позже, спустя лѣтъ 200, въ XII в. у Канева обыкновенно стояли Кіевскіе князья, поджидая пока «гречники» не взойдутъ вверхъ; представляется, что варяги должны были ставить также острожки, въ родѣ позднѣйшихъ карауловъ, на болѣе или менѣе важныхъ мѣстахъ; и это тѣмъ болѣе, что русскіе караваны того времени имѣли обыкновеніе останавливаться въ опредѣленныхъ пунктахъ, отдыхать тамъ дня два—три. Однимъ изъ такихъ мѣстъ и былъ городъ Родня; но изъ существованія этого города не слѣдуетъ непремѣнно, что славянскія поселенія доходили тогда въ X в. сплошной массой до Роси; варяги пока захватывали на черно наиболѣе важные пункты; ниже къ такимъ же мѣстамъ принадлежалъ остр. Хортица или св. Григорія, еще ниже остр. Евоерія (Березань), также какъ и Бѣлобережье или Днѣпровскій лиманъ. Изъ договора Игоря съ Византіей слѣдуетъ, что русь въ то время постоянно пребывала «зимовала» въ Бѣлобережьѣ и на остр. св. Евоерія; договоръ—слѣдствіе неудачнаго похода—лишаетъ Русь этого права—«и да не имѣютъ власти Русь зимовати въ устьи Днѣпра, Бѣлъбережи, ни у святого Ельферья; но егда придеть осень, да

идуть в домы своя в Русь». Здѣсь въ Бѣлобережьѣ провелъ зиму 971—972 гг. кн. Святославъ Игоревичъ.

Первыя столѣтія варяги захватывали на Руси города и пункты, лежавшіе либо по путямъ, которыми они двигались, либо такіе, изъ которыхъ они могли держать въ подчиненіи окрестное населеніе. Такъ было и съ Кіевомъ: первоначально это была лишь остановка на пути изъ Варягъ въ Греки; по мѣрѣ того, какъ подчинялись сосѣдніа славянскія волости, по мѣрѣ того, какъ Кіевъ выросталъ въ матерь русскихъ городовъ, князья укрѣпляются въ Кіевѣ и окружаютъ его укрѣпленіями—городами.

Святославъ Игоревичъ (ум. 972 г.) былъ послѣднимъ княземъ, который смотрѣлъ на Кіевъ, какъ на *временную стоянку*, который стремился промѣнять Кіевъ на нѣчто лучшее, болѣе выгодное; ему не любо было въ Кіевѣ: хочю жити въ Переяславци на Дунаи, яко то есть *середа земли моей*, яко ту вся благая сходятся. Очевидно, въ воззрѣніяхъ этого князя и не было понятія Кіевской земли; Кіевъ скорѣе былъ на сѣверной окраинѣ его земли, центромъ которой былъ Переяславецъ (вѣроятно, нынѣ Преслава на правомъ берегу Георгіевского гирла Дуная, недалеко отъ Тульчи). Судя по разсказу о раздѣлѣ Святославомъ своей земли, онъ или забылъ о своихъ владѣніяхъ сѣверныхъ— о Полоцкѣ, Новгородѣ, Ростовѣ, Муромѣ, или въ его время они ему и не принадлежали; послѣднее, конечно, вѣроятнѣе. Власть Святослава простиралась на Руси на славянъ, жившихъ около Кіева, по Припети и Деснѣ съ Сеймомъ; также на Радимичей и Вятичей; старшаго сына Ярополка онъ посадилъ въ Кіевѣ, а второго сына Олега въ Деревѣ; слѣдовательно, къ Кіеву тянулъ *лѣвый* берегъ Днѣпра, т. е. Сѣвера, Радимичи и Вятичи и небольшая, узкая сравнительно, полоса на правомъ берегу Днѣпра между этой рѣкой и Ирпенью. Небольшое Кіевское княжество Аскольда выросло при полумиѳическомъ Олегѣ въ большое государство; при Игорѣ границы этого государства скромнѣе, при Святославѣ они совсѣмъ измѣняются; при Ярополкѣ это опять небольшое сравнительно княжество. Лишь со времени Владиміра князья начинаютъ смотрѣть на Кіевъ, какъ на стольный городъ Руси, матерь городовъ русскихъ, измѣняютъ свой образъ дѣйствій и относительно кочевниковъ.

Въ южно-русскихъ степяхъ искони господствовали кочевники;

для образованныхъ грековъ кочевники эти были олицетвореніемъ варварства; но до IV в. нашей эры эти варвары принадлежали къ различнымъ вѣтвямъ благороднаго арійскаго племени. Лишь въ IV в. по Р. Х. къ берегамъ Чернаго моря стали подходить первыя орды варваровъ азіатовъ, тюркскія племена; но, какъ ни страшны показались европейцамъ гунны, первые тюрки сравнительно скоро теряли свою «дикость». Послѣ водворенія въ южно-русскихъ степяхъ хазаръ, что относится къ концу VII в. по Р. Х., здѣсь, т. е. въ степяхъ черноморскихъ, пріазовскихъ и каспійскихъ наступило относительное затишье; въ степяхъ бродили, мѣстами осѣдло жили остатки прежнихъ ордъ — сарматы — аланы или яссы, болгары, готы, хазары, греки, евреи, армяне, тогда же къ Черному морю подошли славяне; съ начала IX в. показались на Днѣпрѣ норманскія ладьи, которыя несли съ собою не разрушеніе, а созиданіе, не варварство, а культуру. Но съ начала же IX в. непродолжительный покой степи сталъ нарушаться: гроза шла съ востока, изъ Азіи; сильный до этого времени хазарскій каганатъ прикрывалъ наши степи отъ вторженій варваровъ; ослабѣвшій къ IX в. каганатъ, несмотря даже на поддержку грековъ, не могъ далѣе сдерживать напоръ азіатскихъ волнъ; въ придонскія и приднѣпровскія степи ворвались угры-мадьяры и за ними печенѣги. Къ концу IX в. мадьяры на всегда оставили наши степи и хозяевами въ нихъ стали печенѣги. Печенѣгами открывается рядъ тюркскихъ ордъ, борьба съ которыми отразилась на нашей исторіи, наложила на наше прошлое слѣды, уничтожить которые вполнѣ не удалось намъ и по настоящее время.

Вѣковую борьбу эту начало не само славянское племя, а образовывавшееся государство въ лицѣ князей своихъ.

Первые кіевскіе князья—Олегъ, Игорь, Ольга и Святославъ, не придавали большого значенія отношеніемъ къ печенѣгамъ; можетъ быть оттого, что они не думали останавливаться въ Кіевѣ; замѣчательно, что и лѣтопись наша долго молчитъ о печенѣгахъ, какъ будто ихъ не было или какъ будто они не играли замѣтной роли въ нашихъ степяхъ.

Печенѣги появляются въ нашихъ степяхъ въ первыя десятилѣтія IX в.; въ 892 г. они уже на Дунаѣ; между тѣмъ только подъ 915 г. лѣтопись отмѣчаетъ, что пришли печенѣги въ первый

разъ на Русскую землю и, заключивъ миръ съ Игоремъ, прошли къ Дунаю. Затѣмъ лѣтопись, вѣроятно съ умысломъ, молчитъ о печенѣгахъ (только въ 920 г. Игорь воевалъ съ ними), въ 944 г. они были союзниками его, имъ нанятыми, въ походѣ на Византію. Ни смерть Игоря, ни возстаніе древлянъ не вызвали къ дѣятельности печенѣговъ. Въ трудные для Кіева года малолѣтства Святослава печенѣговъ какъ будто совсѣмъ не было; наконецъ выросъ Святославъ, сталъ ходить войнами, какъ пардусъ, и на Волгу, и на нижній Донъ, и на Дунай, а печенѣговъ все еще не было, и только въ 968 г., когда Святославъ засидѣлся на Дунаѣ, Печенѣги напали на Кіевъ, вторично «первое» пришли на Кіевъ; врагъ оказался настолько сильнымъ, что старой Ольгѣ пришлось затвориться въ городѣ, люди изнемогали гладомъ и водою и даже послѣ отступленія печенѣговъ «не бяше льзѣ коня напоити: на Лыбеди Печенѣзи»!

Въ разсказахъ этихъ слишкомъ много неяснаго, невѣрнаго, недоговореннаго, чтобы можно было на нихъ полагаться. Обстоятельнѣе, подробнѣе и точнѣе повѣствуетъ о печенѣгахъ Константинъ Багрянородный, отлично знавшій тогдашнія сложныя степныя отношенія.

Печенѣги уже въ 892 г. были на Нижнемъ Дунаѣ; сочиненіе Императора написано ок. 950 г., и неудивительно, что у автора накопилось очень много горькаго опыта относительно кочевниковъ. Печенѣги были безусловно сильнѣйшимъ тогда народомъ на югѣ Россіи: они угрожаютъ Херсону и Климатамъ, ихъ боятся угры, они легко могутъ одолѣть непріятеля Византіи—болгаръ; съ ними, наконецъ, старается жить въ мирѣ и русь, ибо они (русскіе) въ противномъ случаѣ вовсе не могутъ отправляться въ походы и на войну, такъ какъ печенѣги во время ихъ отсутствія могутъ опустошить и ограбить русскія земли. Не находясь въ мирѣ съ печенѣгами, русь не можетъ приближаться къ царственному городу ни для войны, ни для торговли.

Печенѣги дѣлились на восемь колѣнъ; четыре колѣна жили на правомъ берегу Днѣпра и столько же на—лѣвомъ; послѣднія сосѣдили: съ узами (торками), хозарами, аланами (у нижняго Дона), Херсономъ; а тѣ, которые кочевали на правомъ берегу Днѣпра, были сосѣдями: Болгаріи (Дунайской), Турціи (Венгріи), Руси и под-

чиненныхъ ей славянскихъ народовъ: ультинъ (угличанъ?), дервлянъ (древлянъ), ленчапъ (лучанъ?).

Константинъ говоритъ не только о печенѣгахъ, но и о Печенѣгіи, считая ее довольно опредѣленной территоріей, которая отстоитъ отъ Казаріи на 5 дней пути, Аланіи—6 дней, Мордіи (страна Мордвы?)—на 10 дней, отъ Руси—на одинъ день, отъ Турціи—на 4 дня, и отъ Болгаріи—полдня пути.

Упорная борьба съ печенѣгами начинается лишь со времени Владиміра Св., этого истиннаго основателя Кіевскаго государства. Частыя его сношенія съ Византіей и Херсономъ, совмѣстныя дѣйствія съ греками противъ степныхъ варваровъ вынудили этого князя къ энергичной борьбѣ съ печенѣгами. Вѣроятно, онъ въ малоизвѣстномъ морскомъ походѣ (см. Кулаковскій, Прошлое Тавриды) захватилъ знаменитую Тмутаракань (на Тамани, у древней Фанагоріи).

Со времени Владиміра русскій князь сидитъ въ Тмутаракани; совершенно ясно, что захватомъ этого пункта—въ устьяхъ Мэотиды Владиміръ обезпечивалъ выходъ русской восточной торговлѣ; Русь занимала мѣсто совсѣмъ падавшей Хазаріи; вмѣстѣ съ тѣмъ это указываетъ на направленіе восточнаго-*залознаго?* пути: Сѣверскимъ Донцомъ выходили на рѣки (Калміусъ, Міусъ), впадающія въ Азовское (Сурожское) море и чрезъ древнюю Фанагорію, греческую отнынѣ Таматарху, нашу Тмутаракань направлялись къ восточнымъ берегамъ Понта. Трудно было себѣ представить, какъ Кіевскія князья захватили столь далекую Тмутаракань, между которою и Кіевомъ не было на огромномъ пространствѣ ни одного промежуточнаго города. Тѣмъ важнѣе указаніе на морской походъ Владиміра: моремъ онъ легко могъ пробраться и дальше; вступая не первымъ изъ варяговъ Босфоромъ въ Мэотиду, онъ долженъ былъ занять пунктъ, къ которому изъ старины шло такъ много путей и который для русской восточной торговли былъ не менѣе важенъ, чѣмъ островъ Св. Елеерія для юго-западной? Тмутаракань и оставалась въ русской власти, пока Русь не ославянилась, т. е. не обратилась въ совсѣмъ сухопутный народъ.

Столь оживленныя сношенія Владиміра съ побережьями Чернаго и Азовскаго морей не могли не вызвать отпора со стороны печенѣговъ; Владиміръ рѣшительно отнималъ отъ нихъ господство

въ степи. Онъ дѣятельно укрѣплялъ и расширялъ свою базу, т. е. Кіевскую волость; онъ началъ ставить городки по Деснѣ, Остеру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ; мѣстнаго населенія было мало—лучшее доказательство, что край къ югу отъ Кіева по обоимъ берегамъ Днѣпра былъ очень слабо заселенъ, что населеніе бѣжало далеко отсюда, что никакихъ ни полянъ ни ульцевъ ни сѣверянъ на берегахъ Днѣпра не было. Владимиръ населялъ эти городки приведенцами изъ Новгорода, отъ кривичей, вятичей, даже чуди: населеніе новаго края было подневольное, Владиміръ шелъ наперекоръ народному движенію; послѣдующіе князья дѣйствовали такъ же, какъ онъ. Теперь Кіевъ окруженъ былъ первой оборонительной линіей: новые городки полукругомъ съ трехъ сторонъ облегали Кіевъ; тогда же были проведены земляные валы по берегамъ Стугны. Но тогда и началась безпрестанная рать съ печенѣгами—«бѣ бо рать отъ печенѣгъ, и бѣ воюяся съ ними и одоляя имъ». Печенѣги нападали на Русь, потому что послѣдняя рѣшительно тѣснила ихъ и даже отнимала земли, которыя они считали своими. На непрекращавшіяся нападенія печенѣговъ Владимиръ отвѣтилъ построеньемъ Переяславля. Обыкновенно принято считать, что Переяславль существовалъ до Владимира и что разсказъ объ его основаніи есть обычный географическій миѳъ, имѣвшій цѣлью объяснить имя города. Указываютъ, что Переяславль упомянутъ уже въ Олеговомъ договорѣ 907 г. Но при теперешнихъ нашихъ взглядахъ на составленіе лѣтописи, порядокъ, въ которомъ перечислены эти города, скорѣе заставляетъ думать, что мы имѣемъ дѣло съ искусной вставкой XI в., установившей лѣствицу городовъ. Городъ этотъ сталъ важнѣйшимъ оплечьемъ Кіева; скоро онъ развернулся въ цѣлую сѣть городовъ. Годомъ раньше Владиміръ поставилъ другой важный городъ—Бѣлгородъ (нынѣ сел. Бѣлгородка) на Ирпени, къ западу отъ Кіева на столбовой дорогѣ изъ Кіева въ Угры и Ляхи; въ Бѣлгородѣ былъ мостъ чрезъ р. Ирпень, по тому времени это была первоклассная крѣпость, съ запада прикрывшая Кіевъ. Важное значеніе этого города выясняется вполнѣ изъ разсказа о событіяхъ 1150 г.: южные князья выражали полное недоумѣніе, какъ можно было, сидя въ Бѣлгородѣ, не остеречь во время Кіевскаго князя; да и сама лѣтопись этотъ невѣроятный фактъ объясняетъ тѣмъ, что сидѣвшій въ Бѣлгородѣ кн. Борисъ пилъ съ дружиной и съ попами.

Города, построенные Владимиромъ и его преемниками, представляла изъ себя маленькія крѣпостцы. Для постройки такихъ городовъ древняя Русь выбирала излюбленныя мѣста, болѣе или менѣе укрѣпленныя природой (лѣсъ, болото, рѣка); городокъ обносился земляпымъ валомъ, часто рвомъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вала ставили деревянныя башни; иногда, говоритъ г. Ляскоронскій, наиболѣе опасныя для нападенія мѣста покрывались цѣлымъ лабиринтомъ холмиковъ, пробраться среди которыхъ конному войску было и неудобно и довольно опасно; такъ укрѣпленные городки протягивались въ видѣ цѣпи. Первая сѣть укрѣпленій, сдѣланныхъ Владиміромъ, не достигла своей цѣли; съ 90-хъ годовъ X в. печенѣжскія нападенія на Русь становятся особенно часты; можно догадываться, что къ этому времени печенѣги были сильно тѣснимы слѣдовавшими за ними родичами—торками и половцами; что печенѣги уже потеряли тогда Подонье и жались къ Днѣпру. Подъ 997 г. начальная лѣтопись отмѣтила, что съ печенѣгами «бѣ бо рать велика бес перестани» и затѣмъ новый миѳъ о Бѣлгородской осадѣ, а за годъ передъ тѣмъ Владимиръ подъ мостомъ у Василева едва спасся съ малою дружиною отъ печенѣговъ. Конецъ X в., послѣдніе годы столѣтія были годами самой напряженной борьбы съ печенѣгами; построенныя линіи укрѣпленій не охраняли населеніе кіевской земли, такъ какъ печенѣги неоднократно прорывались черезъ нихъ. При сыновьяхъ Владиміра, печенѣги какъ будто присмирѣли: они доживали послѣдніе годы въ русскихъ степяхъ. Въ большой усобицѣ между Святополкомъ и Ярославомъ они являются постоянно союзниками перваго и несутъ на себѣ неудачи Святополковы. Затѣмъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ Черниговѣ водворился тмутараканскій князь Мстиславъ, пришедшій туда съ хазарами и касогами; о печенѣгахъ ничего не слыхать до 1036 г., когда они бросились на Кіевъ. Ихъ появленіе было тѣмъ неожиданнѣе, что незадолго предъ этимъ Ярославъ въ 1031—1032 г. сталъ ставить города по Роси, населяя ихъ преимущественно плѣнниками, выведенными изъ Ляховъ. Нападеніе печенѣговъ на Кіевъ вызвано было ихъ пораженіемъ въ степи, отчаянностью ихъ положенія. Бой былъ рѣшительный: печенѣговъ было безъ числа; Ярославъ подошелъ къ Кіеву на помощь съ большимъ войскомъ, въ которомъ были

и славяне (новгородцы) и варяги; битва происходила на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ св. Софія—«и бысть сѣча зла и одва одолѣ к вечеру Ярославъ»; печенѣги бѣжали не зная куда, одни потонули въ Сѣтомлѣ (рѣчка подъ Кіевомъ), другіе—въ другихъ рѣкахъ, а «прокъ (остатокъ) ихъ пробѣгоша и до сего дне».

Это было послѣднее нападеніе печенѣговъ на Русь; тѣснимые торками, они сдѣлали отчаянную попытку овладѣть Кіевомъ; отраженные, они должны были искать убѣжища въ низменныхъ и болотистыхъ мѣстахъ при Дунаѣ; къ довершенію несчастья, между колѣнами, на которыя дѣлились печенѣги, начались раздоры и тогда орды, съ дозволенія Византійскихъ императоровъ, стали переходить чрезъ Дунай: за ними послѣдовали и остальныя. Въ Византіи печенѣги сыграли большую роль (Васильевскій, Труды, т. I, ст. Византія и печенѣги); но по отношенію къ Руси роль ихъ была кончена. Въ черноморскихъ степяхъ наступила на короткое время тишина; мѣста ихъ заняли узы-торки; эта орда, по всѣмъ признакамъ, слабѣе печенѣжской; она продвигалась впередъ, гонимая страшными половцами. О торкахъ наша лѣтопись упоминаетъ впервые подъ 985 г.; тогда торки были союзниками Владимира Св. въ его походѣ на Камскихъ болгаръ; въ 1055 г., торки подошли къ границамъ переяславской земли около города Воина; лѣтопись кратко, но вразумительно даетъ понять, что было причиной непріязненныхъ бѣдствій со стороны торковъ: «в се же лѣто иде Всеволодъ на торкы зимѣ к Воиню и побѣди торкы. Въ семъ же лѣтѣ приходи Болушь с Половьци и створи Всеволодъ миръ съ ними и возвратишася Половци вспять, отнюду же пришли»; торки шли, преслѣдуемые половцами.

Отнынѣ, какъ увидимъ, въ борьбѣ со степью получаетъ особое значеніе переяславская земля: она стала оплотомъ, защитой Руси съ юго-востока, откуда сыпались самые сильные, самые частые удары; не проходило года, чтобы тотъ или другой кочевой народъ не сдѣлалъ нападенія на переяславскіе предѣлы. Князь переяславскій былъ по преимуществу сторожемъ земли русской (Ляскоронскій).

Отраженные Переяславскимъ княземъ, но тѣснимые половцами торки пытались проникнуть въ Переяславскую землю. Тогда

князья Ярославичи, жившіе дружно, оставивъ на время оборонительную тактику, пошли сами на торковъ, собравъ «вои бещислены, поидоша на конихъ и в лодьяхъ» (1060 г.). Результатъ боя тотъ, что торки перемерли, преслѣдуемые Божіимъ гнѣвомъ, одни отъ зимы, другіе отъ голода, третьи же—отъ мора. «Тако,—заключаетъ лѣтопись,—Богъ избави хрестьяны отъ поганыхъ».

Заключеніе это, какъ и многое въ лѣтописи, неточно Часть торковъ ушла по слѣдамъ печенѣговъ за Дунай, а другая русскими князьями была поселена въ русскихъ предѣлахъ, въ земляхъ Переяславской, Кіевской и Черниговской. Въ Переяславской землѣ, торки поселены были между низовьями Сулы, Супоя и Трубежа; съ теченіемъ времени ихъ продвигали дальше вглубь земли (Лясксронскій, 193). Изъ враговъ Руси торки превратились въ защитниковъ ея, правда, не совсѣмъ надежныхъ, ибо нерѣдко они возставали противъ князей, вообще причиняли имъ не мало хлопотъ.

Въ Кіевской землѣ торковъ, также и остатки печенѣговъ, селили въ Поросьѣ. Поросье — область, бассейнъ р. Роси; уже Ярославъ сталъ заселять этотъ край, который укрѣпленъ былъ городами и валами, которые тянулись по обоимъ берегамъ Роси. Въ Поросьѣ князья селили торковъ; часто этихъ торковъ они отнимали у половцевъ во время счастливыхъ походовъ, напр., въ 1103 г., когда въ числѣ другой богатой добычи князья «заяша печенѣгы и торкы». Очевидно, покоренные народы находились у половцевъ въ состояніи, весьма близкомъ къ рабству, если этихъ тюрковъ князья смѣло сажали въ пограничныхъ мѣстахъ для отраженія турокъ же.

Поселенные на Руси торки и другіе тюркскіе инородцы извѣстны были подъ общимъ именемъ черныхъ клобуковъ; въ числѣ ихъ, кромѣ торковъ, упоминаются еще: печенѣги, берендѣи берендичи, турпѣи, коуи, каепичи возможно, что здѣсь были и аланы. Поселенные на Руси, они довольно скоро освоились съ новой родиной, частью приняли христіанство и принимали немалое участіе въ политической жизни земли; особенно этимъ отличались черные клобуки Кіевской земли; начальники ихъ именовались на русскій образецъ,—по имени и отчеству, напр., Тудоръ Сатмозовичъ, Каракозъ Мнюзовичъ. Когда во время знаменитой княжеской усобицы 1146 г. Изяславъ Мстиславичъ переправился чрезъ Днѣпръ, то черные клобуки и все

Поросье пришли ему сказать: «ты нашъ князь, а Олговичь не хочемъ», т. е. присвоили себѣ право, которое принадлежало кіевскому вѣчу; значительность ихъ роли видна и изъ словъ Ростислава отцу его, кн. Юрію: «слышалъ есмь оже хощеть тебе вся Руская земля и черныи клобукы». Въ войнѣ Изяслава съ Юріемъ черные клобуки упоминаются часто; въ общемъ они очень привязаны къ Изяславу Мстиславичу. Въ усобицахъ своихъ князья спѣшили заручиться содѣйствіемъ черныхъ клобуковъ, которые очевидно представляли изъ себя хорошее конное войско; оттого они часто служили въ передовыхъ отрядахъ и въ развѣдчикахъ. На Руси они жили полукочевымъ бытомъ—«съ вѣжами (кибитками) и съ стады и скоты», хотя у нихъ были города въ Поросьѣ— «и ту придоша къ нему Черніи Клобуци, с жены своя и дѣти въ городѣхъ затворивше на Поросьи»; осѣдлому русскому населенію клобуки иногда приходились не лучше враговъ.

Послѣ пораженія торковъ, въ южно-русскихъ степяхъ, до появленія татаръ водворились половцы, часто называемые также куманами.

Печенѣги и половцы, безъ сомнѣнія, тюрки. Языки ихъ очень близки; по свидѣтельству византійскихъ писателей, печенѣги говорили однимъ языкомъ съ половцами. До насъ дошелъ «куманскій» (половецкій) словарь. Происхожденіе этого любопытнаго памятника таково: въ эпоху монгольскаго владычества западные миссіонеры, посылаемые въ Татарію, на сѣверномъ берегу Чернаго моря знакомились прежде всего съ куманскимъ, половецкимъ языкомъ, который давалъ имъ возможность быть понятыми во всей средней Азіи до Алтая; тѣ же цѣли преслѣдовали торговые генуэзцы; такимъ образомъ и возникъ словарь, извѣстный подъ именемъ словаря Петрарки, потому что онъ завѣщанъ знаменитымъ поэтомъ Венеціанской республикѣ; составленъ словарь въ 1303 г., заключаетъ въ себѣ 2.500 словъ, написанъ тремя колонами: первая—латинское слово, вторая—персидское, третья—куманское. Сходство словаря и грамматическихъ формъ не оставляетъ сомнѣнія въ ближайшемъ родствѣ куманскаго языка съ другими турецкими.

Объ образѣ жизни половцевъ можно сказать то же, что сказано о печенѣгахъ. Для византійскихъ писателей половцы

были скиѳами. Это летучіе люди, которыхъ нельзя поймать. Они не имѣютъ ни городовъ, ни селъ, оттого за ними слѣдуетъ звѣрство. Не таковы даже коршуны, плотоядный родъ и всѣмъ ненавистный; таковы развѣ грифы, которыхъ благодѣтельная природа удалила въ мѣста необитаемыя... Волчьи обычаи воспитали такихъ людей: дерзкій и прожорливый волкъ легко обращается въ бѣгство, когда появится что-нибудь страшное». Хлѣба не употребляютъ въ пищу въ землѣ Кедаръ (земля половцевъ), но ѣдятъ рисъ, просо, свареное въ молокѣ, а также молоко и сыръ. Печенѣги и куманы народъ нечистый, который употребляетъ сырое мясо вмѣсто пищи и кобылье молоко вмѣсто питья; который ѣстъ кошекъ и всякую нечистоту. Съ этими словами вполнѣ совпадаютъ слова нашей лѣтописи: «яко-же се и при насъ нынѣ половци законъ держать отець своихъ: кровь проливати, о хвалящеся о сихъ, и ядуще мерьтвечину и всю нечистоту, хомѣки и сусолы и поимають мачехи своя и ятрови, и ины обычая отець своихъ творять».

Половцы оказались врагомъ значительно болѣе опаснымъ, чѣмъ печенѣги, а тѣмъ болѣе торки. Они нападали на русскую землю чрезвычайно часто; чаще всего на Переяславскую землю,—лѣвый берегъ Днѣпра оттого и прозывался ратной стороной; по подсчету Погодина на эту землю они напали 26 разъ, на Кіевскую—19 разъ и на Черниговскую—5 разъ, въ періодъ 1061—1215 г.г.

Само собой разумѣется, лѣтопись отмѣтила только нѣкоторые изъ набѣговъ половецкихъ. Иную, болѣе близкую къ дѣйствительности картину рисуетъ Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи, какъ онъ «сѣдѣхъ в Переяславли 3 лѣта и 3 зимы, и с дружиною своею, и многы бѣды прияхомъ отъ рати и отъ голода... и мировъ есмъ створилъ с Половечьскыми князи безъ одиного 20»; а правнукъ Мономаховъ въ 1170 г. говорилъ князьямъ: «пожальтеся о Русской земли... оже несуть хрестьяны на в с я к о л ѣ т о у вѣжѣ свои, и с нами роту взимаюче, всегда переступаюче, и уже у насъ и гречьский путь зъотимають, и соляный и залозный».

Гдѣ жили половцы? Они кочевали на огромномъ пространствѣ между Дономъ и Дунаемъ, даже между Волгою и Дунаемъ; можно, однако, главныя ихъ кочевки опредѣлить точнѣе: на пра-

вомъ берегу Днѣпра они бывали рѣже и случайнѣе, т. е. они дѣлали набѣги на правую сторону Днѣпра, а затѣмъ снова переходили на лѣвую. Степняки вообще предпочитали жить на лѣвомъ берегу Днѣпра; на правую сторону степняки рѣдко перебирались добровольно; тоже случилось и съ половцами; лишь въ XIII ст., за четверть вѣка до прихода татаръ, замѣчается ихъ стремленіе къ западу; полтораста лѣтъ они прожили между Дономъ и Днѣпромъ. Русскіе князья знали, гдѣ искать половцевъ: борьбу съ половцами они вели не только оборонительную, но и наступательную. Князья старались напасть на половцевъ ранней весной, когда отощавшіе за зиму скотъ и лошади половецкіе были слабѣе. Обыкновенно путь русскихъ войскъ шелъ внизъ по Днѣпру; часть войка нерѣдко шла въ ладьяхъ, а другая часть шла лѣвымъ берегомъ Днѣпра чрезъ средніяи нижнія теченія рѣкъ Сулы, Псла, Ворсклы, Орели и Самары; близъ пороговъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Днѣпра князья находили половцевъ и ихъ вежи; между Сѣверскимъ Донцомъ и Днѣпромъ, по Самарѣ и Орели (Углу) кочевали половцы, не всѣ, но есть возможность констатировать здѣсь существованіе крупнаго половецкаго центра (Лясконскій, Русскіе походы, 64). Въ такомъ направленіи былъ сдѣланъ походъ 1103 г., также въ 1152 г. Мстиславъ Изяславичъ нашелъ половцевъ на Углѣ (Орели) и Самарѣ—«вежѣ ихъ поима, конѣ ихъ и скоты ихъ зая, и множьство душъ крестьяныхъ отполони»; въ 1183 г. русскіе нашли половцевъ на мѣстѣ «нарицаемѣмь Ерель, его Русь зоветь Уголъ»; въ 1188 г. князья опять пошли по Днѣпру внизъ; чрезъ два года князья дошли до Протолчіи, «ту заяша стада многа половецкая, въ лузѣ Днѣпровскомъ»—(Протолчи, вѣроятно, на лѣвомъ берегу Днѣпра, близъ пороговъ, Ляскоронскій, op. cit. 66).

Къ такому же выводу мы придемъ и изъ разбора знаменитаго похода 1111 г., а равно и похода, воспѣтаго въ словѣ о полку Игоревомъ.

Походъ 1111 г. описанъ въ лѣтописи подробнѣе остальныхъ: 26 Февраля князья вышли изъ Кіева, 3 Марта были на Сулѣ, 4 на Хоролѣ (притокѣ Псла); здѣсь оставили сани и, выступивъ на слѣдующій день, далѣе на Голтву 7 Марта пришли на Ворсклу; изъ этого слѣдуетъ, что путь ихъ пролегалъ выше устьевъ Хорола и Голтвы (Барсовъ, 302; у Ляскоронскаго, Русс. походы,

путь обозначенъ ниже устья означенныхъ рѣчекъ, см. карту); по приблизительному расчету Барсова, они сдѣлали отъ Сулы до Ворсклы около 125 в.; разстояніе это ими пройдено было въ пять дней, по 25 в. въ день. Отсюда они пошли въ степь, къ Дону и 21 Марта, т. е. чрезъ 14 дней, дошли до г. Шарукани, затѣмъ, пошли назадъ, къ г. Сугрову, гдѣ и встрѣтились съ половцами на берегахъ потока Дегея и р. Сальницы; половцы были разбиты на голову. Въ настоящее время послѣ замѣчаній Барсова и Аристова (Извѣстія о половецкой землѣ) можно вполнѣ принять догатку Татищева, что Дономъ въ данномъ случаѣ лѣтопись называетъ Донецъ, въ который и теперь ниже Изюма верстъ на 45 впадаетъ р. Сольница, а въ нее потокъ Дегяевъ. Чрезъ 5 лѣтъ туда же ходили молодые князья «на Донъ взяша три грады Сугровъ, Шаруканъ, Балинъ»; въ такомъ же смыслѣ «Донъ» должно понимать и въ извѣстьи о походѣ 1120 г.—«Ярополкъ ходи на половци за Донъ, и не обрѣтя ихъ, воротися вспять».

Этими извѣстіями опредѣляется положеніе половецкой земли; главныя силы ихъ кочевали между Донцомъ и Днѣпромъ, по Самарѣ и Орели, слѣдовательно, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ юго-восточными предѣлами переяславской земли, доходившими, до Ворсклы.

Сѣверскій князь Игорь въ походѣ, воспѣтомъ Словомъ, долиною Сейма, прошелъ до Оскола, перешелъ эту рѣку и по ней спустился до впаденія ее въ Донецъ, перейдя который оказался въ тылу половцевъ. Опредѣляя такъ половецкую землю, мы не хотимъ сказать, что-бы къ востоку за Донцемъ, къ Дону, половцевъ не было, но то, что главныя ихъ силы были сосредоточены въ означенномъ выше мѣстѣ. Здѣсь по Донцу находились половецкіе города Шаруканъ, Чешуевъ, Сугровъ, Балинъ; можетъ показаться страннымъ, что у народа кочевого были города. Полагаю, что города эти— остатки весьма древнихъ поселеній сарматовъ, къ которымъ присоединились впослѣдствіи славяне; эти поселенія должны были признать надъ собой власть кочевниковъ.

Энергичная политика, которую по отношенію къ половцамъ велъ Мономахъ и его дѣти оказала свое дѣйствіе: Русь стала отдыхать. Вспоминая первыя дѣсятилѣтія XII в., лѣтопись могла сказать, что Мстиславъ, сынъ Мономаховъ, «загна половцы за Донъ

и Волгу, за Яикъ, и тако избави Богъ Русскую землю отъ поганыхъ». Дѣйствительность далеко не соотвѣтствовала этому.

По смерти Мстислава (1132 г.) половцы снова показываются на Руси, сначала въ качествѣ союзниковъ русскихъ же князей (особенно Ольговичей), а зѣтѣмъ и самостоятельно. Обычный половецкій путь на Русь чрезъ Переяславскую землю лежалъ нѣсколько западнѣе обычнаго княжескаго пути «въ половцы, т. е. половцы двигались ближе къ Днѣпру чрезъ низовья Ворсклы, Псела и Сулы. Эти варвары выработали даже особый способъ переправы чрезъ рѣки: сшивали вмѣстѣ по десяти лошадиныхъ кожъ, на которыя и садились, помѣщая тутъ же телѣги свои и кладь.

Къ концу XII в. борьба опять становится очень напряженной и принимаетъ оборотъ невыгодный для Руси: Поросье на правомъ берегу Днѣпра и Посулье—на лѣвомъ весьма часто подвергаются половецкимъ опустошеніямъ; съ конца XII в. Кіевскіе князья начинаютъ «стеречь» русскую землю: для этого они становятся обыкновенно у г. Канева (устье Роси) и поджидаютъ тамъ половцевъ. 1188 лѣтопись отмѣчаетъ, что половцы начали часто воевать по Роси и въ Черниговской волости: въ 1201 г. половцы участвовали во взятіи Кіева, сотворили велико зло въ Рустѣи землѣ»; въ 1206 г. половцы снова приходили на Кіевскую землю, въ 1207—опять—половци распустилися воевать и много зла сотвориша по земли, пленуще и сѣкуше и села жгуще».

Постоянныя сношенія русскихъ съ половцами не могли остаться безъ послѣдствій, особенно для послѣднихъ: азіатская орда на европейской почвѣ понемногу начала поддаваться высшей культурѣ: съ средины XII в. среди половцевъ нерѣдко встрѣчаются русскія и христіанскія имена: сынъ страшнаго Кончака носитъ имя Юрія Кончаковича. Слѣдуетъ помнить, что половцы весьма часто приходили на русскую землю и въ качествѣ союзниковъ; что русскіе князья нерѣдко женились на дочеряхъ хановъ половецкихъ; что, наконецъ, въ половецкихъ вежахъ проживалъ всегда многочисленный полонъ русскій, много душъ христіанскихъ.

Половцы продолжали нападать на русскія земли до самаго появленія татаръ: въ 1223 г. половцы разбиты были на голову

татарами; какъ бичъ Божій, татары избивали половцевъ, «много бо эти половцы зла сотвориша Русской землѣ». Ханъ Котянъ (затемъ его былъ Мстиславъ Галицкій) прибѣжалъ къ половецкому валу и просилъ русскихъ князей о помощи; на этотъ разъ половецкіе князья одарили русскихъ конями, верблюдами, буйволами, дѣвицами и убѣдили ихъ оказать имъ помощь, что и привело къ несчастной для Руси битвѣ на Калкѣ.

Послѣ этого половцы исчезли; частью они бѣжали на Кавказъ, гдѣ впрочемъ скоро совсѣмъ погибли;—частью въ Венгрію; частью за Дунай въ Византію. Болшая часть съ ханомъ Котяномъ бѣжала въ Венгрію, туда ихъ бѣжало до 40 т. чел., гдѣ они медленно стали поддаваться европейской и христіанской культурѣ; любопытно, что въ XIII в. они оказывали не малое вліяніе на бытъ Венгріи, особенно высшихъ ея сферъ.

Какъ оборонялась Русь отъ половцевъ?

Было два способа обороны: пассивный и активный. Первый состоялъ въ построеніи укрѣпленій, въ стремленіи задержать набѣги половцевъ.

Главное значеніе въ борьбѣ съ кочевниками принадлежало тремъ землямъ: Кіевской, Переяславской и Черниговской.

Лѣвый берегъ Днѣпра особенно часто подвергался нападеніямъ: Переяславское княжество должно быть разсматриваемо, какъ оплотъ Кіева съ наиболѣе угрожаемой, юго-восточной стороны его.

Переяславль (нынѣ уѣздный городъ Полтавской губ.), расположенъ недалеко отъ Днѣпра при сліяніи Альты съ Трубежомъ. Образуемые сліяніемъ двухъ рѣкъ мысы излюбленныя мѣста для построенія городовъ, ибо они съ трехъ сторонъ укрѣплены были водою. Важное стратегическое значеніе этого города въ борьбѣ со степью рано было сознано нашими князьями, которые старались заселить Переяславскую землю, образовать изъ нея своего рода военную украину. Населеніе земли, надо думать, было смѣшанное, большинство поселено здѣсь насильно. Коренное славянское населеніе края—сѣверяне, но едвали оно было многочисленно, во всякомъ случаѣ оно было меньше по численности пришлаго: если бы населеніе было сплошь сѣверянское, то отношенія между Черниговомъ и Переяславлемъ были бы иныя, чѣмъ тѣ, которыя мы наблюдаемъ: двѣ эти земли никогда не соединялись.

Князья рано (со Владиміра) начали населять этотъ край выходцами изъ другихъ областей, плѣнниками, торками, бѣжавшими изъ степей и др.

Съ юго-востока отъ Переяславля шли два большихъ зміевыхъ вала; первый валъ начинался у Днѣпра и шелъ до д. Строковой, въ 15 в. отъ города, можетъ быть прежде и дальше. Второй начинался у Днѣпра же, на 10 верстъ ниже перваго, шелъ сначала параллельно ему, а потомъ соединялся съ нимъ у той же деревни, къ сѣверу отъ которой начинался лѣсъ; слѣдовательно Переяславль имѣлъ значительное пространство земли, хорошо защищенной; въ лѣтописяхъ нерѣдки указанія, что войско стояло «межи валома».

Вокругъ Переяславля расположенъ былъ цѣлый рядъ поселеній, опиравшихся на эту, по тогдашнимъ понятіямъ, первоклассную крѣпость.

Южнѣе, ниже Трубежа въ Днѣпръ впадаетъ р. Супой, которая также была боевой линіей, но второстепеннаго характера: на немъ были: Дубница, Песоченъ и Ташань.

Гораздо болѣе важное значеніе имѣла р. Сула съ притокомъ своимъ Удаемъ. Сула и ее притоки (Удай, Роменъ) ближе подходятъ къ притокамъ Десны Остру, Сейму и Выри; благодаря чему, система Сулы была прекрасною оборонительной линіей съ востока и юго-востока; съ другой стороны, и половцы не могли ея миновать, вотъ почему мы видимъ такъ много укрѣпленій на Сулѣ. Укрѣпленія начинались въ самыхъ верховьяхъ этихъ рѣкъ; укрѣпленія защищали небольшое безводное пространство между системами Десны и Сулы: здѣсь стояли Бѣлая Вежа, Всеволожъ, Бахмачь и др., нынѣшніе села и города Черниговской губерніи; и тогда эти города принадлежали Черниговской землѣ. Населеніе здѣсь было самое смѣшанное, большею частью изъ бѣжавшихъ степняковъ. Затѣмъ укрѣпленія идутъ отъ Бѣловежи на Острѣ къ р. Удаю, на которомъ видны: Глѣбль, Баручъ, Городокъ, Серебряный, Прилукъ (нынѣ Прилуки), Переволока, Пирятинъ; съ Удая оборонительная линія переходитъ на Сулу; правый, нагорный берегъ ея представлялъ хорошую защиту, на немъ стояли Роменъ (Ромны), Къснятинъ (Снятинъ), Лубенъ (Лубны), Буромлъ (Буромка), Желни; здѣсь надо искать г. Римовъ, ниже—Воинъ.

Сула образовала военную границу Руси на лѣвомъ берегу Днѣпра; но и за ней встрѣчалось населеніе, рисковавшее жить въ малозащищенной степи; оно было и по Хоролу, Пселу и даже Ворсклѣ; въ 1174 г. Игорь Святославичъ ѣздилъ въ поле за Ворсклу, гдѣ встрѣтилъ половцевъ «иже ту ловеть языки»; на обратномъ пути князь переѣхалъ Ворсклу у Лтавы, въ которой обыкновенно видятъ теп. Полтаву, слѣдовательно только за Ворсклой начиналась половецкая дикая степь.

Дальше русское племя не могло уже продвинуться; безусловно, что въ послѣдней четверти XII в. Переяславская земля стала сильно бѣднѣть людьми; половцы не разъ наносили ей страшные удары. Любопытно, что половцы начали пользоваться орудіями, изъ которыхъ они стрѣляли «живымъ огнемъ»; конные наѣздники на бѣду русскихъ научились осаждать и брать города; особенно страшенъ оказался для Руси ханъ Кончакъ, который снесъ въ 1188 г. все Посулье, едва не взявъ хорошо укрѣпленнаго Переяславля, а на обратномъ пути разрушилъ г. Римовъ, и «ополонишася полона и пойдоша во свояси». «Се у Римѣ кричать подъ саблями половецкими».

При всемъ томъ г. Переяславль и земля его продержались до самаго прихода татаръ,—въ 1239 г. этотъ городъ былъ взятъ татарами; земля его страшно была опустошена татарскими угонами.

Если такъ, въ общемъ неудачно, сложились отношенія Руси къ степи на лѣвомъ берегу Днѣпра, то что сталось съ отдаленными поселеніями Руси на Азовскомъ и Черномъ моряхъ? Крайнимъ юго-восточнымъ пунктомъ Руси можно считать Тмутаракань (Tamatarcha, Matracha, Matrica) въ устьѣ Кубани; не безъ основанія памятники наши называютъ ее Тмутараканскимъ островомъ. Населеніе въ этихъ мѣстахъ было чрезвычайно смѣшанное: греки, потомки жителей Фанагоріи, на мѣстѣ которой возникла Тмутаракань, готы, касоги—черкесы, ясы—осетины, хазары и др., но были и русскіе. Памятниками Руси здѣсь были знаменитый Тмутараканскій камень съ надписью; монастырь, основанный однимъ подвижникомъ Печерской обители. Русь долго владѣла Тмутараканью; овладѣлъ ею, надо думать, Владимиръ, который шелъ по слѣдамъ норманской колонизаціи; Владимиръ посадилъ здѣсь

сына своего Мстислава о которомъ легенда говоритъ, какъ о побѣдителѣ Редеди, касожскаго богатыря. Во второй половинѣ XI в. Тмутаракань стала мѣстомъ, куда бѣгали предпріимчивые князья—изгои; несомнѣнно, что они расширили власть свою надъ сосѣдними, т. е. кавказскими племенами. Справедливымъ кажется и то, что они пытались распространить свою власть и по сю сторону Керченскаго пролива, т. е. въ Крыму. Ради чего кн. Глѣбъ мѣрилъ море по льду отъ Тмутаракани до Корчева (т. е. Керчи)? ради чего Корсунскій (Севастопольскій) катапанъ (намѣстникъ) отравилъ кн. Ростислава въ Тмутаракани?

Впродолженіи всего XI ст. Тмутаракань является русскою, черниговскою волостью; но во второй половинѣ XII ст. Тмутаракань уже въ зависимости отъ Византіи. «Слово о полку Игореви» заставляетъ своихъ героевъ «поискать градъ Тмутаракань»; извѣстно, что это имъ неудалось. Трудно сказать, когда именно Тмутаракань потеряна была Русью; сношенія Руси съ Кавказомъ, однако,—продолжались: отъ второй половины XII в. извѣстно нѣсколько браковъ рускихъ князей съ кавказскими уроженками; въ 1153 г. Изяславъ Мстиславовичъ женился, взявъ за себя «изъ Обезъ (—Грузіи) цареву дщерь»; Всеволодъ III суздальскій женатъ былъ тоже на «ясинѣ», т. е. на осетинкѣ.

Тмутаракань была потеряна русскими. Нижнее Подонье также: Рюисбрукъ (XIII в.) нашелъ на Дону «русское» село, жителямъ котораго Батый предоставилъ право перевоза черезъ Донъ; русскіе занимались здѣсь хлѣбопашествомъ и рыболовствомъ,—вотъ и все, что осталось отъ значительнаго нѣкогда населенія въ Подоньѣ нижнемъ.

Въ Крыму тотъ же Рюисбрукъ видѣлъ много русскихъ на пути отъ Судака до Перекопа; владѣній нашихъ здѣсь, конечно, уже не было. На правомъ брегу Днѣпра Поросье играло ту же роль, что на лѣвомъ—Посулье. Бассейнъ р. Роси занятъ былъ нѣкогда полянами, но приходъ варваровъ угровъ, за ними печенѣговъ заставилъ это племя подняться къ сѣверу.

Владиміръ Св. началъ ставить города по Стугнѣ (притокъ Днѣпра); при немъ же границы по этой рѣкѣ укрѣплены были валами, которыхъ сохранилось три линіи. Теченіе Стугны укрѣплено было городами: Треполь (при устьѣ рѣки), Торчъ—на высо-

кой горѣ, Тумащъ, Василевъ (нынѣ Васильковъ); южнѣе Стугны г. Красный по р. Красной, Витичево, «крѣпко запесенъ» недалеко отъ него Святополкомъ Изяславичемъ построенъ г. Святополчъ. Къ югу отъ Стугны—степное Поросье, бассейнъ р. Роси. Со времени Ярослава князья стали заселять этотъ край: Ярославъ сажалъ здѣсь плѣнныхъ ляховъ; впослѣдствіи здѣсь селили главнымъ образомъ тюрковъ: торковъ, печенѣговъ, половцевъ и другихъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ черныхъ клобуковъ; слѣдовательно, и здѣсь на Украйнѣ характеръ населенія былъ смѣшанный; въ Поросьѣ, вѣроятно, находился г. Торческъ; имя этотъ городъ получилъ отъ народа торковъ; мѣстоположеніе его указывается различно: одни изслѣдователи указывали его на р. Стугнѣ, гдѣ находится урочище «Торчъ на высокой горѣ», у селенія Старый Безродичъ, другіе на южномъ притокѣ Роси Торчицѣ, гдѣ нынѣ селеніе Торчицы, третьи—на самой Роси къ западу отъ г. Корсуня. Важнѣйшими городами въ Поросьѣ былъ Юрьевъ, основанный Ярославомъ Мудрымъ, гдѣ была епископская каѳедра для Поросья, и Торческъ.

Въ 1093 г. половцы напали на русскую землю; первый городъ, который они осадили, былъ Торческъ (Торційскъ градъ), но взять его не могли; на выручку его пошли князья Святополкъ и Владиміръ Мономахъ; князья перешли Стугну, миновали Треполь (къ югу отъ устья Стугны на Днѣпрѣ); половцы выступили противъ нихъ и разбили русскихъ; послѣ побѣды часть половцевъ пустилась по землѣ «воюючс», а «друзіи возвратишася къ Торцьскому». Только послѣ продолжительной осады (бились 9 недѣль) половцы, наконецъ, взяли этотъ городъ голодомъ и жаждою; взявши городъ, половцы «запалиша огнемь, люди раздѣлиша и ведоша я у вежѣ». Изъ этого разсказа слѣдуетъ, что Торческъ находился къ югу отъ Стугны и Красной и что это былъ прекрасно укрѣпленный городъ. Мономахъ въ поученіи разсказываетъ о своей побѣдѣ надъ половцами на Сулѣ, т. е. на лѣвомъ берегу Днѣпра, откуда разбитые половцы бѣжали на правый берегъ; Мономахъ гнался за ними на Святославль, потомъ на Торческъ, потомъ на Юрьевъ и, наконецъ, снова побѣдилъ ихъ у г. Краснаго, слѣдовательно, разбитыхъ половцевъ Мономахъ гонитъ съ юго-востока на сѣверо-западъ, въ окрестности Краснаго, т. е. по смыслу разсказа Торческъ южнѣе Краснаго.

Послѣ сожженія въ 1093 г. о Торческѣ долго не упоминается; лишь съ 1161 г. Торческъ снова начинаетъ встрѣчаться въ лѣтописи, какъ центръ инородческаго тюркскаго населенія, Ростиславъ Мстиславичъ потерялъ Кіевъ, потому что ни братъ его ему не присягнулъ, ни Торки, ни Берендеичи; поэтому его союзникъ ѣдетъ къ Торческу, къ Берендеямъ и Торкамъ и въ слѣдующемъ году приводитъ ихъ на помощь. Въ 1190 г. Кіевскій князь Святославъ Всеволодовичъ схватилъ Кондувдыя, Торцькаго князя, но сватъ Святославовъ, кн. Рюрикъ, немедленно же убѣдилъ Кіевскаго князя отпустить Кондувдыя, «зане бѣ мужь дерзъ и надобенъ въ Руси». Кондувдый не стерпѣлъ «сорома» своего, ушелъ къ половцамъ и повелъ ихъ мстить свой соромъ Святославу; первымъ дѣломъ они взяли г. Чюрнаевъ, т. е. городъ Чюрная, очевидно такого же князя, какъ и Кондувдый—«изъѣхаша городъ Чюрнаевъ, и острогъ взяша и дворъ зажгоша и статокъ его вcь поимаша и двѣ жены его яша и челяди его много яша»; очевидно, «городъ» этотъ былъ укрѣпленный станъ Чюрная, такъ какъ все населеніе его состоитъ изъ его челяди и двухъ женъ, и находился въ юго-западномъ углу Кіевской земли, такъ какъ послѣ этого половцы легли «по Висемъ», т. е. по побережьямъ р. Выси (бассейн. южнаго Буга); давъ своимъ конямъ отдохнуть на Выси, половцы поѣхали къ Боровому, гдѣ услыхали, что Ростиславъ въ Торческѣ; тогда они возвратились къ ватагамъ и затѣмъ оттуда начали воевать по Роси. Эти наѣзды не понравились чернымъ клобукамъ, «лѣпшіе» люди которыхъ пріѣхали къ Ростиславу въ тотъ-же Торческъ и убѣдили его сдѣлать набѣгъ на половцевъ; два юныхъ князя, два Ростислава Рюриковичъ и Владиміровичъ, съ клобуками «вборзѣ доѣхали до Протолчіи» и забрали множество половецкихъ стадъ и вежъ и поѣхали назадъ; на третій день пути отъ Днѣпра половцы настигли князей на Ивлѣ (Ингулецъ?), но опять были разбиты и Ростиславъ со славою и честью вернулся въ свой Торческъ.

И въ этомъ разсказѣ Торческъ является опорнымъ пунктомъ южно-русскихъ владѣній; въ нѣмъ сторожилъ землю Кондувдый, но великій князь нашелъ удобнѣе посадить тамъ настоящаго русскаго князя; по смыслу разсказа Торческъ въ Пороcьѣ, сѣвернѣе самой Роси.

Ростиславовъ набѣгъ не прошелъ даромъ русской землѣ: онъ показалъ половцамъ новую дорогу на Кіевскую землю и тою-же зимою половцы выѣхали Ростиславовою дорогою; но, услыхавъ, что на этотъ разъ самъ великій князь стоитъ у Кульдеюрева, поспѣшно побѣжали назадъ. Тогда Святославъ вернулся въ Кіевъ, оставивъ сына своего Глѣба въ Каневѣ (устье Роси); обрадованные половцы тотчасъ перебрались (черезъ Рось) къ Товарову (по Роси, выше Канева), гдѣ, захваченные Глѣбомъ, «обломились» на Рось, и здѣсь однихъ половцевъ въ плѣнъ взяли, другихъ избили, третьи утонули, только виновникъ всего, Кондувдый, утекъ. 1191 годъ прошелъ для кіевской Руси спокойно, потому что черниговскіе князья ходили на половцевъ до Оскола. Лѣто 1192 г. великій князь Святославъ съ своимъ сватомъ Рюрикомъ простояли все лѣто у Канева, стерегучи земли Русскіе и соблюдая ее отъ поганыхъ. Осенью лѣпшіе люди изъ черныхъ клобуковъ опять стали просить у Рюрика сына его, Ростислава, героя похода 1190 г., на томъ основаніи, что половцы ушли за Дунай, и самъ Ростиславъ просился у отца идти на половцевъ. Великій князь, однако, этого не разрѣшилъ: осторожность его понятна, ибо онъ самъ съ черными клобуками пошелъ на половцевъ; дошли они до Днѣпра (вѣроятно, до Канева), идти за Днѣпръ клобуки отказались на томъ основаніи, что сидѣвшіе за Днѣпромъ половцы имъ сваты; тогда старики князья заключили съ половцами миръ и виновнику всѣхъ тревогъ, Кондувдыю, дали городъ Двеpенъ на Роси. Лѣтомъ 1193 г. князья и половцы съѣхались въ Каневѣ, но миръ не былъ заключенъ: половцы раскололись на двое, Рюрикъ подбивалъ своего брата и свата Святослава идти на половцевъ, но Святославъ уклонился, потому что «жито не родилось», впору было только «устеречь свою землю». Тогда черные клобуки опять стали подговаривать Ростислава Рюриковича идти на половцевъ; тотъ рѣшилъ на этотъ разъ тайно отъ отца идти въ половецкій походъ и изъ Чернобыля (при впаденіи Уша въ Припеть) съ лововъ своихъ пріѣхалъ въ Торческъ, оттуда къ союзнику своему Мстиславу Мстиславичу въ Треполь. Союзникъ настигъ Ростислава за Росью; отсюда слѣдуетъ, что Торческъ былъ сѣвернѣе Роси; союзники схватили половецкихъ сторожей на Ивлѣ, рѣкѣ половецкой, т. е. лѣтопись даетъ понять, что на Ивлѣ начиналась половецкая земля, а черезъ ночь напали

на вежи половецкія и ополонились Ростиславъ и клобуки и скотомъ и конями и челядью и колодниковъ много взяли. Половцы не рѣшились напасть на нихъ, слѣдовали за ними—«ѣхаша по нихъ до Руси» (въ нѣкоторыхъ спискахъ до Роси), и Ростиславъ со славою пріѣхалъ въ Торческъ, откуда поспѣшилъ къ отцу въ Вручій (Овручъ); раздраженные половцы воевали послѣ этого убережье, старики князья на этотъ разъ стояли у Василева (на Стугнѣ). Этотъ разсказъ подтверждаетъ, что Торческъ былъ нѣсколько сѣвернѣе Роси, что онъ лежалъ значительно западнѣе Днѣпра, изъ него были прямые пути въ древлянскую землю (Чернобыль и Вручій), что онъ былъ центромъ военныхъ дѣйствій противъ лукоморскихъ правобережныхъ половцевъ.

Важное значеніе этого города выступаетъ въ домогательствѣ Всеволода Юрьевича 1195 г., когда по смерти Святослава онъ потребовалъ, чтобы новый великій князь Кіевскій далъ ему часть въ русской землѣ; Торческъ, Треполь (устье Стугны), Корсунь, Богуславль и Каневъ (устье Роси): Торческъ поставленъ во главѣ украинскихъ кіевскихъ городовъ, отъ Кіевскаго княжества отдѣлилась на югѣ новая земля, съ Торческомъ во главѣ.

Разборъ этихъ событій указываетъ и на южныя границы Кіевской земли: она перешла за Рось, приблизительно до Выси. Образованіе почти самостоятельнаго княжества съ Торческомъ обусловило дальнѣйшее заселеніе этого края, тѣмъ болѣе въ концѣ XII вѣка дѣла съ половцами шли довольно удачно.

Кромѣ Торческа, весьма важнымъ городомъ въ Поросьѣ былъ Юрьевъ, основанный Ярославомъ; здѣсь была епископская каѳедра. Въ 1095 г. половцы едва не взяли его; жители успѣли убѣжать къ Кіеву и тогда,—любопытная картина колонизаціи, кн. Святополкъ срубилъ для бѣглецовъ на Витичевскомъ холму (на Стугнѣ) г. Святополчъ, а половцамъ пришлось сжечь «тощъ» Юрьевъ. Но уже въ 1103 г. при первыхъ значительныхъ успѣхахъ русскаго оружія Святополкъ опять срубилъ г. Юрьевъ (Гюргевъ). Большое военное значеніе имѣлъ г. Каневъ въ устьѣ Роси (обыкновенно думаютъ на мѣстѣ прежней Родни—??); около Канева не рѣдко стояли кіевскіе князья, сторожа русскую землю.

Отъ истоковъ Роси на западъ граница шла къ южному Бугу; цѣлый рядъ городковъ и укрѣпленій тянулся къ этой рѣкѣ. Здѣсь

въ раіонѣ верхней Случи указываютъ, обыкновенно, т. н. Болоховскіе города, вѣроятно тѣ города, которые усвоили себѣ валашское право; они небольшіе, ихъ довольно много: Деревичъ, Губинъ, Кудинъ, Божьской и др. Когда одинъ изъ младшихъ князей, Ростиславъ Юрьевичъ, захотѣлъ «страдать» за Русскую землю, то Изяславъ Мстиславичъ далъ ему пять городовъ, въ томъ числѣ Божьской, Межибожье и Котельницу; города эти играли, очевидно, такую же роль, какъ Торческъ; здѣсь младшіе князья сторожили русскую землю.

Съ верховьевъ Случи область пограничныхъ городовъ идетъ на верховья Горыни, гдѣ стояли важные города Дорогобужъ и Пересопница. Черезъ нихъ пролегала дорога изъ Галича на Кіевъ.

Въ 1150 г. Изяславъ Мстиславичъ такъ шелъ съ большимъ войскомъ изъ Владиміра Волынскаго на Кіевъ: сначала на Пересопницу, на Дорогобужъ, гдѣ онъ переѣхалъ Горынь; за Корческомъ онъ перешелъ Случъ, черезъ Чертовъ лѣсъ пошелъ къ Ушеску—перешелъ р. Ушъ, у Мическа—Тетеревъ и наконецъ въ Бѣлгородѣ—Ирпень. Переправы черезъ эти многочисленныя рѣки затрудняли движеніе и заставляли держаться ближе верховьевъ; мостовъ на этомъ важномъ пути было немного, едва ли не одинъ, въ Бѣлгородѣ черезъ Ирпень. Сидѣвшій въ Бѣлгородѣ кн. Борисъ былъ застигнутъ врасплохъ — пилъ въ то время съ дружиною своею и бѣлгородскими попы; а граждане, расположенные къ Изяславу, «вборзѣ помостили мостъ» для послѣдняго.

Простирались ли русскія владѣнія далѣе къ Днѣстру и Дунаю? Пребываніе русскихъ поселеній на Дунаѣ въ предѣлахъ теперешней Бессарабіи и Молдавіи засвидѣтельствовано многими данными.

На нижнемъ Дунаѣ русскія поселенія были уже въ глубокой древности: въ Молдавіи, частью Валахіи и Седмиградіи сохранилось не мало названій рѣкъ и урочищъ русскаго происхожденія (рѣки Достойница, Кросна, Молдава; мѣста: Липово, Нѣмцы); въ Седмиградіи—тѣ имена, въ которыхъ продолжаетъ жить выраженіе «Русскій» (нѣмецкое Reussen, венгерское Orosz), напр., Reussdorf—Русская деревня, Reussdörfchen—русская деревушка, Russberg—русская гора, Orosz-foln и т. д. Невѣроятно, чтобы такія имена могли дать позднѣйшіе русскіе переселенцы; напротивъ, эти имена встрѣчаются при началѣ новой венгерско-саксонской культуры.

Въ указанныхъ мѣстахъ съ VIII в. возможно видѣть наши племена—тиверцевъ и отчасти улучей. Но русскіе были тамъ, на нижнемъ Дунаѣ, и въ XI и XII в. Слово о полку Игореви: «Галичьскы Ярославе Осмомыслъ! Высоко сѣдиши на своемъ златокованномъ столѣ. Подперъ горы Угорскія своими желѣзными пълки, затворивъ Дуная ворота, мечи брошены чрезъ облаки, судовъ ряды по Дунаю». Когда въ 1144 г. началась распря между двумя галичскими князьями, Владимiркомъ и Иваномъ Ростиславичемъ Берладникомъ, послѣдній бѣжалъ изъ Галича къ Дунаю; оттуда полемъ прибѣжалъ въ Кіевъ. Чрезъ 15 лѣтъ этотъ же князь уже послѣ многихъ приключеній бѣжалъ опять сначала въ поле, къ половцамъ, и затѣмъ вмѣстѣ съ половцами сталъ въ городахъ подунайскихъ, гдѣ и пакостилъ галичскимъ рыболовамъ. Оттуда онъ пришелъ съ половцами и берладниками къ Кучелмину и Ушицѣ, которую онъ старался взять, но не могъ, несмотря на сочувствіе къ нему смердовъ; т. е. изъ Подунайскихъ городовъ Иванъ Берладникъ подошелъ къ Кучелмину и оттуда прошелъ на Ушицу, при впаденіи р. Ушицы въ Днѣстръ; здѣсь, очевидно, и начались владѣнія Галицкаго князя.

Такую же картину даетъ разсказъ о бѣгствѣ кн. Даніила въ 1213 г. Изгнанный изъ Галича (на Днѣстрѣ), онъ направляется къ Онуту, откуда идетъ въ поле; Онутъ на Днѣстрѣ же (теперь въ Буковинѣ) выше Ушицы; пріурочивая къ современной картѣ, приходится сказать, что владѣнія Галицкихъ князей по Днѣстру внизъ не доходили даже до теп. г. Могилева на Днѣстрѣ.

Отсюда, и Подунайскіе города едва ли имѣемъ право считать принадлежащими Галицкимъ князьямъ; что князья эти стремились утвердить тамъ свою власть, это вѣрно; какъ вѣрно и то, что иногда (при Ярославлѣ Осмомыслѣ) имъ удавалось это; но власть ихъ была въ этихъ мѣстахъ временная. Основа здѣшняго подунайскаго населенія остатки тиверцевъ, усиленные разными элементами, выходившими изъ Руси. Кіевскіе князья имѣли не меньшее, чѣмъ галицкіе, тяготѣніе къ этимъ городамъ: походы первыхъ русскихъ князей (Игоря, Святослава и др.) усиливали эти элементы. Въ 1116 г. Владиміръ Мономахъ, по нѣсколько загадочному сообщенію Ипатьевской лѣтописи, посадилъ своихъ посадниковъ по Дунаю, но если эти посадники и сидѣли, то во всякомъ случаѣ недолго.

Воскресенская лѣтопись (П. С. Л., VII, 240) даетъ въ спискѣ русскихъ городовъ и имена городовъ подунайскихъ. Цѣликомъ, конечно, этотъ списокъ не можетъ быть принятъ, потому, что лѣтопись включаетъ въ него и города за Дунаемъ, кажется, на томъ основаніи, что они нѣкогда завоеваны были Святославомъ Игоревичемъ. Но наряду съ этими она даетъ рядъ именъ по сю сторону Дуная, т. е. на лѣвомъ его берегу: на устьѣ Днѣстра надъ моремъ Бѣлгородъ (н. Аккерманъ, др. Тира), Чорнъ—вѣроятно противъ Бѣлгорода; Асского торгъ, село Ясски, выше Аккермана по Днѣстру; по Пруту—Романовъ торгъ-Романъ въ Молдавіи, Немечь на Молдавѣ, притокѣ Прута и др. Эти города, вѣроятно, и называетъ лѣтопись подунайскими: самыми своими названіями они свидѣтельствуютъ о русской стихіи на лѣвомъ берегу Дуная. Ниже находилась область Берладъ, по рѣкѣ Берладу (н. Бирлату, притокъ Дуная, гдѣ и были города Берладъ, Текучъ и Малый Галичъ (н. Галацъ).

Вѣроятнѣе, что это была колонія, куда стекалось и русское населеніе, что то въ родѣ Тмутаракани. Разгнѣванный Андрей Боголюбскій приказываетъ сказать князю Давиду: «а ты поди въ Берладъ, а не велю ти въ Русской землѣ быти». Берладъ былъ очевидно мѣстомъ, куда бѣгали недовольные, искатели приключеній, но куда ходили и промышленники, какъ галицкіе рыболовы; тамъ же въ низовьяхъ Серета и Прута возникали общины русскія, подобныя позднѣйшимъ казацкимъ. Русскіе искатели приключеній могли жить въ мирѣ съ половцами. Изслѣдователи (Васильевскій, Успенскій) признаютъ доказаннымъ, что русскіе помогали въ XII в. болгарамъ въ войнахъ ихъ противъ Византіи. Византійскіе источники не называютъ прямо «русскихъ», а говорятъ либо о тавроскиѳахъ—, терминъ, который они употребляютъ для обозначенія Руси, либо говорятъ о какой-то области Вордона; Вордона можетъ быть объяснено, какъ бродники нашихъ лѣтописей XII и XIII вв. Извѣстія о бродникахъ начинаются съ конца первой половины XII в.— 1147 г. къ князю Святополку Ольговичу пришли они на помощь «тогда же пріидоша къ нему бродницы и половцы мнози». Въ битвѣ на Калкѣ (1224) брнодники дѣйствовали вмѣстѣ съ татарами и обманули русскихъ князей: «ту же и бродницы и татары быша, и воевода Плоскыня, и ты окаянный воевода цѣловалъ крестъ чест-

ной къ Мстиславу»... Воевода бродниковъ носитъ русское имя и цѣлуетъ крестъ; по актамъ XIII в. не мало бродниковъ въ Молдавіи и Трансильваніи; очевидно бродники были предками казаковъ въ XII—XIII вв. на нижнемъ Дунаѣ, въ Берладѣ. Недовольные князья легко находили тамъ себѣ войска; такъ Иванъ Берладникъ легко тамъ набралъ войско и съ нимъ пошелъ на галицкаго князя; вмѣстѣ съ тѣмъ лѣтопись отмѣчаетъ, что изъ Берлада они пошли на Кучельминъ и Ушицу (Кучульминъ нынѣ Кучурмикъ въ Галиціи), Ушица — (Ст. Ушицѣ на Днѣстрѣ); эти два города и были пограничными съ юга городами. Въ областяхъ, лежавшихъ ниже по Днѣстру, Пруту и Серету, галицкимъ князьямъ лишь изрѣдка удавалось установить свою власть.

Южную окраину галицкой земли составляли города Ушица, Кучельминъ, Онутъ, Микулинъ, Коломыя [1]).

Западною границею Руси служили Карпаты: лѣтопись называетъ эти горы угорскими (=Венгерскими) и Кавкапсійскими горами; иногда даже просто «Горою»; русскіе города были и въ самыхъ Карпатахъ, но народность русская была и за Карпатами, это—нынѣ такъ называемая Угорская Русь. Объ ней мы знаемъ чрезвычайно мало, особенно до XIII в.; съ XIII в. сохранились грамоты, которыми Угорскіе короли раздавали здѣсь землю; и по мѣстнымъ названіямъ мы видимъ, что это водвореніе угорскихъ, нѣмецкихъ и иныхъ землевладѣльцевъ происходитъ въ землѣ, населенной славянами. Собственно объяснить проникновеніе туда русскихъ не трудно; разъ политическая граница Руси доходила до Карпатъ и были, какъ сказано выше, поселенія Руси въ самыхъ Карпатахъ, то что удивительнаго въ томъ, что поселенія проникли нѣсколько дальше на западъ, тѣмъ болѣе что Угры-мадьяры пришли сюда лишь въ самомъ концѣ IX в.; вполнѣ понятно, что здѣсь могли быть разселены племена дулѣбовъ (или хорватъ), но почему они назывались русскими, это и чрезвычайно интересно, и загадочно; объяснить это можно или тѣмъ, что русская земля, государство-княжество сложилось около Кіева задолго до конца IX в.

---

[1]) По всей вѣроятности, подунайское русское населеніе находилось въ связи съ тою частью русскаго племени, которое оказалось за Карпатами, т. наз. Угроруссами; можетъ быть, здѣсь лежитъ даже ключъ къ уразумѣнію того, какимъ образомъ сложилось русское поселеніе въ Угріи (Венгріи).

или и тѣмъ, что первоначально границы первыхъ русскихъ княжествъ заходили за Карпаты, на что даетъ намекъ лѣтопись въ словахъ про Владиміра Св. подъ 996 г., что онъ «бѣ живя съ князи окольними его миромъ, сь Болеславомъ Лядьскымъ, и сь Стефаномъ Угрьскымъ, и съ Ондроникомъ Чешскымъ, и бѣ міръ межъ ими и любы»; только за Карпатами могли русскія земли граничить съ Чехіей, Польшей и Угріей; очень можетъ быть, что во время распрей между сыновьями Владиміра, когда Русь на время утеряла Червенскіе города, утратила она навсегда и т. наз. Угорскую Русь, Русь закарпатскую. Впослѣдствіи угорскіе короли имѣютъ притязанія захватить нашъ Галичъ, а обратныхъ стремленій Руси мы не видимъ: силы ее обращены были на югъ, востокъ и сѣверо-востокъ.

Руси много и теперь въ Мукачевѣ, Спижѣ, Шарошѣ и Мармарошѣ; не мало здѣсь теперь православныхъ мадьяръ, которые, по всей вѣроятности, русскіе мадьяризованные, но сохранившіе свою вѣру.

Какія же основанія не позволяютъ упоминаемые за Карпатами въ Венгріи города, носящіе русскія имена, считать принадлежащими русской землѣ, Галицкой?

Города эти: Бардуевъ, Синеволодьское, Баня Рудна и Брашевъ; всѣ они легко пріурочиваются къ современной картѣ.

Бардуевъ, теперь Бартфельдъ, упоминается, въ разсказѣ о бѣгствѣ Даніила изъ Угровъ въ Ляхи, но въ такой формѣ, что Даніилъ шелъ изъ Угоръ въ Ляхи на Бардуевъ и прибылъ въ Судоміръ (Сандоміръ) это мѣсто вовсе не даетъ права считать Бардуевъ (Бартфельдъ) городомъ, принадлежащимъ галицкой землѣ; скорѣе напротивъ. Важно слѣдующее показаніе лѣтописи: въ 1150 г. Галицкій князь Владиміръ, «стояше у Белза, и ту услышавъ, оже король (угорскій) уже вшелъ въ Гору», т. е. въ Карпаты—вѣсть эту Владиміру послали его пріятели угорскіе; Владиміръ бѣжитъ къ Перемышлю, а король, перейдя гору, взялъ Санокъ (городокъ на Санѣ, выше Перемышля) и затѣмъ села около Перемышля; по смыслу разсказа военныя дѣйствія начались лишь послѣ того, какъ угры прошли Гору и первой жертвой короля былъ Санокъ. Въ слѣдующемъ году кн. Изяславу въ трудную минуту сынъ его пригналъ посла, что король послалъ ему помощь и

уже угры перешли гору; черезъ годъ (1152) Изяславъ идетъ изъ Владиміра на соединеніе съ королемъ, королевою дорогою, къ р. Сану, перешелъ его и здѣсь получилъ отрадное для себя извѣстіе, что король уже здѣсь; Изяславъ по этимъ вѣстямъ пошелъ на г. Ярославъ, гдѣ и соединился съ королемъ. Слѣдовательно, одинъ разъ король перешелъ Карпаты къ верховьямъ Сана, другой разъ онъ перешелъ нѣсколько сѣвернѣе и оказался у Ярослава (на Санѣ, ниже Перемышля); оба раза военныя дѣйствія начинаются только послѣ перехода Карпатъ. Въ 1177 г. знаменитый Романъ внезапно услыхалъ, что король, идущій на Галичъ, уже за горою; кн. Роману осталось одно—бѣжать; еще яснѣе показаніе 1236 г., когда изъ Перемышля гнался за Уграми Даніилъ до Санока, *воротъ Угорьскихъ*, т. е. за г. Санокомъ сейчасъ начинался проходъ въ Карпатахъ, который назывался Угорскими воротами. Двумя годами раньше, король «Бѣла риксъ» (чехъ) пошелъ на Галичъ; когда онъ вошелъ въ Угорскія горы, Богъ послалъ архангела Михаила отворить хляби небесныя,—кони тонули, угры сами искали спасенія на высокихъ мѣстахъ,—король Бела не внялъ предзнаменованію, осадилъ Галичъ, но принужденъ былъ со стыдомъ отступить, и тогда Днѣстръ «злу игру сыгра» съ уграми; король отошелъ къ Василеву (на Днѣстрѣ) и пошелъ отсюда къ Пруту, т. е. на этотъ разъ угры шли болѣе южными проходами

Въ 1282 г. татары подъ начальствомъ Ногая и Телебуги пошли воевать Угровъ, пошли на Брашевъ=Брассау; татары, очевидно, пошли новой дорогой: Телебуга пытался пройти поперекъ Гору, и вмѣсто обычныхъ трехъ дней блуждалъ въ горахъ тридцать дней, потерялъ будто бы 100.000 чел., и вышелъ оттуда «пѣшъ самъ другъ съ женою об(ъ) одной кобылѣ, посрамленъ отъ Бога». Татары шли болѣе южнымъ путемъ; изъ разсказа не видно, чтобы Брашевъ былъ русскимъ городомъ. Совершенно невозможно себѣ представить, чтобы галицкіе князья могли защищать города, отдѣленные отъ нихъ горою, т. е. Карпатами, и если Угры не разъ брали Галичъ, Перемышль, Санокъ и другіе города, то прежде они должны были бы взять русскіе города за Карпатами (отъ Кіева); однако, объ этомъ нѣтъ ни слова въ источникахъ.

Синеволодское былъ монастырь, сколько можно догадываться, расположенный въ горахъ; въ 1240 г. Даніилъ бѣжалъ отъ татаръ

къ уграмъ, но не было любви между угорскимъ королемъ и изгнанникомъ-княземъ, Даніилъ воротился назадъ и пріѣхалъ въ Синеволодское въ монастырь св. Богородицы; увидѣлъ здѣсь множество соотечественниковъ, бѣжавшихъ отъ безбожныхъ татаръ, и тогда вернулся назадъ въ угры, такъ какъ не могъ пройти русскою землею. Очевидно, Синеволодскъ первое русское мѣсто, монастырь въ горахъ, какъ были въ Карпатахъ и другіе монастыри. Былъ еще путь чрезъ Карпаты, которымъ въ 1237 г. бѣжалъ въ угры соперникъ Даніиловъ, кн. Ростиславъ: онъ шелъ тѣмъ путемъ, которымъ ходили на *Барсуковъ дѣи* (дѣлъ, раздѣлъ, хребетъ) и вышелъ оттуда къ «Банѣ, рекомой Родна» и оттуда пошелъ въ угры. И теперь въ верховьяхъ р. Быстрицы есть горы, называемы Горы Родны (Быстрица впадаетъ въ Самошъ). Итакъ граница съ Угріей идетъ по Карпатскимъ горамъ; фразу Слова о пол. Иг. объ Ярославѣ Осмомыслѣ: «подперъ горы Угорьскыя своими желѣзными плъки»—надо понимать буквально, т. е. что русскія владѣнія доходили до Карпатъ; въ самыхъ горахъ находились русскіе монастыри. Походы угорскихъ королей на Русь начинаются съ того момента, когда они переходятъ Горы; кончаются, когда они уходятъ за Горы; проходъ въ горахъ называется «Угорскими воротами».

У истоковъ р. Ропы, притока Вислоки, притока Вислы—въ Карпатахъ — оканчивается русско-угорскій рубежъ и начинается польско-русскій; точно это мѣсто указывается Длугошемъ: Bieszezad, mons prope castrum lobiense tiovros Poloniabes a Pannonicis disterminans. In illius enim vertice situatus est lapis *Ruthenicis* inscriptus litteris, et a Leone quandam duce Russiae locatus limites Regnorum Poloniae et Hungariae demonstrans, т. е. что на горѣ Бескидъ русскимъ княземъ, Львомъ, поставленъ камень съ русской надписью, обозначавшій границы Польши и Венгріи. Точнѣе эту гору Бескидъ опредѣляетъ тотъ же Длугошъ: съ этихъ горъ берутъ начало славныя рѣки: Днѣстръ, Санъ, Стырь и Тисса и отсюда текутъ по разнымъ направленіямъ въ Польшу, Русь и Паннонію; здѣсь въ истокахъ Днѣстра, Тиссы и Сана и сходились три народности.

Отъ Ропы русско-польская граница шла на Вислоку и оттуда поворачивали на Вислокъ, впадающій въ Санъ; къ самой Вислѣ,

къ низовьямъ самымъ Сана она не подходила; русская граница здѣсь во всякомъ случаѣ не доходила до Кракова, какъ и теперь русскія доходятъ лишь до Дунайца (пр. Вислы). Свѣтъ бросаютъ столкновенія русскихъ князей съ польскими. Съ древнѣйшаго времени были поселенія Дулѣбовъ — Бужанъ по Западному Бугу, но большой вопросъ, какъ далеко внизъ по теченію этой рѣки простирались ихъ владѣнія. Кажется, съ теченіемъ времени Дулѣбы довольно медленно спускаются по Бугу, тѣснимые Ульцами, Тиверцами и другими, которые должны были оставить степи между Днѣпромъ—Днѣстромъ—Дунаемъ.

Какъ далеко по Бугу доходили русскія владѣнія и какое изъ русскихъ племенъ заняло эти земли? Кажется, можно установить такую послѣдовательность: въ перечняхъ племенъ указаны Дулѣбы, Бужане по Бугу (зане сѣдьше по Бугу); вѣроятнѣе, что они названы такъ отъ г. Бужска, Божеска—въ верховьяхъ р. Буга; затѣмъ ихъ центръ перемѣщается ниже по Бугу къ Велыни (по Гучвѣ); съ Владиміра Св. начинается наступательное движеніе Руси, поддержанное очевиднымъ отступленіемъ ея съ «поля», въ области Буга; онъ возвращаетъ Руси—Червень и основываетъ новый городъ, ставшій стольнымъ городомъ волости—Владиміръ. Въ разсказѣ о борьбѣ Святополка Окаяннаго съ Ярославомъ (1019 г.) упоминается о Берестьи (Брестъ-Литовскъ); туда принесли разбитаго Святополка. Изъ разсказа не совсѣмъ ясно, кому тогда принадлежалъ этотъ городъ: Руси или Польшѣ? но какъ будто Руси; отроки Святославовы посылали узнать, не преслѣдуютъ ли ихъ, т. е. какъ будто еще находились въ такой странѣ, гдѣ Ярославу принадлежало право преслѣдовать; но уже въ 1097 г. Берестье входитъ въ составъ Кіевской земли—именно Давидъ Игоревичъ наговаривалъ Святополку Изяславичу и Василько, будто онъ хочетъ отнять у него, Святополка, волости: Туровъ, Пинскъ, Берестье и Погорину, что даетъ ключъ къ уразумѣнію дальнѣйшихъ событій. Святополкъ, дабы согласно обѣщанью прогнать Давида, идетъ къ Берестью къ ляхамъ, т. е. къ Берестью, къ границѣ съ ляхами. Давидъ бѣжитъ къ ляхамъ, князю Владиславу, и тотъ подкупленный серебромъ Святополка, приглашаетъ Давида пойти на войну съ Святополкомъ къ Берестью: Давидъ согласенъ и «ста Святополкъ въ градѣ, съ ляхови на Бугн»—отсюда ясно погра-

ничное значеніе Бреста: потому и разбитый нѣсколько позже Давидомъ Ярославъ Святополковичъ бѣжа на ляхви и приде Берестью; спустя 4 года въ Берестьѣ сидитъ уже отдѣльный князь, Ярославъ Ярополчичъ.

Значительно позднѣе въ Ипатьевской лѣтописи начинаетъ попадаться Дорогичинъ и въ этомъ можно видѣть дальнѣйшій успѣхъ русской колонизаціи. Хотя уже въ половинѣ XII в. есть упоминанія (см. выше) о г. Визнѣ, уступленномъ Игорю Ольговичу, но Дорогичинъ (выше Визны) упоминается лишь съ половины XIII в. Когда Даніилъ возвращается изъ Моравіи въ 1240 г. въ Русь (послѣ татарскаго погрома), то первый городъ по пути его былъ именно Дорогичинъ: Даніилъ хотѣлъ было войти въ него, на томъ основаніи, что «се былъ градъ нашъ и отецъ нашихъ», но его не впустили; впослѣдствіи Даніилъ вернулъ его себѣ; но изъ Даніиловой фразы слѣдуетъ, что этотъ городъ давно принадлежалъ Руси; пройдя мимо Дорогичина, Даніилъ направился въ Берестье. Скоро, въ 1251 г. Дорогичинъ становится опорнымъ пунктомъ въ борьбѣ волынскихъ князей съ ятвягами, въ этомъ году они «снялись» съ лядскими князьями и болотами пошли въ страну ятвеговъ, они гнали ятвеговъ до р. Олегъ (Лыкъ, пр. Бобра, пр. Нарова): съ похода они вернулись въ г. Визну и пройдя р. Наровь (Наровъ) «придоста со славою на землю свою»; слѣдовательно Визна уже не принадлежала Руси. Интересныя событія 1279—1280 г.г.: ятвяги голодали и стали просить кн. Владиміра Васильковича, чтобы онъ продалъ имъ жито, а они за это дадутъ ему, чего онъ хочетъ; воску, бобровъ, бѣлокъ, черныхъ кунъ, серебра. Владиміръ отправилъ имъ изъ Берестья хлѣбъ по Бугу въ лодкахъ съ вѣрными людьми. Изъ Буга хлѣбный караванъ вышелъ въ Наревъ и подъ г. Полтавскомъ (Пултускомъ) караванъ былъ разграбленъ: кѣмъ? ляхами.

Русскимъ, такимъ образомъ, принадлежала полоса земли по обоимъ берегамъ Буга не широкая, которая все съуживалась, доходила она до самого Нарева; частью впрочемъ русскіе князья забрались и за Наревъ.

Въ первой половинѣ XII в. столкновенія Руси съ ляхами перѣдки около Владиміра и Червеня. Такъ 1121 г. Ярославъ Святополковичъ привелъ ляховъ и воевалъ съ ними и Червень;

въ слѣдующемъ году ляхи даже взяли въ плѣнъ «лестью» Володаря; въ 1123 г. тотъ же Ярославъ Святополковичъ съумѣлъ неожиданно подступить къ Владиміру, со множествомъ воевъ.

Но скоро обстоятельства измѣнились: польскіе князья стали сами чаще звать русскихъ на помощь въ своихъ внутреннихъ распряхъ. Въ 1145 г. Ольговичи ходили »на середъ земли Лядьскіе»; причемъ польскіе князья отдали русскимъ даже Визну (1145 г.).

Итакъ владѣнія Руси протянулись длинной линіей по Западному Бугу: начиная съ Бужеска, продолжая Владиміромъ, Червеномъ, Берестьемъ, Мельникомъ, Дорогичинымъ—вплоть до Визны, которая въ 1145 г. взята была Русью. Но лишь событія XIII в. даютъ рядъ указаній, какъ далеко простирались владѣнія Руси за Бугъ. Даніилъ (король) входилъ такъ далеко въ Лядскую землю, какъ никто изъ русскихъ князей, кромѣ Владиміра Великаго, который крестилъ землю. Столкновенія Руси съ Польшей тогда сдѣлались настолько частыми, что обѣ стороны обязались въ 1229 г. въ случаяхъ усобицъ ляхамъ не воевать русской челяди, а Руси —ляшской челяди; можно допустить, что это указываетъ и на большую близость польскихъ и русскихъ владѣній; и дѣйствительно въ 1245 г. галицко-волынскіе князья вторглись въ Лядскую землю четырьмя дорогами около Люблина, по р. Изволѣ и Ладѣ, по Сану и Подгорьѣ, т. е. Карпаты по истокамъ Роны, Дунайца. Русскіе доходили до Вислы и Сана (нижняго его теченія); подошли къ Завихвосту, и Василько пустилъ стрѣлу даже за Вислу: переѣхать этой рѣки Русь не могла вслѣдствіе поднятія воды; ляхи въ свою очередь воевали около Андреева (на Влодавѣ, лѣвый притокъ Буга); отсюда получается ясное представленіе, что въ области р. Буга лядско-русскій рубежъ пролегалъ между Вислой и р. Бугомъ.

Нѣсколько позже русскіе князья идутъ на помощь къ Кондрату Польскому изъ г. Мельника, а противникъ Кондрата Болеславъ воюетъ около Щекарева (Красноставъ на Вепрѣ), такъ какъ Красноставъ на лѣвомъ берегу Вепря (пр. Вислы), то и слѣдуетъ, что русскія поселенія заходили уже за Вепрь и граница пролегала здѣсь между Вислой и Вепремъ; ляхи воюютъ по р. Кроснѣ (Кржна), лѣвомъ притокѣ З. Буга, взяли

десять селъ, а Берестяне подъ предводительствомъ Тита, словаго мужествомъ на ратяхъ и ловахъ, прогнали и преслѣдовали ляховъ; вся эта мѣстность между Бугомъ и Вислой называется Украиной; съ польской стороны наиболѣе значительнымъ городомъ и ближайшимъ былъ тогда Люблинъ; Краковскіе князья посылали Люблинцевъ воевать, жечь и грабить русскую украину. Впервые это намъ встрѣчается подъ 1213 г. (Ипат. лѣт.), когда Даніилъ сталъ собирать свою «отчину», наслѣдіе великаго Романа, то между прочими онъ взялъ и отъ ляховъ назадъ и Украину, т. е. Берестій (Брестъ), Угровескъ (Угрускъ), Верещинъ, Столпье, Комовъ (не далеко отъ Холма) позже здѣсь указывается еще нѣсколько русскихъ поселеній: Андреевъ, Выть, княжеское село, разграбленное люблинцами. Какъ видно и какъ должно было догадываться договоръ о томъ, чтобы не брать челядь, не соблюдался тогда: люблинцы взяли челядь княжескую, князь воевалъ послѣ около Люблина, въ свою очередь взялъ много полона и пошелъ назадъ.

Если русскіе галицко-волынскіе князья и польскіе часто ссорились и воевали между собою, то, съ другой стороны долгое сожительство привело ихъ и къ весьма близкимъ отношеніямъ; въ своихъ взаимныхъ распряхъ обѣ стороны обращались другъ къ другу: польскіе князья овладѣвали русскими городами, русскіе—польскими, на короткое время русскимъ князьямъ удалось овладѣть даже Люблиномъ.

Такъ, укрѣпляя границы рядомъ городовъ, Русь заканчивала борьбу со степняками. Вопреки распространенному мнѣнію о запустѣніи Кіевской Руси, мы видимъ, что границы со степью въ XII—XIII вв. лежатъ глубже въ степи, чѣмъ въ XI в., а въ XI— они дальше въ степи, чѣмъ въ X. До появленія варяговъ въ Днѣпрѣ славянство уступало кочевникамъ и уходило отъ нихъ на сѣверо-востокъ; съ приходомъ варяговъ началась усиленная и далеко не безуспѣшная борьба, ибо границы государства значительно раздвинулись на югѣ. Тѣмъ не менѣе, возможно, что извѣстная часть населенія южной Руси начала уходить оттуда: не думаю, чтобы число уходящихъ до татарскаго погрома было очень значительно и, главное, не думаю, чтобъ они уходили далеко, напр., въ Русь Суздальскую. Какой смыслъ имѣла бы дѣятельность князей

на югѣ, заселеніе Поросья, Посулья и даже земель до Ворсклы, если не хватало населенія? Какимъ образомъ при такихъ условіяхъ могли бы возникать степные удѣлы? Едва ли вѣроятно также, чтобы бѣдное почти сплошь зависимое сельское населеніе (смерды и закупы) могло уходить такъ далеко, какъ, напр., въ Суздальскую Русь; какихъ невѣроятныхъ трудовъ и лишеній стоилъ переходъ туда изъ Переяславскаго или Кіевскаго княженій? Сколькимъ опасностямъ подвергалась семья бѣглеца во время продолжительнаго странствованія? Сколько разъ бѣглецы могли быть остановлены ихъ владѣльцами? Поэтому едва ли до татаръ могли быть массовыя передвиженія населенія на значительныя разстоянія.

Княжескія усобицы, конечно, вели къ передвиженію населенія, т. е. князья вторгались въ чужія области и выводили оттуда плѣнниковъ; это дѣло другое. Поэтому во время многочисленныхъ походовъ князей суздальскихъ и галицкихъ на Кіевскую землю, они нерѣдко уводили съ собой кіевлянъ или черниговцевъ, которыхъ потомъ селили у себя. Кіевскіе князья, въ свою очередь, поступали также съ своими противниками и уравновѣшивали потери возможно даже что и съ избыткомъ. Бывали въ исторіи Кіева періоды, когда успѣхъ постоянно сопровождалъ дѣятельность кіевскихъ князей, бывало и напротивъ. Самый фактъ, что князья выводили всегда много плѣнниковъ и селили ихъ въ своихъ земляхъ, утверждаетъ въ мысли, что нелегко было убѣжать въ то время и возвратиться на родину.

Обыкновенно, однако, полагаютъ, что Южная Русь, особенно Приднѣпровская, начала замѣтно пустѣть еще въ XII в., а на ея счетъ стали расти земля Галицкая на Западѣ и Ростово-Суздальская на сѣверо-востокѣ. Относительно западныхъ границъ русскаго міра мы не можемъ сказать, чтобы онѣ расширились, но расширеніе восточныхъ и притомъ весьма значительное не подлежитъ сомнѣнію: центральное движеніе идетъ Волгою, гдѣ достигаетъ до татаръ приблизительно до устья Оки; паралельно ему на сѣверѣ русскіе поселенцы двигаются къ востоку отъ Устюга по системамъ Юга и Вычегды. Въ то же время къ югу отъ Волги съ Десны и Оки славяне перебираются на Донъ и его восточные притоки. Само собой разумѣется, что переселенцы двигаются не вслѣдствіе тѣсноты на родинѣ; позднѣйшая монастырская колонизація XIV и XV вв. и

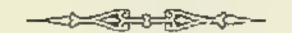
позже убѣждаетъ насъ въ томъ, какъ много еще оставалось тогда въ нынѣшнихъ центральныхъ губерніяхъ, какъ Московская и Владимірская пустыхъ, незаселенныхъ или слабо заселенныхъ мѣстъ. не говоримъ уже о краяхъ Костромскомъ и Нижегородскомъ, въ которыхъ славянскіе поселенцы заняли только главную артерію края—Волгу, новыя мѣста, слѣдовательно, захватывались съ цѣлями промышленными и для наживы. Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать, что столь значительное расширеніе свидѣтельствуетъ и о замѣтномъ увеличеніи славянскаго населенія въ краѣ. Часть увеличенія надо отнести на естественный ростъ, часть—на долю обрусѣнія инородцевъ, но извѣстную часть должно отнести и на приливъ населенія. Населеніе прибывало и съ юга, и съ запада, и съ запада, полагаю, больше, чѣмъ съ юга. Самый притокъ населенія я себѣ представляю такъ: крайніе южные слои или западные, первые подъ натискомъ степняковъ, вторые—литовцевъ и нѣмецкихъ рыцарей, отступали волной на мѣста, занятыя слѣдующими слоями, эти послѣдніе подавались на слѣдующихъ и такъ далѣе, пока волна эта не доходила до крайнихъ на сѣверо-востокѣ; они уже передвигались на новыя для славянъ мѣста.

Борьба со степью до татарскаго нашествія въ общемъ свелась въ ничью: русскимъ князьямъ не удалось одолѣть половцевъ настолько, чтобы прогнать ихъ совсѣмъ и очистить черноморскія и азовскія степи отъ нихъ, но въ то же время князья эти не уступали своихъ позицій. Быть можетъ, энергія, затраченная князьями въ борьбѣ со степью на югѣ, не позволила имъ развернуть своихъ силъ на другихъ не менѣе важныхъ для будущности народа мѣстахъ.

Послѣ татарскаго погрома обстоятельства измѣнились: напуганное населеніе бѣжало; исчезло не мало препятствій для побѣга: исчезли на время власти, въ городахъ погибли или бѣжали собственники земель и людей и самое бѣгство приняло повальный характеръ, бѣжали почти всѣ, что не могло не облегчить движенія: тогда, дѣйствительно, запустѣла Кіевская Русь.

Славяне двинулись туда, гдѣ встрѣчали наименьшее сопротивленіе: на сѣверо-востокъ; они выбирали мѣста пустынныя или слабо населенныя; тамъ, гдѣ встрѣчали они сопротивленіе, они пытались обойти препятствіе или останавливались. Въ дальнѣйшемъ

движеніи, однако, господами, направившими славянскія передвиженія становятся скандинавскіе викинги, позже князья. Появленіе князей, подчинившихъ себѣ славянское и неславянское населеніе части теперешней Россіи, имѣло большое вліяніе на славянскую колонизацію: оно и облегчило ее, и спутало, и даже направило въ другую сторону.

Финны и ихъ передвиженія [1]).

Отраженный на югѣ тюрко-татарскими племенами русскій народъ въ сѣверо-восточномъ направленіи своего пути долго имѣлъ дѣло преимущественно съ отдѣльными племенами финскаго народа.

Финны принадлежатъ къ такъ называемой урало-алтайской группѣ народовъ, равно какъ и тюрко-татарскія племена. Эту группу, которую можно противопоставить индо-европейцамъ, составляютъ финно-угры, самоѣды, тунгусы, тюрко-татары, монголы и др.

Какъ составъ этой группы, такъ и отличительные признаки урало-алтайскихъ языковъ неоднократно подвергались въ наукѣ сомнѣнію; въ общемъ — понятіе «урало-алтайской» группы менѣе опредѣленно, чѣмъ индо-европейской, арійской группы или семитической. Исторія съ незапамятныхъ временъ поставила финское (финно-угорское) племя въ живѣйшія сношенія и сосѣдство съ народами индо-европейскаго племени; близость нѣкоторыхъ финскихъ

---

[1]) Пособія: Sjögren—Gesamm. Schrift.

Европеусъ—Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ сѣверной и средней Россіи до прибытія славянъ Ж. М. Н. П. 1868 г.

Его же—Объ Угорскомъ народѣ.

Л. Н. Майковъ—О древней культурѣ Западныхъ Финновъ по даннымъ ихъ языка (сокращеніе книги Альквиста—Kulturwörter der westfinnischen Sprachen)—Ж. М. Н. Пр. 1877, №№ 7, 8 и 12.

W. Thomsen—Üder den Einfluss der germanischen Sprachen auf der finnicsh—Cappischen.

S. Mikkola—Berührungen zwischen den Westfinnischen und Slavischen Sprachen.

К. Гротъ—Моравія и Мадьяры.

М. Веке—Славяно-финскія культурныя отношенія.

И. Н. Смирновъ—рядъ монографій: „Пермяки", „Вотяки", „Черемисы", „Мордва" (въ каждой изъ этихъ монографій есть подробная литература предмета).

Дмитріевъ—Пермская Старина.

племенъ къ европейцамъ настолько велика, что и это обстоятельство вызывало порою сомнѣнія въ томъ, что финны принадлежатъ къ совсѣмъ другой расѣ, чѣмъ европейцы. Отсюда возникали предположенія о родствѣ финновъ съ индо-европейцами, о томъ, что нѣкогда финны и арійцы составляли одинъ пра-народъ; высказывались предположенія, не представляютъ ли финны результатъ скрещиванія индоевропейскаго народа съ однимъ изъ алтайскихъ? Такого рода гипотезы должны быть оставлены.

Финно-угорское племя и теперь обитаетъ по преимуществу въ Россіи; оно разбросано на очень большомъ протяженіи отъ Балтійскаго Моря и Дуная до Оби, почти до низовьевъ Енисея. Въ настоящее время финны не живутъ сплошною массою; напротивъ, они въ разныхъ мѣстахъ вкраплены въ русскій народъ; мѣстами эти пятна больше и гуще, мѣстами это совсѣмъ небольшіе поселки. Замѣчаніе это относится не только ко всему финно-угорскому народу, но и къ отдѣльнымъ его племенамъ: напримѣръ, корелы живутъ сплошной массой въ восточной Финляндіи и Олонецкой губерніи и отдѣльными поселеніями среди русскаго населенія Петербургской, Новгородской, Тверской и Ярославской губерній; также и черемисы встрѣчаются теперь въ губерніяхъ Костромской, Нижегородской, Казанской, Вятской, Уфимской, Пермской. Думаю, одного взгляда на карту финно-угорскаго поселенія достаточно, чтобы съ увѣренностью полагать, что теперешнее разселеніе финно-угорскихъ вѣтвей есть результатъ многихъ и частыхъ передвиженій этого племени въ разныя стороны. Не безизвѣстенъ и тотъ фактъ, что многія финскія племена на глазахъ уже нашей новой исторіи замѣтно таютъ, подвергаясь такъ называемой руссификаціи.

Племя это носитъ названіе финно-угорскаго, потому что прежде раздѣляли его на двѣ вѣтви—западную или финскую и восточную или угорскую. Въ настоящее время племя это обыкновенно дѣлятъ на четыре группы:

I. *Западные финны* или просто финны, —къ нимъ относится современное финское населеніе Финляндіи, состоящее изъ *кореловъ* и *тавастовъ*, которыхъ наши источники называли *Емь* или *Ямь* (Häme), отчего и самая земля называлась Гамская земля; близко по языку къ тавастамъ-Еми стоятъ соб-

ственно финны, которыхъ наши лѣтописи называли *Сумь*; сами финны и теперь называютъ страну свою Суоми (Suomi); сюда же принадлежали и *Квены*, которые жили по обоимъ берегамъ Ботническаго залива.

Корелы живутъ не только въ Финляндіи, но, какъ было сказано выше, и въ Россіи, въ губерніяхъ Олонецкой, Петербургской, Новгородской, Тверской и Ярославской. Корелы издавна жили частью въ предѣлахъ Великаго Новгорода, а частью—уже въ Шведской Финляндіи: поэтому одни корелы исповѣдуютъ протестантство, другіе принадлежатъ къ православной церкви. Когда въ 1617 г. Московское государство должно было отказаться отъ такъ называемой Ингріи (часть нынѣшней Петербургской губерніи), то православные корелы не захотѣли переходить въ Шведское подданство и были поселены въ теперешнихъ Тверской, Новгородской и Ярославской губерніяхъ.

Также точно родичи Еми-тавастовъ живутъ еще теперь на юго-западномъ берегу Онежскаго озера, на южномъ берегу Бѣлаго озера и по верховьямъ р. Ояти (притокъ Свири); это такъ называемые *Венсы*, ихъ всего около 16 т. душъ; открылъ эти двѣ отдѣльныя группы академикъ Шегренъ; онъ же доказалъ близость ихъ языка съ языкомъ Еми-тавастовъ. Въ Петербургской губерніи, между Ораніенбаумомъ и Нарвой, мѣстами попадаются поселенія особаго финскаго народа; всего ихъ до 50 т. душъ; они себя называютъ Vadjalaiset; это *Водь* нашихъ лѣтописей (Вотская пятина). Къ западу отъ нихъ туземное населеніе Эстляндской губерніи—эсты; сами себя они называютъ Rahwa; наша древность ихъ знала подъ именемъ *чуди*; ихъ довольно много: до 400.000 въ Эстляндской и до 300.000 въ Лифляндской губерніяхъ; затѣмъ, небольшими островами встрѣчаются они въ Псковской, Витебской и Новгородской губерніяхъ. На берегу моря въ Лифляндіи и Курляндіи живутъ еще представители небольшого племени *любь* (ливче), въ Курляндіи *корсь*. Это племя совсѣмъ вымираетъ, въ настоящее время его немногочисленные представители называютъ себя Randalist, т. е. береговые жители.

?! Eestlased

Всѣ эти племена и объединяются въ наукѣ подъ именемъ финновъ или западныхъ финновъ, т. е. при нѣкоторыхъ различіяхъ ихъ нарѣчій и говоровъ они составляютъ одинъ финскій языкъ.

Близко къ этой группѣ стоитъ еще немпогочисленный народецъ лопари (*лопъ* нашей древности), кочующій въ сѣверпой части Скандинавіи, на сѣверѣ Финляндіи и па Кольскомъ полуостровѣ.

II. Вторую группу образуютъ волжскіе финны, т. е. *Черемисы* (въ губерніяхъ Костромской, Нижегородской, Казанской, Вятской, Пермской и Оренбургской до 200 т. ч. всего, главная же ихъ масса до 170 т. ч. въ губерніяхъ Вятской и Казанской) и *Мордва,* большое племя, до 600 т. ч., раздѣлявшееся на три народа: Ерза, Мокша и Коротаи; Мордва живетъ теперь въ губерніяхъ Пензенской, Симбирской, Саратовской, Самарской, Нижегородской, Тамбовской и Казапской.

III. Третью группу образуютъ *зыряне*, *пермяки* и близкіе къ нимъ *вотяки;* первые двое называли себя коми, послѣдніе—удмуртъ; въ нашихъ источникахъ зыряпе называются печора, а пермяки—пермь.

IV. Послѣднюю, наиболѣе отдаленную группу составляютъ *угры* или *югры* нашихъ лѣтописей; къ этой группѣ принадлежатъ, во-первыхъ, мадьяры-венгры-угры, господствующее населеніе въ Венгріи, во-вторыхъ, вогулы и остяки, живущіе на сѣверѣ Тобольской губерніи, отъ Урала до низовьевъ Волги, по Сосвѣ, Кандѣ, въ Нарымѣ, Сургужѣ и Обдорскѣ.

Русскій народъ весьма рано пришелъ въ соприкосновеніе съ финскими племенами; не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что русскіе потѣснили финновъ, что прежде финны-угры занимали совсѣмъ другія мѣста; что движеніе восточныхъ славянъ дало толчекъ отдѣльнымъ финскимъ племенамъ, которыя въ свою очередь начали цѣлый рядъ передвиженій. Безусловно, въ этомъ заключается одна изъ любопытнѣйшихъ страницъ древнѣйшей исторіи нашей родины. Чрезвычайно трудно, однако, прослѣдить и освѣтить начало этихъ передвиженій. Историческіе источники наши сравнительно очень поздніе, они не восходятъ дальше половины XI вѣка, когда составлялись первыя редакціи нашего лѣтописнаго свода; то же, что можетъ быть взято изъ болѣе раннихъ извѣстій—писателей классической древности, ранняго средневѣковья и мусульманскихъ слишкомъ скудно и спутано. Геродотъ, очевидно, описываетъ финскія племена подъ племенемъ андрофаговъ, меланхленовъ, будиновъ, іирковъ; представляется, что они жили тогда значительно

ближе къ югу, чѣмъ въ историческое время. Тацитъ даетъ живую, красивую, но крайне условную характеристику финновъ. Какихъ собственно финновъ имѣлъ онъ въ виду, — трудно сказать. Ничего новаго не вноситъ Іорданъ и современные ему писатели; они даютъ имена и ничего больше.

Наша древнѣйшая лѣтопись сравнительно очень хорошо знакома съ финскимъ міромъ, настолько хорошо, что мы сразу должны поставить вопросъ объ источникахъ ея. Уже въ замѣчательномъ своемъ этнографическомъ введеніи она называетъ 12 отдѣльныхъ финскихъ племенъ: чюдь (нынѣ эсты), меря—(исчезнувшее племя, см. ниже), мурома, весь (также), черемиса, мордва, заволоцкая чюдь (корелы?), пермь (пермяки), печора (зыряне), ямь (тавасты), угра (вогулы, остяки), любь (ливы), корсь (тоже, что ливы), норова. Въ этихъ перечняхъ указаны всѣ главнѣйшія вѣтви финно-угорскаго народа; нѣтъ лишь имени однихъ вотяковъ, да не указаны мелкія подраздѣленія финскаго племени, которыя потомъ выступаютъ въ дальнѣйшемъ уже разсказѣ. Источники этихъ свѣдѣній, вѣроятно, разсказы варяговъ и новгородцевъ: точно переданы имена финновъ, жившихъ по берегамъ Балтійскаго моря, по Волгѣ и есть уже свѣдѣнія о Заволочьѣ, куда новгородцы стали проникать въ половинѣ XI в. Нелегко, однако, было бы размѣстить эти племена по картѣ, по даннымъ лѣтописи; да и къ XI в. финны занимали уже новыя мѣста сравнительно съ тѣми, которыя они занимали до начала славянскаго передвиженія; наконецъ, нѣкоторыя лѣтописныя названія не могутъ быть пріурочены къ современнымъ финскимъ племенамъ, напримѣръ, меря, весь, мурома, мещера.

Славяне своимъ движеніемъ въ сѣверо-восточномъ направленіи вызвали, несомнѣнно, самыя разнообразныя передвиженія финскихъ племенъ. Такъ, лопари (лопь), бродящіе теперь на крайнемъ сѣверѣ Финляндіи и Кольскомъ полуостровѣ, жили въ окрестностяхъ Новгорода Великаго, позже они встрѣчались еще около Онежскаго озера, а затѣмъ совсѣмъ были оттиснуты на сѣверъ. Напротивъ, есть достаточное основаніе предполагать, что корелы съ сѣверо-запада Финляндіи, тѣснимые Шведами, подходятъ къ берегамъ Ладожскаго озера. Черемисы жили, по показаніямъ лѣтописи, нѣкогда на нижней Окѣ, а теперь главная масса ихъ

сосредоточена между рѣками Волгою и Вяткою, въ губерніяхъ Вятской, Уфимской, Казанской и самые ничтожные слѣды остались въ губерніи Костромской. Большое племя Емь или Ямь съ р. Вычегды продвинулось на крайній западъ, въ нынѣшнюю Финляндію; большое же угорское племя, югра, долго отступало едва ли не изъ предѣловъ теперешнихъ Московской и Владимірской губерній на Вычегду, оттуда къ Уралу и, наконецъ, за Уралъ. Эсты жили когда-то въ сосѣдствѣ съ Мордвой [1]).

Такимъ образомъ настоящее размѣщеніе финновъ является результатомъ большихъ передвиженій, особо интересныхъ въ томъ отношеніи, что народы этого племени не двигались въ одномъ направленіи, а въ весьма разныхъ: съ юга на сѣверъ, съ востока на западъ, съ сѣвера на югъ и съ запада на востокъ. Это указываетъ на то, что финскія племена къ данному времени значительно уже обособились, и на то, что они двигались въ странѣ чрезвычайно малолюдной.

Мы имѣемъ очень мало данныхъ чтобы прослѣдить хотя бы послѣднія изъ этихъ передвиженій. Пособіемъ и въ этомъ вопросѣ для насъ должны быть главнѣйшія мѣстныя названія. Конечно, это выводитъ насъ изъ обычной, привычной намъ, сферы знаній и наблюденій. Не всегда легко историку отличить финское названіе отъ славянскаго; еще труднѣе ему разобраться въ томъ, какимъ финскимъ *нарѣчіямъ* принадлежитъ данное названіе. Трудность увеличивается тѣмъ, что по многимъ мѣстностямъ Россіи проходило, останавливаясь, нѣсколько финскихъ племенъ, поэтому мы всегда рискуемъ встрѣтить названія, принадлежащія разнымъ племенамъ. Наконецъ, финскія имена были долго въ русскихъ устахъ, и очень трудно иногда указать, изъ какого именно финно-угорскаго слова образовалось современное финское имя.

Восточные славяне едва ли очень рано познакомились съ финнами. Съ перваго взгляда это кажется неосновательнымъ и даже парадоксальнымъ: тѣ и другіе жили въ глухихъ лѣсахъ Россіи, славяне къ западу отъ Днѣпра, финны къ востоку отъ него; при такомъ условіи ознакомленіе обоихъ племенъ, казалось, должно

[1]) А о Мордвѣ напомнимъ, что, по извѣстіямъ Геродота, ее можно искать даже въ предѣлахъ Кіевской и Черниговской губерній, гдѣ, конечно, теперь нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ ея.

было послѣдовать весьма рано. Если Геродотовы невры—славяне, то ихъ восточные сосѣди, андрофаги, повидимому, были финны. Возможно, однако, что финны долго были заслонены отъ славянъ литовскими племенами, которыя въ доисторическую эпоху заходили значительно дальше на востокъ. Такъ, р. Ока носитъ финское имя, а одинъ изъ ея притоковъ—Упа, литовское; возможно, что къ востоку отъ средняго Днѣпра литовцы сталкивались съ финскими племенами. Наиболѣе древнее вліяніе на финно-угорскіе языки оказали иранцы (вѣроятно, сарматы). Извѣстнымъ спеціалистомъ В. Томсеномъ указанъ рядъ словъ во *всѣхъ* финно-угорскихъ языкахъ, заимствованныхъ отъ аріевъ—иранцевъ [1]). Слѣдовательно, эти заимствованія были сдѣланы тогда, когда всѣ финно-угорскія племена жили вмѣстѣ, рядомъ, во всякомъ случаѣ недалеко другъ отъ друга. Этотъ выводъ вполнѣ совпадаетъ съ извѣстіями Геродота о савроматахъ, будинахъ и другихъ. Слѣдующимъ, по времени, вліяніемъ, но уже только на западныхъ финновъ, считаютъ вліяніе литовское; признакомъ глубокой древности этого вліянія считаютъ переходъ литовскаго слога *ти* въ финское *си*, а также звуковъ *ш* и *ж* въ финское *h*. Затѣмъ уже идутъ вліянія германское и славянское; германское можетъ быть пріурочено ко времени появленія готовъ къ востоку отъ Вислы, слѣдовательно, къ I в. по Р. Х.; оно должно было усилиться во II в. Трудно сказать, какое изъ послѣднихъ двухъ вліяній древнѣе; если признать, какъ обыкновенно полагаютъ, что на языкѣ западныхъ финновъ отразилось уже не обще-славянское, а уже только *русское* вліяніе, т. е. послѣ отдѣленія восточныхъ славянъ, то оно можетъ быть пріурочено лишь къ II—III вв. по Р. Х., а не къ болѣе раннему времени. Древнѣйшія заимствованія изъ русскаго языка сдѣланы были во всякомъ случаѣ въ то время, когда юсы сохранили еще свое носовое произношеніе и когда еще развивалось полногласіе; въ древнѣйшихъ заимствованныхъ словахъ незамѣтно и сѣвернорусскаго оканья (Миккола). Соображая эти обстоятельства, получаемъ выводъ, что славяне вскорѣ послѣ перехода своего на лѣвый берегъ Днѣпра, уже въ бассейнѣ Десны встрѣтились съ

---

[1]) Даже у финновъ западныхъ и мордвы совершенно одинаковы названія лиственныхъ деревьевъ.

финнами и съ этого времени открылись прямыя сношенія славянъ съ финнами.

Натискъ славянскій на финновъ относится уже къ позднѣйшему времени; онъ едва-ли начался раньше VII в., ибо только съ этого времени славяне начали отступленіе въ сѣверо-восточномъ направленіи.

Движенія финновъ, какъ было указано выше, могутъ быть установлены какъ памятниками историческими, такъ и данными языка. Возьмемъ большое угорское племя. Теперь въ Россіи остатки этого племени остяки и вогулы въ низовьяхъ Оби. Но наши лѣтописи разсказываютъ подъ 898 годомъ, какъ угры прошли горою мимо Кіева. Разсказъ этотъ очень любопытный собственно для рѣшенія вопроса, какъ и когда составлялся лѣтописный сводъ Самый разсказъ только припоминаніе писателя XI в. о проходѣ угровъ мимо Кіева; въ 898 г. угры были уже за Карпатами и Днѣпръ они перешли значительно раньше. Гораздо подробнѣе о пребываніи угровъ въ южной Россіи разсказываетъ Константинъ Багрянородный, который, какъ и другіе византійцы, упорно называетъ угровъ «турками». Сначала этотъ народъ жилъ по сосѣдству съ Хазаріей, въ мѣстности Лебедія, по которой протекаетъ р. Хидмахъ или Хингулъ. Какъ ни соблазнительно сближеніе Хингулъ и Ингулъ, но отъ него надо воздержаться; скорѣе это Чингулъ, одинъ изъ притоковъ Молочной; почти всѣ ученые указываютъ Лебедію въ бассейнѣ Дона. Трудно сказать, имѣютъ ли теперешнія названія «Лебедянь» (Тамбовской губерніи) и особенно «Лебединъ» (Харьковской губ.) какое нибудь отношеніе къ Лебедіи Константина Багрянороднаго. Въ Лебедіи угры, раздѣленные на семь коленъ, прожили будто бы только три года и, тѣснимые печенѣгами, перебрались въ Атель-кузу; впрочемъ, часть угровъ ушла на востокъ, въ Персію. Поселившіеся въ Атель-кузѣ избрали себѣ князя, чего раньше у нихъ не было. Выборъ угровъ палъ на Арпада, династія котораго и до сихъ поръ (т. е. до Константина Багрянороднаго) владѣетъ Угріей. Атель-куза, въ которой поселились угры, называется такъ по имени протекающихъ здѣсь рѣкъ Атель и Кузу. Печенѣги скоро вытѣснили угровъ и изъ новой ихъ области; угры съ Арпадомъ во главѣ выгнали жителей изъ Великой Моравіи, гдѣ живутъ и понынѣ, а страной ихъ завладѣли печенѣги.

Имя «Атель-куза» много разъ объяснялось въ литературѣ. Константинъ Багрянородный поясняетъ, что это та страна, въ которой протекаютъ рѣки Варухъ, Кубу, Трулъ, Брутъ и Саретъ. Три послѣднихъ имени Трулъ, Брутъ и Саретъ почти не нуждаются въ объясненіи: турки Днѣстръ и до сихъ поръ называютъ Турла, слѣдовательно, три этихъ рѣки будутъ: Саретъ, Прутъ и Днѣстръ, имя «Варухъ» можно поставить въ связь съ именемъ «Варъ», какъ, по словамъ Іордана, гунны называли Днѣпръ; тогда Кубу соотвѣтствуетъ Бугу (южному) и, слѣдовательно, подъ Атель-кузой разумѣется страна между Днѣпромъ и нижнимъ Дунаемъ. Труднѣе объяснить самое имя Атель-кузы, неясно даже, къ какому языку, турецкому или финскому, принадлежитъ оно. Предполагаютъ, напримѣръ, что «кузу» есть мадьярское köz,=пространство—между, Atel — обозначаетъ рѣку, слѣдовательно Атель-куза = междурѣчье; другіе въ названіи Kuzu видятъ наименованіе Днѣпра, а Etel=рѣка, слѣдовательно, Атель-куза=страна Днѣпра [1]). Какъ бы то ни было, но въ IX в. угры—мадьяры прошли черезъ южную Россію, останавливались въ двухъ ея мѣстахъ, въ первый разъ недалеко отъ Дона, второй—въ нынѣшней Бессарабіи и прилегающихъ къ ней областяхъ. Этотъ проходъ угровъ-мадьяръ безусловно долженъ былъ оказать большое вліяніе на судьбу южныхъ восточно-славянскихъ поселеній: нѣсколько десятилѣтій IX в., приблизительно между 830 и 892 г.г., угры-мадьяры были господами въ черноморскихъ степяхъ, какъ разъ въ то время, когда въ Кіевѣ слагается норманское княжество. Возможно, что между этими событіями есть связь; хотя угры-мадьяры и выступаютъ, по свидѣтельству Константина, союзниками хазаръ, но они стали между днѣпровскими поселеніями славянъ и Хазаріей и облегчили, во всякомъ случаѣ, норманнамъ подчиненіе славянъ. Лѣтопись помнитъ о насиліи, которое угры чинили закарпатскому славянству; нѣтъ сомнѣнія, что то же испытали и славяне, жившіе въ теперешней Бессарабіи; такимъ образомъ, угры-мадьяры своимъ появленіемъ въ южно-русскихъ степяхъ усилили начавшійся уже отливъ оттуда русскаго населенія.

Но есть въ этомъ вопросѣ и другая сторона. Финно-угорскія

---

[1]) См. *Гротъ*, Моравія и Мадьяры.

племена играли въ исторіи всегда пассивную роль. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ исключеніе. Тѣснимые печенѣгами угры обнаруживаютъ несвойственную этому племени рѣшимость. Въ противность своимъ родичамъ, исключительно лѣснымъ жителямъ, они двигаются по степи; они дѣйствуютъ, какъ народъ *конный*, наконецъ, они отнимаютъ землю у славянъ, основываютъ государство, которое долго было страшно всѣмъ сосѣдямъ. Все это такъ не похоже на финно-угровъ, что византійцы того времени считаютъ ихъ турками. Откуда, наконецъ, они вышли?

Разбирая извѣстія Геродота, мы въ его іиркахъ видѣли предковъ угровъ и отводили имъ мѣсто по Иртышу и Оби, въ мѣстахъ, гдѣ лѣсъ граничитъ со степью. Мы видѣли, если это такъ, что уже тогда іирки охотились на лошадяхъ, слѣдовательно, тогда они уже были коннымъ народомъ; за іирками начинался уже тюркскій міръ. Но угровъ сравнительно хорошо знаютъ наши лѣтописи, обыкновенно называя ихъ югрой. Съ XI в. новгородцы имѣли частыя столкновенія съ югрой, а съ XIII в. они считали югру уже своею волостью, причемъ, вѣроятно, подчиненіе югры Новгороду было значительно раньше, такъ какъ еще подъ 1187 г. упоминается объ избіеніи печерскихъ и югорскихъ данщиковъ, т. е. лицъ, сбиравшихъ дань въ Печерѣ и Югрѣ. Отмѣтимъ, что обыкновенно югру новгородскія извѣстія ставятъ вмѣстѣ съ племенами: пермь и печора. Совершенно ясно, что югра жила уже въ Заволочьѣ, въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ Новгорода; сопоставленіе югры съ печорой (зырянами) и пермью (пермяки) указываетъ въ общемъ, гдѣ надо ее искать. Однако, точное опредѣленіе мѣстожительства югры далось нашей наукѣ послѣ продолжительныхъ разысканій. Обстоятельный сводъ разныхъ мнѣній о мѣстожительствѣ югры имѣемъ въ книгѣ г. Дмитріева (Пермская старина, V). Первые наши ученые XVIII в. искали югру въ верховьяхъ Сѣверной Двины или по Вычегдѣ, со времени Лерберга взяло верхъ противоположное мнѣніе, что древняя югра лежала за Ураломъ, между 56° и 68° с. ш. Наконецъ, третье мнѣніе, что югры жили по обѣимъ сторонамъ Уральскихъ горъ и что югры постепенно, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ передвигались за Уралъ, въ верховья Иртыша и Оби, гдѣ и застаетъ ихъ XV в. и гдѣ они были покорены Московскими войсками, а раньше за ними долго двигались и новгородскія дружины.

Это послѣднее мнѣніе, какъ сейчасъ увидимъ, представляется наиболѣе вѣроятнымъ; вопросъ теперь въ томъ: кромѣ европейской югры, была ли уже тогда, въ X—XIII в.в., югра азіатская?

Первые походы русскихъ новгородцевъ на югру относятъ къ 1032 и 1079 гг. Впрочемъ, только позднѣйшіе своды говорятъ о томъ, что въ эти годы произошли столкновенія Новгородцевъ съ югрою. Имѣемъ (см. ниже) полное основаніе довѣрять имъ въ данномъ случаѣ. Первое столкновеніе произошло, по словамъ Никоновскаго свода, у Желѣзныхъ воротъ; Н. П. Барсовъ, указавъ, что къ сѣверо-востоку отъ Новгорода три раза встрѣчается это имя: 1) рѣка Весьегонскаго уѣзда, впадающая въ Чагодощу; 2) урочище этого имени на берегу Сысолы, въ 80 верстахъ отъ Сольвычегодска и 3) селеніе на Цыльмѣ, притокѣ Печоры (не считая морскихъ проливовъ Бѣлаго моря и Сѣвернаго океана съ тѣмъ же именемъ), высказался, что въ данномъ случаѣ Новгородцы разбиты были югрою на Сысолѣ, въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ. Покойному изслѣдователю казалось, что область Веси (слѣдовательно, и теперешній Весьегонскій уѣздъ) уже въ IX и X в.в. вошли въ составъ Новгородскихъ владѣній, а область Цыльмы не могла имъ принадлежать; послѣднее, конечно, вѣрно, ибо изъ устава Святослава Ольговича слѣдуетъ, что въ 1137 г. крайнимъ сѣверо-восточнымъ пунктомъ новгородскихъ владѣній была Пинега, но первая часть заключенія основана на положеніи, что лѣтописныя замѣтки за IX и X вѣка соотвѣтствуютъ дѣйствительности, между тѣмъ какъ мы теперь признаемъ, что въ нихъ отражается положеніе и догадки XI в.; первоначальныя владѣнія Новгородцевъ на сѣверо-востокѣ ограничивались рѣкою Мстою и только постепенно въ X—XI в. они подходятъ къ Ладожскому озеру и со Мсты перебираются на Мологу.

При такихъ условіяхъ битва въ 1032 г. за Волокомъ, на р. Сысолѣ, южномъ притокѣ Вычегды, представляется также маловѣроятной. Естественнѣе предположить, что эта битва была ближе къ Новгороду въ Весьегонскомъ уѣздѣ.

Но могли ли новгородцы здѣсь встрѣтить югру? Глядя на обыкновенную историческую карту, мы находимъ здѣсь финское племя «весь». Это племя принадлежитъ къ числу тѣхъ, сравнительно, немногихъ племенъ, которыя, появившись на первыхъ стра-

ницахъ нашей лѣтописи, затѣмъ исчезаютъ. О народѣ «весь» лѣтопись лишь сохранила преданіе, что онъ жилъ на Бѣлоозерѣ; тоже приходится сказать и о племени «меря», которое жило въ Ростовѣ, которое шло въ походѣ Олега на Кіевъ и на которое Олегъ наложилъ дань.

Къ такимъ же племенамъ, только упоминаемымъ лѣтописью надо отнести мурому и мещеру.

Какъ объяснить тотъ фактъ, что эти четыре племени: меря, весь, мурома, мещера, исчезли? Они, особенно два первыхъ, были значительными племенами. Лѣтопись говоритъ о нихъ и мало и неточно; Весь жила на Бѣломъ озерѣ; Меря у Ростовскаго озера; судя по другимъ даннымъ территорія Мери и Веси была гораздо обширнѣе. Отъ Московской губерніи до Костромской включительно сохранились имена поселеній: Меря, Мерское, Усть-мерское, Галичъ-Мерскій, въ Костромской губ. есть небольшой притокъ Волги Меря, на ней погосты: Богоявленскій, что на Мерѣ, Троицкій—Замерье, Никола—Меря; есть двѣ рѣчки «Мерскія» р. Мерчикъ, оз. Мерское; городъ и рѣка Нерехта въ народѣ произносится Мерехта, такъ-же какъ и р. Владимірской губерніи Пересь—народное Мересь, оз. Перо—Меро (Ростовское Ярославск. губ.). Еще въ половинѣ XVIII в. часть Костромского уѣзда называлась Мерскимъ станомъ; четыре подобныхъ названія встрѣчаются во Владимірской губ. и два или три въ Московской. Интересно, что именъ отъ корня Меря нѣтъ въ Ярославской губерніи; даже и въ Ростовскомъ уѣздѣ, гдѣ по лѣтописи были главныя поселенія Мери. Названія отъ имени «Весь» труднѣе указать, потому что «весь» по славянски деревня, слѣдовательно, легко ошибиться. Однако, въ Тверской и Новгородской губерніяхъ довольно часто встрѣчаются «вески», которые, вѣроятно, имѣютъ связь съ именемъ племени.

Почему же лѣтопись такъ мало говоритъ объ этихъ племенахъ, куда и почему они исчезли? Замѣтимъ, что Новгородскія лѣтописи, въ которыхъ можно бы искать большихъ подробностей объ этихъ племенахъ, совсѣмъ не говорятъ о веси, а о мерѣ меньше, чѣмъ кіевскіе своды. Всѣ же другія финскія племена сохранились и до настоящаго времени, сохранились и малочисленныя; дожили до настоящаго времени и такія, которыя были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ русскими. Изъ предъидущаго обзора видно

было, что мѣстами сохранились до настоящаго времени мелкія сравнительно части племенъ, застрявшія по дорогѣ при переселеніяхъ. Почему, напримѣръ, теперь около Бѣлаго озера живутъ еще вепсы, родичи еми, а нѣтъ веси? Отвѣтъ, который дается на этотъ вопросъ, что весь и меря ассимилировались съ русскими, растаяли въ русскомъ морѣ, едва ли особенно убѣдителенъ. Во всякомъ случаѣ, племена эти могли растаять лишь въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, а за это время источники должны были не разъ упомянуть объ этихъ народцахъ.

Въ предѣлахъ Новгородской земли, подъ бокомъ большого города, жило финское племя водь; мы имѣемъ рядъ извѣстій: въ 1069 г. была «великая сѣча вожамъ», въ 1149 г. новгородцы защищали водь отъ еми, въ 1215 г. вожане помирали отъ голода, въ 1240 г. нѣмцы воевали водь и т. д. Также и о другихъ племенахъ финскихъ имѣемъ ряды извѣстій; о мери же, веси, муромѣ и мещерѣ лѣтопись имѣетъ невѣрныя и скудныя представленія, а затѣмъ и совершенно молчитъ, такъ, какъ будто бы съ конца X в. этихъ племенъ уже не было. Едва ли было бы правильно допустить, что въ XI в. племена эти уже растворились въ славянскомъ мірѣ; разгадку надо искать въ другомъ мѣстѣ.

Давно, въ началѣ 50 год. прошлаго вѣка, гр. Уваровымъ [1]) и г. Савельевымъ произведены были массовыя раскопки (около 800 кургановъ) въ Владимірской губерніи; по даннымъ этимъ основатель русской археологіи полагалъ, что онъ возстановилъ характеръ и бытъ воинственнаго племени Мери. Но еще Д. А. Корсаковъ [2]) отнесся скептически къ выводамъ гр. А. С. Уварова; теперь же, послѣ критическихъ замѣчаній главнымъ образомъ А. А. Спицына, позволительно и совсѣмъ сомнѣваться въ томъ, что курганы эти принадлежатъ мерѣ.

Если, такимъ образомъ, скудныя лѣтописныя данныя не могутъ дать намъ достаточнаго понятія о народѣ, жившемъ на пространствѣ четырехъ губерній, если нѣтъ надежныхъ археологическихъ данныхъ, то тѣмъ необходимѣе обратить вниманіе на мѣстныя названія. Давно г. Европеусъ высказалъ неопровергнутое предположеніе, что значительная часть названій въ интересующихъ насъ

1) Гр. А. С. У[illegible]ъ. „Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ“.
2) Д. А. Корсаковъ. Меря и Ростовское княжество.

губерніяхъ, а также и въ смежныхъ—Тверской, Новгородской и Вологодской—угорскаго происхожденія. Имъ было указано, что многочисленныя названія рѣкъ, оканчивающіяся на *енга* (въ русскомъ нерѣдко замѣняется *енка*) угорскаго (=венгерскаго, мадьярскаго, вогульскаго происхожденія, напримѣръ, Печенга = сосновая вода); такими же угорскими онъ считаетъ названія, кончающіяся на *ега*, *ага*, *уга*, *юга*, причемъ въ нашей, русской, передачѣ послѣднее *а* нерѣдко замѣняетъ *ъ* (Печуга, Ветлуга, Пичугъ, Югъ, Мудьюга и др.); несомнѣнно угорскими онъ считаетъ окончанія: *гда* (Вычегда, Вологда, Судогда, Шижегда), полагая, что это *гда* явилось изъ угорскаго тагет, шагеш, что значитъ рукавъ; такими же являются окончанія *кша*, *хты*, *болъ*, съ измѣненіями *болка*, *бовка*, *бой*, *буй* (Киболь, Кодоболъ, Кузбойка, Сузербовка). Въ предѣлахъ указанныхъ губерній, особенно около Бѣлаго озера, мы найдемъ очень много такихъ названій; кромѣ вышеуказанныхъ, не мало рѣкъ и рѣчекъ съ угорскими окончаніями: Молога, Волга, Сога, Сонга, Жагъ, Вага, Елогда, Печегда, Гда, Перга, Ерга; также Ирехта, Обухта, Изохта, Ветха; Толбоголъ, Исклоболъ, Шагеболъ, Себолъ, Верголъ; Югъ, Юхъ, Килокша, Пекша, Секша, Шелекша; Пердега, Кукешка, Чернега, Покша, Сендега, Гванга, Керженка, Верженка, Серегъ, Шолохта, Бурминка, Сорохта, Бакшинка; Якшанга, Янга, Лапшинга, Ширенга, Миренга, Пеженга; дер. Деболы, д. Пужболъ, Барембола; Пушка, Шачеболка и др. Но уже и Европеусъ обратилъ вниманіе на то, что наряду съ угорскими названіями встрѣчается здѣсь не мало окончаній другого происхожденія. Перебирая имена рѣкъ въ названномъ краѣ, мы сплошь и рядомъ встрѣчаемъ имена рѣкъ, окончаніемъ *ма*, и, рѣже, съ *ва*; напримѣръ, Клязьма, Кострома, Кинешма, Яхрома, Ухтома, Кисьма, Лама, Утма, Сотьма, Сочема, Сохма, Тойма, Ухлома, Мурма, Эдома, Руфма, Письма, Ижма, Пижма, Сальма, Ошма, Ихтима, Востошма, Челема, Пойма, Патома, Котлыма, Нязьма. Тамъ, гдѣ мы находимъ много окончаній на *ма* и *ва*, мы имѣемъ право, говоритъ П. Н. Смирновъ, предполагать слѣды зыряно-пермяцкой группы, къ которой принадлежала въ старину печора (зыряне), пермь и вотяки, ибо *ма* и *ва* одинаково обозначало воду; встрѣчаются и другія пермо-зырянскія окончанія: *шоръ* (тоже вода) въ измѣненіяхъ *сара*, *сора*, *саръ*, *шера*, *шира* (р.р. Сора, Вонгасара, Кумсара,

Яглоскара, Вокшера, Мусора; *нюръ* (озеро, болото), отсюда Тазаперъ, Леонеръ, Кузунеръ, м. б. Обпора. Не мало рѣкъ въ этомъ краѣ имѣютъ окончанія *ти* или *тъ*, не есть ли это *ти*—озеро по пермо-зырянски? Напримѣръ, Сити или Сить, Юхоть, Соть, Которость, Шаготь, Шилогость, Ить, Лать, Лехоть, Лохость, Елпать, Солоть. Затѣмъ, конечно, останется много названій, относительно которыхъ нѣтъ опредѣленныхъ указаній, какому финно-угорскому народу они могли припадлежать; сюда относятся оканчивающіяся на *ба* (Курба, Якорба, Андоба), на *жа* и *за* (Гомза, Мокза, Согожа, Сегжа, Гнеза, Омжа), на *на* и *ла* (Шула, Пахла, Шексна, Удесна, Шарна и др.); возможно, что эти имена потеряли свои окончанія въ русской передачѣ, явленіе это наблюдается нерѣдко. Однако, изо всего этого трудно принять выводъ: въ средней Россіи, въ губерніяхъ Московской, Тверской, частью Новгородской, Владимірской, Ярославской и Костромской жили нѣкогда представители финскаго племени коми (пермо-зырянской группы), потому что окончанія рѣки на «ва, ма» встрѣчаются почти всюду, гдѣ были финны, напр., и въ Петербургской и Олонецкой губерніяхъ (Нева, Нарова) и очень много на «*ма*»; нельзя вездѣ видѣть предковъ пермяковъ, очевидно, эти имена на *ва, ма, ба* требуютъ дальнѣйшихъ разысканій. Но твердый выводъ тотъ, что въ указанныхъ предѣлахъ жили югры, жили и другія финскія племена, напр., есть указанія на емь въ Тверской и Ярославской губ. По всей вѣроятности жило одновременно нѣсколько племенъ.

Угры съ давнихъ временъ, можетъ быть, со временъ Геродота, жили на границѣ лѣса и степи, въ сосѣдствѣ съ тюркскими народами, отчего они усвоили себѣ степной быть и въ языкѣ ихъ очень много тюркскихъ словъ, до такой степени много, что ихъ долго считали за тюркскій народъ. Геродотовы іирки жили по Иртышу и Оби, но и по сю сторону Урала югра проживала съ весьма давняго времени, пермяки смѣнили ее здѣсь уже значительно позднѣе. Такимъ образомъ, губерніи Тобольская (южная и средняя ея части), Пермская съ сосѣдями—Вятской и др. должны быть разсматриваемы, какъ прародина угровъ, насколько можемъ судить. Въ этихъ мѣстахъ на южныхъ окраинахъ своихъ угры подверглись тюркскому вліянію; затѣмъ, тѣснимая съ востока и юга тюрками, угра двинулась къ западу, къ средней и верхней Волгѣ.

Придя на эти мѣста, угра потѣснили жившія тутъ финскія племена; она, очевидно, разорвала такъ называемыхъ собственно финновъ: емь, суоми, чудь и карела и финновъ волжскихъ (мордва черемисы).

Вліяніе тюрковъ на угровъ сказалось, конечно, и въ передачѣ той предпріимчивости, жажды завоеваній, которыми тогда охвачены были тюрки. Угры давно уже знали о Черноморскомъ побережьѣ, такъ какъ искони вели торговлю съ сѣвернымъ побережьемъ Понта. Тѣснимые на родинѣ тюрками, угры поставили себѣ ту-же цѣль, что и разныя тюркскія орды, которыя почти предъ глазами угровъ пробирались въ завѣтное Черноморье. Только угры должны были пробираться другими путями; они не были настолько сильны, чтобы успѣшно бороться съ тюрками. Угры избрали путь, который, вѣроятно, былъ имъ раньше извѣстенъ и главную часть котораго составляла Ока; этой рѣкой они могли черезъ Десну или Сожу выбраться въ южное Поднѣпровье, или съ Оки приблизительно Упою пробраться на Донъ. Оба эти пути, весьма давніе, особенно оживились послѣ ухода части болгаръ на Каму. Югрѣ приходилось пробираться какъ бы задворками: идти прямо въ юго-западномъ направленіи, значило вступить въ борьбу съ хазарами, волжскими болгарами и буртасами, вѣроятно такими же тюрками (мещеряки? башкиры?).

Когда угры начали движеніе изъ своей заволжской, прикамской родины? Около 830 г. они оказались въ Лебедіи, по сосѣдству съ хазарами; въ средней Россіи, на среднюю Волгу они пробирались постепенно; шли тѣмъ же путемъ, какъ, много вѣковъ спустя, новгородцы направлялись въ Вятскій край, въ Пермь и даже Сибирь, т. е. системами Вычегды и Юга (Луза); ихъ движеніе дало сильный толчокъ отдѣльнымъ финскимъ племенамъ, которыя стали отступать на западъ, въ Финляндію и Прибалтійскій край. Такъ какъ на указанномъ пространствѣ отъ Костромы вверхъ до Твери и на югъ до р.р. Москвы и Протвы находимъ не мало пермо-зырянскихъ названій, то, вѣроятно, что приходъ угровъ заставилъ эту группу финновъ (комь) перебраться на новыя мѣста, частью къ сѣверо-западу частью за волокъ, т. е. на Югъ и Вычегду, причемъ разорваны были не только группы племенъ, но и сами отдѣльныя племена; такъ, часть Еми, очевидно, чрезъ Тверскую и Новгородскую губерніи,

оттѣснена была за Финскія земли, другія отброшены къ рѣкамъ Югу и Вычегдѣ. Югра, простоявъ нѣкоторое, непродолжительное время, спустилась къ Окѣ, съ которой перешла на Донъ и оказалась въ сосѣдствѣ съ хазарами. Но, очевидно что часть югры осталась на верхней и средней Волгѣ, эта небольшая часть и дала имя многимъ рѣкамъ и рѣчкамъ срединной Руси. Угра, до самаго своего водворенія въ Ател-кузѣ, не имѣла *одного* вождя, и даже изъ южной Россіи часть угры—мадьяръ прослѣдовала на Кавказъ и въ въ Персію, отдѣлившисъ отъ главной массы. Одинъ изъ главныхъ притоковъ Оки носитъ имя «Угры». Онъ получилъ это имя, вѣроятно, отъ той угры, которую на берегахъ его встрѣтили славяне. Кто могъ передать угорскія имена въ Средней Россіи славянамъ? Только угры, если наряду съ ними встрѣчаются и другія финскія имена, то передатчиками было опять какое нибудь другое племя изъ группы финновъ (коми). На огромномъ пространствѣ Тверь—Кострома съ запада на востокъ, и Москва—Вологда съ юга на сѣверъ остались малочисленные народцы угорскіе и др.; эти народцы начальная лѣтопись и называетъ *меря, весь, мурома и мещера.* Собственно, за уходомъ угры на югъ освободилось огромное пространство въ срединѣ Европейской Россіи; здѣсь бродили какіе то остатки, которые нѣсколько замѣтнѣе были у Бѣлаго озера, у Ростовскаго и Плещеева озеръ. Угра разорвала собственно финскія племена, образовавъ большое незанятое пространство между собственно финнами: емью, суоми, карелой и чудью, съ одной стороны, и такъ называемыми волжскими финнами—мордвой и черемисой, съ другой стороны. Если имя «мери» и сохранилось на очень большомъ пространствѣ отъ Москвы до Галича Костромского, то это вовсе не указываетъ на значительность этого племени: оно, также какъ и весь, отступало передъ славянами, устремившимися въ пустое пространство теперешней Великороссіи. Отступали эти народцы въ направленіи, обратномъ своему приходу, т. е. съ Волги къ Сухонѣ и Югу, оттуда на Вычегду и ея притоки, какъ сѣверные (Вымь), такъ и южные (Сысола). Можно спросить еще, почему же эти племена названы мерей, весью, а не югрою, не вотяками, не печорой? Легко отвѣтить, что указанныя имена—названія отдѣльныхъ составныхъ частей, такъ же, напримѣръ, какъ и позже въ понятіе «югры» входятъ югричи, вогулы, остяки. Крайняя скудость фин-

скаго населенія на Волгѣ отъ истоковъ ея до Оки въ IX—XII в.в. доказывается также ходомъ славянской колонизаціи: русскіе заселяютъ этотъ обширный край не съ тѣхъ концовъ, которыми онъ прикасался къ славянской территоріи, а занимаютъ сначала наиболѣе выгодныя мѣста: Бѣлоозеро, Ростовъ, Суздаль, Ярославль; много позже колонизуются Тверская и Московская земли. Такой порядокъ заселенія отъ центра къ окружности возможенъ былъ лишь при крайне слабомъ инородческомъ населеніи, при полномъ отсутствіи сопротивленія. Съ противоположной стороны устремились въ этотъ край черемисы. Обращаясь къ политической жизни Ростово-Суздальской земли, нельзя не отмѣтить сильнаго славянскаго или русскаго элемента, а вовсе не инородческаго. Нечего и думать, чтобы къ XII в. русскіе успѣли втянуть въ себя, ассимилировать, мерю, весь и пр., а между тѣмъ общественные элементы земли играютъ привычную имъ роль.

Самымъ сильнымъ возраженіемъ остается обычный взглядъ на великоросса, какъ на славянина, подвергшагося болѣе или менѣе сильному вліянію финна.

Теперь мы понимаемъ, что остатки угры могли быть разбиты Новгородцами на Чагодощѣ въ 1032 г. и что эта югра спѣшила отойти въ Заволочье, къ югу, гдѣ на нее опять напали новгородцы подъ предводительствомъ кн. Глѣба Святославича въ 1078 г. Возможно, что онъ былъ убитъ югрою гдѣ нибудь недалеко отъ начала Заволочья.

Отступленіе югры продолжалось. Въ 1096 г. югра у Урала, по извѣстному разсказу Гюряты Роговича Новгородца. Полагаютъ, что этотъ разсказъ позднѣйшая вставка. Едва ли новгородцы заходили въ концѣ XI в. такъ далеко, разъ по уставу Святослава Ольговича (1137 г.) крайній пунктъ ихъ владѣній только Пинега. Цѣль разсказа—повѣствованіе о заклепанныхъ въ горахъ людяхъ, упоминаемыхъ передъ тѣмъ «торкменевъ», очевидная связь разсказа Гюряты съ разсказомъ Ладожанъ о той же югрѣ и самоѣди, помѣщеннымъ подъ 1114 г. (Ипатьев. списокъ), безусловно заставляетъ отнести этотъ разсказъ къ болѣе позднему, чѣмъ 1092—96 годы, времени. Этотъ разсказъ, дышащій неподдѣльною правдою, любопытенъ намъ, какъ доказательство того, что угра недавно пришла къ Уральскимъ горамъ: угра говоритъ отроку: «дивное мы находимъ

чудо новое, котораго прежде этихъ лѣтъ не слыхали; *третье* же лѣто началось это быть: есть горы, заходящія въ морской заливъ, вышина ихъ до небесъ, а въ горахъ тѣхъ кличъ и говоръ великъ, сѣкутъ гору, желая высѣчься изъ нея; и уже просѣчено въ той горѣ малое оконце». Изъ этого описанія видно, что югра только *подходитъ* къ Уральскимъ горамъ, гдѣ она и заводитъ «*нѣмой*» торгъ съ обитателями этихъ самыхъ горъ. Она, угра, вновѣ въ этихъ странахъ. Изъ извѣстій XII—XV вв. видно, что югра недалеко отъ р. Вычегды, но что въ тоже время она постепенно уходитъ къ востоку, уходитъ нѣсколько поспѣшно, и на ея мѣсто передвигаются племена болѣе слабыя. Въ 1187 г. избиты новгородскіе данники Печорскіе и Югорскіе, одни въ Печорѣ, другіе за Волокомъ; указано опять на то же, что лица, бравшія дань *съ югры*, убиты были за Волокомъ, но не въ Печорѣ, т. е. приблизительно въ областяхъ р.р. Юга и Вычегды.

Очевидно, въ связи съ этимъ событіемъ стоитъ походъ Новгородцевъ на югру въ 1193 г. Подъ предводительствомъ Ядрѣя новгородцы, придя въ югру, взяли одинъ городъ и осадили другой,— первое извѣстіе объ югорскихъ городахъ; надо думать, что города эти обычнаго типа укрѣпленныхъ мѣстъ, т. е. каждая стоянка, зимовье легко могли быть обращены въ городъ. Нѣтъ никакихъ основаній думать, что походъ этотъ совершенъ былъ за Уралъ; довольно подробно описывая любопытнѣйшіе эпизоды этого похода, новгородская лѣтопись не преминула бы описать переходъ черезъ горы; напротивъ, изъ подробностей видны связи между югрой и новгородскими отношеніями. Какой то новгородецъ Савка убѣдилъ югорскаго князя убить и Якова Прокшиница, грозя, что въ противномъ случаѣ Яковъ опять приведетъ воиновъ и «землю югорскую сотворитъ пусту». Все это указываетъ на относительную близость югры къ Новгороду, разъ можно было партійные счеты сводить въ Югорской землѣ.

Съ XIII в. въ Новгородскихъ договорныхъ грамотахъ югра часто упоминается въ числѣ волостей Великаго Новгорода; была ли она, дѣйствительно, волостью Новгорода—это сомнительно: и не утвердивши тамъ своей власти, новгородцы могли ставить югру въ число своихъ волостей, чтобы избѣжать тамъ соперничества князей московскихъ.

За XIII в. лѣтописныхъ извѣстій объ Югрѣ нѣтъ; можетъ быть, въ этотъ періодъ югра передвигалась дальше на востокъ; въ XIV в. между Новгородомъ и Югрою стояли устюжане, которые иногда нападаютъ или грабятъ новгородцевъ, ходящихъ въ югру (1324 г. и 1325 г.).

Въ самомъ Новгородѣ упоминаются югорцы, вѣроятно, люди, которые вели сношенія съ югрой и воевали съ ней. Характеръ новгородскихъ отношеній къ югрѣ (почему и сомнительно, чтобы югра была волостью Великаго Новгорода) явствуетъ изъ описанія одного изъ послѣднихъ походовъ новгородскихъ въ этотъ край: въ 1445 г. новгородскіе воеводы съ Заволочскою ратью пошли на югру съ 3,000 человѣкъ, дѣйствовали тамъ, какъ въ непріятельской странѣ, забирая въ плѣнъ мужей, женъ и дѣтей; югра же и на этотъ разъ обманула новгородцевъ, увѣривши ихъ, что хочетъ дать имъ дань, произвести счеты, указать новгородцамъ станы, острова и урочища, а на дѣлѣ югра врасплохъ напала на новгородцевъ и разбила ихъ. Изъ разсказа видно, что дѣйствія происходятъ на рѣкахъ, а на какихъ—неизвѣстно. Впрочемъ, уже отъ 1364 г. имѣемъ извѣстія о походѣ на югру за Уралъ, когда Новгородцы воевали по р. Оби до моря, слѣдовательно въ XIV в. главныя поселенія югры были уже за Ураломъ. Житіе св. Стефана Пермскаго, написанное Епифаніемъ Премудрымъ, опредѣляетъ Пермь, какъ страну по р.р. Вычегдѣ и Выму, гдѣ въ числѣ сосѣдей Перми называетъ между прочимъ югру и вогуличей. Слѣдовательно, югра, во всякомъ случаѣ сравнительно съ XII в., ушла дальше на востокъ, уступивъ мѣста по Вычегдѣ—перми.

Московскіе походы конца XV в. противъ югры направлены были за Уралъ; тогда югра дѣлилась на три народа: югра въ собственномъ смыслѣ этого слова, вогулы и остяки, жили по р.р. Сыгвѣ и Сосвѣ, по р. Кондѣ, въ Нарымскомъ краю и въ окрестностяхъ г. Обдорска, т. е. по нижнему Иртышу и Оби, къ сѣверу отъ 58° сѣв. шир. до моря. Но и не только въ концѣ XV, но въ XVI—XVII в.в. вогульскія поселенія находились и по сю сторону Урала. Собственно, югра постепенно слилась съ вогулами.

Итакъ, восточная вѣтвь финно-угорскаго народа, угры или югра издревле обитали по обѣ стороны Уральскаго хребта отъ Оби до Камы, занимая южныя части теперешнихъ губерній То-

больской, Пермской, Уфимской п. можетъ быть, часть Вятской. Въ этихъ мѣстахъ угры (югры) сосѣдили съ тюрками, восприняли много тюркскихъ элементовъ; тѣснимые тюрками, угры стали подвигаться къ западу; послѣ кратковременной остановки въ средней Россіи, большая часть угровъ р. Окою двинулась къ югу. перешла на Донъ и оказалась въ южно-русскихъ степяхъ, въ такъ называемой Лебедіи; выселеніе въ Лебедію произошло около 830 г.; тѣснимые отсюда печенѣгами, угры перебрались на правый берегъ Днѣпра, въ такъ называемую Ател-кузу, гдѣ пробыли до 892 г.; когда вслѣдствіе натиска враговъ должны были удалиться за Карпаты, гдѣ и основали въ славянскихъ земляхъ свое государство, часть угровъ изъ Лебедіи ушла черезъ Кавказъ, въ Персію.

Оставшіеся въ средней Россіи угры (меря, весь) при появленіи въ этихъ мѣстахъ славянъ начали отступать на старыя мѣста, за Волокъ, къ р.р. Югу и Вычегдѣ; слѣдомъ за ними шла русская колонизація, принудившая ихъ оставить бассейнъ Сѣверной Двины и отступить къ Уральскимъ горамъ, въ такъ называемую Югорію, Конду и Обдорію.

Часть этихъ небольшихъ племенъ (меря, весь и пр.), конечно, осталась въ средней Россіи, покорилась Руси и сравнительно долго проживала среди русскаго населенія, постепенно сливаясь съ нимъ и подчиняясь ему; имена этихъ племенъ долго сохранялись за областями, нѣкогда ими занятыми; такъ «меря», несомнѣнно въ смыслѣ территоріальнаго названія долго употребляется вмѣсто позднѣйшаго названія «Ростовъ».

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что югра (угры) не вся выселилась изъ своей прародины, что нѣкоторая часть ея тамъ осталась и потомъ постепенно была оттѣсняема тюрками и татарами къ сѣверу, къ низовьямъ Оби (остяки?). Это облегчило отступленіе европейской югры. Кромѣ того, югра обыкновенно дѣйствовала противъ русскихъ въ союзѣ съ нѣкоторыми финскими племенами.

Въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ имя югры нерѣдко встрѣчается вмѣстѣ съ племенами «печора» и «пермь». Имена эти пріурочиваются къ теперешнимъ зырянамъ и пермякамъ.

Зыряне, пермяки и вотяки составляютъ одну, такъ называемую уральскую группу финскихъ народовъ. По географическому положенію своему они и теперь сосѣди вогуловъ и остяковъ, отдален-

ныхъ потомковъ и родичей югры. По нѣкоторымъ даннымъ (см. выше) возможно предположеніе, что и въ доисторическія времена двѣ эти вѣтви финскаго народа жили и дѣйствовали вмѣстѣ. Въ средней Россіи наряду съ угорскими названіями мы отмѣтили немало какъ будто зырянскихъ названій. Названія этого типа приводятъ насъ изъ Средней Россіи также, какъ и угорскія, въ Заволочье, къ р.р. Сухонѣ и Югу. Кромѣ вышеупомянухъ окончаній на *ва* и *ма*, которыя должно считать за пермо-зырянскія, этотъ народъ, который самъ себя называетъ *коми*, зналъ еще такія опредѣленія текучихъ водъ: *ляга*, *іолъ*, *шоръ*, *ты* (= рѣка, рѣчка); затѣмъ, *илъ* (вершина), *доръ* (край), *динъ* (устье); далѣе *парма* (лѣсистая возвышенность), *масъ* или *мысъ* (мысъ), *коръ* или *коръ* (городъ), *гартъ* (деревня) и т. д. Теперь потомки коми живутъ въ предѣлахъ Пермской, Вятской, Архангельской и Вологодской губерній. Съ указанными окончаніями мы найдемъ рѣки въ Пермской губерніи (система Камы—Иньва, Пожва, Яйва, Лысва, Обва, Кызьва, Липва, Сюрва, Туйва, Ласьва, Нытва, Чусовая (Чусва); имѣемъ рядъ такихъ же названій въ бассейнѣ Печеры: Еграляга, Ичедляга, Кошединъ, Лягодинъ и др.; очень много такихъ же названій въ бассейнахъ Вычегды, Сухоны и Юга, не мало такихъ названій мы указали по Волгѣ (вверхъ отъ Костромы), по Окѣ (Клязьма, Протва и др.), около Бѣлаго Озера,—приблизительно въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ мы видѣли и югру. Очень много такихъ же названій въ бассейнѣ Вятки. И. Н. Смирновымъ данъ любопытный длинный списокъ одинаковыхъ рѣчныхъ названій въ Вятскомъ краѣ и въ Пермскомъ, различающихся, однако, окончаніями: именно, вятскія имѣютъ *ма*, а пермскія *ва*, напримѣръ:

Вятка:	Пермь:
Пож-ма	Пож-ва
Виль-ма	Виль-ва
Нерт-ма	Нерт-ва
Сизь-ма	Сизь-ва
Едо-ма	Яд-ва
Урдо-ма	Урд-ва
Нур-ма	Норо-ва.

Перейдя Уральскія горы, мы и тамъ найдемъ не мало именъ рѣкъ на ва: Лозва, Сосва, Сычва. И. Н. Смирновъ догадывается, и не безъ основаній, что и имя «Обь» образовалось изъ полной формы Обва. Такимъ образомъ, и для Коми мы получаемъ огромную территорію отъ Москвы на юго-западѣ, до Оби на сѣверо-востокѣ. Само собою разумѣется, что никогда коми не занимали одновременно всего этого пространства. Судьба рано связала Коми и югру; судя по мѣстнымъ названіямъ, слѣдуетъ, что коми заняли мѣста къ сѣверу отъ югры; вслѣдъ за югрой они пробрались и въ среднюю Россію, гдѣ и передали славянскому населенію много своихъ названій. Предъ славянскимъ натискомъ Коми поспѣшили уйти въ область той же Вычегды, на которой долго жила и югра. Именно на этой рѣкѣ новгородцы и застали «пермь», а къ сѣверо-востоку отъ нея—«печору», т. е. зырянъ.

Наши лѣтописи почти не даютъ матеріала для сужденія о томъ, гдѣ жило племя «пермь»? Подъ «пермью« едва ли лѣтопись не разумѣла сначала большое пространство, лежавшее на востокъ отъ Сѣверной Двины. Во второй половинѣ IX вѣка Отеръ, мореплаватель короля англійскаго Альфреда, прибылъ моремъ къ устью Сѣверной Двины; отъ посѣтившихъ его корабль онъ узналъ, что страна эта называлась «Біармія». Отеру страна (по Двинѣ) показалась хорошо образованной и населенной; напротивъ, все сѣверное побережье Европы, до устья Двины, по его словамъ, почти совершенно лишено было населенія. У біармійцевъ Отеръ вымѣнялъ мѣха и моржевые клыки. По слѣдамъ Отера Норманы не разъ посѣщали Мурманъ и устья Двины, которою входили внутрь страны. Исландскія саги много разсказываютъ объ удивительныхъ богатствахъ Біарміи, о знаменитомъ идолѣ Юмала (до сихъ поръ сохранившимся въ финскомъ языкѣ имя = Богъ), о похищеніи оттуда викингами сокровищъ. Самое созвучіе словъ Біармія и Пермь давно искушало ученыхъ.

Огромное пространство, которое когда то занималъ финскій міръ, и въ которое входилъ и весь центръ теперешней Россіи до губерніи Черниговской, невольно наводитъ на мысль о значительности вліянія финновъ на славянъ. Несомнѣнно, смѣшеніе съ финнами отразилось на славянахъ, но роль его часто преувеличиваютъ и русскіе, и, особенно, финскіе историки. Надо по-

мнить, что Финны, какъ народъ, занимавшійся звѣроловствомъ должны были поэтому самому мѣнять мѣста, бродяжничать. Огромная территорія ихъ никогда не была занята ими одновременно, и ея величина не есть доказательство, что финновъ было очень много; и теперь остяки, напримѣръ, занимаютъ огромное пространство въ 190,000 кв. верстъ при численности менѣе 7 тысячъ. Нельзя забывать и того, что культура финновъ стояла ниже славянской: не даромъ они постоянно отступаютъ передъ врагомъ, и легко подчиняются ему. Трудно допустить при такихъ обстоятельствахъ вліяніе слабѣйшей культуры на сильнѣйшую.

1.

Новгородъ.

Мы привыкли смотрѣть на Новгородъ, какъ на одинъ изъ значительнѣйшихъ русскихъ городовъ: въ первоначальный періодъ русской исторіи «Господинъ Великій Новгородъ» уступалъ только Кіеву, позже онъ, по величинѣ своей, долго былъ соперникомъ Москвы. Ни одинъ русскій городъ не имѣлъ такой огромной волости, какою обладалъ Новгородъ: величина его территоріи, богатство, населенность, своеобразное вѣчевое устройство,—все это, вмѣстѣ взятое, заставляетъ насъ, уже въ самомъ началѣ исторіи нашей, видѣть въ Новгородѣ крупный центръ, притягивавшій къ себѣ большую территорію.

Какъ возникъ Великій Новгородъ? Если допустить, что еще до призванія князей Новгородъ стоялъ уже во главѣ федераціи племенъ и поэтому первый князь, сидѣвшій въ Новгородѣ, обладалъ также Изборскомъ, Полоцкомъ, Бѣлоозеромъ, Ростовомъ и Муромомъ, то это не вяжется съ нашими представленіями о славянской колонизаціи и о формахъ тогдашняго общественнаго быта; съ этимъ допущеніемъ останутся непонятными и многія послѣдующія явленія Новгородской исторіи. Свое значеніе Новгородъ пріобрѣлъ постепенно, по мѣрѣ расширенія русской земли; его торговое и политическое значеніе выросло изъ его географическаго положенія: недаромъ, только послѣ того, какъ сложился знаменитый путь «изъ Варягъ въ Греки», стало расти и выдвигаться мѣсто у истоковъ Волхова, чтобы, съ ростомъ русской земли, стать главнымъ портомъ ея; до прибытія варяговъ это было, надо полагать затерянный среди лѣсовъ поселокъ, не имѣвшій большого значенія, хотя, можетъ быть уже тогда тянуло къ нему окрестное населеніе.

Неизвѣстно, когда и при какихъ условіяхъ славяне подошли къ Ильменю; можно только догадываться, что едва ли было это раньше IX вѣка и что Новгородская область славянами занята была позднѣе, чѣмъ Полоцкая, и раньше, чѣмъ Ростово-Суздальская. Многочисленныя инородческія имена края свидѣтельствуютъ о томъ, что до славянъ край этотъ былъ занятъ племенами финскими, лопскими и литовскими: не только Шелонь, Ловать, Мста (по лѣтописи *Мъста*—фин. musta, т. е. Черная), но и почти всѣ названія крупныхъ рѣкъ и озеръ края инородческія: Ильмень образовалось изъ Ильмерь, а эта послѣдняя форма чисто финская; даже такія названія, какъ Волховъ и Великая, вѣроятно, не славянскія; оба имени только осмыслены славянами: Вȍлхова обратилась въ Волховъ, Велія—въ Великую, также какъ Поскова въ Пскову и даже Плескову, а Се́стрія въ Сестру. Изъ этого можно вывести, что славяне явились сюда сначала въ небольшомъ числѣ и отъ туземцевъ узнавали и усваивали имена озеръ и рѣкъ. Путь, которымъ проникли славяне въ этотъ край съ юга, пролегалъ, вѣроятно, по Березинѣ, съ которой они перебрались на Западную Двину, а съ нея долиною Ловати подошли къ Ильмень-озеру.

Для половины IX вѣка Новгородъ является наиболѣе сѣвернымъ пунктомъ, до котораго дошла славянская колонизація: славяне еще не подошли ни къ Финскому заливу, ни къ Ладожскому озеру. Это ясно видно изъ описанія лѣтописью территоріи славянъ и изъ тѣхъ скудныхъ представленій, которыя даже въ XI в. имѣлись о Ладожскомъ озерѣ и Балтійскомъ морѣ. Если бы славяне сколько нибудь близко подобрались къ Финскому заливу или Ладожскому озеру, то лѣтопись не опредѣляла бы ихъ мѣста: «сѣдоша около озера Ильмеря», и это справедливо не только по отношенію къ IX, но и къ XI вв.

Такимъ образомъ, и на сѣверо-западѣ повторилось то же явленіе, что и на югѣ: славяне не дошли до морского берега. Не могу объяснить это ничѣмъ другимъ, какъ слабостью славянскихъ силъ, т. е., прежде всего, ихъ малочисленностью. На югѣ, въ IX в., была главная масса славянъ; на сѣверѣ показывались только первыя волны переселенцевъ-славянъ.

Лѣтопись застаетъ славянъ Новгородцевъ уже имѣющими свою волость. Каковы были размѣры этой волости? Уже изъ того,

что чудь и меря занимали самостоятельное положеніе по отношенію къ Новгороду, слѣдуетъ незначительный объемъ области славянской; если преданія хоть сколько нибудь вѣрно отражали факты, то ни Пошехонье, ни Псковская, ни Суздальская земля не принадлежали Новгороду: тамъ сидѣли отдѣльные князья.

Съ самаго начала своего Новгородъ выступилъ въ роли опорнаго пункта новыхъ завоевателей—Варяговъ. Здѣсь они стали твердой ногой. Почему избрали они Новгородъ? Во-первыхъ, потому, что онъ стоялъ на великомъ водномъ пути, въ весьма важномъ мѣстѣ, гдѣ связывались воедино широкія водныя системы притоковъ Ильменя: передъ варягами за Новгородомъ открывались пути на югъ и на юго-востокъ (т. е. на Волгу) и къ западу. Во-вторыхъ, у Новгорода было уже осѣдлое славянское населеніе, можетъ быть и довольно значительное по тому времени, тогда какъ на озерѣ Нево и по р. Волхову варяги почти не встрѣчали осѣдлыхъ поселеній. А только трудолюбивое земледѣльческое населеніе создавало народу-воину, варягамъ, возможность основаться въ краѣ. Правда, варягами была основана, почти на безлюдьи Ладога, при впаденіи Волхова въ озеро Нево: къ великому озеру Нево (Ладожскому) только подходили тогда различные народы; но, Ладога не могла получить значенія города именно вслѣдствіе отсутствія вокругъ нея населенія; за нею осталось значеніе лишь укрѣпленія въ этомъ важномъ для варяговъ мѣстѣ.

Варяги попадали въ нынѣшнюю сѣверную Россію не только Невою, но еще и другимъ путемъ; этотъ другой путь шелъ изъ Балтійскаго моря въ Западную Двину и съ нея перебирались на Днѣпръ. Подвигаясь на Днѣпръ, варяги опять таки не считали нужнымъ подчинить себѣ ни обитавшее здѣсь финское племя Ливовъ (Любь нашей лѣтописи), ни Латышскія племена Зимѣголу и Лѣтьголу; по всей вѣроятности, эти бродячіе тогда народцы не представляли никакой опасности для варяговъ и въ то же время, какъ народъ неосѣдлый, не создавали для Варяговъ и возможности осѣсть въ этомъ краю. И здѣсь повторилось то же, что и на Финскомъ заливѣ. Варяги не закрѣпили за собою устья Двины, на которой обитало не славянское населеніе, и до самаго Полоцка не построили укрѣпленныхъ пунктовъ.

Слѣдовательно, и здѣсь многочисленныя варяжскія дружины

осѣли въ славянскомъ городѣ и основали свое княжество на славянской землѣ. Это княжество почти до конца X в. оставалось независимымъ отъ Новгородскихъ и Кіевскихъ конунговъ-варяговъ. Въ настоящее время не представляется возможнымъ опредѣлить, гдѣ раньше возникло варяжское княжество въ Полоцкѣ или Новгородѣ.

Весьма вѣроятно, что варяги входили и въ р. Нарову (водопадъ на ней обходили берегомъ), но и здѣсь основались очень далеко отъ морского берега, въ Псковѣ и Изборскѣ.

Какъ извѣстно, рано нашли варяги и путь въ Россію по Сѣверному океану, вдоль Мурмана (самое имя котораго производятъ отъ «норманъ»), черезъ Бѣлое море, къ устьямъ Сѣверной Двины.

Итакъ, можно считать доказаннымъ, что вокругъ Новгорода къ приходу Варяговъ было славянское населеніе, тянувшее въ Новгороду. Если бы могли считать доказаннымъ, согласно указанію лѣтописи, что славяне расселились *вокругъ* Ильменскаго озера, то мы могли бы допустить образованіе значительнаго племеннаго центра именно въ томъ пунктѣ, гдѣ системы рѣкъ Ильменя связываются въ узелъ, но мы—во-первыхъ, имѣемъ полное основаніе полагать, что начало славянскихъ поселеній по Мстѣ относится къ позднѣйшему времени; во-вторыхъ, очень крѣпка была связь Новгорода съ землями, лежащими къ западу отъ Шелони, т. е. съ Псковской областью: едва ли можно сомнѣваться, что связь эта, сохранившаяся до XIV в., образовалась въ доисторическое время.

Такимъ путемъ мы подходимъ къ мысли, что Новгородъ лежалъ *не въ центрѣ* славянскихъ поселеній вокругъ Ильменя-озера, а скорѣе *на краю* этихъ поселеній; въ такомъ случаѣ возвышеніе этого пункта справедливѣе приписать именно варягамъ. Несомнѣнно, что на сѣверо-западѣ славяне пришельцы были тогда еще немногочисленны; и здѣсь повторилось то же, что мы видѣли на югѣ: славяне не пробились къ морю; на югѣ ихъ оттѣснили отъ моря многочисленныя орды воинственныхъ тюрковъ, на сѣверо-западѣ они не могли справиться съ финскими племенами. Можно предположить, что даже съ норманами-варягами славяне познакомились черезъ финновъ; по крайней мѣрѣ, послѣдніе прозвали норманновъ Ruotzi, откуда и вышло наше имя Русь.

Когда варяги Русь вошли Невою въ Ладожское озеро, они первоначально не закрѣпили входа въ р. Неву. Широкая рѣка, протекающая сравнительно на небольшомъ (60 верстъ) протяженіи, представлялась имъ устьемъ, рукавомъ Ладожскаго озера—озера Нево, которое своею обширностью производило впечатлѣніе моря больше, чѣмъ Финскій заливъ. Очевидно, только войдя въ устье Волхова, варяги поняли, что они давно оставили море. Здѣсь, въ этомъ устьѣ, они и основали свой первый укрѣпленный пунктъ—Ладогу. Отсюда варяги начали покореніе жившихъ по сосѣдству народовъ. Рѣка Волховъ привела ихъ къ Ильменскому озеру, гдѣ уже было славянское осѣдлое населеніе Попавъ на Ильменѣ, варяги не сразу нашли и наладили путь по р. Ловати «въ Греки». Онѣ плавали по всѣмъ тремъ большимъ притокамъ Ильменя, покоряя и собирая дань съ жившихъ тутъ народовъ. Сравнительно легче имъ было подчинить себѣ славянское населеніе именно какъ осѣдлое; кочевыя финскія племена, напротивъ, легко скрывались въ лѣсахъ и отходили все дальше отъ находниковъ-варяговъ.

При такихъ набѣгахъ и походахъ варяги-русь оцѣнили мѣстоположеніе Новгорода; если здѣсь и не было раньше значительнаго поселенія, то оно должно было возникнуть со времени появленія варяговъ-руси. Лишь отсюда могли пробраться варяги р. Шелонью къ западу, гдѣ и укрѣпились въ Изборскѣ, а позже въ Псковѣ; преслѣдуя отдѣльныя финскія племена, варяги тогда же пробирались отъ р. Мсты на р. Мологу и далѣе на р. Шексну; этимъ путемъ они вышли на Волгу и здѣсь рано ими захвачены были пункты на Бѣломъ озерѣ, Ростовѣ и Муромѣ. Обосновавшись въ этихъ трехъ мѣстахъ, варяги утвердили свое господство надъ нѣкоторыми финскими племенами, группировавшимися около указанныхъ мѣстъ; но изъ этого не слѣдуетъ еще, что вся территорія отъ Новгорода до Бѣлоозера, Ростова и Мурома была уже покорена норманами; возможно, что между Новгородомъ и этими пунктами оставались племена, а, слѣдовательно, и земли, не подчинявшіяся тогда варягамъ, подъ натискомъ которыхъ финны начали расходиться въ разныя стороны. Варяги, заброшенные въ Пошехонье, на Волгу и Нижнюю Оку, поддерживали сношенія съ своей родиной черезъ Новгородъ и такимъ образомъ живо чувствовали свою зависимость отъ него.

Къ нимъ приходили новыя дружины, которыя спускались дальше и дальше, внизъ по Волгѣ; государства болгарское и хозарское неоднократно подвергались варяжскимъ нападеніямъ; отъ варяговъ славяне узнали, что Волгою можно попасть въ «жребій Симовъ» т. е. въ Азію, и что тою же рѣкою можно прийти «въ Хвалиссы», т. е. въ Хозарію. Раньше славяне знали пути въ Хозарію черезъ южныя степи.

Понемногу, слѣдовательно, стали налаживаться пути отъ Ильмень-озера въ Пошехонье и дальше, на Волгу. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что варяги стали въ совсѣмъ иныя отношенія къ славянамъ, съ одной, къ финскимъ племенамъ, съ другой стороны: между варягами и славянами было гораздо больше точекъ соприкосновенія, чѣмъ у варяговъ и финновъ. Въ мѣстностяхъ, занятыхъ славянами, варяги безъ особеннаго труда основывали «государства»; напротивъ, въ мѣстностяхъ съ инородческимъ, финскимъ, населеніемъ варягамъ не удалось установить сколько нибудь прочныхъ связей. Вмѣстѣ съ варягами въ Пошехонье и на Двину стали проникать и славяне изъ Новгорода. Обстоятельство это еще болѣе увеличивало *торговое* значеніе Новгорода и мало по малу дѣлало его главнымъ посредникомъ въ торговлѣ между сѣверо-западомъ Европы и ея востокомъ и сѣверомъ. Подпали ли, однако, варяжскія княжества на Бѣломъ озерѣ, въ Ростовѣ и Муромѣ подъ политическую власть Новгорода? Проживавшіе тамъ варяги должны были, по нашему мнѣнію, подчиняться конунгу Новгородскому; иначе онъ могъ всегда прервать всякія ихъ сношенія съ Балтійскимъ побережьемъ; это обстоятельство и помнитъ наша лѣтопись, когда увѣряетъ, что «тѣми всѣми (и Полоцкомъ, и Ростовомъ, и Муромомъ, и Бѣлымъ озеромъ) обладаше Рюрикъ, раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро». Важно, однако, отмѣтить, что города эти принадлежали Новгородскому *князю*, а не Новгороду, что они были завоеваніями личными князей-варяговъ; иначе говоря, Пошехонье и Среднее Поволжье (впослѣдствіи земля Ростово-Суздальская) никогда не принадлежали Господину Великому Новгороду.

Путь къ востоку и къ Волгѣ варяги узнали рано: мы имѣемъ нѣсколько свидѣтельствъ какъ въ нашей лѣтописи, такъ и въ иностранныхъ извѣстіяхъ, въ томъ числѣ и арабскихъ, что норманы

знали, какъ пройти Волгой въ Болгары и Хвалиссы; возможно, что на этомъ пути они встрѣтили сопротивленіе со стороны ближайшихъ финскихъ племенъ и нашли необходимымъ покорить ихъ своей власти; слѣдствіемъ покоренія Веси было образованіе Бѣлоозерскаго княжества (сказаніе о Синеусѣ), Мери—Ростовскаго и Муромы—Муромскаго. Объ этомъ помнитъ лѣтопись, когда говоритъ, что Рюрикъ наслѣдовалъ княженія своихъ двухъ братьевъ въ Изборскѣ и Бѣлоозерѣ и посадилъ своихъ мужей въ Ростовѣ, Муромѣ и Полоцкѣ.

Если это было дѣйствительно такъ и если преданіе отразило тутъ факты, то, значитъ, въ IX в. на сѣверѣ Руси образовалось обширное государство варяжское; но очень трудно отдѣлить, что въ этомъ разсказѣ принадлежитъ легендѣ, что дѣйствительности относительно Полоцка, напримѣръ, можно утверждать положительно, что онъ Новгороду не принадлежалъ.

Варяжскіе конунги съ самаго перваго своего появленія въ Новгородѣ смотрѣли на этотъ городъ, какъ на временную остановку: варяги стремились къ югу и скоро нашли свой путь «изъ Варягъ въ Греки». Путь этотъ—главный путь того времени и былъ первоначальнымъ скелетомъ русскаго государства. Но лѣтопись наша описываетъ знаменитый путь весьма кратко: «бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру и вверхъ Днѣпра волокъ до Ловати и по Ловати внити въ Илмерь озеро великое, изъ него же озера потечеть Волховъ и втечеть въ озеро великое Нево и того же озеро внидеть устье въ море Варяжское и по тому морю ити до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю къ Царюграду, а отъ Цареграда прити въ Понтъ море, въ него же втечеть Днѣпръ рѣка». Описаніе это очень обще: между истоками Днѣпра и Ловати слишкомъ велико пространство; истоки этихъ рѣкъ вовсе не отдѣляются однимъ волокомъ и, сколько намъ извѣстно изъ послѣдующихъ походовъ, никогда *такъ* не ходили; напротивъ, между системами Ловати и Днѣпра роль посредствующаго звена обыкновенно играла система Западной Двины; позже пользовались для этой цѣли и системой верхней Волги. Дѣло обстояло такъ, что варяги, какъ и впослѣдствіи русскіе, тащили, волокли ладьи на сравнительно небольшихъ пространствахъ, пользуясь всякой рѣчкой, всякимъ озеромъ, чтобы плыть въ ладьяхъ,

или, по крайней мѣрѣ, тащить ладьи по водѣ, а не по сушѣ. Составитель лѣтописи, очевидно, плохо былъ знакомъ съ условіями плаванія по великому водному пути. Современнымъ изслѣдователямъ необходимо указать, во первыхъ, какъ перебирались съ Ловати на Западную Двину, во вторыхъ, какъ съ Двины на Днѣпръ.

Самымъ надежнымъ источникомъ будетъ тутъ изученіе карты. Приглядываясь къ картѣ мѣстности между истоками Ловати и Двиной, мы замѣчаемъ прежде всего очень много озеръ и рѣчекъ на этомъ небольшомъ пространствѣ, а во вторыхъ, видимъ не мало городовъ, теперь не имѣющихъ значенія, а въ старину значительныхъ; вспомнимъ еще, что изъ за этой области, небольшой и какъ будто небогатой, шла упорная борьба даже еще въ XV—XVII в. в.

Итакъ. по указанію и лѣтописи, путь изъ Новгорода шелъ озеромъ Ильменемъ въ р. Ловать; Ловатью шли до самыхъ ея истоковъ; въ верхнемъ своемъ теченіи эта рѣка мало пригодна для судоходства; возможно, однако, что тогда въ ней больше было воды; на верху своемъ эта рѣка проходитъ много озеръ (Меже, Сосно, Чернято, Сосито); черезъ р. Еменку она сближается съ озеромъ Невель (Еменецъ) и только небольшой волокъ отдѣляетъ истоки этой рѣчки отъ озера Озерище, изъ котораго вытекаетъ р. Оболь, впадающая въ Западную Двину *).

Былъ и другой путь съ Ловати на Западную Двину: съ верховьевъ Ловати небольшимъ волокомъ въ озеро Усмень, образующее одинъ водный бассейнъ съ озеромъ Усвятомъ, черезъ который протекаетъ р. Усвятъ или Усвяча, впадающая въ Западную Двину. Иногда къ Усвяту попадали не прямо съ Ловати, а съ притока ея, р. Куньей, волокомъ на р. Усвятъ, оз. Жижецкое, въ р. Жижцу и въ З. Двину. Наконецъ, плавали по большому правому притоку Ловати р. Полѣ, которая беретъ начало недалеко отъ Видбина

*) Еще въ XVIII в. хотѣли было соединить каналомъ р. Еменку съ Озерищемъ, чтобы имѣть непрерывный водный путь отъ Западной Двины до Петербурга. Въ XVI в. здѣсь поставлены были очень важные въ военномъ отношеніи города-крѣпости, прикрывавшіе переходы съ Западной Двины, тогда уже Литовской, на Ловать и ея большую крѣпость, Великія Луки, именно г. г. Невель, Озерище и Нещердо; къ сѣверо-западу отъ нихъ былъ г. Заволочье на р. Великой; самымъ именемъ послѣдній городъ указываетъ на существованіе здѣсь, въ странѣ большихъ озеръ и переплетающихся рѣчекъ, цѣлаго ряда волоковъ.

озера, и съ которой цѣлымъ рядомъ озеръ (Лучанское, Бросно, Бойно и др.) подходили къ р. Торопѣ, также впадавшей въ Западную Двину; этотъ путь можетъ быть названъ Торопецкимъ, а г. Торопецъ носилъ въ старину характерное названіе Кривитебска; онъ упоминается въ Ростиславовой грамотѣ и оборотъ его былъ весьма значителенъ. Вслѣдствіе того, что въ этомъ краѣ необыкновенно много озеръ, возможны были разныя сокращенія пути. Съ Западной Двины пробирались на Днѣпръ также различными путями, напримѣръ, входили въ р. Касплю, ею шли въ озеро Касплю же, въ которое впадаетъ р. Выдра (ее считаютъ за начало Каспли), Выдра беретъ начало изъ озера Куприна, въ которое впадаетъ р. Крапивна или Лелеква; затѣмъ маленькій волокъ и р. Катынка впадающая въ Днѣпръ. Иначе съ Двины ходили въ р. Межу оттуда въ р. Ельшу, волокъ, р. Вотря, притокъ Вопи, впадающей въ Днѣпръ. Въ первомъ случаѣ на Днѣпръ выходили ниже Смоленска, во второмъ—выше. Вообще съ Двины на Днѣпръ перебраться было не трудно. Присматриваясь къ картѣ Полоцкихъ земель, видимъ, что онѣ образуютъ треугольникъ, основаніе котораго З. Двина, вершина на Друти, недалеко отъ впаденія ея въ Днѣпръ; Полоцкія земли тянутся отъ Двины по Березинѣ и Друти къ Днѣпру; въ болѣе древнее время, X—XI в. онѣ у Копыса и Орши (Рши) доходили до Днѣпра. Слѣдовательно и Полоцкъ, какъ и Новгородъ, былъ для варяговъ только остановкою по пути ихъ на Днѣпръ и въ Грецію. Такъ какъ древнѣйшіе Новгородскіе пути на югъ проходили черезъ Полоцкія владѣнія на Двинѣ, то столкновенія между этими городами были неизбѣжны. Это и есть причина вѣковой вражды Полоцка и Кіева.

Рано сталъ извѣстенъ и совсѣмъ другой путь изъ Новгорода на Днѣпръ: онъ шелъ р. Полою, изъ которой перебирались на большое озеро Селигеръ (Серегерь), изъ него вытекаетъ р. Селижаровка, впадающая въ р. Волгу; съ Волги входили въ Вазузу, Гжать, волокъ до Обши и ею въ Днѣпръ.

Такими приблизительно путями ходили Варяги на Днѣпръ. Отразились ли походы ихъ на Новгородскихъ Славянахъ? Слѣдствіемъ этихъ походовъ было образованіе Русскаго государства, но не увеличеніе Новгородской земли.

Полагаю, что пути черезъ Двину на верхній Днѣпръ были

первыми по времени. Преданіе о походѣ Олега помнитъ, что, идя на югъ, князь этотъ взялъ г. Смоленскъ, т. е. какъ будто онъ попалъ па Днѣпръ выше этого города. Далѣе въ 1021 г. Ярославъ принужденъ былъ уступить Брячиславу Полоцкому Витебскъ и Усвятъ, т. е. верхнее теченіе Двины, или какъ разъ мѣста Подвинья, черезъ которыя пролегали пути Еменецкій и на Усвятъ.

Думается, что эти мѣста были искони Полоцкія и только отняты были князьями Новгорода для обезпеченія переходовъ на Днѣпръ. Послѣ 1021 года потомству Ярослава (какъ извѣстно, часто враждовавшему съ полоцкими князьями—изгоями) удалось найти и паладить болѣе восточные пути на Днѣпръ: или черезъ Торопу, или черезъ Серегеръ.

Походы варяговъ на Днѣпръ раздвинули къ югу новгородскія поселенія. Верховья Двины и Волги, такъ называемый Влъковской (Оковскій) лѣсъ, тогда (въ IX—X в. в.) не былъ еще запятъ славянами; судя по названіямъ многочисленныхъ озеръ и рѣчекъ (Селито, Узмень, Нещердо, Еменецъ, Меже, Невель, Плисса; рѣчки: Волкота, Окча, Торопа, Бозна), изъ которыхъ большинство не-славянскія, и какъ будто и не финскія, можно принять предположеніе А. И. Соболевскаго, что въ этихъ мѣстахъ могли жить и литовцы.

Варяги связали въ одно славянскія поселенія около Ильменя и по Ловати съ такими же поселеніями по Двинѣ и по Днѣпру. Границы между позднѣйшими волостями Новгородскою, Полоцкою и Смоленскою были проведены весьма искусственно, т. е. границы не проходили ни по рѣкамъ, ни по волокамъ. Въ области верхней Волги искони происходила странная путаница въ земельныхъ отношеніяхъ: однѣ и тѣ же волости тянули къ Смоленску, а дань давали Твери, другія наоборотъ; одна и та же волость платила дань и Новгороду, и Москвѣ, а тянула къ Литвѣ; однѣ и тѣ же волости по суду относятся то къ Новгороду, то къ Смоленску. Явленіе это объясняется тѣмъ, что смежныя пространства земель Полоцкой, Новгородской и Смоленской, впослѣдствіи и Ростово-Суздальской колонизованы были значительно позднѣе, причемъ въ восточную часть нынѣшней Витебской губерніи, сѣверную часть Смоленской и въ Тверскую губернію славянское населеніе начало проникать одновременно съ различныхъ концовъ: и

изъ Новгорода, и изъ Полоцка, и изъ Смоленска; какъ естественное слѣдствіе такой колонизаціи, здѣсь и образовалась путаница земельныхъ отношеній.

Варяги не утвердили и не закрѣпили за собой всего этого важнаго пути. Почему? Можетъ быть, населеніе здѣсь было тогда очень немногочисленно и вело кочевой образъ жизни; съ теченіемъ времени оно частью осѣло, частью переселилось, но вѣроятно и тогда населенія было сравнительно немного и варяги не считали нужнымъ строить сколько нибудь значительныя укрѣпленія на указанныхъ перепутьяхъ; возможно, что эти западные пути съ Ловати на верхнюю Двину съ теченіемъ времени были просто заброшены, а выдвинулись на первое мѣсто восточные пути—по Мстѣ и Тверцѣ въ Волгу. Отсюда становится яснымъ, что славянское населеніе и къ Ильменю проникало не Ловатью, и что въ верховьяхъ Ловати, Двины, Волги и Днѣпра, въ эпоху образованія государства жило населеніе не славянское, которое со временемъ ушло. Новгородскія поселенія, уже подъ водительствомъ варяговъ, продвинулись къ югу по Ловати, не достигнувъ, однако, своихъ естественныхъ границъ. Варяги же, одновременно съ Новгородомъ, захватили и Полоцкъ и Смоленскъ; подъ покровительствомъ одной власти усилившіеся славяне стали вытѣснять инородцевъ изъ мѣстностей, куда они раньше не могли проникнуть. Возможно, что переходы на пути изъ Варягъ въ Греки были закрѣплены варягами; изъ укрѣпленій и возникли позднѣйшіе города: Великіе Луки, Еменецъ, Нещердо, Усвятъ, Торопецъ; но, повторяемъ, эти города обязаны своимъ возникновеніемъ варягамъ и потому отъ ихъ усмотрѣнія и зависѣло впослѣдствіи, къ какой изъ волостей отнести ихъ. Лѣтопись такъ говоритъ о территоріи союза, во главѣ котораго стоялъ Новгородскій князь: «первыи насельницы въ Новѣгородѣ—Словене, въ Полотьсти—Кривичи, въ Ростовѣ—Меря въ Муромѣ—Мурома; *и тѣми всѣми обладаша Рюрикъ*».

Скудость лѣтописныхъ данныхъ заставила нашихъ ученыхъ для опредѣленія волости Новгорода обратиться къ уставамъ Новгородскихъ князей, именно къ «Уставу о мостѣхъ» и уставу кн. Святослава Ольговича, отчасти къ уставу кн. Всеволода. Датировка перваго изъ этихъ уставовъ—«Устава о мостѣхъ»—довольно затруднительна; скорѣе всего онъ принадлежитъ кн. Ярославу Все-

володовичу, слѣдовательно, относится къ концу XII или началу XIII в. Предположеніе же, высказанное Н. И. Барсовымъ, что первоначальная редакція этого устава принадлежитъ кн. Ярославу Владиміровичу (ум. 1054 г.) и что, слѣдовательно, есть основаніе искать въ уставѣ указаній на географію Новгородской земли XI в., довольно шатко. Изъ того, что уставъ не упоминаетъ о волостяхъ Новгородскихъ, лежащихъ за Бѣлоозеромъ, едва ли можно выводить, что волости эти въ эпоху составленія устава не принадлежали Новгороду: онѣ могли ему принадлежать, но не несли мостовой повинности, которою были обязаны земли, ближайшія къ Новгороду, составлявшія его «землю» или его «волость». Вспомнимъ, что Псковъ и въ XI и въ XIII в.в. принадлежалъ Новгороду, однако, въ уставѣ онъ не упомянутъ, потому что населеніе Псковской области не могло быть обязано мостовою повинностью по отношенію къ Новгороду; тѣмъ болѣе это справедливо относительно Заволочья, Вологды, Перми и другихъ волостей, которыми Новгородъ вѣдалъ на совсѣмъ другихъ основаніяхъ, чѣмъ своею землею. Поэтому осторожнѣе начать съ устава кн. Святослава 1137 г. Кн. Святославъ Ольговичъ, пріѣхавъ въ Новгородъ въ указанномъ году на мѣсто изгнаннаго князя Всеволода Мстиславича, подтвердилъ права св. Софіи, т. е. Новгородской епископіи на десятину отъ княжескихъ доходовъ, т. е. дани, виръ и продажъ. Право это дано было еще до Святослава; онъ только утвердилъ это право церкви: именно, за десятину давать Св. Софіи 100 грив. кунъ, слѣдовательно, весь доходъ княжескій былъ около 1000 гр. Въ концѣ грамоты князь перечисляетъ нѣкоторыя мѣста съ указаніемъ на то, сколько съ каждаго мѣста слѣдуетъ платить епископіи. Какія же это мѣста? Названо 27 мѣстъ къ сѣверу-востоку отъ Онеги, до Бѣлаго моря и Пинеги; далѣе названъ Обонежскій *рядъ* и Бѣжецкій *рядъ*. Невольно является вопросъ, почему же не названо ни одно мѣсто около Новгорода, въ пятинахъ Водской, Шелонской, Деревской? Объясняли это тѣмъ, что плата въ 100 гривенъ составляла десятину отъ виръ и продажъ, а дани указаны при каждомъ погостѣ отдѣльно, но въ такомъ случаѣ слово «рядъ» едва ли обозначаетъ мѣстность, какъ это принято полагать; напротивъ, оно имѣетъ обычное значеніе: рядъ—уговоръ, Обонежскій рядъ—уговоръ относительно Обонежья, а

«Бѣжичьскій рядъ» уговоръ относительно Бѣжецкой волости. Слово «рядъ», по нашему мнѣнію, нельзя понимать здѣсь, какъ обозначеніе пространства, и нельзя полагать, что «рядъ» выражаетъ то же понятіе, что впослѣдствіи «пятина». Въ такомъ случаѣ эту грамоту слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, толковать такъ: сначала князь подтверждаетъ размѣръ прежней десятины, затѣмъ опредѣляетъ, въ какомъ размѣрѣ она должна поступать съ новыхъ мѣстъ, въ Заволочьѣ, Заонежьѣ и волости, центромъ которой рано стали Бѣжичи. Почему же выдѣлены Заонежье и Бѣжецкая волость? Конечно, онѣ обѣ не были первыми мѣстами, занятыми славянами. Совершенно ясно по ходу колонизаціи, что обѣ эти пятины населены были позже, но такъ какъ еще Ольга установила погосты на Мстѣ, то остается предположить, что при первомъ опредѣленіи десятины, мѣстности эти, какъ еще слабо населенныя, не были приняты въ расчетъ; возможно, что кн. Святославъ *пересмотрѣлъ* размѣры десятины въ этихъ областяхъ, такъ какъ при общемъ направленіи колонизаціи къ востоку и сѣверо-востоку населеніе этихъ волостей возростало. Если мы обратимся къ грамотѣ, данной годомъ раньше, къ уставной грамотѣ Всеволода Мстиславича, данной церкви св. Іоанна на Опокахъ, то тамъ прочтемъ, какія пошлины попы церкви св. Ивана могутъ брать съ Тверскаго гостя, Новгородскаго, Бѣжецкаго и со всего Помостья. Здѣсь выдѣлено Помостье. Судя по договорнымъ грамотамъ Новгорода уже XIII в. (съ 1265 г.) Новгородцы и тогда еще считали Бѣжецкій край «волостью» своею, а не «землей»; Бѣжецкій верхъ ставили въ одинъ разрядъ съ Вологдой, Заволочьемъ, Пермью, Терскимъ берегомъ и др.: «А се, княже, волости Новгородские: Волокъ со всеми волостьми, Тържькъ, Бежицѣ, Городьць Палиць, Мелѣчя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Трѣ. Перемъ, Печера, Югра». Такимъ образомъ, «Бѣжичи» (впослѣдствіи Бѣжецкая пятина) или край къ востоку отъ Мсты по направленію къ Мологѣ былъ позднѣйшимъ пріобрѣтеніемъ Новгородцевъ. Здѣсь же по р. Мологѣ находились волости Егна, гор. Палиць и Мелеча.

Въ лѣтописномъ разсказѣ Бѣжичи выступаютъ значительно позже 1137 г. Только верхнее теченіе р. Мологи до г. Устюжны включительно принадлежало Новгороду; вся остальная Молога и Пошехонье вошло въ составъ Суздальской земли.

Въ грамотѣ кн. Святослава нѣтъ упоминанія о Торжкѣ или, какъ его тогда называли, Новомъ Торгѣ. Впервые имя это встрѣчается подъ 1139 г.; въ разсказѣ сразу выясняется важное значеніе этого мѣста: разгнѣванный на Новгородъ кн. Юрій Долгорукій захватилъ въ 1139 году Новый Торгъ. Новгородцы къ этому времени овладѣли всѣмъ Помостьемъ и со Мсты перебрались на р. Тверцу, гдѣ и возникъ скоро Новый Торгъ. Естественно было спуститься имъ Тверцою къ Волгѣ и выйти на эту столбовую дорогу. Однако, это имъ не удалось: они встрѣтились здѣсь съ суздальскими князьями. При частыхъ столкновеніяхъ Новгорода съ суздальскими князьями Новый Торгъ сталъ оплотомъ Великаго Новгорода съ этой стороны; на него прежде всего падали удары противника и много разъ Новоторжская область была опустошаема и сжигаема. Не разъ приходилось Новгородцамъ блюсти изъ Торжка свою волость. Черезъ Новый Торгъ ходятъ теперь Новгородцы и на югъ: такъ, въ 1195 г. Всеволодъ Юрьевичъ позвалъ ихъ идти на Черниговъ, на «Олгово племя»; Новгородцы пошли было, но, по слову князя, возратились изъ Новаго Торга. Новый Торгъ или Торжокъ съ волостью своею имѣлъ чрезвычайно важное значеніе не для однихъ Новгородцевъ. Здѣсь скрещивалось не мало путей. Изъ Суздальской Руси и туда обыкновенно ходили черезъ этотъ городъ: поднимались Волгою къ устью Тверцы и ею подходили къ Новому Торгу; отъ устья Тверцы пути по Волгѣ шли различно: иногда ходили внизъ Волгою; нерѣдко доходили только до Кснятина (Снятинъ, Константиновъ), гдѣ входили въ р. Нерль и ею шли къ Переяславлю Залѣскому, одному изъ значительнѣйшихъ суздальскихъ городовъ; или отъ устья поднимались вверхъ по Волгѣ къ р.р. Дубнѣ и Шошѣ, или пробирались въ р. Москву и дальше въ Оку; ходили также вверхъ до Вазузы и ею выходили въ Днѣпръ. Если Новгородцы ссорились съ суздальскими князьями, тѣ, какъ было уже указано, первые свои удары наносили Торжку и его волости, въ этомъ отношеніи участь Новоторжцевъ была самая печальная: городъ не разъ брали суздальскіе князья, а впослѣдствіи Тверскіе и Московскіе. Захвативъ Торжокъ, князья подрѣзывали самые корни Новгородской торговли, «засѣкали» всѣ пути къ Новгороду и рѣку «Тьхвѣрцю» т. е. Тверцу. Особенно плохо приходилось Новоторжцамъ во время борьбы Москвы съ

Тверью: тверичи поступали съ жителями Новаго Торга такъ, какъ не поступали даже и «поганые». Иногда суздальскіе князья пытались даже, такъ сказать, перенести Новгородъ въ Новый Торгъ, ими захваченный; особенно тяжко пришлось Новгороду въ 1215 г., когда Ярославъ Всеволодовичъ захватилъ Новый Торгъ и не пропускалъ въ Новгородъ «ни воза», не смотря на то, что ранній осенній морозъ побилъ тамъ «все обилье» (т. е. хлѣбъ). Только отвага Мстислава Удалого, пришедшаго на помощь старому городу, выручила Новгородцевъ изъ бѣды: «да не будетъ Новый Торгъ Новгородомъ, ни Новгородъ Тържькомь, нъ къгде святая София, ту и Новгородъ, а и въ мнозѣ Богъ, а и въ малѣ Богъ и правда». Мстиславъ, чтобы нанести ударъ Ярославу Всеволодовичу, пошелъ на противника старымъ путемъ-Серигеремъ, вышелъ на верхнюю Волгу въ свою волость (Торопецъ) и отъ города Ржева началъ забирать и жечь суздальскіе города по Волгѣ; первымъ городомъ суздальскимъ оказался Зубцовъ; потомъ Шоша и Дубна; дойдя Волгой до Ксятина (Константинова) Мстиславъ р. Нерлью прошелъ къ Переяславу Залѣсскому.

Изъ описанія этого похода ясно, что суздальскія владѣнія врѣзались клиномъ между Смоленскими и Новгородскими: Ржевъ на Волгѣ городъ Смоленскій, Зубцовъ уже Суздальскій. Волость Новоторжская было окраинною волостью Великаго Новгорода; захвативъ верховья р. Тверцы, Новгородцы, какъ было уже сказано не съумѣли или не успѣли закрѣпить выхода изъ этой рѣки.

На Торжокъ часто нападала и Литва въ 1245 г. «воеваша Литва около Торжку и Бѣжичи и гнашася по нихъ Новогородцы съ княземъ Ярославомъ Володиміровичемъ и бишася съ ними; і отъяша у Новоторжцевъ кони и самихъ биша»; или въ 1258 году «той же осени приходиша Литва къ Торжьку и высушася Новоторжци и по грѣхомъ нашимъ повергоша Литва подъсаду: овыхъ избиша, а інѣхъ руками изъимаша, а иные одва убѣжаша і много зла бысть Торжьку». Слѣдовательно, вражда съ суздальскими князьями дѣлала то, что Новгородцамъ для сношеній съ Русью приходилось пользоваться путемъ черезъ Смоленскую землю. А иногда случалось наоборотъ, что смоленскіе князья запирали пути для Новгородцевъ; тогда послѣднимъ приходилось пользоваться путемъ черезъ Торжокъ. Въ 1228 г. Новгородцы призвали къ себѣ черниговскаго

князя Михаила. Смоленскій князь не пропускалъ его въ Новгородъ, тогда Михаилъ изъ Брыни т. е. изъ Брынскихъ лѣсовъ, пробрался въ Торжокъ. Также въ 6839 (1330—1331 году) новгородскій владыка Василій съ Волыни проѣхалъ въ Новгородъ на Черниговъ, Брянскъ и Торжокъ; надо думать, что этотъ путь шелъ чрезъ Москву т. е. съ Десны пробирались на Оку, въ Москву, на Яхрому и Дубну и выходили на Волгу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ становится совершенно яснымъ безпомощное состояніе Великаго Новгорода: во всѣхъ путяхъ на югъ и на юго-востокъ онъ рѣшительно зависѣлъ отъ доброй воли того или другого князя. Спасало Новгородъ только постоянное соперничество между Смоленскою и Суздальскою землями, но стоило этимъ землямъ соединиться и зависимость Новгорода отъ нихъ была полная. Отчего же предприимчивые Новгородцы не пошли дальше? Почему, перешагнувъ естественныя границы-волоки между озерной областью и басейномъ Волги, твердо занявъ верховье Тверцы (Н. Торгъ) и Мологи (Бѣжицы, Егна), они не закрѣпили за собою выхода на Волгу хотя бы одной изъ этихъ рѣкъ?

Конечно, Новгородцы, плавая постоянно по Тверцѣ, Волгѣ, Шошѣ и Дубнѣ должны были ставить городки и ставили ихъ здѣсь; но въ тоже время несомнѣнно, что они все-таки не заняли всего этого важнаго пространства. Новгородцамъ вообще нелегко было пробраться за свой волокъ; какъ только они его перешли,—новыя ихъ поселенія сдѣлались предметомъ жестокихъ нападеній; неувѣренность въ своихъ силахъ или, лучше, увѣренность въ неудачѣ не позволила имъ занять мѣста дальше, къ устью Твери; мѣстность, гдѣ впадаетъ Тверца въ Волгу, могла быть особо опасной для Новгородцевъ, ибо, конечно не одни они понимали всю важность этого пункта.

Что Новгородцы сознательно отказались отъ устья Тверцы, на это указываетъ тотъ фактъ, что имъ очень рано удалось овладѣть волокомъ Ламскимъ (нынѣ уѣздный городъ Волоколамскъ, Московской губерніи). Въ договорныхъ грамотахъ Новгородъ, перечисляя свои волости, всегда среди нихъ упоминаетъ и означенный Волокъ Ламскій, именуя его иногда просто «Волокъ». Торговое значеніе этого мѣста не подлежитъ сомнѣнію; оно прекрасно выяснено покойнымъ Забѣлинымъ: Новгородцы съ Волги входили въ

р. Шошу и Ламу и волокомъ пробирались въ р. Рузу, притокъ Москвы, и далѣе въ р. Оку. Это былъ одинъ изъ древнѣйшихъ путей; неудивительно, что Новгородцы искони овладѣли Ламскимъ Волокомъ и даже называли его обычно просто «Волокомъ».

Первый разъ эта мѣстность упоминается въ лѣтописи подъ 1135 г. Изяславъ Мстиславичъ и его братъ Всеволодъ шли изъ Новгорода въ Ростовъ; съ Волги Всеволодъ съ Новгородцами возвратились къ себѣ, а Изяславъ остался «*на Волокѣ*», откуда, «по вѣстямъ», пробрался къ Чернигову. Изъ этого разсказа видно, что Волокъ принадлежалъ уже Новгороду и лежалъ на перепутьи между Новгородомъ и Южною Русью. Въ 1177 г. кн. Всеволодъ воюетъ съ Новгородомъ, беретъ Торжокъ, а самъ, «перебравъ дружины нѣколико», ѣдетъ къ Ламскому Волоку и пускаетъ дружину «на воропъ» (т. е. въ атаку). Очевидно, Ламскій волокъ сравнительно съ Торжкомъ нѣчто маленькое. Какъ и Торжокъ, Ламскій волокъ часто брали Суздальскіе князья; кажется, иногда они подолгу удерживали его за собою; такъ, въ 1216 г. Ярославъ Всеволодовичъ захватилъ Волокъ, а въ 1228—29 г. Волокъ опять во владѣніи этого князя. Отрѣзанные полосой тверскихъ владѣній отъ Новгорода, волочане впослѣдствіи, въ XIII, XIV вв., нерѣдко дѣйствовали заодно съ москвичами, тверичами, новоторжцами противъ литовцевъ; татары также два раза брали Волокъ.

И вотъ, несмотря на всѣ эти нападенія, Новгородцы удерживаютъ за собою Волокъ; причина, повидимому, та, что Волокъ считался Новгородцами важнѣе устья Тверцы: его они и захватили рано и всячески боролись за него, тогда какъ къ укрѣпленію за собой устья Тверцы не прилагали никакихъ усилій. Замѣтимъ, что хотя Тверцою Новгородцы и выплывали въ Волгу, но такъ какъ здѣсь почти не было населенія, то имъ и не было особой надобности останавливаться въ этомъ мѣстѣ. Верхняя Волга долго оставалась незанятой, незаселенной славянами. Иное дѣло Волокъ между двумя рѣками: здѣсь Новгородцы, шедшіе на судахъ, нуждались въ помощи окрестнаго населенія; здѣсь имъ необходимы были пособія, орудія, лошади. Чтобы пользоваться Волокомъ, надо было его устроить съ самаго начала: населить, установить плату. Если здѣсь бродили раньше инородцы, нужно было или оттѣснить ихъ, или заставить нести указанныя обязанности. Новгородцы водвори-

лись въ этомъ краѣ тогда, когда русскаго населенія здѣсь еще почти не было, скорѣе всего въ XI в., вѣроятно, скоро послѣ появленія первыхъ поселеній около Новаго Торга и того времени, когда они начали пользоваться Серегерскимъ путемъ. Верхняя Волга была тогда еще мало населена, а славянскаго населенія тамъ и совсѣмъ почти не было. Первыми къ Оковскому лѣсу стали подходить поселенія отъ Смоленской земли (г. Ржевъ) южнымъ берегомъ Селигера. Въ то же время, можетъ быть и раньше, славяне, вмѣстѣ съ Варягами, проникли въ Бѣлоозеро, Ростовъ, Суздаль, Ярославль. Берега Волги до Шексны сравнительно долго оставались не населенными. Въ половинѣ XII в. здѣсь возникаетъ рядъ городовъ; однако, эта часть Поволжья колонизировалась *не* Новгородцами. По Волгѣ выстроился рядъ *суздальскихъ* городовъ и городковъ. Пока Новгородцы бездѣйствовали въ этомъ краѣ, южные князья начали энергично заселять Поволжье.

Въ концѣ XI в. (1096 г.) Олегъ Святославичъ перекинулъ княжескія усобицы въ отдаленныя тогда Суздальскую и Муромскую земли. Вытѣсненный съ юга, знаменитый Гориславичъ изъ Смоленска кинулся на Муромъ и Ростовъ, гдѣ сидѣлъ сынъ Мономаховъ, Изяславъ. Олегу удалось «переять» всю землю Ростовскую и Муромскую. Онъ замыслилъ овладѣть и Новгородомъ, мечтая, быть можетъ, повторить времена и событія варяговъ-конунговъ IX—X вѣковъ. Олегъ шелъ на Новгородъ отъ Ростова, противникъ же его—Мстиславъ, другой сынъ Мономаха, изъ Новгорода; оба съ разныхъ сторонъ подходили къ устью Медвѣдицы (впадаетъ въ Волгу съ лѣвой стороны), отсюда Олегъ отступилъ на Ростовъ, оттуда на Муромъ, т. е. противники шли *не* Волгою, очень здѣсь извилистою и описывающею большую дугу къ сѣверу, а по хордѣ, значительнѣйшую часть которой составляютъ рѣчки Нерль Малая и Клязьма; кинувшись было на Муромъ, Олегъ повернулъ назадъ и далъ битву Мономахову сыну на Клязьмѣ, на Колокшѣ, (Кулачька, рѣчка, впадающая въ Клязьму недалеко отъ г. Владиміра). Событія эти, указывая намъ новые пути на Новгородъ, выясняютъ все значеніе долины р. Клязьмы; по ней, а не по Волгѣ и выстраивалось славянское населеніе этого края. Скоро послѣ битвы Мономахъ и построилъ недалеко отъ мѣста ея городъ Владиміръ (ок. 1116 г.) и тѣмъ далъ опору населенію клязьминскаго раіона.

Но все же въ долину Клязьмы населеніе едва ли попадало изъ Новгорода; гораздо вѣроятнѣе предположить, что оно сюда шло, во первыхъ, изъ земли Смоленской. На это указываетъ и уставная грамота Ростислава (1150 г.), которая прямо говоритъ, что къ Смоленску шла дань «Суждаля залѣсская дань, каже воротить Гюрги»; залѣсскими городами и назывались тогда города Владиміръ и Переяславъ.

Изъ той же грамоты видно, что населеніе Смоленской земли тогда уже заняло нѣсколько путей на востокъ: р. Вазузою оно выходитъ на Волгу, Волгою движется приблизительно до устья Нерли, т. е. до г. Кснятина; здѣсь, надо думать, главный потокъ оставлялъ Волгу, поднимающуюся къ сѣверу, и по Нерли устремлялся въ центральную часть Суздальской земли, къ городамъ Переяславлю, Владиміру и др.; меньшая часть продолжала движеніе Волгою въ предѣлы Ярославскіе и Костромскіе. Старый путь шелъ на востокъ, р. Вязьмою. Здѣсь рано возникъ рядъ поселеній между рѣками Днѣпровской и Окской системъ; ясный признакъ того, что населеніе давно уже начало перебираться на лѣвые притоки Оки: Москву и Протву. Въ грамотѣ Ростислава поминаются волости Колоча (рѣка, вп. въ Москву) и Поротва на рѣкѣ того же имени; Смоленскими же волостями были хорошо извѣстныя позднѣйшія московскія волости: Искона, Числовъ, Сутовъ. Весьма вѣроятно что владѣнія смоленскія доходили тогда до города Москвы и что, слѣдовательно, Москва возникла на смоленской территоріи (Голубовскій, Ист. Смолен. земл., 75). Позднѣйшій путь въ Ростовскую землю чрезъ Смоленскую, т. е. долиною Клязьмы и Москвы рѣки, былъ древнѣйшій; имъ шелъ, очевидно, Глѣбъ, сынъ Владиміра Св., убитаго на Смядыни подъ Смоленскомъ; этимъ же путемъ хаживалъ Мономахъ, считавшій этотъ путь обыкновеннымъ въ отличіе отъ пути «сквозь Вятичи». И. Е. Забѣлинъ прекрасно возстановилъ этотъ путь, какъ часть главнаго торговаго пути съ Запада на Востокъ, отъ Балтійскаго моря въ Камскіе Болгары. Держась сначала долины Москвы, а потомъ Клязьмы путники выгадывали очень много сравнительно съ тѣмъ, если бы они шли Волгою.

Города Твери еще не было въ 1180 г., ибо въ этомъ году Святославъ Всеволодовичъ, идя изъ Руси на Суздаль, вышелъ на Волгу и на устьѣ Тверцы (Тъхверци) соединился со своимъ сыномъ

Владиміромъ, приводимымъ сюда Новгородцевъ; а отсюда, т. е. отъ устья Тверцы оба князя положили всю Волгу «пусту» и пожгли 40 городовъ; въ 1216 г., Мстиславъ началъ жечь выше т. е. съ Зубцова и Вазузы, т. е. как будто суздальскія поселенія продвинулись къ Западу до смоленскихъ. Если припомнить. (см. выше), что по грамотѣ Смоленскаго князя Ростислава (1150 г.) можно было разсчитывать Смоленску на Залѣсскую дань Суздаля, то станетъ яснымъ, что все верхнее Поволжье разсматривалось какъ земли, тянувшія либо къ Смоленску, либо къ Суздалю, и даже, какъ будто, Смоленскіе князья имѣли права болѣе старинныя, чѣмъ суздальскіе.

Новгородскимъ князьямъ, какъ извѣстно, удалось покорить себѣ Кіевъ. По нѣкоторымъ намекамъ лѣтописи можно полагать, что сначала новгородскіе варяги выходили на Днѣпръ ниже Смоленска, затѣмъ, они начали ходить мимо Смоленска и этотъ важный пунктъ подпалъ ихъ власти. Новгородъ—Смоленскъ—Кіевъ образовали одно княженіе, которое первоначально нельзя было дѣлить. Къ концу X в. Владиміръ, истинный основатель Русскаго государства, соединилъ въ своихъ рукахъ земли по всему великому пути, съ его развѣтвленіемъ на Полоцкъ. Но и ему пришлось, уступая силѣ стародавнихъ отношеній, выдѣлить Полоцкую землю. Полоцкая земля, какъ извѣстно, продолжала борьбу съ Кіево-Новгородскою Русью, но борьба эта велась въ смягченной формѣ и въ общемъ шла неудачно для Полоцка: плаваніе по великому водному пути было установлено и полоцкіе князья не могли мѣшать ему, напротивъ Полоцкая земля стала служить транзитомъ.

Новое Государство Новгородъ - Кіевское росло и на югѣ и на сѣверѣ. На югѣ и западѣ оно увеличивалось путемъ завоеваній, на сѣверо-востокѣ шла усиленная колонизація славянская подъ покровомъ княжескихъ походовъ и дѣйствій.

По мѣрѣ роста государства трудно было сохранять ему единство, къ тому же къ нему стали примыкать новыя части, которыя не имѣли уже прямого отношенія къ великому водному пути.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

2007088086